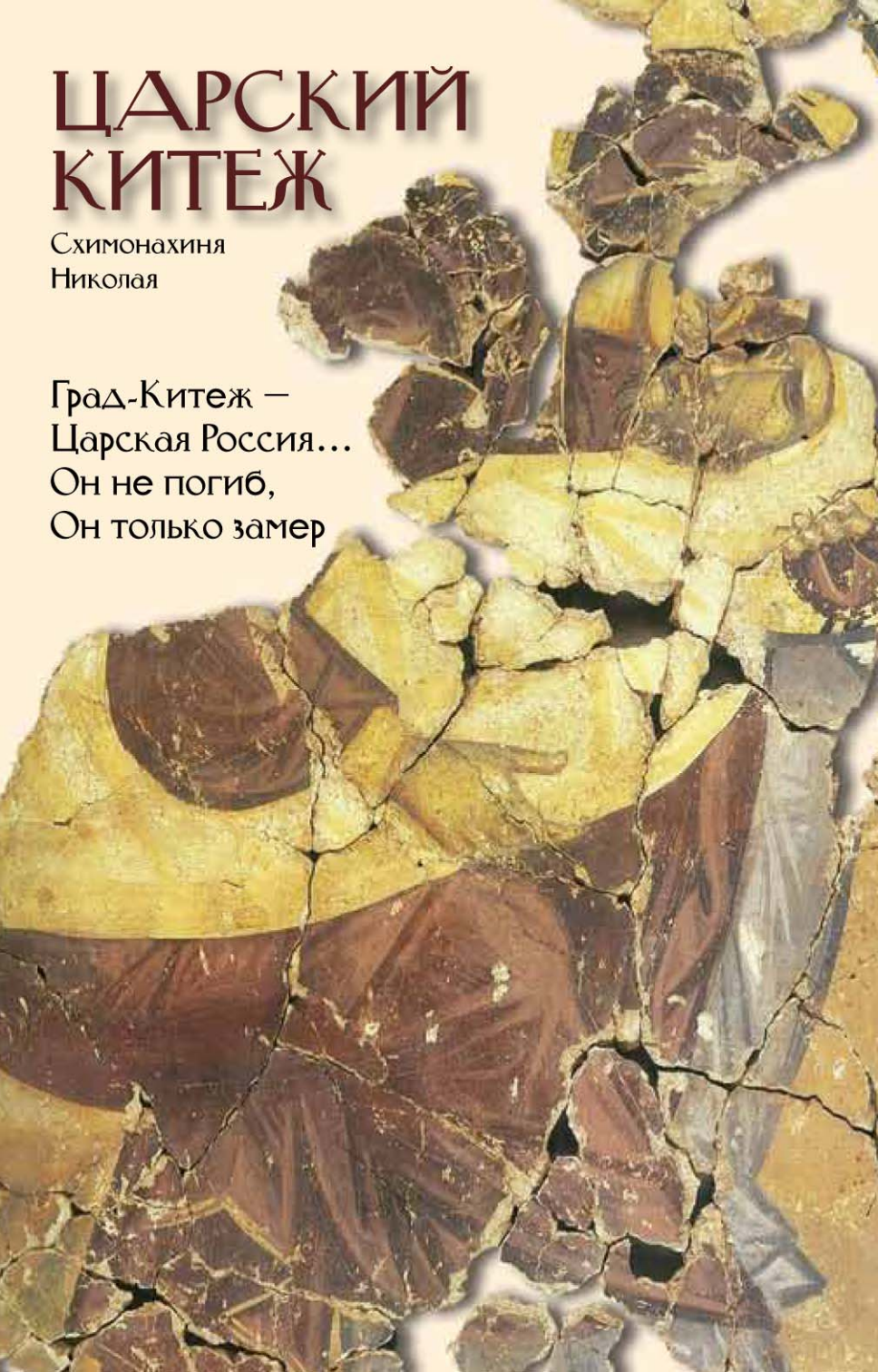
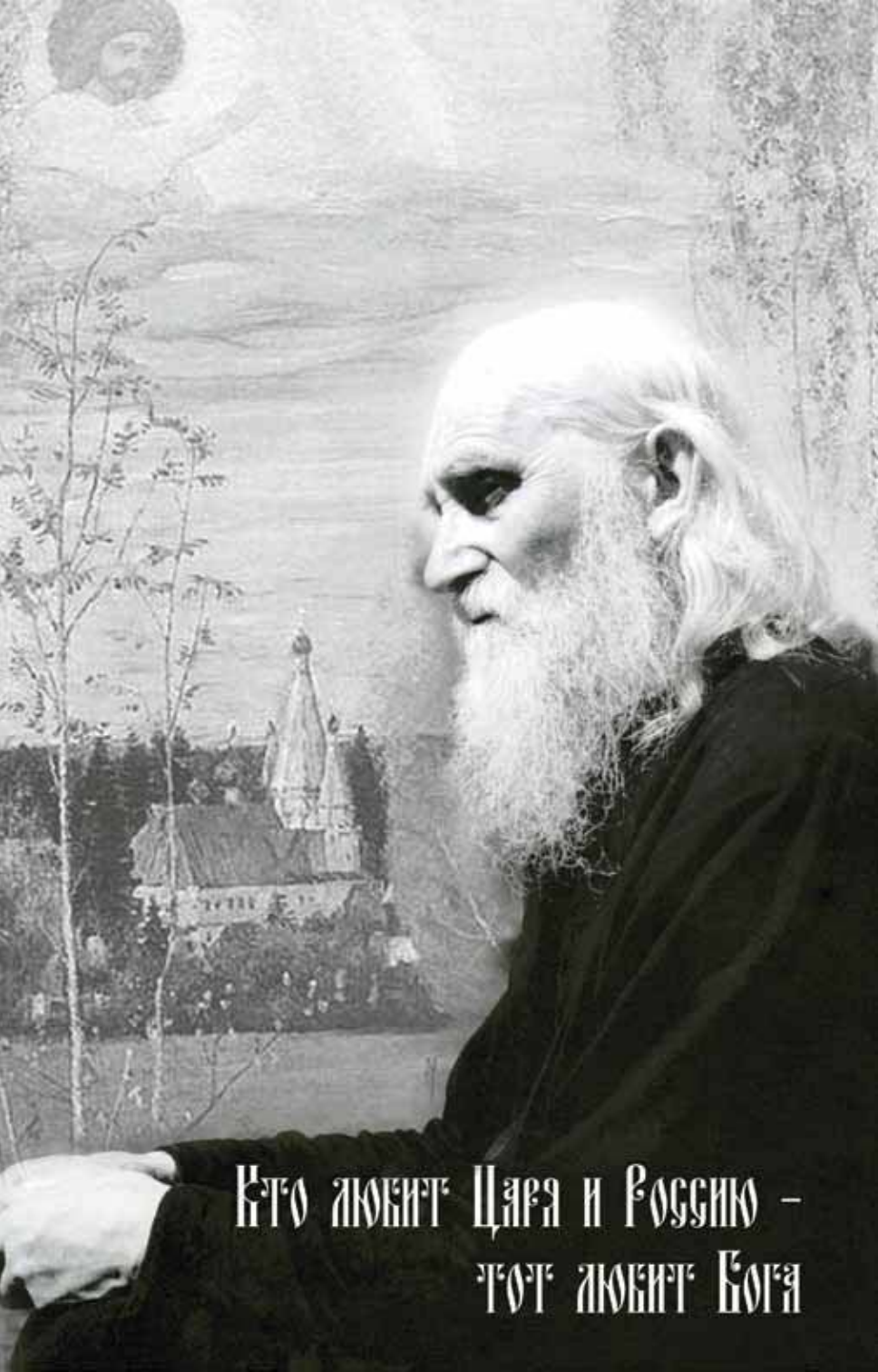
ЦАРСКИЙ КИТЕЖ

Схимонахиня
Николая

Град-Китеж –
Царская Россия…
Он не погиб,
Он только замер

Кто любит Царя и Россию –
тот любит Бога

Схимонахиня Николая

ЦАРСКИЙ КИТЕЖ

ГРАД-КИТЕЖ — ЦАРСКАЯ РОССИЯ... ОН НЕ ПОГИБ, ОН ТОЛЬКО ЗАМЕР

Русский Вестник
Москва
2012

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ДУХОВНОГО ОТЦА,
НЕЗАБВЕННОГО СТАРЦА НИКОЛАЯ (ГУРЬЯНОВА)
СМИРЕННОГО ЕПИСКОПА В СХИМЕ НЕКТАРИЯ
ИСПОВЕДНИКА ХРИСТОВА
24.05.1909 ✝ 24.08.2002

Царский Китеж: Град-Китеж — Царская Россия... Он не погиб, Он только замер / Схимонахиня Николая (Т. И. Гроян). М.: Русский Вестник. 2012. 640 с.

ISBN 978-5-85346-092-8

«Церковь Незримая — вот сердцевина Руси, ее крепкое место, ее неприступный врагу Белостенный Град Китеж. Тот, кто прибег к его стенам, не знает страха — а если узнает, так изгонится страх звоном китежским... Церковь Незримая — Крепкий Град Руси — есть вместе истинная Крепость России, которая не сдается никакому врагу».

На переплете: утраченная при артобстреле во Второй мировой и частично восстановленная А. и В. Грековыми из крохотных фрагментов знаменитая Фреска 1380 года *«Положение во Гроб»* из Храма Спаса Преображения на Ковалеве (Новгород, 1345). Запечатленный выдающимися русскими изографами Лик Спасителя во Гробе ставит нас у порога *Инобытия*, где нет ничего мирского, суетного, преходящего... *Это Лик Царской Руси...*

© Схимонахиня Николая (Гроян). 2012
© Русский Вестник

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЕ КРЕСТОМ

Христос и Богородица. Оплакивание.
Фреска Спасо-Преображенского Собора Мирожского монастыря во Пскове. Около 1140 года

«Они пошли, и поставили у гроба стражу, и приложили к камню печать» (Мф. 27.66)

Во утрий же день, иже есть по пятце, собрашася архиерее и фарисее к Пилату, глаголющее: господи, помянухом, яко льстец Он рече, еще сый жив: по трех днех восстану. Повели убо утвердити гроб до третияго дне, да не како пришедше ученицы Его нощию, украдут Его, и рекут людем: воста от мертвых: и будет последняя лесть горша первыя. Рече же им Пилат: имате кустодию: идите, утвердите, якоже весте. Они же шедше утвердиша гроб, знаменавше камень с кустодиею» (Мф. 27. 62–66).

Это Двенадцатое Евангелие читается на утрене Великой Пятницы... Спаситель во Гробе. Злоба врагов Иисусовых, казалось, должна быть утолена. Торжествующие злодеи рассеялись. Даже ближайшие ученики разбежались, но не все. ***Верные*** остались при Святой пещере, где было заключено все Великое и Прекрасное мира, Родное, Божественное... *Святая Святым*... Святой Иоанн, любимый ученик Христов, не убоялся смерти, когда другие убоялись. Жертвенная преданность Иоанна доставляла Господу отраду. Со Креста Спаситель усыновил любимого апостола Своей Пречистой Матери, а в его лице Он усыновил Ей весь род человеческий. Нас всех... Прежде боязливые тайные ученики Никодим и Иосиф Аримафейский, преодолев страх,

решаются открыто исповедать Господа и Учителя. Они сняли Пречистое Тело Иисуса и, обвив Плащаницею и умастив ароматами, положили во Гробе Новом...

Хор Ангелов великий час восславил,
И Небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил?»
И Матери: «О! Не рыдай Мене!»[1]

«Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет: Царь бо царствующих, и Господь господствующих, приходит заклатися и датися в снедь ***верным»****...* Тихо, пустынно в саду Иосифовом. Матерь Божия с немногими женами все еще сидят у ног Возлюбленного Господа, слезами омывая Его раны.

Христос во Гробе...

Царь Славы...

Богоматерь распростерлась над Сыном. Лик прижат к Лику Спасителя — Ласкающая Матерь оплакивает Христа. Она держит на руках Повитого пеленами Сына, как Младенца, и Пречистое Тело Его покоится на Ее коленях. Иоанн в глубоком поклоне припадает к Стопам Спасителя. Никодим и Иосиф, коленопреклоненные, лобызают Десницу, упавшую с колен Матери. Жены воздымают к Небу руки и горько рыдают. Исполненные любовию, они *«смотрели, где Его полагали»* (Мк. 15.47), претерпевшего муки Сына Божия...

[1] *Анна Ахматова.*

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел[1]

Со Спасителем осталась только *Церковь Страждущая, «кровию убеленная»,* за овец Господних душу и живот свой положившая, ***Церковь Верных***... Во все времена Она не была многочисленна, ибо Господь не говорил о Церкви количественно, но говорил: *«Где есть два или три, собранные во Имя Мое, Я там посреди них... Се Аз с вами есмь до скончания века. Аминь»*... Даже если останутся двое или трое верных Истине, земная Церковь жива. Христос обещал, что Евангелие будет проповедано повсюду, но Он не сказал, что все Его примут. Дело вовсе не в количестве. Не забудем Его предостережение: *«Сын Божий, когда вновь придет, найдет ли вообще верных и веру на земле?»*

В 1928 году тайный епископ Марк (Новоселов) составляет Исповедание Веры истинно-православных христиан, не пошедших на сговор со своей совестию и желавших остаться верными только Христу, с решимостию стоять в этой верности даже до мученической смерти — *«Ответ востязующим»* (1 Кор. 9.13). В исповедании есть чудесный ответ на дисциплинарную фразу современной церковной жизни — «послушание выше поста и молитвы». Малому стаду Верных вменялось во грех непослушание церковной власти лукавнующих: «вы разрываете златую цепь церковного послушания,

[1] *Анна Ахматова.*

которым держится единство Церкви». Многомиллионный русский народ благодатно ответил изменившей Царю иерархии: ***«История Церкви начинается с непослушания Апостолов первосвященникам и гибели еврейского народа, который остался им послушным»***[1].

К началу 1931 года почти все верное Царю духовенство и монашество было репрессировано. Отец Николай (Гурьянов), тайный иеромонах, попал в первый эшелон православных, преследуемых богоборцами. Он занимал крайнюю позицию неприятия «красных комиссаров» и их нововведений в жизни Церкви. Не скрывал, что не признает эту незаконную власть временщиков, свергших Монарха и Наследника и отдавших Их на заклание: «За Кровь Помазанника все ответят, — упреждал он. — За уничтожение духовенства, преданного Церкви Христовой, и святынь, за тысячи невинно погубленных верных сынов Отечества... Много крови прольется, но русский народ безбожников не примет и не подчинится им». Батюшка говорил: «Я не мог радоваться, видя разрушение церквей и гонение на Веру и христиан. Я горько плакал и сострадал. Когда при мне в Питере рушили храм, подбежал и пытался остановить: «Что вы делаете?! Разве можно?! Бог накажет! Пусть вы не веруете, но не разрушайте! Это ведь наша культура, наследие русской жизни»... Отца Николая отправили в питерские «Кресты».

[1] *Новоселов М. А.* «Ответ востязующим». Священноисповедник Димитрий Архиепископ Гдовский. Сподвижники его и сострадальцы. М. 2008. С. 317.

К этому времени относится страшный по своей откровенности документ, важное «признание» следователя *огпу* по групповым процессам иосифлян в Петербурге 1930 годов: «Мы не верим ни в Бога, ни в ч..., и нам не нужно, чтобы за нас молились, но нам надо было изъять «лучшую», с вашей точки зрения, и наиболее опасную для нас часть духовенства. Мы понимали, что это опасное для нас духовенство не согласится с Декларацией митрополита Сергия. Результаты превзошли все наши ожидания. Мы выполнили план на 300 процентов. *Мы изъяли почти все Тело Церкви, оставили только костяк. Подождем, когда он обрастет, и изымем опять»*[1].

Исповедник веры отец Николай всегда принадлежал к «наиболее опасной» для комиссаров в тужурках части русского духовенства. Это был «костяк» истинного монашества. Он был готов принести Христу и Его Церкви все свои силы и способности, саму жизнь. Быть жертвой за всех. Исповедничество он завещал и своим последователям. Ревность, твердость, верность — отличительные черты его души. Он не боялся грядущих испытаний, потому что знал, что царство зла открыто и дерзко восстанет на Царство Божие, и будет воевать на Невесту Христову. Отец Николай доказывал всей своей жизнию не книжное, а реальное существование в этом мире Церкви Святых. Через него многие почувствовали веяние Духа православия, его небесный аромат, благоухание иного воздуха. Через Старца в страдающий предсудный мир блеснул Свет. Тот са-

[1] *Священноисповедник Димитрий Архиепископ Гдовский.* Сподвижники его и сострадальцы. М. 2008. С. 199.

мый, сияние которого излилось на Господних учеников на Фаворе.

Избранный от рождения, он духом знал, что народу предстоят страшные мучения за богоотступничество и отречение от Помазанника, за гибель Царской Семьи от рук изуверов, за цареубийство. «Царство было отнято, потому что пошли против Божией Воли» — говорил Старец. Он был верен Государю и никогда не скрывал своей глубокой преданности самой идее Монархии. Очень сожалел о непокорных: «*Кто, подняв руку на Помазанника, останется безнаказанным?*» (1 Цар. 26.9). Для него вопрос «сакральность Царя — сакральность Церкви» определялся в пользу сакрализации Царской Власти. Отец Николай отмечал, что многие иерархи и духовенство, как раньше, так и сейчас, иначе воспринимают место Православного Царя в Церкви. А сама идея сакрализации Власти Помазанника имеет много противников среди священства. «Это — краеугольный камень преткновения» — говорил он. *Преподобный Серафим открыл отцу Николаю, что спасение России напрямую зависит от отношения народа к Священной Царской Власти и Царю, особенно духовенства, от признания истины, что Царство — выше Священства.* Но для того, чтобы принять и понять эту очевидную истину, необходим подвиг. Для очищения от заблуждения, что Священство выше Царства, нужен подвиг — от каждого, кто хочет спасения. Как говорили отцы, «слишком глубок грех клятвопреступления и непротивления злу». Русский Старец Тихон (Голенков), всю жизнь молившийся на Афоне, ска-

зал: «Чадо мое, России — *епитимия,* — то есть, дана за грехи народа епитимия, и должна она терпеть злострадание, чтобы очиститься и получить желанную свободу». Старец Николай Островной духовно восполнил сказанное: «Русская Церковь, все мы несем — *епитимию* за умученного Царского Друга Пророка Григория... Тяжкое наказание постигает народ, если он убивает пророков...»

Необходим высокий и глубокий подвиг Церкви. Тогда наступит прозрение, а затем Бог даст и силы. Потому *доныне* терпим злострадания, «чтобы очиститься и получить желанную свободу». Свободу, которую может дать только Господь...

«Невозможно христианам иметь Церковь, но не иметь Царя»

Патриарх Константинопольский Антоний IV (XVI век) в своем Послании к Великому Князю Московскому Василию Дмитриевичу о Едином Вселенском Богопомазаннике, Коими в новозаветный период истории были Законные Греческие Государи и Русские Цари, начиная с Благоверного Царя Иоанна Васильевича Грозного, венчавшегося на Царство и ставшего Восприемником Византии после падения Константинополя в 1453 году, отмечал, — «Нет ничего хорошего, если Ты говоришь: мы имеем Церковь, а не Царя. ***Невозможно христианам иметь Церковь, но не иметь Царя»***.

В Чине Торжества Православия, в его части анафематствования, который совершался на Пер-

вой Неделе Великого Поста, пока не был отменен на Поместном Соборе 1917–1918, прямо сказано: «Помышляющим, яко Православнии Государи возводятся на Престолы не по особливому о Них Божию Благоволению, и при Помазании дарования Святаго Духа к прохождению великаго сего звания в Них не изливаются; и тако дерзающим противу Них на бунт и измену, анафема, трижды». И это положение представляет сегодня чрезвычайную важность, ибо, услышав такое, никто не может уже сказать, что не знает о духовных последствиях за хулу на Помазанников Божиих, как живых, так и усопших.

Это *Одиннадцатое* анафематствование из Чина Торжества Православия относится непосредственно к тем, кто отвергает учение Церкви о Царской Власти во всей ее догматической полноте. Даже только тем, кто помышляет, что Господь может ошибиться в выборе Своего Помазанника, Царя, анафема трижды. А равно и помышляющим, что не Сам Бог через Своего Помазанника Духом Святым премудро руководит и народом Своим, и Церковию Своею — анафема трижды. Одним лишь таким помышлением мы дерзаем противу Царя на бунт и измену, а стало быть, отлучаемся от Церкви Христовой за хулу на Духа Святаго.

Как снова предают Царя

Ныне всем хорошо известно, что страшное Екатеринбургское злодеяние было подготовлено

временным правительством. Царствующая Династия была уничтожена именно Февралем, который для многих современных политических деятелей является идеалом. Митрополит Антоний (Храповицкий), отрекшийся от Императора, как и многие, все же вынужден был признать: «Если Собор [1917–1918] в чем провинился, то разве в том, что он не высказал с достаточною силою осуждения революции 1917 года и низвержения Государя. Кто же будет отрицать, что февральская революция была столько же богоборческой, сколько и противомонархической? Кто может осуждать большевицкое движение и в то же время одобрять временное правительство? Оно подняло руку на Помазанника Божия»[1]...

При этом стоит отметить, что именно духовенство в лице священноначалия, Св. Синода и *большинства* архиереев, и не поддержало Императора, не стало твердой опорой Царского Самодержавия во время клятвопреступного бунта. В соответствии со священнической присягой, данной Богу перед Крестом и Евангелием, духовенство *было обязано поддержать Российский Самодержавный Строй.* Политическая позиция Синода, — отмечает историк М. Бабкин, — в февральско-мартовские дни 1917 фактически решила судьбу Российской Монархии. Православная паства, монархически настроенная, ждала слова от пастырей в защиту *не отрекавшегося* Государя — и не услышала его, что

[1] *Архиеп. Никон (Рклицкий).* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. VI. С. 36

вызвало множественные и горячие обличения со стороны мирян в адрес священства, одобрившего свержение Монархии и поддержавшего революцию. Такое отношение *большинства* духовенства сыграло роковую роль в свершившемся перевороте. Истинно же русские подданные, негодуя на смутьянов, по-прежнему оставались верными исконным устоям Святой Руси. «Подчиненный народ — пишет Святитель Иоанн Златоуст в своем «Слове о Священстве» — привык смотреть на поведение своих начальников, как на некоторый образец и подражать им. Посему, грехи людей незначительных губят одних только согрешающих. А грехи человека значительного и многим известного, наносят всем общий вред, делая падших еще более нерадивыми о добрых делах».

К великому сожалению, среди духовенства было мало исповедников монархизма в годы «всеобщего от него отречения», когда стал очевиден процесс «десакрализации Царской Власти». Но оплотом для Православной Церкви в России может быть только Императорская Власть, «с падением которой, — писал профессор-правовед Н.С.Суворов — никакой святейший Патриарх не спасет Русской Православной Церкви от распадения». Ибо, Патриарх — это слуга особого вида: слуга Бога и Царя. *А Царь, напротив, слуга только Господа нашего Иисуса Христа и более никого*[1].

Очевидно, что Царская Власть не является неограниченной, как у папы Римского. Она ограничена Священным Писанием, Священным Преданием и

[1] *Величко А.М.* Церковь и Император. С. 64

церковными канонами. Правовые документы Российского Государства, утверждает правовед Н. Суворов, гласят: «Верховная Самодержавная Власть Русского Императора содержит в себе и Государственную, и Церковную Власть».

В Священном Писании весьма четко говорится, что Царская Власть установлена непосредственно от Самого Бога (1 Цар. 8–12): *«Слышите убо царие и разумейте... яко дана есть от Господа держава вам и сила Всевышнего, иже истяжет дела ваша и помышления испытает»*. Монархия, в своей сущности, «имеет природу сверх-юридическую» — утверждал в своей работе «О Монархии и республике» И. Ильин. О невозможности оформления Царской Власти в юридических формулировках говорит и византолог протоиерей Валентин Асмус: «Помазание Царя символизирует излияние на Него таких даров, которые укрепят Его для устроения земной жизни народа и ограждения его от внешних опасностей. Только благочестивый народ получит сообразное с Божественной Волей устроение земного порядка. Но чрезвычайные дары, которые Царь получает в Помазании, конечно, простираются и на область духовно-мистической жизни. *«И найдет на Тя Дух Господень, и Ты будешь пророчествовать и сделаешься иным человеком». «Бог дал Ему иное сердце»*. (1Цар. 10.6.9) При таком понимании Верховной Государственной Власти не может быть ее всестороннего юридического оформления»[1].

[1] *Асмус В. В. прот.* Происхождение Царской Власти. Regnum Aeternum. 1996. № 1. С. 45.

Таинство Миропомазания на Царство, при котором низводится сугубый Дух на Помазанников Божиих, делает Особу Монарха Священной. При Миропомазании Императора возглашается: «*Печать Дара Духа Святаго!*» Царь помазуется во время особого чинопоследования «на челе, на очах, на ноздрях, на устах, на ушесех, на персех и на обою сторону на руках». Некоторые отцы Церкви считают Таинство Миропомазания на Царство *Особым Восьмым Церковным Таинством.*

В Византийской Империи Миропомазание Императоров происходило иначе, чем в России — отмечает профессор Б. А. Успенский. — Во-первых, помазывались миром лишь глаза Василевса, во-вторых, Патриарх возглашал лишь «*Свят, Свят, Свят*». Данный возглас был «ветхозаветный». Слова же «*Печать Дара Духа Святаго*» соотносятся с новозаветной традицией. То есть, византийские, равно как и западные, Монархи при Помазании уподоблялись царям израильским. *Русские же Цари при Миропомазании уподоблялись Самому Иисусу Христу... Потому Царство и есть и будет выше Священства.*

Сколько светлых умов монархистов и патриотов трудились над тем, чтобы мы осознали, что долг русских людей, не сумевших отвести от своего Царя Чашу Страданий, заключается именно в том, чтобы эта Жертва не оказалась бы принесенной безплодно: «Погиб Русский Царь, погибла и Великая Россия, — такими словами заключает И. П. Якобий свой замечательный труд «Император Николай II и революция». — От русских людей зависит, чтобы

Жертва эта не была напрасной, от них зависит понять значение высокого подвига Императора Николая II, от них зависит объединиться с чистыми сердцами вокруг светлого образа Царя-Мученика. Русский Царь представляет Собою не режим, не сословие, не класс; Он представляет Собою Россию; вместе с ней Он прошел дни славы, вместе прошел Свой Крестный Путь».

Противиться этому нельзя... Как невозможно не принять призыв архиепископа Никона (Рклицкого): «И ныне пусть пламенеет молитва наша — да укажет Господь пути спасения и строительства родной земли; да даст защиту Вере и Церкви и всей Земле Русской, и да осенит Он сердце народное; да вернет на Всероссийский Престол Помазанника, сильного любовию народа, Законного Православного Царя из Дома Романовых»[1].

«Кто теперь, как тогда Царь, может объять своей отеческой любовью весь народ, всю Россию и жертвенно им служить? — вопрошает в статье «Последний луч» протоиерей Лев Лебедев. — Никто. Потому что никто, кроме *Законного Царя*, не может ни называться, ни быть Отцом, «Батюшкой» всего народа! Президенты люди всегда временные, всегда выдвиженцы лишь части (партии) общества, да и лезут наверх из своего тщеславия и властолюбия, а не Богом призванные. А у Русского Царя была не жажда Власти в душе (Власть Он воспринимал как Крест, бремя), а именно *Любовь*. Его, Царя, еще

[1] *Архиеп. Никон (Рклицкий)*. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. V. С. 29.

Наследником так воспитывали. Ему при Помазании на Царство Свыше от Бога подавался и особый дар любви к подданным, и способности разуметь, что и как нужно для них делать».

Сейчас между церковной организацией Московской Патриархии и светским государством, лишенным сакральной Царской Власти, то есть, *обезглавленным*, поскольку нет Монарха, и существует лишь некий политический режим, установились связи, которые мыслятся многими представителями духовенства «близкими и идеальными». Это позволяет им говорить даже о достигнутой *желанной «симфонии»*. «Если судить по положению Церкви в Царской России и нынешнему состоянию вещей, то можно констатировать, что на «харизматическом фронте» Священство взяло верх над Царством»[1].

Следует особо отметить, что среди высшего духовенства уже в начале прошлого века не было единства во взглядах на Самодержавие. Приведем характерный диалог 1906 года двух епископов: крайне правых взглядов священномученика епископа Никона (Рождественского) и весьма либерального митрополита Антония (Вадковского):

«*Еп. Никон*: — Скажите откровенно, с точки зрения не утилитарной, практической, а строго-идеальной, философски-богословской: какая форма государственного устройства и правления наиболее приближается к идеалу христианского миросозерцания?

[1] *Бабкин М.* Священство и Царство. Наука и религия. №2. 2012.

М. Антоний: — Это безразлично.

Еп. Никон: — Как? Помазанник Божий и жид-президент — одно и то же?

М. Антоний: — Я этого не говорил.

Еп. Никон: — Как же понимать Вас?

М. Антоний: — Спасаться можно при всякой формуле управления.

Еп. Никон: — О, конечно: и при антихристе будут спасаться. Но ведь это точка зрения утилитарная, а не идеальная. Вот я стою на этом и проповедую, как умею»[1].

Из приведенного диалога ясно, что во время первой российской революции произошла определенная поляризация епископата: одна его часть считала, что Церковь должна стать на сторону Монархии, а другая — что та должна быть якобы «аполитичной», а на самом деле — сторонниками либеральной демократии. И к февралю семнадцатого последняя точка возобладала над первой, что мы и видим теперь.

К некоему архимандриту, настоятелю одного из московских монастырей, обратились с вопросом: *что значат президентские выборы для православного человека?* (Кстати заметить, что в Библейской энциклопедии отмечается, что должность *президента* впервые появилась в *синедрионе* — верховном судилище иудеев, состоявшем из 72 членов, под председательством первосвященника, который именовался *президентом,* или *наси*, или *глава.*) Настоятель сей, ничтоже сумняшеся, заявил о своей любви и безусловной преданности либераль-

[1] *Бабкин М.* Священство и Царство. М. 2011. С. 148.

но-демократическому режиму: «Когда еще в истории России государство предоставляло такую свободу и самоопределение Церкви? Скажем честно: никогда [sic!]. Даже в лучшие годы [?] власти Православного Царя Церковь не была так свободна [sic!]. Был государственный чиновник — обер-прокурор Святейшего Синода, который практически руководил внешней деятельностью Церкви, полностью ее контролировал. Я уж не говорю о советском времени, когда место обер-прокурора занял совет по делам религий»[1].

Таким образом, современное духовенство продолжает отстаивать заблуждение, некогда высказанное Патриархом Сергием (Страгородским): «Наша патриаршая церковь, начиная с покойного святейшего Патриарха Тихона, и доселе неизменно признает советскую власть богоустановленной [sic!] в СССР»[2].

Каждый верующий человек может по достоинству оценить эти утверждения. И что можно сказать в ответ?! Только одно: *Простите нас, Святый Царю-Мучениче и Вси Царственные Мученики!* По всему видно, что сбываются пророчества Старца Николая, тайного епископа в схиме Нектария, жившего по благодати и никогда не уповавшего на «князи, на сыны человеческия», но пытавшегося разбудить нашу совесть, чтобы повинились пред

[1] *Архимандрит Тихон (Шевкунов).* «Для меня нет вопроса, за кого голосовать». Что значат президентские выборы для православного человека. 15.02.2012. Православие.Ru.

[2] *Одинцов М. И.* Власть и религия в годы войны. М. 2005. С. 141.

Августейшим Монархом. Он ясно зрел происходящее: «*Царя не хотят, воры!* — плакал, сокрушался и горевал: — *А большинство духовенства не понимает, что Царская Власть — это Божественное установление, а не человеческое, и что они не против Царя, а против Бога...*»

Как справедливо указывает современный публицист А. Страхов, «учение о Монархии, как Божественном учреждении, составляет неотъемлемую часть всего Учения Православной Церкви. Отказ от него невозможен, и даже находясь в условиях республиканского государства, оставаясь лояльной ему, Церковь *должна свято хранить* (хотя бы в идеале) свою приверженность единственно реальной существующей христианской государственности — Православной Монархии».

Накануне февральского клятвопреступного бунта отец Павел Флоренский, профессор Императорской Духовной Академии, писал: «В сознании русского народа Самодержавие не есть юридическое право, а есть явленный Самим Богом факт — Милость Божия, а не человеческая условность, так что Самодержавие Царя относится к числу понятий не правовых, а вероучительных, входит в область Веры, а не выводится из вне-религиозных посылок, имеющих в виду общественную или государственную пользу»[1].

И все остается на точке замерзания — февраль семнадцатого... Отъята сугубая Благодать за отре-

[1] *Флоренский Павел, священник.* Критика книги В.З. Завитневича «А.С. Хомяков». Т. 1. 2. Киев. 1913 // Богословский Вестник. 1916. Июль-август. С. 539.

чение от Монарха, за нежелание смириться пред Божественной природой Помазанничества. И строго взыскивает с нас Господь и за то, что отринут был Царь как Глава Церкви. И все оттого, что дали себя обмануть, что «даже в лучшие годы власти Православного Царя Церковь не была так свободна», как сейчас [sic!]... При политическом режиме «либерально-демократического» президента?! Подумаешь обо всем — и возникает вопрос... А угодна ли Богу *такая* «свобода», обретенная подлым свержением Хранителя Церкви Земной Смиреннейшего из всех Русских Царей?! И свобода ли это или вынужденное состояние церковной власти, которую заставляют искажать все больше и больше не только каноническое, но и свое догматическое лицо?! Церковь должна быть *свободной, но неизменным может оставаться лишь одно — свобода во Христе и служение Христу* — так завещал Господь, и так можно было бы определить то духовное завещание, которое нам оставили Новомученики и Исповедники Русские. Но *свобода* эта отлична от мирской вседозволенности. *Церковь всегда и везде должна следовать только Евангельскому Учению, следовать только за Христом.*

Во дни работы Поместного Собора 1917–1918, 2 октября 1917, когда еще *можно было все изменить, спасти Царскую Семью, а значит и всю Россию, и умолять Государя простить всех,* было написано послание от православных христиан, четко определивших, что дает России «такая свобода». Приведем это послание полно-

стию, ибо в нем — по-прежнему слезы и мольбы Скорбящей со времен Распятия Христа Матери-Церкви:

«Святые отцы, Святейший Синод, Апостолы, проповедники учения Христова.

Сообразны ли Ваши дела с Вашим наименованием? Увы, увы, увы!!! Не все ли Вы претворились в Иуду? Он один предал Христа и удавился, а Вы, не все ли вместе Иуды? Не все ли Вы — крашеные гробы снаружи, в золотых клобуках, а в мозгах — солома? Не все ли Вы в шелковых мантиях закрываете свою гнусную гордость, ищете земного царства свободы. Ваши помощники — священнослужители Алтаря Господня последуют Вашему примеру, внушают христианскому народу свободу [и] равенство. Увы, распинатели, Вашей свободой разрушился Трон Самодержавия. Вашей несчастной свободой страдает Помазанник Божий — Государь [Император]: оклеветан, обесчестен, изгнан; в заточении страдает невинный Наследник [Престола], страдает [Царская] Семья и весь Род.

Господи, заступи и спаси Своей Благодатию Страстотерпца Христа [Господня] — Всеневинного Царя.

Посмотрите Святую Библию, святые отцы, умоляет Вас православный народ. Опомнитесь, снимите золотые клобуки, посыплете пеплом главы Ваши, поплачьете, покайтесь. Не Вы уже призываете к покаянию православный народ, а Вас умоляет русский народ искать Правды и Истины, а не бесовской свободы.

Чем связаны Вы были? Свободой развязали адское чудовище — зверя, который вышел из бездны [От. 11.7]. Кто Ваш Керенский — жид, антихрист, а Вы — его служители, как Вам покривится [покорится]? Что Ваша диавольская свобода принесла России, какую радость? Чем встретил русский народ свободу? — Песнями, плясками, убийствами. Умоляют Вас все православные люди: опомнитесь все, иуды. Пусть хотя бы один найдется [как Апостол] Петр — оплачет свою вину, тяжко согрешили, свергли Невинного Батюшку Царя!»[1]

В связи с этим, глубоко значимы покаянные слова епископа Алексия (Симанского), будущего Патриарха Алексия I, произнесенные в октябре тогоже 1917 в письме к архиепископу Арсению (Стадницкому): «Есть, конечно, надежда на милость Божию к русскому народу, *но достоин ли он, мы все, этой милости, раз на нас лежит великое преступление — свержение единственной законной, Богом поставленной Власти... И одно из двух: или под тяжкими испытаниями искупить это преступление — или же исправить содеянное, а как — это должно быть понятно»*[2].

В том же письме Владыка Алексий, хорошо знавший отношение большинства архиереев к Монархии, пишет: «Я 20-го [октября] служил в соборе соборне панихиду по Императору Александру III [†1894] — едва ли не единственный архиерей в России».

[1] ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 522. Л. 444. Рукопись, подлинник. По кн. *Бабкин М.* Российское Духовенство и свержение Монархии. М. 2008. С. 509.

[2] *Бабкин М.* Священство и Царство. М. 2011. С. 465–466.

На заседании Поместного Собора от 22 января 1918 все же была *попытка* призвать к соборному покаянию. К членам Собора обратился протоиерей Владимир Востоков, один из первых признавший клятвопреступный февральский грех: «свидетельствую священнической совестию, что русский народ обманут, и до сих пор никто ему не сказал полной правды. [...] Собор должен сказать, что в феврале-марте [1917] произведен насильственный переворот, который для православного христианина есть клятвопреступление, требующее очищение покаянием. Всем нам, начиная с Вашего Святейшества [Патриарха Тихона], и кончая мною — последним членом Собора, должно преклонить колена пред Богом и просить, чтобы Он простил нам наше попустительство развитию в стране злых учений и насилия. Только после всенародного искреннего покаяния и возродится страна, и Бог возвысит нам Свою Милость и Благодать. А если мы будем только анафематствовать, без покаяния, без объявления правды народу, то нам скажут не без основания: «И вы повинны в том, что привело страну к преступлениям, за которые ныне раздается анафема. Вы своим малодушием попустительствовали развиваться злу, и медлили назвать факты и явления государственной жизни их настоящими именами. Пастыри Церкви, защитите душу народную!» [...] Мы свергли Царя, и подчинились евреям! (Голоса членов Собора: «*Верно! Верно!*»... Реплика товарища председателя Собора — митрополита Арсения (Стадницкого): «Прошу соблюдать тишину. Здесь не митинг».) *Единственное спасение русского на-*

рода — Православный Русский Мудрый Царь» — так завершил свое слово священник[1].

Но этот покаянный призыв остался лишь в стенах Собора... А отцы-наставники перешли от этой «неугодной темы» к обсуждению иной, более «важной» проблемы — положения о епархиальном управлении...

Потому-то и горько плакал подобно Старцу Николаю Островному, тайному епископу Нектарию, другой Нектарий, преподобный Оптинский Старец в феврале 1917 года: *«Тяжелое время наступает теперь. В мире теперь прошло шесть и наступает число семь. Наступает век молчания. «Молчи, молчи»* — говорил Батюшка, и слезы текут у него из глаз... *«Наступает время молитв»*[2].

Мы теперь панихиды правим,
С пышной щедростию ладан жжем,
Рядом с образом лики ставим,
На поминки Царя идем...
Много лжи в нашем плаче позднем,
Лицемернейшей болтовни[3]...

Таким образом, ныне, как и в феврале семнадцатого, каждый стоит пред выбором: «*С Царем или без Царя?»... «Да, прославление Царственных Мучеников состоялось*, — с горечью в сердце раз-

---

[1] *Бабкин М.* Священство и Царство. М. 2011. С. 543.

[2] *Прот. Василий Шустин.* Записки об о.Иоанне Кронштадтском и об Оптинских Старцах. М. 1991. С. 46.

[3] *Несмелов А.* Без Москвы, без России. М.1990. С. 145.

мышляет церковный историк и искренний почитатель Августейших Страдальцев Сергей Владимирович Фомин, — *но прославление — это создание наилучших условий для последующего Покаяния, являющегося тайной исповеди каждого. И потому, состоялось ли оно, знает Один только Бог!»*[1]

Уповая на Милость Божию, мы продолжаем умолять Господа о возрождении Православной Самодержавной Монархии. Ведь Освобождение от настоящего пленения предсказано было еще тайновидцем Авелем-прозорливым.

Царь во Главе нашей Державы наполнит Евангельским смыслом само бытие, вернет утраченное сознание вселенской миссии русскому народу-Богоносцу, имеющему от Господа благословение — нести последнюю вселенскую проповедь Слова Божия для народов мира. Поразительным воспринимается ныне пророчество о Святом Царе-Мученике Николае II и последующем восстановлении Монархии в России: «Ужели сие есть кончина Державы Российской и несть и не будет спасения? — вопросил [вещего инока Авеля Царь-Мученик] Павел Петрович. — «Невозможное человекам возможно Богу, — ответствовал Авель, — Бог медлит с помощию, но сказано, что подаст ее вскоре и воздвигнет Рог Спасения Русского. И восстанет в изгнании Дома Твоего Князь Великий, стоящий за сынов Народа Своего. Сей будет Избранник Божий, и на Главе Его *Благословение*. Он будет един и всем понятен, Его учует самое сердце русское. Об-

[1] *Свящ. Андрей Голиков, С. Фомин.* Кровию Убеленные. М. 1999. С. VII.

лик Его будет державен и светел, и никто же речет: «Царь здесь или там», но *«это Он»*. Воля народная покорится Милости Божией, и Он Сам подтвердит Свое признание... Имя Его трикратно суждено в истории Российской».

Запечатленные Крестом

В тридцатые годы отец Николай был тайно пострижен в монашество и рукоположен в священный сан. Именно тогда он впервые был осужден как участник «контрреволюционно-монархической организации» в Петербурге. За монархические убеждения, верность Царю и исповедание Его святости подвижника можно было «привлечь» уже в девятилетнем возрасте, когда в день мученической кончины Венценосцев он со слезами кричал: «Мама! Царя убили! Всех! Всю Семью! Ох, и накажет их, окаянных, Господь за все, что они сотворили!» Друг и наставник, учитель словесности Любовь Николаевна Микиткина жалела отрока: «Молчи, Коленька! Сейчас об этом не говорят. Опасно... Посадят». — *«Если никто не будет говорить о Боге и о Царе — все умрут... Таково было мое первое пророчество»* — сказал мне Батюшка. А в своем родном храме Архангела Михаила в Кобыльем Городище открыто молился об упокоении души Убиенного Императора Николая со всей Семьей. У меня хранится маленький Помянник, Синодик, эта связующая цепь поколений, подаренный отцом, где детским твердым почерком, как на скрижалях, на-

чертаны Священные для русского сердца Царские Имена.

В 1930 году, после осуждения Ленинградским окружным судом за «монархическую деятельность», отец Николай был выслан за пределы РСФСР. На пересылочном пункте он вновь встретил Владыку Иосифа (Петровых), с которым, будучи уже тайным иеромонахом, имел молитвенное общение еще в Петрограде. Арестованные, они оба содержались некоторое время в питерских «Крестах», после чего Владыка был этапирован для дальнейшего следствия во внутреннюю тюрьму *огпу* в Москве, а двадцатилетний тайный иеромонах Николай — в Малороссию.

Исповедник-Митрополит Иосиф в своем завещании *верным* напоминал: *«Последний страдальческий вздох Спасителя принимали немногие близкие Ему простые души».* — Потому просил не удивляться, что малодушные христиане уходят от Креста, что так много в жизни Церкви изменников и предателей Истины и правды дела. «Итак, мимо их — далее! — воодушевлял Владыка. — Пусть они промелькнут, как отставшие и ничуть не задержавшие нас на нашем крестном пути! Нам отставать по примеру их не приходится, чтобы не было в этом поощрения их малодушию и расслаблению. И от Господа бывали отпадавшие, уходившие от Него и оставлявшие Его в столь удивительном меньшинстве — *двенадцать*. Зато эти *двенадцать* (впрочем, и в этом маленьком числе оказался потом и еще «диавол» — Ин. 6. 66–71), выросли потом в то, что мы хотим бережно охранить от новых предате-

лей и разрушителей и что эти разрушители сумели опять умалить до «ничтожного меньшинства».

Но пусть опять и нас не смутит это! Будем крепко помнить, что большинством голосов (и подавляющим) была распята Сама Истина, и ссылающиеся теперь в свое оправдание на большинство — пусть лучше прочтут себе в этом жестокое обличение и укор, что и их «большинством» распинается Христос — Истина! И тогдашнее «большинство» к довершению печального сходства возглавляли и вдохновляли не какие-нибудь простые смертные, а поставленные [...] для служения и спасения верных Анны и Каиафы, так и теперь во главе новых распинателей Христовых видим тех, кого никак бы не следовало и не хотелось тут видеть. Кто даст себе труд углубиться в смысл совершающегося, найдет множество других поразительных совпадений с тем, что показали нам Голгофа и Камень Воскресения. Вновь блеснут перед нами Иуды, и Симоны, и удавившееся предательство, и покаявшееся отречение, и Симоны Киринейские, помогавшие Крестоношению Христову. И «*несмысленные и косные сердцем еже вероваги*»... и чувствовавшие «*не сердце ли наю, горя бе наю... егда глаголаша*» и т.д.

И с особой живостию и радостию вдруг чувствует сердце, что Распятый большинством Христос все-таки опять Воскрес, осияв радостию *верное* Ему меньшинство, а запечатлевшие Его Гроб, запечатлели для себя опять светлое видение и познание Неумирающей Истины»[1].

[1] Акты Святейшего Тихона. М. 1994. С. 619–620.

Жертвенная преданность любимых учеников навечно соединила их небесным союзом с Богочеловеком, проповедующим Милость и Милосердие, Сострадание и Смирение, Кротость и *Верность*. И от того дня ученики Иисусовы запечатлены всесильною Печатию Креста. Истинные верные христиане, запечатленные Богом, сохранившие свободу и достоинство Церкви, Единой, Святой, Соборной и Апостольской. «*Да не утратим помалу, неприметно, той свободы, которую даровал нам Кровию Своею Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков*» (8 Правило III Вселенского Собора).

Последователи Распятого Христа имеют благодарное и незлобивое сердце, мужество, прямодушие и честность, заботу о ближнем. Их отличает святая верность и вера, достоинство и благородство, безбоязненность. *Ведь «боязливых же, маловерных, нечистых... участь в озере огненном»* (Откр. 21.8). И жертвенность. — Вот драгоценные ароматы, которые мы приносим Спасителю. «*По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою*» — завещал Христос (Ин. 13.35). От первых христиан до нас дошло святое предание, которое хранится среди православных киприотов...

Погребше Пречистое Тело Сына Своего, Царица Небесная с женами возвращались по замершим улочкам Иерусалима в дом любимого ученика Иисусова. Не убоявшись убийц, Иоанн остался при Кресте, когда другие ученики разбежались и скрылись в темноте ночи. Верный ученик хранил Матерь

Божию от нападок и издевательств злобных иудеев. *«Бдите и молитеся, да не внидете в напасть, учеником Твоим, Христе Боже наш, глаголал еси, беззаконный же Иуда не восхоте разумети»* (Антифон 3-й Великого Пятка).

Вдруг они услышали плач. Негромкий, едва уловимый. Пречистая Дева приостановилась, прислушиваясь. Чуткое сердце Матери, Которой Господь со Креста усыновил все человечество, почувствовало боль страданий, сокрытых в этих едва уловимых и сдавленных рыданиях. Ночь была жуткая, темная и ледяная. Повсюду рыскали стражники синедриона. Распаленные ненавистию иуды жаждали уничтожить всех последователей Распятого ими Господа. Жены умоляли Марию поскорее укрыться от преследователей, но Она искала очами — кто так горько плачет? Глаза, полные муки и любви, пристально всматривались во тьму... Вдруг Она видит: пред ними мать Иуды... Ученика лукавого и льстивого, предавшего беззаконным иудеям Отраду и Утешение Ее сердца. Почерневшая от горя, с потухшим взором, несчастная лежала ничком на холодном камне. Рыдания сотрясали все тело, но кто мог пожалеть мать, носившую во чреве такое дитя?! Никто... Никто не осмеливался приблизиться к жене, родившей исчадие ада. Всеми отверженная, она сама душой уже пребывала в аду.

Слезы потекли из очей Преблагословенной, сердце Которой «пройде оружие» — *«и Тебе Самой оружие пройдет душу, да откроются помышления многих сердец»* (Лк. 2.35) — и Она поспешила к несчастной и всеми отринутой... Утешить неутеш-

ную. С лаской и любовию тихонько тронула за плечо и приголубила, прижав к Своему изъязвленному ранами сердцу. Матерь Света объяла стенающую мать тьмы. Ведь Матерь Божия — Сострадание и Любовь.

«Моя обязанность быть там, где страдают»
(Царица-Мученица Александра)

Отец Николай часто повторял: «Какое сокровище Любви являла Собой Императрица! Небывалое! Но Она все скрывала от мира, жила пред Очами Бога». «Вспоминаю случай, — пишет граф В. Ф. Шуленбург, — бывший во вверенном мне [санитарном] поезде. [...] Как-то прибыв в Варшаву и имея уже много тяжело раненных, [...] взял в наш поезд француза. Он уже давно был ранен, но лечение оставалось безрезультатным. При раненом находилась его мать — француженка, очень плохо говорившая по-русски. Она умоляла взять ее сына в С.-Петербург. Хотя по инструкции лица, сопровождавшие раненых, в поезд не допускались, но я часто нарушал это правило и на этот раз не мог отказать матери сопровождать своего сына. Когда поезд подходил уже к Царскому Селу, несчастный юноша скончался. Так как сейчас же предстояла разгрузка раненых и у Императорского Павильона достать вагон, в который бы можно было перенести покойника, не представлялось возможным, я приказал оставить скончавшегося юношу на занимаемой им койке до Петрограда. Не зная, как отнесется Ее Величество

к тому, что в вагоне лежит покойник и находится постороннее лицо, я после обычного рапорта предупредил Государыню об этом и закончил словами: «Может быть, Вы изволите начать обход со следующего вагона». Но Ее Величество сказала: ««*Моя обязанность быть там, где страдают*» — после чего быстро вошла в вагон. Как сейчас вижу эту рыдающую мать и Государыню, обнявшую ее и что-то ей говорившую. За время войны много пришлось мне видеть страданий, смерти и слез, ко всему привыкаешь понемногу, но такой умилительной и в то же время душу разрывающей сцены я не видел никогда и... не увижу... Я отошел в сторону и старался не смотреть, но через несколько минут я услышал голос Государыни, обращавшийся ко мне. Поднял глаза и увидел Ее Величество, целующую эту неизвестную Ей женщину»[1].

«Царица Александра такая *Милосердная* была. Для каждого у Нее было слово утешения. Я ведь хорошо Ее знал. Душу Ее... Она — Матерь Милосердия» — говорил об Императрице Батюшка Николай.

«Всуе храниши Гроб кустодие»

В то время как Матерь Божия и ученики Распятого Спасителя несли миру Сострадание и Любовь, на другом конце Иерусалима свирепствовала неутоленная злоба. В ней тряслись и стенали, подобно Каину, их праотцу, и вечному жиду Агасфе-

[1] *Фомин С.* Скорбный Ангел. М. 2005. С. 212.

ру члены верховного совета иудейского. Ветхий синедрион, состоявший из двух сект, саддукеев и фарисеев — огромная церковь *лукавнующих* (Пс. 25.5), расползалась во тьме по всей вселенной. Ослепленные ненавистию иудеи знали, что распяли Мессию, Царя — Сына Божия, Седящего Одесную Отца. Пролили Кровь Невинную. Более всего первосвященники опасались прослыть в народе гонителями и убийцами Пророка из Галилеи, этой долгожданной Утехи мира, Воскрешавшего мертвых и Возвращавшего жизнь. Они опасались и того, что их мнимая личина праведности и ревности о Законе Моисеовом и преданиях старцев спадет, и всему свету будет явлена их злоба сатанинская, жадность, алчность и ненависть к Богу Сущему на Небесах и на земли. В объятых страхом сердцах толковников талмуда звучали строгие слова Спасителя: *Аще и реку вам, что Я Мессия, не имате веры!*

«Итак, Ты Сын Божий, Мессия? — спросили с нетерпением некоторые из судей синедриона. — *Аз Есмь,* — отвечал Господь. — Закричало в ответ беззаконное сонмище иудейское: Смерть! Смерть! Смерть!.. Они знали, что распинали Бога и Творца. Это было не что иное, как нападение разбойников, позорище безчеловечия и сатанинская злоба — обличал Иоанн Златоуст. Теперь сборище *лукавнующих* ожидало ответной ненависти народа, так любившего Спасителя... Но над этим страхом был иной, великий страх — *Воскресение Христово!* Они знали, что Распятый Искупитель Воскреснет. Вот что пугало их больше всего. Потому в синедрионе было тайно решено окружить Гроб Иисусов

в продолжение трех дней *кустодиею* — военной стражей от храма Соломонова. И как всегда, почли за лучшее выставить виновным в этой подлости и хитрости других — Понтия Пилата и его воинов... Они ведь им уже сильно помогли! Сим поступком иудеи вновь отклоняли подозрение от себя: иудеи, евреи, не распинали Спасителя-Христа, виновна римская стража. И в этом надо было убедить весь мир!

Так же они поступили, распиная Помазанника Божия Русского Царя Николая и всю Августейшую Семью: стремясь отклонить подозрение от себя, переложили всю вину только на главу русского народа. «Не прекратилась еще великая брань Добра и зла — сокрушался митрополит Анастасий (Грибановский) — потребовавшая от России столь тяжелой жертвы, а Имя почившего Государя продолжает доныне стоять пред нами как *«знамение пререкаемое»*. В то время как одни при самом воспоминании об этом Имени проливают слезы скорби и сострадания, другие приходят в неистовство и с яростию бросают в Него отравленные стрелы. Не потому ли эти последние так негодуют против Замученного Царя, что пролив Его Кровь, они ни чем не могут оправдать совершенного преступления?»[1]

Многие из простого народа, бывшие на Голгофе в час Страданий Иисусовых, возвращались домой с сокрушенным сердцем, бия себя в грудь и рыдая. Но у первосвященников не было ни малейшего следа раскаяния. Они до сих пор утверждают, что

[1] Письма Царственных Мучеников из заключения. СПб. 1996. С. 432.

распяли человека, а не Бога (как отрицаются виновности в распятии Царской Семьи, продолжая Его распинать доныне) и неистово ожидают своего лжемиссию-антихриста, сына погибели. Явившись к Пилату в лицемерных масках блюстителей и ревнителей общественного покоя и мнимого блага, первосвященники церкви лукавнующих сказали: «Мы вспомнили, — так говорили лицемеры, — что этот льстец, еще будучи в живых, сказал: «После трех дней Я воскресну из мертвых». Итак, прикажи охранять Гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, пришедши ночию, не украли и не сказали народу, что Он восстал из мертвых». Гордый римлянин, сытый их подлостию, немедленно ответил: «У вас есть кустодия (военная стража при храме) — подите, возьмите из нее сколько угодно и стерегите Гроб, как знаете». Они пошли и поставили у Гроба стражу и приложили к камню печать» (Мф. 27.62–66).

Жестокосердные люди! Вы напрасно ухищрялись и тряслись! *«Живущий на небесех посмеется, Господь поругается им!»* (Пс. 40.4). «Никакие силы, никакие злоумышления человека не в состоянии воспрепятствовать совершиться тому, что предопределил Господь Бог. Чему могут помочь стражники, кустодия, которыми вы окружили Гроб Господень, и печать, которой запечатали камень пред дверию Гроба?! — вопрошают хитрецов и обманщиков из синедриона Святые Отцы, ученики Христовы, просветившие мир Евангельской Правдою и Любовию. — Утро Воскресения срывает эту печать. Ангел Господень отваливает камень от двери Гроба. Сын Божий восстает из мертвых и

в победной Славе выходит из каменной гробницы. Воины, охранявшие Гроб, делаются первыми свидетелями Воскресения. И хотя первосвященники и старейшины прилагают все меры к тому, чтобы выставить совершившееся чистейшим обманом, но все усилия их остаются тщетными. Радостная весть быстро распространяется: *Христос Воскресе! Воистину Воскресе Христос!*»[1]

[1] Страсти Христовы. М. 1996. С. 355.

ЦАРЬ ПРАВДЫ

Христос из Деисуса
Фреска Мартириевской паперти Софийского Собора
в Новгороде. 1144 год

«А я не дерзну осудить никого из Царей:
Они — Помазанники Божии»
(Старец Николай)

Отец Николай всегда напоминал, что ничто не может сравниться с той тяжестию страданий, которые выпали (и до сих пор выпадают) на долю Государя и Его Семьи. Он говорил, что *Господь украсил душу Императора величественным подвигом смирения и уничижения, несения тяжестей клеветы и прославил Его еще при жизни.* Старец обращал наше внимание и на то, что многие Владыки, прельщенные лжецами, стали косвенными виновниками страданий Царственных Святых, потому что слушали и распространяли клевету о Них, особенно об Императрице и Григории Ефимовиче. «Эти заблуждения влиятельных в Церкви людей дорого обошлись Их Величествам, — говорил Батюшка. — Ведь заблуждения больших людей гораздо труднее исправить. Неправда, исходившая из уст Архиереев, имела огромную силу и мгновенно разлеталась по всей России. *Не лучше и сейчас. Многие из Владык даже и не думают, как их заблуждения отзываются на жизни Церкви. А ведь отвечать будут не только они, но и вся Церковь, вот что страшно...*» — сокрушался он. В данном случае, Старец Николай имел в виду то неверное, отрицательное отношение к Самодержавию и Помазанникам Божиим, к Григорию Ефимовичу, ко-

торое авторитарно внушают пастве большинство епископов и духовенства. Знаменательно, что, даже узнав от *самого* духоносного отца Батюшки Николая о его почитании Григория Ефимовича, увидев в келлии не только портреты, но и иконы, получив из его рук житие Мученика Григория, они продолжают отрицать истину. И народ остается обманутым и продолжает чернить избранников Божиих, увенчанных неувядаемыми мученическими венцами.

Вот что заявил в июле 2003 года в интервью для «Православной газеты» Екатеринбурга Митрополит Воронежский и Борисоглебский Сергий (Фомин), навестивший Старца по собственному желанию, чтобы разрешить некоторые свои вопросы, в мае 2002 года. «А Григорий Ефимович Распутин, как бы мы к нему ни относились, каким бы он там даром не обладал, мы не будем разбирать — от Бога он был или нет [sic!]. Но то, что этот человек имел уважение Царской Семьи и, вместе с тем, компрометировал Царскую Семью — это тоже зафиксировано, и от этого никуда не денешься...

Я бы посоветовал людям, которые поднимают такие вопросы, оставить все как есть [то есть, пусть злословят и продолжают клеветать на Царственных Святых и Мученика? — *авт.*]. Мы не можем всех людей канонизировать [sic!]. Один Бог сердцеведец. Он разбойника, распятого на кресте, за одну минуту покаяния принял в Царствие Божие. Но мы не можем канонизировать всех людей, пусть даже и находящихся в Царствии Небесном [sic!]. Поэтому для нас нужно, чтобы путь человека был ясно святым, чтобы он показывал другим лю-

дям, что надо этим путем идти, чтобы можно было спастись [Это чисто католическийй подход]. К чему же призывают те, кто хотят канонизировать Иоанна Грозного? Они хотят, чтобы все друг друга убивали [sic!]? Или как Григорий Ефимович? Чтобы сочетали в себе экзальтацию и святость вместе с бытовым непотребством? Это — не примеры для подражания [а Разбойник Благоразумный, а тысячи подобных святых?]. Вот здесь нужно серьезно задуматься. Это не потому, что их очернили. Кто-то, специально. [Но почему до сих пор не учитывается ни одно свидетельство действительных очевидцев?]. А просто нас дурачат [«дурачат» любившие и свидетельствовавшие о невиновности Григория Августейшие Страдальцы?] сейчас специально, зная, что Церковь знает истину, и, зная, что она не пойдет на это. Происходит подмена. "Вот, вы знаете, вот, историю фальсифицировали, поэтому мы почитаем, мы просим канонизировать", — и стараются вбить клин между иерархией и простым народом [sic!]. Расколоть Церковь любыми путями, во что бы то ни стало, даже на таких святых вопросах, как канонизация святых людей»[1].

Горько и тяжело читать эти строки, тем более что мы долго беседовали с Владыкой Сергием в келлии у Батюшки во время его визита, около двух часов, именно о почитании Г. Е. Распутина и о том, кто «дурачил и продолжает дурачить» людей, вбрасывая гнусную клевету на Царскую Православную Россию. Когда епископ с сопровождавшим его священником шли по двору, Старец Николай смотрел

[1] http://orthodox.etel.ru/2003/30/mitr_sergy.shtml

в оконце на них и благословил через стекло. Едва они вошли, Батюшка моментально сделал вид, что спит. Он сидел на стуле подле стола и всем своим видом изображал глубокий сон... И так продолжалось в течение двух часов! За это время мы откровенно и доброжелательно поговорили с Преосвященным Сергием о почитании Царского Друга, о любви Царственных Страдальцев к нему, о случаях благодатной помощи Мученика Григория, свидетельства о которых собирались отцом Николаем. Поведали некоторые, лично нам известные со слов Батюшки, на что Владыка сказал: «Это проявление народного почитания. Вы собирайте все, записывайте. А мы вас можем и наказать за это... почитание. Но если ваша любовь к Старцу Григорию искренняя, если он достоин, вы все выдержите, все запреты... Правда восторжествует».

Показали гостю и вышедшую в Петербурге в 2001 году мизерным тиражом книгу, где приводились безценные свидетельства об уничтожении памяти о праведнике: «Я сжег Григория Распутина» — составитель В. В. Клавинг. Даже зачитали наиболее важные фрагменты из нее: «Шельмование Распутина имело своей конечной целию опорочить Царя, Царицу и ближайшее окружение, которое олицетворялось, прежде всего, любимой всеми фрейлиной Анной Вырубовой»... «По мере роста авторитета и славы Распутина росло и количество его врагов. Упрощая этот вопрос, их можно разделить на три отдельные группы. Первую, самую малочисленную группу, составляли родственники Царя — Романовы... Во вторую группу вхо-

дили церковники, опасавшиеся дальнейшего падения своей репутации и авторитета из-за растущей славы Распутина как настоящего пастыря простого народа, несущего истинное Слово Божие массам страждущих, которые ежедневно приходили к нему. Ища утешения и защиты от своих бед. Здесь стоит упомянуть митрополита Гермогена [Долганова], Антония [Вадковского], Феофана [Быстрова], которые сделали все, чтобы Распутин был представлен Царю. Но вскоре, почувствовав силу конкуренции и падение их авторитета по влиянию на Царя и Его Семью, эти бывшие друзья превратились в ярых врагов отца Григория. А более мелких друзей-церковников не стоит даже и упоминать. В третию группу объединились все, кто мог нажить капитал на шельмовании Распутина. Этих врагов-ненавистников было множество. К ним же относились и все продажные писаки, которые помогали шельмовать Распутина. Эти клеветники своими пасквилями одновременно зарабатывали и популярность, и свои тридцать сребреников. Здесь же тон задавали члены государственной думы (Родзянко, Пуришкевич, Гучков и другие), которые всеми способами добивались падения авторитета и свержения власти Самодержца. Они надеялись занять в будущей России самые высокие государственные и политические посты. А некоторые государственные чиновники (как, например, шеф жандармов Джунковский) уже были в то время либо прямыми агентами врагов Царя — марксистов (или просто — коммунистов), либо, в лучшем случае, как теперь это называют — их агентами влияния. Все

эти группы, сосредоточив свой удар по Распутину, в действительности развязали грязную превентивную войну непосредственно против Императора Николая. При этом они выбрали наиболее достижимую цель — удар по Распутину как оптимальное и безпроигрышное достижение успеха во всей антицарской кампании»[1].

В этой книге были приведены «Воспоминания комиссара временного правительства Ф. Купчинского», видного масона. Он подробно рассказывал о том, как по приказу кн. Г. Львова и А. Керенского сжигал честные останки Старца Григория. Главная причина этого святотатства, по его свидетельству — скрыть следы и чтобы *«не было в будущем почитания мощей Григория Ефимовича», которое началось уже сразу по его мученической кончине и что подтверждало искреннюю любовь к нему верующего народа.*

Владыка Сергий был настолько заинтересован, что попросил у нас для себя эту книгу. — Мы с радостию подарили, в надежде, что он ознакомится с объективными исследованиями и даст, как Архиерей, духовную оценку всей той лжи, которая уже почти столетие отравляет умы. Говорили и о серьезных работах О. А. Платонова, В. И. Большакова, Т. Мироновой, Л. Болотина, С. Фомина, А. Щедрина, В. П. Кузнецова. Подарили ему и житие «Мученик за Христа и Царя человек Божий Григорий»... Одним словом, отец Николай *специально* «дремал» целых два часа, сидя на стуле при нашей беседе, дав

[1] «Я сжег Григория Распутина». Сост. В. В. Клавинг. СПб. 2001. С. 65. 77–78,

возможность народу Божию, церковному, изложить Владыке наши чаяния и мысли, переживания и заботы. Представить ему и то, что уже добросовестно изучено и опубликовано историками. Наш дорогой Батюшка все слышал и молился. Как человек, имеющий дар прозорливости, он счел необходимым именно такой, прикровенный, разговор с Владыкой — устами простых верующих. Говорить с Митрополитом Сергием было очень легко, он был внимателен и доброжелателен. То, что Старец совсем не спал и присутствовал при этом разговоре, отлично понимал и сам Владыка. Вот что он напишет позже: «Я прошел к нему в келлию. Батюшка спал. Сидел за столиком и спал. Это продолжалось в течение довольно долгого времени. Но вряд ли можно было назвать такой сон в полном смысле сном. Скорее, это было состояние молитвы. И я очень благодарен Богу, что попал в такой момент. Может, это не случайно. Возможно, Старец хотел мне что-нибудь этим сказать. Не знаю. Я не смею толковать, но только то, что с ним происходило во время этого сна, который был очень тонок, прерывался молитвенными вздохами, — все говорило о том, что Старец, по существу, и не спит, а словно беседует с нами»[1].

Сердце Владыки Сергия удивительно верно почувствовало намерение святого подвижника. Истинно, отец Николай «хотел этим сказать»: Владыка, послушайте народ, верующих, услышьте нас, Церковь Христову, примите правду о Царственных Страдальцах, отличавшихся редкой глубиной

[1] Жил на острове подвижник. М. 2009. С. 25.

веры и высотой христианского подвига. Поверьте Им, знавшим и любившим Григория Ефимовича. Примите слово о невинно оклеветанном страннике Божием Григории, верном Христу до последнего дыхания его земной жизни. Не бойтесь правды. Не бойтесь свидетельствовать об истине. Целых два часа мы беседовали о *народном почитании Григория Ефимовича, о том, что Батюшка его любит и исповедует его несомненную святость, что он давно благословил писать житие, акафист и иконы, установку Памятного Креста на месте захоронения в Царском Селе.*

Да, Старец «молитвенно вздыхал», потому что предвидел, что Владыка откажется принять правду о Григории Ефимовиче и останется при своем заблуждении, что Святая Августейшая Семья находилась под влиянием недостойного, «экзальтированного» человека, «сочетавшего в себе святость вместе с бытовым непотребством». Да, Старец будто бы «дремал» во время беседы, потому что знал, что Преосвященный Владыка так и будет воспринимать ложь и измышления о Григории как «объективную реальность», не утруждая себя хоть каким-то критическим анализом слухов. Прозорливый отец понимал, что церковный иерарх будет продолжать тиражировать с амвона, с кафедры «виртуальный» образ Распутина, никогда не существовавший в действительности. Будет делать заявления от лица Церкви, совершенно не заботясь об исторической и духовной правде. Потому Старец и молчал, ибо сердце его было закрыто для неискренних и боязливых людей.

Как бы почувствовав на миг это состояние отца Николая, Владыка Сергий привстал и с сокрушением в голосе произнес: «Видно, мы такие грешники, что Старец не хочет разговаривать с нами... А мне уже пора возвращаться в Москву». — При этих словах, вырвавшихся из глубины души, Батюшка Николай мгновенно «проснулся». Он встрепенулся, привстал со стула и сказал: «У нас гости? Владыка? Что же вы меня не разбудили?! Благословите, Владыка!» — Владыка Митрополит просиял, а мы все тихо вышли из келлии, оставив их вдвоем.

Когда приходит Благодать, то замолкает слово, и в силу вступает необъяснимый логикой духовный закон. Благодать вошла в душу Владыки. После беседы со святым праведником он весь сиял и был в великолепном расположении духа. Казалось, в нем замолкли внутренние противоречия и колебания ума. Мы все тепло распрощались и получили его благословение: «В любое время обращайтесь ко мне за помощию. Храни вас Господь и укрепи на служение благодатному Старцу». Все присутствовавшие очень ободрились после его визита. Батюшка же задумчиво произнес: «Мы сказали Владыке все, что было необходимо, и по совести. А что скажет он, подождем, посмотрим...»

Вот и дождались...

В этот раз мы еще раз увидели необыкновенную внутреннюю независимость Старца от мира, от его лживых условностей. Он был удивительно свободен от притязаний на его свободу во Христе «князей» мира сего. Старец служил человеку, но не давал господствовать над собой. Это свобода юродивых. Для

нас эта встреча была событием. Мы боялись пропустить без внимания ни одно слово духоносного отца. В этот день своим обликом он очень напоминал Святителя Спиридона Тримифунтского. В чем было это сходство? — Во всецелой любви к Богу — Истине, и жертвенной самоотдаче людям. Старец обнимал своими крыльями веры Преосвященного Владыку, желая его напитать светом внутренней молитвы. Излить на него пламенное безстрашие. В тот день Батюшка сказал: «Каждый человек имеет свою меру прочности. Основа духовного общения — доверие к Старцу, а оно, как видно, отсутствует».

Но, на все Воля Божия. Значит, необходимо было нам перенести это испытание, которое, верю, закончится духовной радостию. Господь не устрояет ни одной встречи просто так, особенно если это касается Венценосных Святых. ***Главное, что мы с Батюшкой единомышленники и содержим его слово. А слово духовного отца, говорил Батюшка, имеет силу на всю жизнь.***

Эта встреча Преосвященного со Старцем Николаем подтвердила еще раз, что он нес подвиг юродства. Батюшка сказал, что совершал он его не без благословения. Но чье это было благословение, я не знаю.

Помню, что в тот день он также говорил, что многие из духовенства исправили жестокую ошибку в отношении Их Величеств во время испытаний. Особо памятен случай с Тобольским Преосвященным Гермогеном (Долгановым), который вместе с Владыкой Феофаном (Быстровым) злостно преследовал и гнал Григория Ефимовича. «Хорошо

сделал епископ Гермоген, — размышляет игумен Серафим (Кузнецов), — что он имел мужество при жизни сознать свою ошибку: будучи заключен в Екатеринбургскую тюрьму, он перед своей смертию оставил своему духовнику отцу Николаю трогательное письменное сознание своей ошибки по отношению к Государю и Его Семье, где называл Царскую Семью *«Многострадальным Святым Семейством»,* просил свое письмо огласить всему миру и ***умолял всех быть осторожными в осуждении всякого человека, а особенно, Помазанника Божия — Царя.***

Не напрасно, как говорил Святой Иоанн Златоуст, если Хам подвергся проклятию не только сам, но и дети его, только за то, что, увидев наготу отца, вместо того, чтобы прикрыть ее молчанием, он разглашал о ней, чем подверг отца осмеянию и поруганию, а братиев своих хотел сделать сообщниками своего гнусного поступка, то какое же последует сугубое проклятие и наказание не за разглашение ошибки, а за клевету на своего отца [Батюшку-Царя]»[1].

Сербский Святитель Николай, любящий и почитающий Русского Царя

Недавно в печати появилось замечательное сообщение о том, как истинные Христовы пастыри почитали нашего Батюшку-Царя Николая еще до

[1] *Игумен Серафим (Кузнецов).* Православный Царь-Мученик. Сост. С. В. Фомин. М. 1997. С. 256

«официального» прославления. Сказать «*нашего*» не совсем правомерно, ибо Русский Император всегда был Покровителем и Защитником всей Вселенской Церкви Православной. Да и само понятие «официальной» канонизации звучит как-то бездуховно. «В области культа святых, — подмечая эту тяжеловесную бездуховность, пишет профессор Императорской Академии Е. Темниковский, — можно различить два фактора, находящихся в постоянном взаимодействии: с одной стороны — народ с неудержимым стремлением воздавать религиозное почитание лицам, отличавшимся по его, народному убеждению, святой жизнию, с другой — церковную власть, ставившую границы этому народному стремлению по тем или иным соображениям. Равнодействующая этих сил слагалась при самых разнообразных условиях. Иногда народ воздействовал на епископов прямо принудительно, и последние подчинялись голосу народа; иногда почитатели умершего подвижника подавали, кому следует, прошения и добивались официальной канонизации; чаще бывало, что превозмогала церковная власть, и ей удавалось устранить уже начавшийся культ умершего, которого народ почитал за святого; наконец, в иных случаях устанавливались, так сказать, компромиссы между двумя сторонами, результат таких компромиссов можно видеть в культе почитаемых усопших, а отчасти и в канонизациях к местному празднованию».

У современного историка церковного законодательства и права протоиерея Владислава Цыпина читаем: «Помимо канонизированных святых есть

еще один особый вид почитаемых усопших — подвижники благочестия. Канонизации почти всегда предшествует почитание святого как подвижника без всякой на то официальной санкции. На могилах таких подвижников и праведников, еще при жизни прославившихся богоугодным житием и особыми благодатными дарами, поются частые панихиды, в дни их смерти совершаются заупокойные Литургии, их имена вносятся в синодики для каждодневного поминовения на Литургии. Над гробами подвижников благочестия устраиваются памятники в виде арки или часовни, иногда с изображениями подвижников на надгробницах. Почитатели усопших составляют им службы и акафисты, хотя они и не имеют церковного употребления. В своих келейных молитвах почитатели, верующие в их святость, обращаются к ним как к угодникам, предстоящим перед Престолом Божиим.

Иногда при гробницах почитаемых подвижников пели одновременно и панихиды, и молебны. Патриарх Иосиф дозволял петь на гробнице Соломониды, разведенной супруги Великого Князя Василия III, не только панихиды, но и молебны. Святой Анне Кашинской после ее деканонизации и до восстановления чествования ее памяти пели панихиды, а затем читали молитвы с обращением к ней как к угоднице Божией. В XIX веке преподобному Максиму Греку в Троице-Сергиевой Лавре пели панихиды с тропарем ему как святому. Писали и иконы неканонизированных подвижников. Перед этими иконами возжигали свечи, их лобызали; иногда такие иконы помещали в церквах.

В большинстве случаев канонизации святого предшествует его народное почитание как подвижника благочестия»[1].

Вернемся к сообщению на портале *Седмица.Ru*, со ссылкой на сербское издание «*Вести. Онлайн*»: «В течение последнего десятилетия силами монастыря были обновлены также и трапезная, и церковь свт. Саввы, построенная и расписанная еще при Владыке Николае (Велимировиче) русским изографом Николаем Майендорфом. И вот тогда и произошло чудесное обретение образа Святого Благоверного Царя-Мученика Николая Александровича. Надо сказать, что фон настенных росписей выдержан, согласно византийской традиции, в глубоких синих тонах. Слева и выше входной двери в северо-западном углу храма оставался незаписанным (как думали) прямоугольник. И вот в ходе ремонтно-реставрационных работ, когда стали его расчищать, от стены отделился лист синей плотной бумаги. А за ним явился образ Государя Императора со всеми знаками Царской Власти: в Венце и Бармах, со Скипетром и Державой, в Горностаевой Мантии с Двуглавыми Орлами, из-под которой виден мундир с золотым наборным поясом и муаровая лента через плечо, на груди Крест. Крест же Короны Российской Империи, немного выступавший за край бумажного листа, был лишь слегка закрашен синей краской. Лист крепился к стене простыми кнопками, что видно даже по фотографии (как раз в самом храме снизу этого не разглядеть). Так без

[1] *Протоиерей Владислав Цыпин.* Курс Церковного права. М. 2001. С. 486.

излишних стараний и без «страха иудейска» был сокрыт от возможного поругания лик Царственного Страдальца в коммунистической Югославии, а ведь вскоре после войны Тито не только зверски расправился с духовенством и монархистами, явив сонм Новомучеников и Исповедников Сербских, но и со всеми русофилами».

Фреска с изображением Святого Царя-Великомученика Николая II обнаружена в сербском монастыре Жича, в монастырском храме свт. Саввы Сербского, уже несколько лет назад, однако информация о ценной находке была распространена лишь теперь. Росписи храма, в том числе и изображение Российского Императора, были созданы по благословению епископа Жичского свт. Николая (Велимировича) русским иконописцем Николаем Мейендорфом в 1937 году. Предполагается, что лик св. Царя Николая II был скрыт от взоров с помощью листа бумаги в 1945 году духовником обители отцом Досифеем и монахом Герасимом. Это было сделано из опасения, что фреску могут уничтожить безбожные коммунистические власти. (Вспомним, как безжалостно была уничтожена в 2011 году на Острове фреска Мученика Григория Русского, написанная в 2001 году по благословению Старца Николая и им освященная!)

Святитель Николай Сербский очень любил Россию и благословил изобразить на стенах храма многих Русских Святых: преподобного Серафима Саровского, Равноапостольного Князя Владимира и иных угодников. Также он разрешал жить в монастыре многим русским монахам, эмигриро-

вавшим в Сербию. Сам факт обнаружения изображения Царя-Мученика Николая II среди фресок сербского монастыря еще раз свидетельствует о тесной духовной взаимосвязи православных России и Сербии».

Итак, мы видим, что своим архипастырским делом и словом Владыки нашей Церкви либо *животворят,* либо *мертвят* Веру нашу христианскую. И от них во многом зависит, насколько восторжествует дух Правды в жизни.

Часто вспоминаю, как Батюшка Николай говорил: «От духовенства зависит, как будет воспитана наша молодежь. Так что не надо обижаться на людей, что они что-то не так делают. Так мы, священство, их воспитали. Чем сами дышим, то и людям внушаем. Сейчас редкость среди духовенства церковное благочестие, как у святых отцов... А Веру надо вкладывать в сердце, научая Духом Святым».

Один наш замечательный исповедник Веры Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф (Чернов, 1893‡1975) с горечью размышлял в семидесятые годы: «Часто я себя спрашиваю, правильно ли мы делаем, что молчим и не изобличаем открыто, что творится в Церкви, и какие она переживает трудности? Другой раз мне становится противно, и я хочу все бросить и уйти на покой. И совесть меня упрекает, что я этого не делаю. Но потом та же совесть говорит мне, что нельзя бросать верующих и Церковь. А ведь выступить с обличением или даже открыто критиковать церковные порядки — это значит, в лучшем случае, сразу быть отстраненным от всякой церковной деятельности, а все равно

ничего не изменится. Вот я и стараюсь, пока есть силы, тихо трудиться для Церкви. Служу, каждый раз проповедую, объезжаю приходы»[1].

Проповедь таких Архиереев живоносна, как и проповедь тайного Архиерея отца Николая. Это были *тихие труженики Церкви*. Но они говорили только тем, кто желал и умел слышать.

Почитатель Царственных Мучеников Архиепископ Мелхиседек (Лебедев)

Старец Николай очень уважал Владыку Мелхиседека Екатеринбургского. Он говорил, что это Владыка от Бога. Слова его и проповеди были простые и безбоязненные. Он открыто говорил пастве, как и наш Батюшка, что сам в молитвах часто обращается к Царственным Святым. В девяностые годы об этом молчали. Долгом считаем почтить архипастырские труды Владыки Мелхиседека, также тихого труженика на ниве Господней, искренно потрудившегося для Августейших Святых. За почитание и любовь к Венценосцам он, конечно, был гоним и, в результате, смещен с Екатеринбургской кафедры, на которой находился с 1984–1994. Перевели в Брянскую... В наказание за то, что он сделал по велению своей пастырской совести для горячо любимого Царя-Мученика Николая. Архиерейскою властию, с амвона, Владыка объявил Невинных Царственных Страдальцев *Местночтимыми* Святыми Екатеринбургской епархии. Всем

[1] Свет радости в мире печали. М. 2004. С. 374.

известно, если есть народное почитание, то любой епископ может возвести в чин святого *местного*, не поместного, а местночтимого в рамках епархии, для этого не нужно решения Собора. В Церковном праве указано, что достаточно благословения правящего Архиерея. В Слове на прославление, Владыка особо подчеркнул, что Святой Благоверный Государь Император Всероссийский Николай Александрович пострадал не за Свой, конечно, грех, а за грехи всего народа. За жертвенность души и несказанную любовь к России, Господь благословил Императору этот подвиг. И именно на этот Божественный призыв Государь наш дал добровольное согласие. Пастырь называл Помазанника в «Очерке о народно-церковном почитании Святого Царя-Мученика Николая Александровича, Его Августейшего Семейства и сонма Новомучеников» *Искупителем*, по образу Христова *кенозиса*. Как он пишет: «Это такой греческий термин, означающий *самоумаление*». По сути, чутье к святости — это одно из постижений Духа, средство познания Бога, один из путей общения с Ним.

«Вплоть до своего отправления на покой в 2002 году, — указывают источники, — Владыка Мелхиседек избегал любых авторитарных методов в управлении Брянской епархией, не требовал непомерных налогов с тех приходов, которые не могли заплатить. Будучи открытым и мягким человеком, Мелхиседек смирялся с независимостию многих приходов, а также с авторитетом и самостоятельностию отдельных священнослужителей. Помимо этого, во время своего правления был настроен ре-

шительно против коммунистической идеологии, а поэтому у епархии не сложились отношения с бывшим губернатором-коммунистом. Благодаря этому, при Владыке Мелхиседеке власть не вмешивалась в церковные дела и оказывала епархии лишь минимальную помощь».

«20 августа 2010 года исполнилось ровно десять лет, с тех пор, как Архиерейский Собор Русской Православной Церкви под председательством почившего Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II ***прославил Новомучеников и Исповедников Российских во Главе со Святыми Царственными [Мучениками и] Страстотерпцами,*** — пишет церковный историк Петр Мультатули. — Сейчас мало кто помнит, что почти *за десять лет до всецерковного прославления Царственные [Мученики] были прославлены как Местночтимые Святые Екатеринбургской епархии. Решающую роль в этом сыграл в то время архиепископ Екатеринбургский и Курганский Мелхиседек (Лебедев).* Владыка всегда с особым почтением, очень душевно, относился к Царственным Мученикам, особенно к Государю Императору Николаю Александровичу. Когда заходил разговор о Царской Семье, на его глазах часто наворачивались слезы. [Владыка написал Службу Царственным Святым.]

Особой принципиальностью отличалась позиция Владыки по вопросу так называемых «екатеринбургских останков». Владыка Мелхиседек отказался признавать их за останки Убиенной Царской Семьи. Свою позицию по этому вопросу он не изменил, несмотря на оказываемое на него давление.

Сегодня в годовщину прославления Царской Семьи, мы с низким поклоном вспоминаем Владыку Мелхиседека, и молим Бога о здравии старца, который уже ряд лет проживает на покое в подмосковном Климовске. [...]

В одну из поездок [...] Владыка вез в своем багаже довольно много церковных книг, изданных за рубежом и посвященных коммунистическим гонениям на Русскую Церковь. Если бы книги обнаружили, то в лучшем случае это закончилось бы отправкой на покой. Владыка начал молиться, особенно усердно обращаясь к Царю-Мученику Николаю II, Которого давно почитал за Святого. Таможенники, не спеша, просматривали чемоданы, вынимая каждую вещь. Извлекли и саккос со спрятанными там тяжелыми книгами. Простучали днища всех чемоданов и также, не спеша, начали все укладывать обратно. Владыка не переставал молиться Государю. На облачение с книгами таможенники обратили внимание не больше, чем на любой другой предмет из багажа архиерея. [...]

При архиепископе Мелхиседеке произошло обретение честных мощей Праведного Симеона Верхотурского, изъятых из Верхотурского монастыря в 1920 году. В год празднования тысячелетия Крещения Руси Владыка обратился к государственным властям с просьбой о возвращении святыни. По освящении храма Всемилостивого Спаса 23 мая 1989 года, 25 мая состоялось перенесение мощей во вновь освященный храм.

Седьмого июля 1991 года по благословению архиепископа Екатеринбургского и Верхотурс-

кого Мелхиседека на Ганиной Яме, месте уничтожения останков Святых Царственных [Мучеников и] Страстотерпцев, почитатели Царской Семьи установили первый Крест. 17 июля 1992 года на Ганину Яму был совершен первый архиерейский Крестный ход. С этого времени по благословению правящего Архиерея в Екатеринбургской епархии впервые в России началось открытое почитание Святых Царственных Мучеников как Местночтимых Святых. 23 сентября 1992 года на месте Дома Ипатьева, в котором в 1918 году [зверски была умучена] Царская Семья, был заложен первый камень будущего Храма-на-Крови, 22 июля 1993 года на Ганиной Яме по благословению архиепископа Мелхиседека братством во Имя Святых Царственных Мучеников был установлен новый деревянный Крест с киотом.

В ходе общецерковной полемики о прославлении Царской Семьи, противники прославления выдвинули в числе других такой аргумент: по их мнению, прославление Царской Семьи могло бы привести к расколу среди верующих. Самый факт отсутствия даже какого-либо намека на напряженность в отношениях верующих, за без малого десятилетие почитания Царственных Мучеников в Екатеринбургской епархии, опровергал опасения сомневающихся. ***Вряд ли мы погрешим против истины, если будем считать, что открытое исповедание архиепископом Мелхиседеком Царской Семьи Святыми Мучениками, сыграло немаловажную роль в положительном решении этого вопроса на Архиерейском Соборе***

2000 г., прославившего Царственных Страстотерпцев.

Владыка Мелхиседек помогал комиссии по реабилитации от Московской Патриархии, собирающей документы для создания архива безвинно погибших деятелей Православной Церкви. По имеющимся данным, только в Свердловской области с 1935 по 1940 гг. было репрессировано 35390 человек. 14 августа 1991 года на 12 километре Московского шоссе, где находится массовое захоронение, состоялась Великая панихида по невинно убиенным. [...]

Вспоминают люди, близко знавшие архиепископа Мелхиседека:

— Псалтирь он знал наизусть, а также некоторые Акафисты Божией Матери. О себе рассказывал, что он никогда не ложится спать, пока не прочитает Акафист. Засыпал он поздно, и никто его не будил. Ни к какому транспорту, будь это самолет или поезд раннего следования, он никогда не опаздывал. Мы удивлялись и спрашивали, а кто же Вас будит?

— Ангел-хранитель, — отвечал он...

— Владыка является основателем воскресной школы. Она была при Иоанно-Предтеченском соборе. В классе было до 105 человек. Уроки он вел эмоционально, без книг, без подглядываний куда-то, вел интересно и почти на каждом занятии плакал. Дети его очень любили. Следил, чтобы дети были напоены чаем, раздавал гостинцы. [...]

В Екатеринбурге он прослужил 10 лет. Сейчас Владыка Мелхиседек на покое, по некоторым

сведениям тяжко болеет. Мы просим всех православных христиан помолиться о здравии русского архиепископа, который всегда был верен Христу-Спасителю, Святой Церкви Христовой и своей совести»[1].

«Дом Особого Назначения»

От екатеринбургского железнодорожного вокзала идти сюда недалеко, — так начинает описание своей поездки в Екатеринбург зимой 1993, уже после расстрела «Белого Дома», журналист М. Сизов. — Сначала надо пройти по ул. Свердлова (имени главного убийцы Русского Царя), потом по ул. Карла Либкнехта. На этой улице и находится пустырь, где стоял Дом Ипатьева. Стоял он на склоне Вознесенской горки, напротив Вознесенского храма. Почти ничего не изменилось здесь за 76 лет: храм остался стоять на месте, а внизу, у подножия горки — заросли кустарника, что-то вроде болотца. О чем думал Государь, стоя у окна и глядя на эту колокольню, на это Небо? О будущем Русского Народа? О страданиях единственного Своего Сына — больного Цесаревича Алексия?

С Неба медленно клочками падает снег. Стою посреди пустыря и стараюсь все увидеть *Его* глазами, но вдруг понимаю: ни Неба, ни Храма, ничего этого не было... Окна гляделись в щербатый частокол из неструганных досок. Ограда вокруг Дома была двойная, высотой почти до крыши, и, навер-

[1] *Петр Мультатули.* http://rusk.ru/st.php?idar=43545.

ное, Государь не любил подходить к окну, под которым перетаптывался с ноги на ногу вооруженный человек в шинели со споротыми погонами.

Ныне пустырь огорожен бетонными плитами, в центре его установлен металлический Восьмиконечный Крест с портретиками Царя, Цесаревича и Великих Княжен. Рядом — Крест поменьше, поставлен у закладного камня будущего Храма Спаса-на-Крови. Тут же, едва видная под снегом, могильная плита с выбитыми на ней Именами Мучеников. Для всех загадка, кто и когда привез на пустырь эту плиту. «Отсебятина, — объяснил смотритель, назвавшийся Юрием Семеновичем, — люди сюда разные приезжают...» Действительно, в течение получаса я заметил пять подъехавших машин: жених и невеста с цветами, иностранцы с фотоаппаратами, какие-то люди, долго стоявшие у Креста с зажженными свечами, в молчании... «А бывают и такие гости, что не приведи Господь, — рассказывает смотритель. — Памятный Крест несколько раз вырывали и Часовню, где я служу, чуть ли не сожгли. Я ведь здесь на общественных началах, безплатно. Прихожу каждый день, но в холодные дни пропускаю службу. И вот в один из таких дней, 6 октября, сразу после кровопролития в Москве, она загорелась. К счастию, огонь заметила служащая банка, что по соседству, прибежала, потушили».

Часовня эта, с обугленными бревенчатыми боками, стоит чуть в стороне от Царского Креста. Построена она на средства Уральского Торгового Дома в память о Мученице Великой Княгине Елизавете Феодоровне, которая приняла смерть под

Алапаевском, недалеко от Екатеринбурга. В Часовне установлена икона св. Елизаветы и изображения Семерых [Умученных вместе с ней Страдальцев].

— Их бросили в шахту, а потом кидали вниз гранаты, — говорит смотритель. — Чудом Княгиня не скатилась на дно, а упала на выступ и была жива еще сутки. Люди слышали церковное пение, которое доносилось из шахты. Потом около ее тела нашли две неразорвавшиеся гранаты и икону Спасителя. А случилось это [на следующий день после мученической кончины Царя и Его Семьи].

— Почему же в ее честь стоит здесь Часовня, а Царственным Мученикам не поставили? — спрашиваю.

— Так ведь ее у нас канонизировали, а Царя — нет.

— Почему?

— Елизавета Феодоровна вела монашеский образ жизни, еще при жизни ее считали за святую, а Царь... Его убили по политическим мотивам.

— Вы не правы, — вмешался в разговор один из тех, кто стоял у Креста с зажженными свечами, — нет здесь никакой политики. Иначе, зачем убийцам на месте казни, на стенах подвала, рисовать ритуальные каббалистические знаки?!

Эти знаки, по воспоминаниям очевидцев, действительно, остались на стене после убийства. Один исследователь перевел надпись: «*Здесь, по приказу тайных сил, Царь был принесен в Жертву для разрушения Государства. О сем извещаются все народы*» (Энель. «Жертва». С. 19). [...] Национальность организаторов этого злодеяния подтверждает, что

кому-то из них могло быть знакомо учение каббалы. Начиная от Янкеля Мовшевича Свердлова, [...] и заканчивая непосредственным исполнителем — членом екатеринбургской чрезвычайки Янкелем Хаимовичем Юровским. Соучастником был и один из местных большевицких начальников Шая Исаакович Голощекин, личный друг Свердлова, захвативший в свои руки фактическую власть на Урале. Сам Юровский русским красногвардейцам не доверял. Вместе с ним в [злодеянии] участвовали Лаонс Горват, Анзельм Фишер, Изидор Эдельштейн, Эмиль Фекете, Имре Надь, Виктор Гринфельд и проверенные уже в «деле» Прокофий Никулин, Степан Ваганов и Павел Медведев — всего 11 человек, по числу Жертв. При этом в «Доме Особого Назначения» (так называли Ипатьевский особняк) находилась внутренняя стража из австро-венгров и латышей, а русским была доверена лишь внешняя охрана. Когда выносили Тела Мучеников и складывали в машину, солдат из внешней охраны, Леонид Брусьянин, убежал, чтобы не видеть...

Впрочем, среди охраны были разные люди. В Екатеринбурге еще помнят, как по улицам «фланировал» Петр Захарович Ермаков под шепоток вокруг: «Смотри, смотри, это он убил Царя». Сам Ермаков никого не разуверял. Более того, демонстративно носил... Царскую полковничью папаху. Но его выступления в печати и перед пионерами были маловразумительны. По той причине, что на самом деле ему выпала лишь подсобная роль — вывоз Убитых.

В свежем номере местной газеты «Уральский рабочий» — продолжает свое повествование жур-

налист, — я нашел статью о том, как в «застойные годы» в редакцию заходил старый большевик Павел Медведев: «Он подробно рассказывал о жизни Царской Семьи в Ипатьевском особняке, привычках Царя, Царицы, Наследника, Княжен, но, дойдя до той страшной ночи, как-то смешался:

— Я, конечно, знал, что будет, но сам в это время вышел на улицу. Нет, не стрелял.

— Но слышали, наверное, выстрелы?

— Да, хотя был заведен мотор машины...

Странно, но этот «старый большевик» почти слово в слово повторил то, что говорил много лет назад на допросе у помощника следователя Соколова, который был прислан в Екатеринбург Колчаком после захвата города Белыми (протокол допроса впоследствии вывезли за границу, и там он сохранился). Тогда на допросе был «смысл» обеливать себя. А в кругу «своих»? Если убийство Царской Семьи — политическое деяние, акт воли трудящихся, то зачем ему снова отпираться?

В конце статьи рассказывается, как в 1977 году по инициативе М.А.Суслова под покровом ночи был снесен «памятник архитектуры» — Ипатьевский особняк (почти одновременно снесли и дом Юровского). Исполнителем воли ЦК был первый секретарь Свердловского обкома Б.Н.Ельцин. Совсем неожиданно автор заканчивает: «Видать, уже тогда умел он разрушать. И когда я сегодня вижу на Богослужении в храме благочестивый лик нашего президента с поминальной свечой, то думаю: не покаяние ли это? И за какой из домов?» Видимо, автор имел в виду еще и «Белый Дом».

В Екатеринбурге меня поразило то, насколько город политизирован. Еще свежа была память о кровопролитии в Москве, екатеринбуржцы всерьез обсуждали идею о выделении области в самостоятельную Уральскую республику. Даже приезд сюда в октябре Княгини Ольги Николаевны, супруги Тихона Николаевича Романова — племянника Николая II — был едва замечен из-за московских событий.

Тот же самый человек, который вмешался в наш разговор со смотрителем Часовни, вспомнил, что в городе Княгиню сопровождали члены Екатеринбургской общины Храма-на-Крови. Помещения своего у общины нет, но найти кого-нибудь из них можно на «Хохрякова, 72» — в штаб-квартире «Русского Союза». Есть, оказывается, такая партия в городе. «Опять что-то политическое!» — засомневался я, но пошел.

Подпольщики

Уже вечерело, на старой улочке Хохрякова было темно. Дома на ней сплошь деревянные, видно, дореволюционной постройки. «Среди таких купеческих хором стоял когда-то и дом горного инженера Ипатьева», — пришло на ум. Звонко скрипнула на морозе калитка, несколько ступенек — и глазам предстала странная картина.

В большой нетопленной комнате сидело человек сорок в пальто и шубах с сосредоточенно-мрачными лицами. Все молчали, только одна жен-

щина, держа на коленях письмо, монотонно читала его. Письмо было из Москвы от израненного человека, который сообщал своей подруге, что «в нашей больнице умерло уже тридцать защитников Верховного Совета, и в другой больнице, говорят, примерно столько же...» Затем члены союза встали — почтить память супруги известного в городе преподавателя ЕГУ Ковалева. Она тоже была ученым, филологом, в Москву ездила вычитать гранки своей книги. Убили ее, когда она несла к «Белому Дому» воду в целлофановых пакетах. Вспомнили и о прежнем председателе союза Ю.Липатникове — убитом уже в Екатеринбурге. Собрание вел новый председатель, лицом и манерами почему-то похожий на Хасбулатова. В костюме и без галстука. Впечатление подкреплялось безпорядком в пустом холодном доме, как при осаде. Были тут и свои «баркашовцы» — крепкие ребята, сидевшие в заднем ряду, особнячком. Впоследствии выяснилось, что есть здесь и монархисты, и коммунисты. Что же их объединило?

После официальной части стали печь картошку в полуразвалившейся печке-голландке.

— Ничего-то мы при советской власти не построили, — глядя в огонь, сказал интеллигентного вида мужчина с умными и грустными глазами. — При Николае II построили 90 тысяч километров железной дороги. А сколько у нас сейчас? 150 тысяч. Ну, еще вторые пути рядом положили, так рядом легче строить, когда дорога уже есть...

А в Америке — 380 тысяч километров! Будь у нас Царь, Хозяин, мы бы давно эту Америку и весь мир

обогнали. Господи, ведь у нас самая богатая страна в мире...

Спорить с ним никто не стал. Узнав, что я из христианской газеты, стали задавать мне каверзные вопросы: «Скажите, отменил ли Христос ветхозаветный закон «око за око, зуб за зуб»?» Я начал путано объяснять, что христианство — это не пацифизм, и что Александр Невский говорил: «Кто с мечом к нам придет»... «Баркашовцы» одобрительно заерзали.

— Эх, ничего вы не понимаете, — снова заговорил «железнодорожник». — Если помните, Николай II добровольно отказался от Царского Трона, как истинный Христианин проявил смирение, чтобы избежать братоубийства в гражданской войне. Болел за народ. А наш президент Ельцин в октябре не то что уйти, а даже на одновременные выборы не согласился.

— Так он же президент, а не Царь.

— То-то и оно...

На этом собрании «Русского Союза» я так и не нашел, кого искал. И только на следующий день встретился со старостой общины Спаса-на-Крови — сухим, подтянутым человеком, бывшим геологом-разведчиком. Рассказав о проблемах общины, Анатолий Верховский коснулся и проблем канонизации Царственных Мучеников: «Комиссия по канонизации почему-то использует католический метод. Ведь католики заранее предписывают, сколько у человека должно быть таких-то чудес, сколько других — и считают, чтобы определить, Святой человек или нет. Короче говоря, диктуется Духу Святому, задается как бы структура святости.

А Дух ведь дышит там, где хочет. И сколько бы ни говорили о том, что Николай II не «влезает» в церковные каноны, я сердцем знаю, что Он Мученик за Христа и за святое дело, и Сам в конце жизни удостоился особой Святости. Патриарх Алексий II высказал мнение, что Николай II политическая фигура, а политиков Церковь не канонизирует. А наш Владыка, архиепископ Мелхиседек, считает, что почитать Царя можно. На местном уровне. Если есть что-то в сердце, то почему не почитать? Это не идет против правил Церкви, местное почитание разрешается по решению правящего архиерея, достаточно лишь об этом публично заявить. А Высокопреосвященный уже дважды заявлял в печати. Так что у нас, как и в Зарубежной Православной Церкви, Царь Николай — Святой».

Честно говоря, так и не понял Верховского: как можно одним лишь публичным высказыванием сделать человека *Святым*? И решил просить аудиенции у самого Архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского Мелхиседека.

«Мелхиседек» — Царь Правды

В приемной Архиерея чувствуешь, будто стеной ты отгорожен не только от политических дрязг и прочих человеческих страстей, но как бы даже и от времени. Кажется, что это было всегда: вытертый от множества посетителей линолеум, цветок-дерево в железной кадке, за окном через дорогу белые, покрытые снегом, трибуны стадиона. Тишина. Си-

дящие в очереди покашливают с опаской. На столике забытые секретарем письма. Непроизвольно прочитал строки: «Владыко! Помогите в большом моем горе, мой муж покончил жизнь самоубийством...» [...]

От Архиерея вышел прокурор, заходивший по поводу кражи из храма. Вслед тенью появился дьячок в длинном подряснике и огромных ботинках, стриженый «под горшок». Стал диктовать машинистке. «*Циркуляр* или *цыркуляр*?» — спросила она, заправляя листок. В приемную стремительно вошел монах с «дикой» бородой и прошел к Архиерею, минуя очередь. «Сквозь стены ходит. Настоятель Далматовского монастыря», — значительно шепнула мне соседка, доселе сидевшая неподвижно, с благочестивым выражением на лице. Скоро монах вышел, и его остановил сидевший в очереди батюшка с аккуратно подстриженной бородкой, видно, приехавший в епархию на приход.

— Скажите, а у вас, сколько берут за крещение? Говорят, у вас тут все подорожало? — спросил он с украинским выговором, озабоченно:

— А мы не крестим, — ответил монах односложно.

— А-а... Значит, молитесь только.

Время томительно тянулось, и забывалось, зачем сюда пришел. Заготовленные вопросы к Архиерею казались уже пустыми и ненужными. В самом деле, сколько в епархии разных забот, до Царя ли Николая сейчас?

Зашла к Архиерею и почти сразу же вышла — уже с заплаканным лицом — моя соседка.

— «*Мелхиседек*» с греческого переводится как «*Царь Правды*», — вдруг ожил сидевший в очереди старичок, староста какого-то храма, и рассказал присутствовавшим историю: «Один диакон служил в другом, не его, соборе без благословения. За это Высокопреосвященный Мелхиседек [отстранил]. Стал диакон прощения просить, а Владыка ему: «Да что вы, милый, просите-то? Да вы же несерьезно служение церковное понимаете... Идите, идите с Богом». Твердо сказал. Диакон так и ушел бы, да мы, в приемной тут сидели, послали его обратно: «Покайся еще». Да, видно, плохо покаялся, не осознал. Переживали мы за него. И на следующий день — то же самое. И на третий день — выходит расстроенный. Все, кто в приемной сидел, испугались: «Неужели отказал?!» Диакон встал столпом и сокрушенно руками взмахнул: «Как же так? Ведь простил меня. Взял — и простил! А я разве достоин прощения? А-а...» — махнул опять рукой и пошел, растроганный... Так-то вот. Терпи. Надейся. И будет тебе...»

Снова воцарилось молчание. Прошло уже несколько часов утомительного ожидания в приемной.

— Да... — поддакнула пожилая женщина с блокнотиком на коленях, — *Царь Правды*. За это и хулят его. Помните, как он «бал сатаны» остановил? В нашей газете выступление его было: «Кто пойдет на шоу сатанистов, того отлучаю от Причастия!» И губернатору Росселю пришлось вытурить гастролеров за пределы области. А в Нижнем Тагиле билеты в цирк уже были проданы, в Каменск-Ураль-

ский тоже ехать собирались... И с Эрнстом Неизвестным — помните? Он хотел в трех городах — в Воркуте, у нас и в Магадане бесовские памятники поставить, будто бы мученикам от большевицких репрессий. Этакие, гранитные стены с пятиэтажный дом. Владыка выступил против, и рассыпался этот идольский треугольник, в который хотели всю страну нашу заключить. И впрямь идолы: маски страшные на стенах, плачут, а вместо слез — черепа, и кресты православные над факелами поджариваются. Вот какая память Мученикам... Вот откуда ненавистники-то, которые Владыку желают устранить от епархии.

Женщина оказалась местной журналисткой и пришла брать интервью по поводу поразившей всех екатеринбуржцев статьи в «Известиях» об Архиепископе Мелхиседеке.

— Пасквиль напечатали, — с возмущением объяснила журналистка. — И я понять не могу... В последнее время центральная пресса боится трогать Церковь, а если хулит — то исподтишка, очень тонко. А тут — прямой наводкой по Архиерею! И так топорно, заголовок чего стоит: «Служил владыка за бутылку». Зачем солидной газете «Известия» мелочные, смехотворные измышления? И почему именно про нашего Владыку? А все, я думаю, из-за пустыря, где Ипатьевский Дом стоял. Тут такое вокруг него... На этом месте хотели сектанты-методисты свой молитвенный дом строить. И фирмы зарубежные предлагали «Ипатьефф хауз» выстроить — суперсовременный отель. И наши фирмачи руки запустили. Место прибыльное — видели,

сколько там иностранцев бывает? А силы тайные и рады: пусть строят, что хотят, лишь бы службы православные на «магическом» месте не проводились. Вот чего боятся силы эти.

— Какие силы?

— Да те самые, которые на стене Ипатьевского Дома иероглифы-то оставили... [Эти же бессильные «силы» состряпали в «Известиях» статью про нашего Старца Николая «Приватизированный Старец». Причина травли и клеветы одна и та же — почитание Царской Семьи и проповедь пастве Правды. — *авт.*]

Вскоре Архиепископ принял и меня. Был он приветлив, на вопросы отвечал просто и по существу.

Ход на Ганину яму

Ваше Преосвященство, в Екатеринбурге мне встретилось много людей, почитающих Царственных Мучеников. Эти люди совершенно разные по идеологическим воззрениям, но объединены Именем Царя. Насколько прочно такое единство? Многие, например, используют Имя Царя-Мученика с прицелом на нынешнего президента, чтобы подчеркнуть его роль в разрушении Дома Ипатьева. Когда этот президент уйдет, когда еще както изменится обстановка в стране — отпадет и «надобность» в почитании Николая II?

— Это верно сказано, что Имя Царя может объединить общество. Царь и был Объедините-

лем — бедных и богатых — до 17-го года. А когда богатые, новоявленные буржуа, потребовали отречения Царя от Престола, чтобы самим управлять страной, то и пошел разлом. Бедные «временному правительству» не подчинились и захотели сами управлять. Вот тогда на радость бесам началось в России самоистребление. Почему это произошло? *Да потому что и богатые, и бедные перестали понимать Монархию. Они стали думать, что Монархия — это власть человеческая. А на самом деле это — Помазанничество от Бога через Церковь.* Об этом забывают и в наше время — те, кто вдруг вспомнил о Николае II. Почитатели Царя, тем более Царя-Мученика, объединиться могут только в Церкви, только в Православии.

А политических приверженцев Царя и просто «поклонников» у нас, действительно, много. Раньше в дни свадеб ехали к памятнику Ленину, а теперь едут к Ипатьеву Дому. Хотя, я думаю, делают это из добрых, человеческих побуждений, а не только из-за моды. В народе все-таки осталась память, Кто такой Царь. Ведь и раньше, когда Дом еще стоял, к его окну возлагали по ночам цветы, особенно в годовщину Убийства. Так продолжалось годы, и никто не помнит, когда возник этот обычай. И снесли Дом — из-за народного почитания, об этом свидетельствуют документы. *Кгб* знало, что делало.

— *А когда началось чисто церковное почитание?*

— Наверное, со дня Убиения. Оно преследовалось, поэтому было прикровенным, и достоверных, точных сведений у нас нет. По словам многих свя-

щенников, в памятных записках, которые читаются за упокой, издавна указываются Имена Царственных Мучеников — без титулов, понятно, но в известной последовательности: *Николай, Александра, Алексий...*

Впервые открытое моление на месте Дома Ипатьева состоялось в 1989 году. В ночь с 16-го на 17-е там стали собираться люди, никто их не организовывал, пришли сами. Принесли туда три самодельных хоругви: с образами святых Гермогена, Тихона и Царя-Мученика Николая II. На последней хоругви был изображен просто портрет Царя, иконы не имелось. Когда ее развернули, то бабушки закрестились — признали. Русская Православная Церковь [имеется в виду патриархия] никакого участия в этом не принимала. Был прочитан канон Царственным Мученикам по тексту Зарубежной Церкви, закончилось моление чтением *«Отче наш»*. Всего участвовало 200–250 человек самых разных возрастов. Никакие политические или общественные организации участия в этом не принимали. Но власти города отреагировали почему-то резко. *ОМОН* устроил побоище, в райотдел милиции отвезли 11 человек, из них двое было несовершеннолетних — мальчик 16-ти и девочка 14-ти лет. Впоследствии всех удивило такое совпадение цифр с числом и возрастом Умученных Царственных Страдальцев.

В 1990 году были уже тысячи людей, было и три православных священника из Патриаршей Церкви, была отслужена панихида. Екатеринбургская епархия официально стала участвовать в Царских

Днях только в 1991 году. Прибыли тогда гости из других городов, в том числе правительственная делегация числом в 50 человек.

В том же году, впервые после 1919 года, мы провели Крестный Ход от Вознесенской церкви до Царского Креста, который установлен на месте Мучений. Год спустя, провели Крестный ход до Ганиной ямы — шахты, куда сбросили Честные Останки Мучеников — и установили проводить его ежегодно 19 июля по старому стилю. Царские Дни тогда длились с 15 по 19 июля включительно. И в 1993 году были церковные службы.

— *В средствах массовой информации несколько раз сообщалось об идентификации Останков Царской Семьи, найденных в Ганиной яме. Их возили в Англию, где специалисты мирового уровня исследовали...*

— Да, нам пытаются технической манипуляцией доказать, что это мощи святых. *Я думаю, наверняка, это кости мучеников, но не Царских.* Еще в 1902 году святому Праведному Иоанну Кронштадтскому являлся во сне Будущий Мученик [Государь] Николай II и сказал: *«Могилу Мою не ищите».* И документы двухмесячного расследования, проведенного белогвардейцами, удостоверяют, *что Честные Тела Царственных Мучеников сожгли, а пепел бросили в шахту, часть пепла развеяли по ветру.*

— *Не так давно Вы выступили в печати с очерком «О народно-церковном почитании Царя-Мученика Николая II Александровича, Его Августейшего Семейства и сонма всех Новомучеников и*

Исповедников Российских». Там говорится: «История борьбы за возведение Храма-памятника на Крови Мучеников — отдельная тема и здесь рассматриваться не будет». Что Вы имели в виду?

— Если коротко говорить... Откуда взялась идея построить храм на месте Ипатьева Дома? Пришла она от зарубежников, в частности от Верховского Анатолия Михайловича, который имел контакты с Русской Зарубежной Церковью. Как вы знаете, там у них Царственные Мученики давно канонизированы [1981]. Он пытался создать в Екатеринбурге общину под их юрисдикцией, но не получилось. Потом он отошел от зарубежников, хотя, я думаю, осталась у него какая-то зарубежная ориентация. Но сейчас он является старостой созданной нами общины по постройке храма.

А впервые столкнулся я с этой идеей на заседании городской администрации, куда меня пригласили. Рассматривались заявки различных организаций, которые желали получить место Ипатьевского Дома. В конце концов согласились, что земля перейдет нам или зарубежникам. [...] Так я и оспорил этого Верховского, и землю передали нам, а отнюдь не зарубежникам. Мы думали построить Часовню там, благословение Патриарха было на Часовню. А зарубежники сказали: «Что вы построите, мы ночью сломаем. Если станете строить *Храм*, то мешать вам не будем, стройте *Храм*». Я на Соборе еще Патриарху об этом сказал. Он благословил: «Стройте *Храм*». И был объявлен у нас конкурс... (Верховский рассказывал обстоятельства дела несколько иначе: «Вы сами-то подумайте, как мог Владыка в

то время поднимать вопрос о строительстве Храма Царственным Мученикам? Ведь было ясно, что это безполезно. А мы тут пришлись кстати. Как власти узнали, что «иностранцы» требуют землеотвод, так все и закрутилось: большие чины приезжали, и из Совета по делам религии, а тут еще телевидение заинтересовалось. В общем, отдали епархии. Вот так, Господним промышлением». — *Ред.*)

Конкурс на лучший проект *Храма* завершился, победил житель Кургана Константин Ефремов, создали фонд. И тогда начались странные вещи. Вдруг объявили нам, что фонд на самом деле не может иметь юридического лица, хотя и зарегистрирован. Фонд, мол, может быть только в том случае, если он будет не церковной, а общественной организацией, то есть светской. Все дело остановилось. Сейчас учреждается Уральский общественный фонд «Возрождение», где заправляют в основном светские люди. Планы их пока не ясны, хорошо бы обошлось без политики. У городских властей тоже свои задумки. Нам передали всю Вознесенскую горку, а это ведь одно из мест, которое определяет лик города. И вот собираются все там приспособить для будущего Храма — убрать дорогу, заново насыпать горку в тех местах, где она срыта, убрать огромные здания Горгаза, которые маячат неподалеку. *А нам все это не обязательно. Главное, Храм, хоть небольшой, построить и без суеты начать Службы Царственным Мученикам и всем Российским Исповедникам.*

— Ваше Высокопреосвященство, я так понял, что даже правящий Архиерей не волен единолично объявить Николая II Святым Исповедником...

— Разумеется.

— *И даже воля Святейшего Патриарха здесь не главное?*

— Святой или не святой человек определяет ***вся*** Церковь, в которой только одной и содержится Истина. Церковь — это Христос, Его священники и прихожане. Так вот, простые прихожане, которые причащаются, живут церковной жизнью, — и есть в немалой степени носители Истины. И если среди этих людей возникло почитание кого-либо, то это ведь не случайно. И священство смотрит, нет ли тут какого-либо прельщения. Если нет, то соборным определением подтверждается святость Божиего Угодника.

Как мы уже говорили, в церковном народе есть факты почитания Царственных Мучеников, хотя они и не повсеместны. Имеются также знамения. Во-первых, это чудесное явление в день [отрешения от Престола] Царя-Мученика иконы Божией Матери «Державная».

Небесная наша Заступница приняла ***Искупительную Жертву*** *Русского Царя и взяла на Себя роль Удерживающего в России.* И за границей я много слышал о разных свидетельствах Его святости. В Сербии много удивительных свидетельств. Сербские матери молились святому Мученику Николаю, чтобы Он вымолил у Бога жизнь их сыновей, ушедших на войну. И их сыновья спасались невероятным образом. Молились Св. Царю Николаю и в тех случаях, когда хотели получить известие о сыне. Эти простые женщины знали, что Сам Государь Николай Александрович очень переживал за

Своего Сына, больного Наследника Алексия, и Ему знакомо родительское горе.

— *Наверное, и сейчас в храмах Сербии возносятся Ему молитвы, ведь там снова началась война. И всем в России, кто переживает за православных братьев, надо молиться Св. Царю Николаю? У нас в стране тоже неладно. В нынешнем хаосе обостренно чувствуется, что нет Божией Освященности власти, порядка, Богоустроения на земле...*

— [...] Сам я монархист, знаю, что и родители мои всегда почитали Императора. Не как Святого Угодника Божия (об этом тогда не думали), а просто Царская Власть была Священна для всякого православного. А родители мои были строго православными.

У нас разные были Цари. [...] Но никто никогда не покушался на Царское Их Достоинство. Ведь помазывали на Царство в храме Божием — в присутствии свидетелей. Цари [...] не только этот Святой Дар *Помазанничества* получали, но и осуществляли его в конкретных делах, в Царском Служении.

— *Наверное, народ должен помнить, что в 17-м году он нарушил клятву верности, данную в 1613 году Династии Романовых?*

— Христос, на вопрос фарисеев: позволительно ли человеку разводиться с женой своею, ответил: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает». *Так вот, Венчание Церкви с Русским Народом в Лице Его Царя никем не отменено*. Царь хоть и отошел в 17-ом году от управления Государством, но от

Помазанничества не отказался. И погоны Свои Царские Он снял с Себя лишь перед Мученической Кончиной, их потом нашли спрятанными в Ипатьевском Доме. И народ не мог отказать Ему в Помазанничестве. Вспомните Евангелие. Фарисеи, услышав от Христа, что человек не может разлучиться со своей женой, указали Господу на Его пророка Моисея, который заповедовал давать разводное письмо и разводиться. Господь ответил: «Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами». Вот точно так же и мы живем без Освященной Власти — по жестокосердечию нашему.

— *Возвращение Монархии возможно?*

— Я думаю, возможно. Все-таки эта форма власти вне политики и разных идеологий, которые ссорят людей. Молиться надо, чтобы Господь даровал нам такую Власть.

«Не считайте Меня мертвым»

Встречей с Владыкой Мелхиседеком поездка моя, можно сказать, была завершена. Оставалось время наспех познакомиться с городом, пробежаться по магазинам. В кармане лежала еще карта-схема, начерченная Верховским. На ней был указан путь до Ганиной ямы, где я намеревался побывать.

Сейчас, вспоминая те дни, понимаю, что просто так уехать из Екатеринбурга я не мог. Не доставало какой-то последней черточки, какого-то знака, в котором бы въяве раскрылся смысл слышанного и виденного. Впрочем, об этом я тогда не думал.

«Домой!» — с легким сердцем, пешком направился я на вокзал. «Домой!» — радовался, обгоняя прохожих, у которых были такие обыкновенные, такие милые лица. Миновав вокзальный арочный переход, взялся за ручку двери и... оглянулся. В переходе на земле, у самой стены, лежали носилки с человеком. Мимо проходили люди, ни врачей, ни родственников этого человека поблизости не было. Заняв очередь в кассе, вернулся под арку. Рядом с носилками стояли двое парней и шутили насчет *«мементо морэ»*.

— Безобразие! — проворчал проходивший мимо старик. — Такого еще не было, чтобы покойников на улице бросали!

Я взглянул на мертвеца и вздрогнул. Это был почти ребенок, подросток. Голова укрыта оранжевой клеенкой, одна нога заголена — из нее торчала давно уже, видно, почерневшая кость. Шапка, шубка и сапожки лежали отдельно, на выступе стены. Прошло около часа, несколько раз я подходил к носилкам, но так и не решился откинуть клеенку, чтобы увидеть его лицо. Так и уехал, *а «безхозный» маленький мертвец остался лежать*.

Билет я взял не на экспресс, а на электричку. И ехал в обратную сторону от дома — на станцию Шувакиш. Оттуда рукой было подать до Ганиной ямы.

Из допроса П.С.Медведева: «Трупы выносили на носилках, сделанных из простынь, натянутых на оглобли, взятые от стоявших во дворе саней. Сложенные в автомобиль трупы завернули в кусок солдатского сукна... В три часа все было окончено».

Глубокой ночью грузовик выехал из города на лесную дорогу, ведущую к деревне Коптяки. Торопились до восхода солнца. Шел дождь, и машина несколько раз застревала в грязи... На поляне близ заброшенных рудников разожгли костер. Три дня и две ночи Тела уничтожались огнем и серной кислотой под руководством Юровского. Несколько раз, чтобы посмотреть на работу, приезжали из города Белобородов и Голощекин (люди с придуманными фамилиями). Как видно из материалов следствия, поляна эта была выбрана заранее — Юровский несколько раз кряду приезжал сюда верхом и подыскивал место поудобнее. Возвращаясь в Ипатьев Дом, он, как ни в чем не бывало, разговаривал с Пленными и навещал больного Цесаревича, лежавшего в постели.

Уже полчаса прошло, а электричка все дальше и дальше отъезжает от города, за окном — тайга. Странно. Зачем убийцам нужно было ехать в такую даль? Чего они боялись?

...Иду по тайге, по тракторной дороге. Позади километров десять безсмысленных плутаний по колено в снегу. Еще раз сверяюсь с картой-схемой. На ней все понятно, даже масштаб соблюден — все-таки геолог чертил... А нужной поляны найти не могу!

«Могилы Моей не ищите», — вспоминаются слова.

И вдруг становится понятным смысл видения св. Иоанна Кронштадтского. ***«Могилы Моей не ищите»*** — это значит: ***«Не считайте Меня мертвым»!***

Остановился, удивленный простой этой мысли. Где-то в глубине леса весело стучит дятел, искрится снег, искрятся ветками чистотелые березы, за которыми на горизонте синеют горбы Большого Урала. Где-то в другой жизни — Кровь, Предательство, Детский Труп на вокзале. А здесь... Солнце. Свежесть. Русский дух»[1].

Уральская Летопись

На Урале ведется Летопись почитания Августейших Святых. Вот что пишет Алексей Анатольевич Кузьмин, ее составитель: «Многие простые люди на Урале почитали Царственных Мучеников с самых первых дней Их кончины. Почитание Царской Семьи началось в Екатеринбурге еще тогда, когда не было храмов в Их честь, когда Они еще не были причислены к Лику Святых. Люди просто приходили к месту, где стоял Ипатьевский Дом, убирали мусор на пустыре, который горожане приспособили для выгула собак. И все же особой датой в истории столицы Урала стал день 16 июля 1989 года. Вечером на пустыре, где некогда стоял Дом Ипатьева, стали собираться люди. Первый раз открыто прозвучали народные молитвы Царственным Мученикам. Власти города отреагировали на это событие как на опасный акт гражданского неповиновения. Были избиты и арестованы многие

[1] *Сизов М.* Уральская Голгофа (поездка в Екатеринбург, зима 1993 года — уже после расстрела «Белого Дома») Екатеринбург — Сыктывкар. red@mrezha.ru

участники молебна. Но, несмотря на сопротивление властей, народное почитание Царской Семьи крепло. На следующий год в День Памяти Мучеников собрались уже тысячи людей. Ночью два священника отслужили Покаянное Богослужение. 18 августа 1990 года на месте Ипатьевского Дома был установлен первый деревянный Крест, возле которого верующие люди и стали молиться один-два раза в неделю, читать акафисты. 25 августа у Царского Креста Высокопреосвященнейший Владыка Мелхиседек впервые отслужил панихиду по Царской Семье. Крест простоял две недели, а затем был сломан неизвестными злоумышленниками; верующие люди снова восстановили его в первоначальном виде. «Я хорошо помню, — рассказывает Алексей Анатольевич, — как безбожники пытались осквернять этот Крест, даже подкладывали под него [взрывчатку]. Но Крест устоял, и многие годы он был единственным в городе видимым знаком почитания Убиенных Членов Царской Семьи. Мы знаем, что Поклонный Крест является малой архитектурой, который можно назвать еще и [«часовенкой»].

5 октября 1990 года почитатели Царственных Мучеников установили новый металлический Крест, во время воздвижения которого произошло чудесное знамение. С Неба в дождливую погоду упал яркий свет, проистекавший из воронки, образованной вращавшимися облаками. Несмотря на то, что прошло довольно много времени, Алексей Анатольевич хорошо помнит тот день. Вот что он рассказывает: «Знамение продолжалось минут два-

дцать, а затем Небо постепенно сомкнулось, и луч света исчез. И за это время многое в моей жизни уже переменилось. Я впервые в жизни почувствовал и осознал, что есть Бог. Во мне появился страх». Через пять дней после этого знамения Свердловский горисполком принял решение, разрешавшее «в связи с многочисленными просьбами жителей города и общественных организаций» установку «памятного символа на месте расстрела Царской Семьи»; также было принято решение о передаче небольшого земельного участка Екатеринбургской епархии. В Царские дни 1991 года в городе впервые был проведен Крестный ход от Вознесенской церкви до Царского Места, где архиепископ Екатеринбургский и Курганский Мелхиседек отслужил великую панихиду по Невинно Убиенным. Ночью у Царского Креста в час [мучений] двумя священниками был отслужен молебен с водосвятием. Вот что писал Владыка Мелхиседек: «*В 1991 году Екатеринбургская епархия в первый раз приняла участие в проведении Царских Дней. Прибыли гости из других городов, в том числе священнослужители». С тех пор Русская Православная Церковь стала открыто почитать Царя.* В 1991 году Екатеринбургу вернули его историческое название, после долгого бездействия был открыт для Богослужений старейший в городе храм в честь Вознесения Христова, который был особым символом духовной жизни города. Напомню, что в этом же году состоялся знаменитый Съезд соотечественников, среди участников которого был известный, ныне, к сожалению, уже покойный писатель

Владимир Солоухин. С группой участников съезда он приехал в Екатеринбург, и 17 июля они установили Поклонный Крест в память Царской Семьи на Ганиной яме. То есть, понятие *«Царское Место»* для нас стало обозначать не только место, где стоял дом инженера Ипатьева, в котором Царственные Страстотерпцы приняли мученическую смерть, но и то место, где уничтожались Их Тела, Останки Их Тел.

Конечно, место [мученических страданий] — это святое место, но и то место, где уничтожались Их Тела, где, возможно, остались какие-то Их частицы, тоже свято. И о том, что эти места святы, было очень много знаков и знамений, как говорится, небесных доказательств Свыше. Люди видели и огненный Крест, и огненные столпы, кто-то видел образы Членов Царской Семьи... И для многих это стало переломным моментом в их духовной жизни.

Если говорить о чуде, то нужно отметить, что оно может быть разным для каждого человека. Но если человек приходит к Богу и видит свои грехи, то каким бы чудо ему странным ни казалось, он верит, что оно — от Бога. Потому что эта такая духовная радость, которую любой христианин должен чувствовать и понимать. Сейчас происходит много чудес, мироточит очень много икон, и многие даже перестают обращать на это внимание, забывая о том, что Господь к каждому стучится в свое время. Для людей верующих — это укрепление в вере, для неверующих — «безумие», как говорил Апостол Павел. Многие неверующие прежде люди после

того, как увидели какое-то явное чудо, приходят к Богу — но Христос-то хочет, чтобы люди верили в Него не за чудо, а просто верили. Поэтому кому-то, может быть, было дано в жизни чудо, а кому-то нет. И блажен тот, кто верит в Бога и без этого. Но, видимо, такой был Промысл Божий, что с Царской Семьей было очень много чудес.

Алексей Анатольевич вспоминает первый приезд Великой Княгини Ольги Николаевны Куликовской-Романовой к нам в Екатеринбург в 1991 году: «Когда мы приехали на Ганину яму, был сильный дождь. Но едва Ольга Николаевна подошла к Поклонному Кресту, выглянуло яркое солнце, и все увидели, как с Неба опустился яркий светлый столп. Все замерли, все плакали. Через год, в 1992 году, Владыка Мелхиседек сам лично совершил Крестный ход от Шувакиша до Ганиной ямы, где совершил Первый Архиерейский Молебен. Тогда случилось прямо противоположное: чистое солнечное Небо затянуло тучей, и с первых слов молитвы начался сильный ливень. После окончания молебна Владыка сказал: *«Вот поплакали, и природа с нами поплакала»*. А затем снова выглянуло солнце, и люди, промокшие до нитки, полностью высохли, пока шли обратно на станцию Шувакиш.

23 сентября 1992 года на месте будущего Храма-на-Крови Владыка Мелхиседек в сослужении с архиепископом Пензенским и Кузнецким Серафимом и епископом Челябинским и Златоустовским Георгием совершили торжественную закладку камня с частицей Святых Мощей Праведного Симеона Верхотурского. На закладку храма

в Екатеринбург приехала Ольга Николаевна Куликовская-Романова. Она передала волю своего тогда еще живого супруга, Тихона Николаевича, о передаче Русской Православной Церкви образа Божией Матери «Троеручица», который был привезен им другом, верным офицером Императрицы Марии Федоровны, Матери Царя-Мученика. Он был привезен из Екатеринбурга: эту икону он нашел во дворе, выброшенной из Дома Ипатьева. Я уже говорил, что был один-единственный день, 25 июля 1918 года, когда возле Дома Ипатьева не было охраны, и в этот день все, кто хотел, мог сюда зайти и взять что угодно. Нет никаких сомнений в том, что эта икона была в Ипатьевском Доме и является «живой» свидетельницей молений Государя и Членов Его Семьи. Тихон Николаевич был уверен, что на месте [Мучений] Царской Семьи обязательно будет построен храм, и завещал передать «Троеручицу» именно в этот храм. Она была передана Храму-на-Крови в 2003 году, встречал святой образ в Екатеринбурге многочисленный Крестный ход. В этом тоже была какая-то преемственность. Икона, попавшая из России сначала в Данию, а затем в Канаду, спустя много десятилетий, вернулась обратно в Россию. У многих еще на памяти печальный случай, произошедший с этой иконой: ее похитили прямо из храма — первое время она находилась непосредственно на аналое. Верующие люди были потрясены: неужели от нас ушло Благословение Императорского Дома? Неужели мы не смогли сберечь Святыню? Три дня никто ничего не знал о судьбе иконы. Полковник Романов, который

занимался расследованием этого дела, очень жестко сказал коллекционерам: «Если через три дня икона не будет возвращена — пеняйте на себя». И икону быстро возвратили через подставное лицо. Сейчас для «Троеручицы» изготовили красивый киот из уральских самоцветов.

25 января 1993 года в Екатеринбургский городской совет и средства массовой информации поступило обращение архиепископа Екатеринбургского и Курганского Мелхиседека, *где иерарх Русской Православной Церкви Московского Патриархата впервые официально назвал Царственных Мучеников Святыми:* «...среди жертв канонизированные Святые Новомученики и Исповедники Российские во Главе со Святым Благоверным Царем-Мучеником Николаем II Александровичем. Святой Царь Николай пока не канонизирован Патриаршей Церковию, но Он является Местночтимым Святым как раз в Екатеринбурге, и мы, жители города, свидетели массового церковного почитания Его, Его Августейшей Семьи и сонма всех святых Новомучеников Российских».

В ночь на 17 июля 1993 года на месте мученической кончины Царской Семьи, по благословению архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского Мелхиседека, состоялась первая Божественная Литургия. Ее совершил священник Александр Никулин. На ней присутствовали известная православная писательница монахиня Нектария из Калифорнии, перу которой принадлежит несколько книг о Царской Семье. Так зародилась ежегодная традиция совершать Божественную Литургию

именно в часы [мучений] Августейших Страдальцев. После Богослужения на Святую Пасху, Рождество Христово, Крещение Господне и Великую Субботу службы на этом святом месте стали новым церковным торжеством, главный момент которого — ночная Божественная Литургия. С того времени память Царской Семьи, по сути, стала для нас великим праздником. По смыслу этот День близок к празднованию Усекновения Главы Иоанна Крестителя: великий праздник, но строгий пост. Мы еще находимся в таком состоянии, что нам нужно проявлять больше покаяния. На нас до сих пор находятся последствия страшного греха цареубийства — мы не знаем, прощен ли этот грех. В 1993 году почитание Царской Семьи впервые проходило организованно, и Тамара Никитична Воронина, народная артистка России, подготовила литературную композицию «Последний Царь», с которой вышла в широкие народные массы. В ней звучали пророчества Серафима Саровского об участи Царской Семьи, стихи Марины Цветаевой, посвященные Императрице. Эта работа стала особой «духовной лампадой» для многих людей в почитании Царской Семьи на Урале.

28 декабря этого же года Священный Синод Русской Православной Церкви под председательством Святейшего Патриарха Алексия II свидетельствовал, «что народ наш, проходящий через испытания, наложенные Богом за грехи Богоотступничества, цареубийства и гражданской смуты, и раскаивающийся в этих грехах, нуждается в видимом знаке покаяния», и благословил строительство в Екате-

ринбурге Храма-памятника на Крови в честь Всех Святых, в Земле Российской Просиявших. Ко дню рождения Царя Страстотерпца Николая 19 мая 1994 года над Поклонным Крестом была возведена часовенная сень, увенчанная маковкой с Крестом, и Владыка Никон в Светлую Пасхальную Седмицу служил здесь Литургию, причащал верующих. Ко Кресту приходило много людей, очень разных, истинно верующих и случайных прохожих, которые, увидев, что здесь молятся, останавливались и спрашивали, что здесь происходит. Некоторые удивлялись — почему люди почитают Царскую Семью? В то время об Императоре Николае II говорили и писали только отрицательно. Это сейчас появилось много книг, архивных документов, благодаря чему каждый человек может сам разобраться, что к чему, подумать, сделать какие-то выводы. Мы знаем, какой могущественной была Россия при Царе, и что с ней случилось, когда не стало Царской Власти. *В Лице Царя мы имели Отца. Семье невозможно жить без отца, иначе это будет неполная семья.* Как правильно сказано, семья — это клеточка всего общества. И как в государстве — так и в семье, как в семье — так и в государстве. Нет отца — нет семьи. Образно говоря, советская власть выступила в роли отчима. Строгого отчима, который не любил и порол свое приемное дитя, которое по своим грехам этого и заслужило. А когда и этого отчима не стало... создается такое впечатление, что мы стали просто безпризорными. [Как тот Отрок, «безхозный», который был найден мертвым у вокзала — при дороге... Так ныне и вся наша Русь — без Отца, Хозяина. — *авт.*]

Иностранцы нам говорят: вы, русские, не можете без Царя. Сейчас наша страна переживает довольно тяжелое время. Видимо, про это время сказал когда-то преподобный Старец Серафим, что «будут монахи как мирские, а мирские яко бесы». Царь — это не только государственная власть, Царь — это Основа Народа. Народ счастлив, когда имеет Царя. И русский народ был единственным народом в мире, который в жизни нес эту идею: Вера, отображенная в государственном управлении — как образ Небесного Царства и царства земного. Поэтому сломать Царскую Власть в России было наипервейшей задачей и со стороны иностранных государств, и со стороны большевиков-богоборцев.

Вот почему была особая злоба к священнослужителям, особая злоба в разрушении храмов: потому что именно здесь убить надо было все в основании. «Но вот что самое интересное, — отмечает Алексей Анатольевич, — почитание Царской Семьи в России началось именно у нас, на Урале, в таком «безбожном» по сравнению со средней полосой крае. Здесь память о Царе оживила многих. Я просто знаю и вижу, что многие пришли ко Христу через Царя. Я сам про себя могу так сказать: если бы не было Царя, если бы не было Царской Семьи, я не знаю, как бы я пришел к Богу».

В 2000 году на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви, проходившем в Москве с 13 по 16 августа, состоялось прославление Собора Святых Новомучеников и Исповедников Российских. В числе первых были названы Святые Царственные Страстотерпцы, было при-

нято официальное решение о канонизации Членов Царской Семьи, хотя народ давно уже почитал Их как Святых, и эта канонизация явилась только подтверждением факта, который уже существовал сам по себе. Почитание Святых Царственных Страстотерпцев — это единственное, чем мы можем еще оправдаться перед Богом. Наш край может спастись именно памятью о Царственных Мучениках. Не случайно сюда едут люди со всей России и из-за рубежа, стремясь своими молитвами и Крестными ходами вернуть Государю свой долг, изгладить свою вину. И они получают от этого большую духовную радость, праздник для души — такая пасхальная благодать дается здесь людям»[1].

На пути ко спасению

Архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Мелхиседек произнес с амвона удивительные слова в 1993 году, которые с любовию воспринял Батюшка Николай и передал в ответ Владыке самые теплые слова благодарности:«Вопреки мнению, усиленно внедряемому либеральствующими «богословами», тьма затопила Россию ***не после и не вследствие*** добровольного отречения Государя Николая Второго, а наоборот — ***не тьма была вызвана отречением, а отречение тьмою.*** Духовный подвиг Государя определен Провидением ***для спасения России от власти тьмы.*** Царь добровольно отдал Себя на муки, уничтожение и смерть

[1] Информационное агентство Екатеринбургской Епархии

по образу Христова кенозиса, и ***свет святости Его не затемнить силам тьмы никакими нагромождениями лжи и клеветы. Народно-церковное почитание Его означает, что народ не только сохранился, но и находится на пути ко спасению!»***[1]

Здесь нельзя не вспомнить видение, бывшее одному валаамскому старцу за несколько дней до русско-японской войны. Узнали мы о нем из келейных записей иеромонаха Валаамского монастыря отца Иоиля, скончавшегося в декабре 1937 года на Порфириевском острове. Сии видения были записаны за семь дней до объявления войны с Японией — России в 1904 году. Записаны впервые 2 января 1905 со слов отца *N* — а из его тетради и переписаны иеромонахом Иоилем 30 января 1917. Старцу явился Ангел, открывший ему многое из того, что произойдет в ближайшем будущем. Среди прочих видений старец увидел высокую белую стену, по которой сверху донизу текла кровь. Рядом с этой стеной стояло четыре человека и чуть далее, отдельно от них, пятый. Четверо насмехались над пятым, порицали его. Этот пятый протянул к ним руку, но в этот момент появившееся в воздухе лезвие порезало руку, и кровь полилась по руке и на землю. Тогда Ангел сказал старцу: «Не удивляйся сему. ***Не простая это рука, но Царская, а Кровь эта — всего народа — льется через Царскую руку»***.

«Тогда, — писал старец, — обернулся стоявший отдельно Муж, и я узнал в Нем Императора Ни-

[1] *Архиепископ Мелхиседек.* Почитание Святого Царя. Жизнь Вечная. № 25. М. 1996. С. 20.

колая Второго. Он обратился к стоявшим четырем человекам, прося помощи у них. Но они, видя это, начали смеяться над Ним, говоря: «Проси помощи у Христа Своего, и мы посмотрим, какую помощь Он подаст Тебе».

Тогда Государь Император поднял Свои обагренные кровию руки и произнес: «***Господи Иисусе Христе, Сыне Единородный, в Троице славимый, Ты дал Мне царствовати и видишь, как Меня за Имя Твое порицают, дай Мне помощь***».

В этот момент опускается белый холст и невидимо кем перевязывается Его рука. И стало очень радостным Лице Государя Императора, а стоявшие четыре человека весьма устыдились. Двое из них протянули руки Государю Императору весьма ласково и дружелюбно, а двое обратились в сторону и повернулись к Нему спиной. Но Государь не обратил на них внимание. Четыре эти человека не единичные личности, а целые страны, народы, которые именуют себя друзьями Русского Народа.

Потом перед Государем открылись две дороги: одна, ведущая в огромный тенистый сад, а другая — освещаемая жгучим солнцем. И как бы предоставлено Ему было, по которой из них Ему идти. Когда Государь стал подходить к первой тенистой дороге, которая вела в сад, из него вышло несколько черных людей и, поклонившись Ему, стали просить, чтобы Он пошел по этой дороге. В это время, стоявший со мной Юноша повернулся боком, чтобы не видеть этой дороги. Государь, однако, не обратил внимания на кланяющихся людей и пошел по *солнечной* дороге. Тогда Юноша повернулся лицом к Нему,

и я увидел у него такое радостное и светлое лицо. Я спросил тогда: «Что такое это значит?» — Юноша ответил: «Не один я радуюсь, но и все Сонмы Ангелов Небесных сорадуются сему. Предложение сие было о помрачении Веры Царю, ***но есть определение Божие, что не может быть на Русском Царском Престоле омраченный Верою Царь.*** Было определение Божие, что если бы омрачился Верою Царь, то и истреблен был бы весь Царский Дом. Царь не обратил даже внимания на тех, которые предлагали сие. Поэтому и радуются все Сонмы Ангелов Небесных, радуются о пути, которым Он пошел, то есть о солнечном. Хотя тяжел он, но он правый».

Это видение как нельзя лучше объясняет суть духовного подвига Царя-Мученика Николая Второго, отказавшегося идти тенистым, внешне легким, но обманным, антихристовым путем, и выбравшего тяжкий, но спасительный [солнечный] путь мученичества за Христа и Россию. [**«Хотя тяжел он, но он правый»!**][1]

«Святая Русь процветет аки Крин Небесный»
(Авель Прозорливый)

Замечательный мыслитель и талантливый режиссер В. П. Виноградов, поделился своими размыш-

[1] Царь Николай II и Новые Мученики: пророчества, чудеса, открытия и молитвы. Документы. М. 2000. С. 83–85. Из Архива Валаамского монастыря. Новый Валаам. Финляндия. № 7298.

лениями о Грядущих Судьбах Руси. Вадим Петрович вопрошает: «Где же исполнение пророчества Николая Васильевича: «*Постойте же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое Православная Русская Вера?*» Наступит ли это время, в приходе которого так был уверен Н. В. Гоголь? Так ведь не только Гоголь, а и многие иные пророчествовали об этом самом. Вот, еще одно: «*Святая Русь процветет аки Крин Небесный*» — монах Авель (1757‡1841). *И если хотите принять,* время это уже было и все исполнилось в точности, как и предвидел Н. В. Гоголь! Православная Русская Вера, которую через образ своего Тараса так чудно выразил Гоголь, была явлена міру в начале двадцатого века явлением Новомучеников и Исповедников Российских. И разница между нашими Новомучениками и первомучеником Стефаном была лишь в том, что Стефана побивали камнями, а Новомучеников — пулями.

«И спросили Его ученики Его: как же книжники говорят, что Илии надлежит придти прежде? Иисус сказал им в ответ: правда, Илия должен придти прежде... Но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его... Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе» (Мф. 17.10,13). И, если хотите принять, он есть Илия, которому должно придти. Кто имеет уши слышать, да слышит! (Мф. 11.14–15)

Так и Возрождение России, предсказываемое святыми, как Возрождение России на короткое время с Православным Государем, *если хотим принять,* уже свершилось. Этим Возрождением

было время высокого духовного подъема остатка Святой Руси, когда Россия явила міру через сонм Новомучеников и Исповедников Российских во главе с Православным Царем Николаем II ту Христову Веру, о которой мір уже не имел ни малейшего понятия, даже в самой России. Слыша, мір этого уже не слышал, и, видя, не видел и не разумел. Ибо, «как мало оставалось в обществе времен Новомучеников и Исповедников Российских веры во Христа! Как слабо было уже стремление к Отечеству Небесному! Какое равнодушие к порывам души освободиться от крепких сетей, сплетенных из растленных обычаев міра, и от несокрушимых оков, в какие заключила сама себя наша воля, отдавшаяся во власть суетных желаний». (Священномученик Фаддей Успенский).[...] Сегодняшние же «патриоты», православные атеисты, трубят о возрождении, ясно даже и не представляя себе, что же это такое, *Возрождение России*? Что, Россия разве способна еще раз вспыхнуть таким обилием огненных столпов, уносящихся в Небо, каким она вспыхнула в начале двадцатого века? Да, сегодняшнее Российское Малое Стадо еще способно осветить Россию светом огненных столпов, уносящихся ввысь. Но таким ли ярким светом, каким осветило Россию ее Возрождение в начале двадцатого века, целью которого было напомнить міру о Слове Истины? Уже нет. Потому что миссия Малого Русского Христова Стада двадцать первого века состоит не в том, чтобы сказать слово міру, а *сохранять в себе Веру Православную в такой полноте, которую-то и не смогут одолеть врата ада.* И потому трубить

сегодня надо только о том, чтобы не отстать нам от обоза, движущегося в Царство Небесное. *Возрождение России, не имеющей ни Царя, не представляющей собою и Отечества, имеет сегодня только один путь: путь личного спасения.* Малое стадо, сохраняющее верность Христу в своей «перегородке», *оно не только спасает свои души.* Оно сохраняет себя для тех путей, на которые волен направить его Господь для спасения России» (Архимандрит Константин Зайцев). То есть, только встав на путь личного спасения, ты этим самым и возрождаешь Россию. Духовное Возрождение России н*а малое время*, которое ожидали наши пророки в девятнадцатом веке, свершилось в начале века двадцатого во дни испытания России огнем революции. Потому что Возрожденная Россия, с духовной точки зрения, — это вовсе не благоденствие сильной Державы, в которой нет бедных, наподобие США. Возрожденная Россия — это, всего лишь, постоянное сердечное исповедание, подсказанное нам Достоевским: «Мы со Христом!» *«Возрастание Церкви — это возрастание Малого Стада»* (Священномученик Илларион Троицкий). Русские воины Христовы с честию выдержали тогда это испытание, показали міру, именно, Возрожденную Россию, такую Россию, о существовании которой уже никто даже и не мог и предполагать. За двухсотлетний период методичного отступления от Христа, проходившего вехами: Петровской поры, Екатерининского правления; растления православной России: декабристами, Герценом, народниками, толстовцами и всевозможными либералами и

большевиками, весь мір видел уже Россию страной, обмірщенной западом. И вдруг, Россия, сжавшись до пределов своих Новомучеников и Исповедников, своего Малого Русского Христова Стада[1], предстала пред всем міром — *Первохристианской Верой!*

Вот почему даже и в двадцать первом веке, полностию отступившем от Христа, у слуг диавола нет никакой уверенности в том, что Россия своим Малым Христовым Стадом не «взбрыкнет» еще раз и не повернется, вдруг, к Западу, своим *Первохристианским Лицом.*

Еще в 1872 году погребли вроде бы последнего воина Христова протоиерея Савелия Туберозова[2], на смертном одре страдавшего от того, что: *«Букву мертвую блюдя... они здесь... Божие живое дело губят».* И казалось тогда, что не на старогородской

[1] *Малое Русское Христово Стадо* времен Новомучеников и Исповедников, времени высочайшего духовного подъема России за всю ее историю, было не таким-то уж и маленьким. Новомученики, да, они были во главе этого духовного подъема. Определенным образом они были на виду: их сажали в тюрьмы, их убивали, их ссылали — и это не могло оставаться незамеченным не только для их окружения, но и шире в народе. Но кроме самих Новомучеников исповеднический подвиг совершали тысячи тихих, смиренных и незаметных людей, хранивших Христа в своем сердце и не изменивших Ему.

[2] Скромный провинциальный священник, герой романа старогородской «соборной поповки», Н.С. Лескова «Соборяне», размышляющий о вечном противостоянии в человеке духовного и мирского, помогавший своим служением найти путь к Богу, к Незримому Китежу во внутренней «клети» души.

только поповке настало время полного обновления. Что на всей Российской поповке уже восторжествовал обновленческий дух. Как вдруг, полвека спустя, как из небытия, восстал не один Савелий Туберозов, а целый сонм таких же, как он, Мучеников и Исповедников Российских, к которым, как и к Савелию, стоит отнести емкие евангельские слова: *«В міре бе, и мір их не позна. И узрят нань их же прободоша»,* использованные Н.С.Лесковым, предварившим образом протоиерея Савелия Туберозова сонм Исповедников Российских, которых ныне *«чтут устами, сердца же от которых стоят далеко».*

Естественно, не в масштабе всего народа, как народа Церкви, говорила свое слово Святая Русь, но как *Малое Стадо,* которое может всколыхнуть весь мір, который, хотя и готовится старательно к приходу антихриста, но весь дрожит и колеблется, как перед землетрясением.

России суждено сказать «слово живой жизни в грядущем человечестве» — предрекал Ф.М.Достоевский. В апокалиптическом образе *«жены, облеченной в солнце»* Ф.М.Достоевский увидел великое будущее России. «В одном разговоре, — вспоминал В.С.Соловьев, — *Достоевский применял к России видение Иоанна Богослова о жене, облеченной в солнце и в мучениях хотящей родити сына мужеска* (Откр. 12. 1–6): *жена — это Россия, а рождаемое ею есть то новое Слово, которое Россия должна сказать миру. Правильно или нет, это толкование «великого знамения», но новое Слово России Достоевский угадал верно»* («Три речи в память Достоевского»).

Но о каком слове в прямом его понимании может идти речь, если Слово сказано раз и навсегда Господом Богом и Спасом всех Иисусом Христом? Какого еще нового Слова не хватает миру? Россия могла сказать миру только «аминь»! И она его сказала явлением своих Новомучеников и Исповедников Российских.

И когда Ф.М.Достоевский предсказывал то, что «Россия скажет миру слово!», в этот самый момент, как раз именно его словами, Россия завершала свое слово миру. Как угасающая Свеча, Святая Русь озарилась пламенем последней и самой яркой своей вспышки — явлением Новомучеников и Исповедников Российских. В этот наивысший момент своей верности Христу Русская Православная Церковь сравнялась с Первохристианской Церковью Мучеников. И потому фраза «Россия скажет миру Слово!», сегодня уже звучит: *«Россия сказала свое Слово миру!»* С прибавлением: *«Но мір его не услышал». Словом этим стало явление Новомучеников и Исповедников Российских, этой Филадельфийской Церкви двадцатого века, которую всегда укреплял Господь Иисус Христос словами: «Се, гряду скоро, держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего».* А говорила Россия миру свое слово всем своим тысячелетним периодом своей жизни *своею же жизнию*. Святая Русь говорила это свое слово, прежде всего, Западу, проповедуя ему всей своей жизнию самоотвержение. Смысл же этого русского слова Западу лучше всего выразил Святой Пророк, Предтеча и Креститель Господень Иоанн: *не должно тебе иметь* (Марк 6.18). То есть, не долж-

но вам растлевать народы своим блудодеянием не только в вашей плотской, но и в духовной жизни.

И за то, что Россия всей своей жизнию тысячу лет говорила Западу: *Не должно тебе, Запад, иметь... За это запад... отрубил ей голову.*

Итак, еще раз, Россия сказала свое Слово міру. И Словом этим стало явление Новомучеников и Исповедников Российских. После этого последнего Слова міру каждый, кто желает достичь Царства Небесного, вынужден теперь, повинуясь правилам, установленным Новомучениками и Исповедниками Российскими, двигаться только за Их обозом. Ибо другого обоза, идущего в Царство Небесное сегодня, во всяком случае, в России, уже не существует. Идущие же сегодня за этим обозом, подражая Новомученикам и Исповедникам Российским, нынче благоразумно скрыли себя от людей, как об этом и было предвозвещено о нашем положении еще преподобным Нифонтм в третьем веке.

P. S. Но только, может быть, Слово-то это міру, которое сказала міру Россия и которое мір даже не заметил (и продолжает не замечать), как начисто позабыл и Слово Первых Христиан, сказано, видимо, было не для ***всего*** (*«Отче! Я не о всем міре молю, но о тех, которых Ты дал Мне*! (Ин. 17.9) міра, а было только исповеданием *Малого Русского Христова Стада* Самому Господу Иисусу Христу? Именно Новомученики и Исповедники Российские и были в начале двадцатого века теми, о которых молился Христос Своею Первосвященническою Молитвою, теми, которых Отец и дал Ему. Это были те, которые *удержали то, что имели*, и

они ответили своему Спасителю своим подвигом верности, просто сказав: ***Так, Господи!»***[1]

«Русью мир спасется.
Царь на Крест пошел за Русь»
(Старец Николай)

Батюшка Николай говорил: «Русью мир спасется. Царь на Крест пошел за Русь! Царь Николай не только Русский Святой, Он — Святой всей Вселенской Православной Церкви». Православная Русь как великий Корабль-Церковь, Который плывет в море и никогда не потонет. Незыблемо основание его — Вера, наша святая Вера. Об нее разбивалось и разбивается всякое безбожие. Все иные государства притянулись к нашему Кораблю и цепко держатся за борта, и потому только и не тонут. Церковь — спасение для всего обуреваемого страстями человечества, зовет: Входите тесными вратами...

«Что принесем Тебе, Христе?! — Сегодня, в двадцать первом веке, соблазны во всей полноте овладели уже всем человечеством и все помыслы людские устремлены в одну только точку — на стремление к упоению земными благами, и только. А протестантское сознание, что нас ради человек и нашего ради спасения Христос сошел с Небес... и все! — этим Рождеством мы все уже спасены, опустилось и на православный мір. И потому, как никогда, настало время, чтобы вырваться из этой

[1] *Виноградов В. П.* Новомученики и Исповедники Российские. — *Архив автора.*

сети ловчей, услышать Голос Церкви (не путать с Ее двойником), Которая донесла до нас свой опыт помощи на этом пути — пользу о памятовании самого важного дня в истории человечества — *Рождества Христова*. И выделила Святая Соборная и Апостольская Церковь (а не Ее подмена) в этом Великом Празднике то, что нас ради человек и нашего ради спасения Христос Спаситель сошел с Небес через скорбь сердца Своей Матери. И потому Церковь поет: *Ты же, Мати Божия, не имевшая где главу преклонити, зане не бе места в обителях, роди Сына Своего Первенца в вертепе и, повив Его пеленами, положи в яслех; тем скорбь сердца Твоего познавая, вопием Ти: радуйся Многоскорбная Мати Божия, печаль нашу в радость претворяющая.*

Скорбь сердца Твоего познавая! — вот где Церковь (а не Ее призрак) призывает находить источник наших борений со страстями, обуревающими весь мір, и потому улавливающими в свои сети всякого человека. Разве не начата Господом Иисусом Христом проповедь Воскресения именно с момента Своего Рождества? Разве с этого момента Своего воплощения, первым Своим делом, делом, а не словами, Он не возвестил всякому человеку: *Входите тесными вратами?!» — и печаль в радость претворится»*[1]...

Так думал и Батюшка Николай — *печаль претворится в радость:* «Все будет! Будет светло и достойно, ведь Святая Русь не умирала... За Августейшую Жертву и молитвы Царя-Мученика. А мы

[1] *Виноградов В.* Рождество Христово. Что принесем Тебе, Христе?! — *Архив автора.*

счастливые, потому что храним и сохраним Православие как встарь у Отцов. Ведь мы с вами — староверы! Ничего не бойтесь и не унывайте! Не давайте ломать наши Святыни... Сейчас Государя нет, но Царь-Мученик Николай остается Милостию Божией Хозяином Русской Земли и Церкви. Ему молитесь, Его просите... Нас бы не было, если бы Государь не вымолил у Бога прощения для народа... Не забывайте, Царственный Мученик Своими страданиями спас нас! Если бы не муки Царя, России бы не было! Царь очень жалел и любил Россию и спас ее Своими мучениями. Он отдал на заклание Наследника Алексия, Отраду и Утешение Своего сердца».

Царственные Святые, не имевшие места, где главу преклонити, были Страдальцами всем Своим житием. Все Царствование Их неправедно обвиняли, клеветали, злословили, и это достигло высочайших мук в 1916 году с убийством Верного Друга Григория, к которому Они испытывали безграничное доверие. За два месяца до переворота, тайные силы, во главе которых стояла все та же «туманная» Англия, продуманно и цинично замучили Григория Ефимовича... Ведь он был самой жизнию, дыханием Цесаревича Алексия. Венценосцев убивают дважды: сначала вместе с Григорием в страшную ночь с 16/29 на 17/30 декабря шестнадцатого через скорбь сердца, потом — в такую же ночь с 3/16 на 4/17 июля восемнадцатого.

Итак, Августейшая Семья и Их духовный отец Григорий стали Единой Жертвой в деле спасения Руси и удержали ее над бездною, как это было яв-

лено в откровении, бывшем Митрополиту Макарию Московскому в 1917: *«Государь взял вину Русского Народа на Себя, и Русский Народ прощен»*... Но не прощен синедрион. Это богомерзкое сонмище иудейское, приговорившее на Распятие Царя и Русь...

Из Писания мы знаем, что пришествие антихриста будет попущено Богом «в надлежащее время». «Это попущение — пишет иеромонах Сергий (Троицкий) — для всего человечества является необходимым — для отделения пшеницы от плевел, то есть людей богоугождающих от злых, с одной стороны, и для подготовки через скорбь спасаемых к Царству Божию». «Поэтому, — подчеркивает священномученик Ириней Лионский, — для спасаемых необходима скорбь, чтобы некоторым образом протертые, утонченные и через терпение проникнутые Словом Божиим, и очищенные огнем годны были к Царскому пиру», к Царствию Небесному.

Цена Царевой Жертвы

Отец Николай не раз говорил, что Государю через Батюшку Серафима было открыто, как возможно было избавить Россию — Венценосным Супругам принять монашество, Государю — стать Патриархом, а Императрице — регентство над Сыном-Наследником. Об этом постоянно упоминаю во всех публикациях. Приведу еще одно замечательное подтверждение словам Старца свидетель-

ством Н. К. Смирновой: «По сведениям моей мамы, в полученном Государем и Государыней письме [от преподобного Серафима] не просто предсказывался трагический ход жизни в России и Августейших ее Повелителей, но давался совет, как можно удержать Россию над пропастию — отказаться Государю и Государыне от личного счастия, принять монашеский постриг, Государю же — Патриаршество и регентство над Сыном, как это было при избрании на Царство Первого Романова — Михаила.

Так что не просто собственные размышления, но завет великого Старца привел Государя Императора к мысли о Патриаршестве. Как известно, Венценосные Супруги этот совет приняли и пытались воплотить в жизнь, но ответом Священного Синода было *молчание,* и *«взглянув на них с гневом»,* Государь ушел. Мама говорила, что потом иерархи, раскаявшись, пытались вернуться к этому вопросу, но было поздно. Скоро, не скоро было осознание ошибки, и попытки вернуть ход времени — не знаю. Мама очень тонко чувствовала суть событий, но не хронологию.

Итак, вопрос жертвенного пути Царственной Четы был поднят Преподобным Серафимом, принят Николаем Александровичем и Александрой Феодоровной. Принят, поднят и доведен до конца в жертвенной жизни, самом, думается, «отречении» и мученической смерти самой высокой и светлой, самой прекрасной Христианской Семьи России.

Написала, что слышала и запомнила со слов моей мамы, И. В. Максимовой (по мужу Смирновой) ее дочь Наталия.

Мама была дочерию Максимова В.Н., архитектора-художника, строившего по заказу Государя в Царском Селе и Ялте (Собор, казармы, храм). Жили Максимовы до революции в Царском Селе, недалеко от Дворца. Государь любил Владимира Николаевича как архитектора и собеседника. Дед был хорошо знаком с архиереями, от которых и слышал то, о чем я пишу со слов своей доброй и мудрой мамы. Она была старшей дочерию в семье, и отец с ней многим делился. Дед дружен был с архиепископом Серафимом (Звездинским), и мама была его духовной дочерию. Владыка Серафим советовал — или велел — записывать события в России, что она не выполнила и что стараюсь сделать сейчас за нее»[1].

Профессор М.Зазыкин писал, что мысли о приятии Государем и Императрицей монашества возникли в конце 1904 года. Вскоре после рождения Наследника Алексия Николаевича... Повествуя о двух случаях высказывания Государем Николаем Александровичем желания принять монашество, говорит: «Оба раза Государь склонился пред духовным авторитетом [отказом архиереев], но вопрос остается вопросом, было ли побуждение Государя вопросом лишь личного спасения, а не выражением понятого Им блага России»[2].

Итак, Святой Царь высказал Свое желание оставить Престол в пользу Сына-Наследника и принять монашество, предлагая Себя членам Синода

[1] Чудеса Царственных Мучеников. М. 1999. Вып. 4. С. 324–325.

[2] *Зазыкин М. В.* Царская Власть в России. М. 2004. С. 590

в качестве кандидата в Патриархи... Молчанием архиереи дали понять, что на патриаршей кафедре они желали бы видеть кого-либо из них самих. После принятия Патриаршего сана и воцарения на Престол Алексия Николаевича, в России установилось бы правление как во времена Первого Царя из Династии Романовых в семнадцатом веке. Когда Царь Михаил Феодорович правил Государством, а Его отец — Филарет, Церковию. Молчание иерархов свидетельствовало лишь о том, что они помышляли более о своих желаниях, чем о благе Отчизны. После этого Государь и Императрица перестали доверять синодальным архиереям как духовникампастырям. С. А. Нилус определил так характер взаимоотношений: внешне Император не проявлял Своих чувств и продолжал общаться с архиереями по церковным делам, награждая их, принимая, но сердце Его было далече от них. «*Между ними и Его сердцем утвердилась непроходимая стена*»[1].

Сретение пророка

Сергей Владимирович Фомин полагает, что именно после встречи Императора с членами Синода и отказа архиереями Ему в Патриаршестве произошло *сретение, встречание Царя и Пророка Григория*... «Одна из причин этого отказа, — как сейчас нам доподлинно известно, со слов одного из епископов Митрополита Антония (Храповицкого) — была в том, что многие из них сами мечтали о

[1] *Нилус С.* На берегу Божией реки. М. 1992. Ч.2. С. 145–147.

патриаршем куколе. Это прекрасно понимал Григорий Ефимович. Но в связи с чаемым Патриархом думал он, конечно, не об этой мелкой борьбе: «Разве это праведники что в клобуках, состязаются из-за Патриаршего Престола?.. Антоний Волынский, Сергий Финляндский!.. Разве этого нужно им искать и указывать? Нужно, чтобы Духом проникались все и сами указали на человека: вот Патриарх. А такого нет, и его не выдумаешь. Подобрать можно по росту, по красноречию, так, чтобы подходил к правительству, но чтобы Патриарх *своим Духом покрывал весь народ* и чтобы в него и православные, и иноверцы поверили, — для этого *нужно родиться и тихо, незаметно вырасти*»[1].

Как верны эти слова и ныне, ибо отвечают на упования и мольбы исстрадавшегося русского народа о ниспослании Царя Православного! Для этого *Царю нужно родиться и тихо, незаметно вырасти, дабы Духом Своим покрыть весь народ*...

«Итак, Государю была открыта через Преподобного Серафима Воля Божия о том, как спасти Россию — размышляет современный исследователь и церковный историк Григорий Николаев. — Если это свидетельство о письме истинно, то дальше — по неумолимой логике — следует перевести взор с Государя, исполнившего Волю Божию (и отвергнутого в этом именно качестве!) — на тех, в чьих руках оказались судьбы России — тогда, в тот самый момент, когда мы имели дело с очередной точкой синергии (когда Господь предлагает человеку быть соработником в домостроительстве спасения, ка-

[1] *Фомин С.* Боже! Храни Своих! М. 2009. С. 323

ковым является история человеческого рода). Но в тот час, когда от митрополитов зависело — удержать Россию над пропастию или, промолчав, не сказав ни слова, ни «да», ни «нет», *отправить ее туда, в пропасть, — они* ***промолчали.*** Если признать истинность этой цепочки, то мы неизбежно придем к тому, что здесь, в этой подборке, вынесено в эпиграф (*Они же шедше утвердиша гроб, знаменавше камень с кустодиею)* — слова, как известно, сказанные о членах синедриона. Слова эти завершают последнее, Двенадцатое Евангелие, читаемое на утрене Великого Пятка.

Соответственно, по этой страшно-выговариваемой логике, священноначалие, члены Св. Синода Российской Православной Церкви в тот момент, когда Господь ждал от них смиренного «да, Государь», — ***промолчали, уложив Россию во гроб.*** А из этого следует обвал всех последующих логических выводов. Но перед этим нужно особой чертой — красной — обвести еще один эпизод. Это тонкий сон (вскоре после «февральского клятвопреступного бунта») Святителя Макария Московского, *где Государь вымаливает прощение русскому народу.*

Между этими точками — молчанием иерархов и тонким сном Митрополита Макария — помещается в подборке [см. его же, Григория Николаева, статью «Судьбы Промысла»] удивительный рассказ почти очевидца о словах новгородской Старицы Марии Михайловны, которая 11 декабря 1916 года, обращаясь к Царице-Мученице, обещает Ей: «Лешеньку не убьют, цел будет, никто Его не тронет». Старшей Княжне Старица предсказала, что Она выйдет за-

муж за того, кого любит. (То есть речь, по всей видимости, идет об исполнении того, что было даровано только Сестре Государя, Ольге Александровне, которой было разрешено выйти замуж за полковника Куликовского...) А дальше идет пророчество о Феврале. Старица предупредила Царицу, чтобы «береглася первого марта. Императрица спросила: "Что же, чернь будет бунтовать?" Старица ответила: "Будет большая каша"». После чего в подборке следует еще одно свидетельство прозорливости — свидетельство очевидца, в данном случае — кн. Н. Д. Жевахова: это знаменитое место из его Воспоминаний, где он спрашивает, скоро ли кончится война.

Как же принять эти слова Старицы? В какую логику можно их вписать и как их понять? Как приточный рассказ или все-таки иначе? Если Святитель Макарий в тонком сне видел то, что реально происходило между Небом и землею, между Господом и Государем — то это означает, что Старица предсказала то, что должно было бы исполниться, если бы Государь не вымолил прощения у Господа для Своего народа. И именно в этой логике можно (и мне представляется, что только в этой логике и можно) понять загадочные слова Старца Николая (Гурьянова) о том, что Царь-Мученик «*отдал на заклание Наследника Алексия*». ***Вот цена выкупа!*** По этой логике следует, что Государь вымолил прощение русскому народу (см. ниже), принеся в Жертву (ср. с Его собственными словами «Я буду Искупительной Жертвой») не только Себя, но и всю Августейшую Семью! После этого и арест, и вся ставшая после него неразрывной цепочка событий,

приведшая к Ипатиевскому подвалу, — неумолимая неизбежность. Ведь Государь, как известно, просил и о выезде из страны, и о возможности по окончании Великой войны вернуться и жить простым гражданином в России... И если бы та Его молитва не была услышана (или — о чем еще страшнее подумать! — если бы ее и не было), то Государю была бы дарована уже уготованная для Него (и всей Его Семьи) ***Сладкая Чаша.***

Мое истолкование третьего тонкого сна Митрополита Макария было впервые опубликовано еще в 1993 году, в первом издании книги «Россия перед Вторым Пришествием» (С. 198). Раздаяние Государем *манны* — прощение (*«Государь взял вину русского народа на Себя, и русский народ прощен»*) Остатка Верных, сохранение Русской Церкви, где *манна есть Евхаристия.* И если понимать это так — подумаем, что же тогда означает все т.н. «сергианство», которое сам митрополит Сергий в известной беседе в декабре 1927 года с делегацией из [Петрограда], будущими «иосифлянами», обозначил, как «я спасаю Церковь»?.. Да, он действительно спасал видимую Поместную Церковь-организацию (*не имеющую обетований Спасителя о неодолимости Ее «вратами адовыми»*). Но! Он и его предшественник, Святитель Тихон Московский, ***строили на том основании, которое заложил Государь Своей Жертвой!*** Ведь речь шла, прежде всего, о сохранении храмов, в которых будут совершаться Евхаристия и Крещение»[1].

[1] *Николаев Григорий.* О «Судьбах Промысла». http://samoderjavie.ru/node/682

«Если бы не муки Царя, России бы не было!»
(Старец Николай)

В скоре после революции 1917 года Митрополиту Московскому Макарию, беззаконно удаленному с кафедры временным правительством, мужу поистине «яко единому от древних», было видение.

«Вижу я, — так рассказывает он, — поле, по тропинке идет Спаситель. Я — за Ним, и все твержу: «Господи, иду за Тобой!» — А Он, оборачиваясь ко мне, все отвечает: «Иди за Мной!» Наконец, подошли мы к громадной арке, разукрашенной цветами. На пороге арки Спаситель обернулся ко мне и вновь сказал: «Иди за Мной!» — и вошел в чудный сад, а я остался на пороге и проснулся. Заснувши вскоре, я вижу себя стоящим в той же арке, а за нею со Спасителем стоит Государь Николай Александрович. Спаситель говорит Государю: «Видишь, в Моих руках две Чаши. Вот эта — ***Горькая***, для Твоего народа, а другая ***Сладкая*** для Тебя». Государь падает на колени и долго молит Господа дать Ему выпить ***Горькую Чашу*** вместо Его народа. Господь долго не соглашался, а Государь все неотступно молил. Тогда Спаситель вынул из Горькой Чаши большой раскаленный уголь и положил Его Государю на ладонь. Государь начал перекладывать уголь с ладони на ладонь и в то же время телом стал просветляться, пока не стал весь пресветлый, как светлый дух. На этом я опять проснулся. Заснув вторично, я вижу громадное поле, покрытое цветами. Стоит среди поля Государь, окруженный множеством народа, и Своими руками раздает ему манну.

Незримый голос в это время говорит: «***Государь взял вину Русского Народа на Себя, и Русский Народ прощен***».

В чем тайна силы молитвы Государя? В вере в Господа и в любви к врагам. Не за эту ли Веру Сын Божий обещал такую силу молитвы, которая может двигать горами? И сегодня мы снова и снова размышляем о последнем напоминании Святого Царя: «*Зло, которое в мире, будет еще сильней, но не зло победит, а Любовь*».

Вскоре после прославления Русской Православной Церковью Святых Новомучеников и Исповедников Российских один соучастник этого торжества в сонном видении видел Государя в великой Небесной Славе. Ему было сказано, что у Бога на Небе Государь стоит Первым после Равноапостольного Князя Владимира — Крестителя и Просветителя всего русского народа. Было сказано и то, что Государь по-прежнему любит Россию и заботится о ее благе и о благе всех тех, кто делает добро для своей Родины, что Государыня и Дочери оказывают помощь нуждающимся, скорбящим и страждущим точно так же, как и раньше они в миру это делали во время Первой мировой войны. (См. Биографию Архиепископа Леонтия Чилийского, ‡1971)»[1].

Следует особо отметить, что Святитель Макарий — *Царский Верный Митрополит,* как его величал отец Николай, был источником многих чудотворений уже при жизни. Его так и звали: *живой русский святой.* Он глубоко чтил богобоязненного

[1] *Русский Паломник*. Валаамское Общество Америки. №15. 1997.

Григория Ефимовича и говорил, что это благодатный подвижник, Божий человек. Сохранились свидетельства, что Владыка сообщался с Августейшими Страдальцами, когда Они находились в заточении, и духовно окормлял Их. Именно ему, равно как и благодатному избраннику отроку Николаю, было от Господа откровение об искуптельной жертве Царя-Мученика и о том, что русский народ помилован, прощен — за Царские муки... Как со слезами говорил Батюшка Николай: ***«Господь Россию помиловал... Уже помиловал... За муки Царя»***.

Кустодия при гробе Григория

Прошло всего несколько дней после убийства Г. Е. Распутина, события, причинившего Царской Семье так много боли, — свидетельствовал товарищ обер-прокурора Св. Синода кн. Н. Д. Жевахов. — «Ее Величество была подавлена жестокостию убийц и в первый раз заговорила со мной о Распутине, точнее, о его убийцах. «Подумайте, какой ужас, как жестоко, как гадко и отвратительно!.. И это совершили наши... родные, племянники Государя!.. В какое время мы живем! Нет, этого нельзя так оставить!.. Убийцы должны быть наказаны, кто бы они ни были!» — говорила Императрица, волнуясь. «Нет, нет, Ваше Величество, не надо! — вырвалось у меня. — Они получат возмездие от Бога, и осознание вины будет казнить их до самого гроба... *Сейчас они слепы, ничего не осознают, и наказание создаст им только ореол мучеников; но скоро от-*

кроется у них духовное зрение, и они будут чувствовать себя не героями, как сейчас, а преступниками и убийцами»[1].

Прошло два года, и один из участников кровавого преступления Великий Князь Дмитрий Павлович Романов, который долгое время не дерзал приобщаться Святых Таин, 27.02.1920 писал своему искусителю-подельнику кн. Ф.Ф.Юсупову: «Для меня этот факт [убийство] останется темным пятном на совести... Убийство всегда убийством и останется, как бы там не стараться этому факту придавать мистического значения!» Позднее, Великий Князь признавался: «*Убийство было совершено нами в припадке патриотического безумия... Мы обязались: никогда не рассказывать об этом событии*». ***«Та самая сила, которая толкнула меня на преступление, мешает, и мешала мне поднять занавес над этим делом»***[2].

И ныне мы видим, что *«та самая сила»* до сих пор стоит на страже «занавеса над этим делом». Она и сейчас продолжает наводнять мир потоками лжи. И удивительно, что под ее водительством находятся многие так называемые современные «церковные» историки, и среди них немало духовенства, порочащие Григория Ефимовича, с их псевдонаучными исследованиями и заключениями, фильмами и конференциями. Они только повторяют немыслимые и абсурдные выдумки «элиты», морально разложившейся и потерявшей всякую

[1] Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода кн. Н.Д.Жевахова. Т. 1 С. 2.

[2] *Фомин С.* На Царской страже. М. 2006. С. 361–362.

совесть, которая веками жила хранимая Царской Короной, процветала в лучах Ее могущества, но не ценила своего положения. Потеряв все с падением Престола, ее представители обвинили ни в чем не повинного человека в своих же грехах.

Даже иуда-Керенский позднее признал: «У Распутина не было никакой политической программы. Он просто-напросто проповедовал мистическую веру в Царя как Помазанника Божия». «Монархия была для него своего рода религией, — писал глава департамента полиции А. Т. Васильев. — Россия без Царя была чем-то, что он не мог себе представить».

Императрица-Мученица после посещения Новгорода, накануне потери Своего верного Друга, была переполнена той любовию, которую Она почувствовала и увидела в простом народе, о чем Их Величествам постоянно напоминал Григорий: «Я вам говорила, — повторяла Она Своим близким, — что народ Нас любит. Против Нас интригует только высшее общество и Петербург».

«Не имея никакой политической точки зрения, — вспоминал В. Бонч-Бруевич, — он что-то стремился сделать. Для кого?.. — *«Для народушка жить нужно, о нем промыслить» — любил говорить он. — Мужичок-то ведь всех вас кормит. Мужичок, брат, Русь кормит».* Итак, Царь и народушко![1]

Именно эту любовь к Руси, верность и преданность Царской Власти так ценил в нем Государь, совершенно ясно определивший — *кем был Григорий Ефимович:* «Это только простой русский человек,

[1] *Фомин С.* Боже! Храни Своих! М. 2009. С. 362–363.

очень религиозный и верующий... Императрице он нравится своей искренностию; Она верит в его преданность и силу молитв за Нашу Семью и Алексия... Но ведь это Наше совершенно частное дело... Удивительно, как люди любят вмешиваться во все, что их не касается. Кому он может мешать?!»[1]

Мешал. Очень мешал... Потому что «Григорий Ефимович, — свидетельствовал епископ Феофан (Быстров), — буквально спасал от смерти своими молитвами жизнь горячо любимого Сына, Наследника Цесаревича, в то время как современная медицина была безсильна помочь»[2].

«Когда у Меня забота, сомнение, неприятность, — говорил Государь, — Мне достаточно пять минут поговорить с Распутиным, чтобы тотчас почувствовать Себя укрепленным и успокоенным. Он всегда умеет Мне сказать то, что Мне нужно услышать. И действие его слов длится целые недели».

Именно эта верность Григория Престолу, некогда вызвавшая слезный восторг Герцога Мекленбург-Шверинского: «*Какое счастие быть Монархом такого Народа!*» были так ненавистны его недругам. Как ясно определил корень зла В. В. Розанов: «вся вообще «Рюриковская» и «Романовская» Русь еврею не нужна и не интересна; ему «интересен» Спиноза и Маркс»[3].

---

[1] Последний Император. Воспоминания флигель-адъютанта А. Мордвинова. Отечественные Архивы. 1993. № 4. С. 53.

[2] *Бэтс Р. Марченко В.* Духовник Царской Семьи Святитель Феофан Полтавский, Новый Затворник. М. С. 68.

[3] *Розанов В. В.* На фундаменте прошлого. М.-СПб. 2007. С. 224.

Настоящие убийцы страшились, как бы им не лишиться плодов своей мнимой победы над Святым и не потерять то, чего с таким упорством добивались. Страшились исполнения его пророчеств, потому их последователи делают все возможное, чтобы погасить всякое доброе расположение к Григорию Ефимовичу, *и даже имя его изгладить из памяти...* Они знают величие праведника и по смерти, боятся его, как боялись иудеи Распятого Христа. Побежденные ненавистию, они продолжают злословить. «Даже теперь они ругаются ему, — удивлялся Батюшка Николай. — Не перестают оскорблять, безчестить его имя. Даже духовенство... У нормальных, *человечных людей,* если умирает кто, его недостатки забывают и не говорят ни о чем плохом, даже если оно было. А на Григория — лгут и лгут! Как это грешно — безчестить и клеветать на человека, который тебе не может ответить. Это противно христианскому житию, противно чувству каждого, кто имеет в сердце хоть каплю человечности. А ведь он свято жил, мученически скончался, и всех обидчиков простил... Царственные Святые приняли на Себя оскорбления, которым подвергся Их духовник... И в гробу Григория мучили — и из гроба достали и надругались... Разве это люди, христиане делали?! — Нет, сам диавол руководил».

Доныне охраняет завесу лжи над Мучениками — *кустодия от иудей — стража от синедриона,* та самая, что была выставлена ожесточенными первосвященниками у Гроба Спасителя... Умучив Григория, они вновь выставили стражу, чтобы замести следы, стереть нашу духовную память о Царской

Руси. *Собираются первосвященники и фарисеи к Пилату... Прикажи охранять Гроб, — требует злокозненный синедрион. — У вас есть кустодия, — отвечает рассерженный на их коварство Пилат, — идите и стерегите сами, как знаете... И поставил синедрион у Гроба стражу...* Ту самую, что алчет воссоздания разрушенного Господом за бездны беззакония храма Соломонова...

И приложили к камню печать... Печать злобы и ненависти ко Спасителю, Его Царственным Ученикам, трясутся и боятся умученных ими последователей Господа нашего Иисуса Христа... *«Камени запечатану от иудей и воином стрегущим Пречистое Тело Твое»* (Воскресный Тропарь первого гласа)... Препятствуют печатию лжи открытию истины о Царском Пророке и о его служении Августейшему Дому, препятствуют прославлению, внушая ненависть.

«Но печать иудейская давно истаяла от огня правды Божией, — утверждал Батюшка Николай. — Слезы праведников и молитвы верных смыли всякую ложь и неправду. С умученными Августейшими Святыми и Их Другом Григорием Сам Бог, судяй земли!»

Царица Александра сохранила в дневниковой записи пророчество Григория Ефимовича касательно Их дальнейшей судьбы. Он предуготовлял Их к последнему часу, зная, что его час уже настал: «Господи, поругание рабов Твоих [Царей], которое я ношу в недре моем от всех сильных народов. Как поносят враги Твои, Господи, как безславят слезы Помазанника Твоего. О, горе! Скажите нам: мы

убили праведника, он не злословил нас, пойдем — покаемся — солнце померкло — и света уже нет! ***Поздно!»***

Именно это слово — **«*Поздно!..*»** — произнес Старец Батюшка Николай в ответ на вопрос: «Можно ли распространять иконы Мученика Григория Ефимовича Распутина?» — ***«Поздно... Мы опоздали... Потому что Россия, мы все — несем епитимию от Бога за убийство Пророка Григория... Теперь вы поняли?!. Мы — наказаны, поэтому поздно: теперь будем терпеть все ниспосланное и сокрушаться... А Григорий свят и великий Мученик пред Господом. Иконы его нужны, пред ними молятся, и будут молиться, и плакать, как и я, плачу и молюсь перед этим образом»*** — при этих словах, отец Николай приложился к иконе Старца с Цесаревичем на руках. Самой любимой иконе, написанной по его благословению в 2000 году живописцем из Петербурга Сергеем Борисовичем Арсеньевым, монахом Григорием, постриженным в мантию по слову Батюшки в память Царского Друга за две недели до упокоения.

«Как было явлено, так и пишите —
в скуфейке схимника. Это дело Божие»
(Старец Николай)

В 1998 году к отцу Николаю часто обращались с вопросом: «Можно ли читать книгу Л. П. Миллер «Царская Семья — жертва темной силы». Старец

даже не пожелал взять в руки экземпляр этой печатной продукции, произведенной в Мельбурне. При этом произнес: «Какая здесь страшная ложь на Царскую Семью и на Россию... Это даже в руки нельзя брать. Автор не русская, она не любит ни Россию, ни Царя. Какой страшный грех они творят... Нам надо достойно ответить на эту лживую писанину — подготовить и издать большую книгу о Царском Друге Мученике Григории... ***Житие***, опыт жития... Это наш долг». В 2000 году вышла в свет в издательстве «Хризостом», можно сказать, наша с Батюшкой общая книга: «***Мученик за Христа и за Царя человек Божий Григорий. Молитвенник за Святую Русь и Ея Пресветлого Отрока».*** Такое развернутое название было одобрено и предложено именно отцом Николаем: «Нужно, чтобы с самого начала, уже с названия, было ясно, что мы ***исповедуем***» — сказал он. Конечно, многое осталось не раскрытым в этом житии, но главное — Батюшка заложил фундамент ***прославления*** Старца Григория как первого Новомученика. Особо просил, чтобы мы ***не оправдывали*** Григория, ибо оправдываться ему не в чем, а ***свидетельствовали о святости праведника***: *«Времени больше нет... Надо спешить».* К моменту выхода книги был уже написан и образ Мученика с Цесаревичем на руках — тот, что помещен на переплете. Иконография также утверждалась Батюшкой. Привезли эскиз, он долго молился, потом приложил его к иконам Спасителя и Царя-Мученика — и благословил писать. Отмечу очень важное: Григорий Ефимович явился иконописцу Сергею в

схимнической скуфейке, но он хотел написать без нее, поскольку на то время еще не знали о ***сокровенном подвиге*** странника. Батюшка же взволнованно попросил: «Милые, ничего не меняйте... Как было явлено, так и пишите — в ***скуфейке схимника***. Это дело Божие».

Недавно в Тюмени были опубликованы воспоминания внучатой племянницы Григория Ефимовича — Элеоноры Алексеевны Макаровой, в которых мы, к нашей радости, находим свидетельство о постриге Григория в схиму, о чем прикровенно говорил Батюшка Николай. А ведь он слов на ветер не бросал, берег каждое слово. Был осторожный на слова человек, очень острожный и сдержанный: ***«Григорий монахом был... Он, ведь, был духовником Царской Семьи»***: *«Со стороны отца Распутин,* — свидетельствует племянница. — *Их прадед был священником, и первые азы христианства он Григорию преподнес. Затем Григорий ездил в монастырь Симеона Верхотурского. По совету настоятеля монастыря ездил на Афон, там принял схиму. Потом его позвали к Царю»*[1].

На Афоне странник был в 1902, в тот год у него родилось последнее чадо. Дочь Григория вспоминала: «Мой отец родился в патриархальной и глубоко верующей семье сибирских крестьян. Отец и дед Григория Ефимьевича Распутина были церковными старостами и дали своему отпрыску весьма строгое религиозное воспитание. Любовь к Церкви и благочестие были двумя столпами, на которых зиждилось это воспитание. [...] Прадед моего отца —

[1] *Фомин С.* Страсть как больно, а выживу. М. 2011. С. 69.

николаевский солдат — был единственным в семье, кто умел читать. Но дух благочестия был так силен в нашей семье, как и во всех других семьях сибирских крестьян, что мой отец, еще неграмотный, но одаренный отличной памятию, наизусть выучил Евангелие, Акафисты, лишь слыша, как отец читает их вслух.

Обычно, после того, как трудовой день кончался с наступлением ночи, вся семья объединялась за большим столом в горнице, в глубоком молчании слушая Евангелие и жития святых, читавшиеся главой семьи по книге или наизусть. Часто слышался стук в нашу дверь, случайные странники, присоединившиеся к нашему собранию, послушав у нас Слово Божие, начинали рассказывать обо всем, что они видели во время своего паломничества. Мой отец обожал эти вечера, сообщавшие ему покой и огромный душевный мир, и уже будучи женатым и окруженным детьми, продолжал эту традицию, собирая каждый вечер подле себя своих близких, чтобы почитать им Евангелие. Я навсегда сохраню в памяти воспоминания об этих вечерах и Слово Божие, толкуемое его проникновенным голосом»[1].

В записках придворного скорохода читаем: «Мне также рассказывал мой сослуживец и друг Г. Б., что он видел подъехавшую к домику Вырубовой в экипаже Императрицу с двумя Старшими Дочерьми, и скоро туда же приехал на автомобиле Распутин. Через полчаса на подъезд вышел Распутин, сопровождаемый Ее Величеством. Он, как священник,

[1] *Фомин С.* А кругом широкая Россия... М. 2008. С. 28–29.

осенил Государыню крестным знамением, а Она поцеловала ему руку»[1].

Камердинер Государыни, верный слуга А. А. Волков, также свидетельствовал: «При встречах с Государем, Распутин целовал у Него руку, Государь же — руку Распутина». Так же и Императрица — целовала руку Старца.

Понимали Григория Ефимовича только духовно близкие ему люди. И самыми близкими были Царственные Святые. Протопопов говорил, что он просто «был как Член Семьи».

Имел Старец Григорий сердечное благословение от Государя Николая — золотой наперсный священнический Крест. Этот Крест был сугубым даром Императора всему без исключения русскому священству как принадлежность сана. Он был учрежден в день Венчания на Царство 14 мая 1896 года и возлагался при иерейской хиротонии. О том, что Григорий Ефимович носил на персях золотой Крест, свидетельствуют многие очевидцы, среди них М. Родзянко, В. Розанов, Н. Гумилев, М. Новоселов: «поддевка блаженного распахнулась, — пишет он, — и из-под нее мелькнул массивный золотой Крест. Мы попросили дать нам посмотреть этот Крест. После минутного колебания блаженный согласился. Крест большой, около 2,5 дюймов длины. На лицевой стороне — *Распятие*; на оборотной — надпись: *«Спаси и сохрани»*. В середине золотой цепи, на которой висел Крест, — медальон. — «Это

[1] *Дамер А.* Распутин во Дворце. Воспоминания придворного скорохода // Иллюстрированная Россия. Париж. 1932. № 16.

мой дорогой подарок, — заметил блаженный, указывая на медальон»[1].

Замечательные свидетельства принадлежат А. Д. Протопопову: «Распутин — связь власти с миром. Доверенный толкователь происходящих движений, ценитель людей. Большое влияние на Царя, громадное на Царицу. По словам Царицы, он выучил Ее верить и молиться Богу; ставил на поклоны, внушал Ей спокойствие и сон. Через Мать и Отца Распутин стал совсем свой и влиял на всю Семью — молился со всеми. Всякий другой, подходя к Царю, встретил бы на своем пути волю Царицы; Распутин же имел не только Ее поддержку, но и послушание, поклонение Вырубовой и любовь Царских Детей. Царя звал Папой. Царицу Мамой. Говорил всем на «ты». Забота и внимание к нему со стороны Царицы было особое; его рубашки были Ею вышиты, шелковые, Крест на шее был золотой, на золотой цепи, и застежка была *«Н II»* с буквой Государя».

Когда душа вне Веры...

Но обратимся к полной грубых измышлений публикации о Царском Друге Л. П. Миллер «Царская Семья — жертва темной силы». Она появилась у нас в России в 1998 году именно накануне готовившейся Московской Патриархией канонизации Августейших Святых. Постараемся понять, какова же *истинная* цель этих невероятных по степени оз-

[1] *Новоселов М.* Григорий Распутин и мистическое распутство. С. 16.

лобленности против Царственных Страдальцев сочинений. Упомянем, что книга развозилась по всем монастырям. Во многих храмах она просто лежала за свечным ящиком и ее старались вручить прихожанам «в нагрузку»... Книгу эту никто, за редким исключением, не брал, ибо она искажает святой и светлый лик Венценосцев и составлена на основании слухов, клеветы и пересудов, которые всем уже давно порядочно надоели. Конечно, любящие Их Величеств не желали даже прикасаться к такому чтиву, почему к отцу Николаю и привозили ее в большом количестве с возмущением: «Посмотрите, Батюшка, что до сих пор печатают о Царской Семье и Григории!» Всем казалось, что Государя и Его Семью наконец-то оставят в покое после всего, что уже причинили Им. Но нет! Ненависть людей, потерявших чувство сострадания, безпощадна: вновь и вновь уязвляют Невинных ядовитыми стрелами клеветы. Под видом «просвещения» русских людей, вновь наносятся сердечные раны Императору и Царице... Они ведь не мертвые, а живые... И все для того — чтобы вновь забросать грязию Царственные Лики, но уже на святых образах... Потому Старец Николай строго, с гневом, и сказал: «Даже в руки брать нельзя такие книги — чтобы самим не испачкаться! А Григория пачкали и пачкают только для того, чтобы продолжать порочить Царскую Семью... Видите, я ведь вам говорил, что они это специально подготовили, чтобы не дать прославить Императора и Государыню... И если прославят, то, используя ложь на Распутина, все равно будут пытаться *низложить* Царскую Семью». То есть, *деканонизировать*...

О стиле изложения и «достоверности» фактов в публикации Л. Миллер говорить не приходится, поскольку в ней собраны самые непристойные неправды, принадлежавшие перу людей, которые не имеют никакого авторитета и уважения в Отечестве, ибо как могут убийцы и предатели быть «очевидцами» и людьми, слово коих имеет ценность?! Они — преступники, судить должно *их*, а не Невинных Страдальцев. Свято чтущие память Государя Николая и Его Августейшей Семьи не могут доверять изменившим Ему и присяге клятвопреступникам. ***Одним словом, эту лживую «писанину» народ не принял***. Подчеркнем особо — 1998 — был год сугубого духовного подъема и искания правды Божией. Выходили в свет множество достойных публикаций, раскрывавших красоту и глубину подвига не только Царственномучеников, но и Их Друга. Читать данное сочинение Л. П. Миллер считалось просто неприличным. Даже само название вызывало отторжение. Сохранилась «Памятная записка» Императору Николаю Александровичу от доктора П. А. Бадмаева, крестника Царя Александара III, составленная после убийства Григория Ефимовича: ***«Враги Трона и Отечества называют нас темными силами, но ведь они действуют так потому, что они вне Веры, полные атеисты, мы же идем вперед с Богом». — Эти слова — самая прекрасная духовная рецензия на сочинения Л. Миллер: «Царская Семья — жертва темной силы».***

Именно оттого, что эту ложь на Руси не приняли, автор прибегла к изданию другой совершенно

непристойной брошюры — Л. Миллер: «Я написала правду...». — Чтобы оправдаться...

«17 июля [2001 г.], в день убиения Царской Семьи, в небольшой домовой церкви Свято-Игнатьевского скита Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря собрался тесный круг верующих, чтобы побеседовать с Любовью Петровной. За окном шел проливной дождь, но среди собравшихся атмосфера была очень теплой: всех объединяла светлая память о Царской Семье и Великой Княгине Елизавете Феодоровне...» — такими словами в одиннадцатом номере журнала [«Благодатный огонь»] предварялась перепечатка вышеназванной беседы. В действительности, конечно, вовсе не «светлая память о Царской Семье» объединила в день Их ритуального убийства сей «тесный круг», а необходимость (для кого-то) под управлением «жидовствующего игумена» еще раз оплевать Царственных Мучеников. Нет, не зря митрополит Сергий [Фомин] еще в 1999 г. свидетельствовал о том, что сей игумен [Авраамий (Рейдман)] «отрицает святость некоторых святых». В верности сказанного может убедиться каждый, кто не пожалеет карманной мелочи, чтобы приобрести этот номер» — пишет С. Фомин[1].

Для того чтобы убедиться в истинности слов отца Николая, что автор — Л. Миллер — ***«Россию и Царя не любит»,*** приведем несколько цитат — вопросов из печально известной брошюры «Я написала правду...»

«Написать о Царской Семье я решила потому, что в России начинают возвеличивать Распутина. [...]

[1] *Фомин С.* «Друг друга отражают зеркала». Русский Вестник. 02.02. 2006.

Моя первая книга была о Елизавете Федоровне. Я писала о ней потому, что прониклась очень большой любовью к подвигу Великой Княгини, к ней самой. [...] А вот за тему о Царской Семье я взялась только для того, чтобы изложить правду о Распутине» (С. 5–6) — «Говоря же о Царской Семье, надо сказать, что не было рождено ни одного человека, который бы не совершил греха, не правда ли?» (С. 8) — Вопрос: «В то же самое время Императрица прельстилась ложным старчестовом, ложной духовностию Распутина, значит, Она не была достаточна опытна?» (С.15). И еще вопрос: «Сейчас, в связи с тем, что у нас, в России, тоже прославили Царскую Семью, распространяется очень много разных рассказов, восхваляющих духовную жизнь Императора и Императрицы. А вот, читая вашу книгу, видишь, что в действительности не совсем уж так все было ярко, и духовная жизнь была не такой великой [sic!]. Не могли бы вы немножко более реалистично раскрыть духовную жизнь Царской Семьи?» — Напомним, что все это непотребство и глумеж звучали в День Страданий Августейших Святых, в «тесном кругу единомышленников», явно сожалевших о том, что Русская Церковь причислила Их к Лику Святых... Как верны слова прозорливого Старца Николая о том, что Григорий Ефимович был и остается целию для шельмования Венценосцев.

А вот еще нелепое кощунственное замечание Миллер: «И ваши священники говорят (да и это очень понятно), что в старые времена у Царей, высокопоставленных особ были свои звездочеты, колдуны [sic!] и другие лица, у которых Царь спра-

шивал совета [sic!]» (С. 17). Или же вот еще такое отношение к русским: «Народ относился к заключению Царской Семьи как-то безразлично» (С. 30). — «Я вижу, что в русском народе нет чувства патриотизма, чувства любви к родине» (С. 34)... А вот какие «вопросы» они, «кружковцы», обсуждали: «Я слышал о том, что русский народ практически подобен собаке [sic!], которой перебили хребет: она лежит и уже не в состоянии защитить не только хозяина [это они имели в виду Царя!], но и себя саму, и свою будку. Может быть, Россия действительно уже в таком положении?» (С. 35–36). — Про «собаку» мы уже давно знаем. С тех пор как совершаются зверские убийства христиан, а на месте их мучений, по ритуалу, бросают труп также умученной собаки... Вот и подтвердились и другие слова Батюшки Николая о том, что «автор — не русская. И Россию, и Царя она не любит»... Остальной текст так же кощунственен и полон ненависти к Царской Руси. Только вот что вызывает крайнее недоумение: издана эта «Беседа с монашествующими и мирянами» «по благословению Высокопреосвященнейшего Викентия, архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского». Сомнительно, чтобы уважаемый Владыка мог одобрить такую публикацию.

В тот же День Великих Страданий Царская Семья читала пророческие послания: «***Не пощажу его, ибо он пережег кости царя Едомского в известь***» (Амос. 2.1), а дивеевская блаженная Мария Ивановна (Федина) «в ночь с 3 на 4 июля 1918 года, т. е. в ночь мученической кончины Царской Семьи... страшно бушевала и кричала: «*Царевен штыками! Проклятые жиды!» Неистовствовала страшно*».

Это был последний День земной жизни Русских Царственных Ангелов...

Мы лишились земных Заступников, но обрели Небесных... И на Их телах в момент исхода души были ладанки с изображением *незабвенного Григория и частицей его святых мощей...* Величественны и неизменяемы обетования Божии о Своих Помазанниках: *«Говорю же вам, друзьям Моим, не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать»* (Лк. 12.4)... Царственные Агнцы и Их Друг уже были не достягаемы для злобы, имели высший дар от Бога — радость по Боге во время страданий и скорби и победу со Христом.

Еще стреляли убийцы,
Столпившиеся у дверей,
Когда вышла из тела душа Царицы
И увидела, как добивают Дочерей,
Как душа Государя Наследника душу
В безплотные руки приняла,
И все, лежащие в комнате душной,
Окровавленные Тела...
Но это было лишь одно мгновение.
Вот все стихло. И в следующий миг
Небо раскрылось, и Ангелы с пением
В свои объятия приняли Их.
Над страною, окутанною пороховым чадом,
Что безумствовала, Правду и Веру гоня,
Возносились в Безсмертие ее Лучшие Чада,
Преданные и предаваемые до сего дня[1].

[1] *Виктор Афанасьев.*

Тем же, кто пожелает подробнее ознакомиться с автором книги, собравшей подле себя все возможные темные силы, Л.Миллер, и с ее наставником из Ново-Тихвинского монастыря игуменом Авраамием (Рейдманом), которые продолжают до сего дня предавать и злословить Невинную Святую Царскую Семью и распространять вского рода ложь о Них, — советую прочесть замечательные статьи об этой «двоице» С.В.Фомина. Они опубликованы в выпусках газеты «Русский Вестник»: «Пора вести спокойный и достойный диалог. К выходу в свет книги С.В.Фомина. «Боже! Храни Своих!» и «Друг друга отражают зеркала».

Сергей Владимирович, в частности, отмечает: «Еще в 1998 г. в Мельбурне вышла книга автора одного из жизнеописаний Вел. Кн. Елизаветы Феодоровны Любови Миллер. Пухлый том с характерным названием «Царская Семья — жертва темной силы», автор которого, словно попугай, все повторяет и повторяет давно разоблаченную клевету... Побудительным мотивом создания сего опуса, по признанию самого автора, явилось почитание Г.Е.Распутина как праведника в России, о котором она как-то узнала: «Услышав это, я ужаснулась и тут же решила, что должна написать об этом злом гении России ту правду, которую преступная советская власть тщательно скрывала от своих граждан...» (Интересно, что бы сказала Л.Миллер, узнай, что, написав книгу, она стала союзницей как раз той самой советской власти, от одного названия которой до сих пор так трясет бедную эмигрантку даже в далекой Австралии?)

Вскоре после выхода первого издания в Австралии книгу переиздал Патриарший издательско-полиграфический центр (Сергиев Посад. 1999), причем в удивительно «подходящее» время: перед самым прославлением Царственных Мучеников. И уж, разумеется, не по своей собственной инициативе и не из банального желания заработать. Не может, конечно, не удивлять сам этот выбор, ибо дремучее невежество этой дамы буквально с первых же страниц бросается в глаза более или менее грамотным читателям ее писанины. Приведем несколько цитат из ее последней, вышедшей в 2002 г. в Екатеринбурге брошюрки «Я написала правду...» (Далее в круглых скобках даны ссылки на страницы этого издания). О предсказаниях преподобного Серафима Саровского Царю-Мученику: «Я не знаю, я такого не слышала» (19). Об убитом на своем посту террористами Вел. Кн. Сергие Александровиче: «Князь Сергей хотел, чтобы во время первой революции применялись крутые меры, а Император был против этого, поэтому тот вынужден был уйти в отставку» (32). Об убийце Столыпина Богрове, следствие над которым длилось год, материалы которого были изданы: «...беда в том, что, когда его арестовали, не было произведено фактически никакого следствия, его сразу же повесили. И Богров ничего не рассказал» (22). О правильности, с точки зрения Основных Законов Российской Империи, акта отречения Царя-Мученика: «...Я не знаю. Между прочим, Государь страшно переживал, когда прощался с войсками, у Него слезы текли из глаз» (30). Такой уровень знаний, такой стиль...

О попытках спасения Царской Семьи из заточения: «Этого я не знаю. Некоторые говорят, что были, но я думаю, что, к нашему прискорбию, таких попыток не было... «Белое» движение началось поздно, когда Государя уже убили» (30). О том, что на телах Царских Детей убийцами были найдены медальоны с изображением Г. Е. Распутина: «Когда я об этом прочитала и написала в своей книге, я буквально пришла в ужас, я даже не могла спать. Я говорила: «Как так было можно? У таких хороших девочек на груди висело изображение дьявола». Я была просто в ужасе и очень переживала» (26). О Вырубовой: «Насколько мне известно, монашества она никогда не принимала»; «она... не была принята в ряды монархистов и т. д., потому что все знали о том вреде, который она причинила Царской Семье. Вот это я хорошо знаю» (19).

Из книжонки видно, что известный по скандалу с прежним епископом Екатеринбургским Никоном, оговоривший последнего игумен Авраам (Рейдман), о котором мы еще поговорим, подарил Л. П. Миллер книгу Э. Радзинского о Распутине. Видимо, для расширения кругозора... При этом впечатлительная дама не преминула заметить: «Конечно, я прочитаю Радзинского, потому что мне батюшка подарил его книгу, прочту просто ради интереса, но я не думаю, чтобы я могла почерпнуть там что-то новое» (32–33). Вот так: все-то мы уже превзошли. «Постоянно меня хвалят за мои книги, — скромно признается автор, — главным образом за книгу о Елизавете Феодоровне. И я даже встречала монахинь, которые пришли в монастырь

именно благодаря моей книге. Это меня необыкновенно умиляет, это очень приятно, у меня даже нет слов» (39). Будучи весьма высокого мнения о литературных достоинствах своих писаний, Миллер до сих пор продолжает негодовать на то, что ее книга о Великой Княгине при переиздании в России подверглась литературной редактуре («почти в каждом абзаце»). Конечно, по букве она права: «никому без согласия автора не позволяется что-то изменять, даже знак препинания... Тогда можно взять любое произведение Толстого, Пушкина, Гоголя, переработать текст совершенно по-своему и сказать: вот это написал Гоголь, вот это Пушкин, вот это Достоевский» (13). Все это верно. Только в нашем-то случае речь все же идет даже не о мадам Лохвицкой... Боюсь, что наш читатель стиля вроде «Вырубова попала в железнодорожную катастрофу и была очень ранена» (18), вполне достойного зощенковских героев, не понял бы и не принял.

Далее Миллер, не имеющая ни малейшего понятия о научной методологии критики источников, самонадеянно пишет, что несогласные с ее книгой «молчат, потому что сказать они ничего не могут, ведь везде документы» (39). Но ведь существуют уже даже отдельные работы, специально посвященные критике последнего ее пухлого опуса. Однако познакомиться с ними автор, по-видимому, лишен возможности. «Тех книг, которые я прочла, — именно первоначальных — мне более чем достаточно, чтобы увериться в том, что я написала чистейшую правду» (32). Чего в этом больше, самонадеянности или легкомыслия — судить не нам.

И далее о русских эмигрантах, включая, разумеется, и себя: «Мы все очень любим Россию и знаем русскую историю, причем, я думаю, даже лучше вас, извините, потому что мы изучали настоящую историю» (43). Конечно, если и остальные эмигранты знают русскую историю так же, как Л. П. Миллер, то нам их безгранично жаль.

Остается заметить, что весь этот безграмотный «поток сознания» [...] был издан Ново-Тихвинским монастырем в Екатеринбурге по благословению архиепископа Викентия.

С одной стороны, что издавать (имеем в виду, в том числе и переизданную Патриаршим издательско-полиграфическим центром книгу Миллер о «темных силах») — это, конечно, дело вкуса. Плохо другое: когда этот выбор пытаются навязать другим как единственно допустимый и верный, превращая в неприкасаемую священную корову.

Впрочем, судите сами. Стоило в Петербурге выйти брошюре с критикой писаний Миллер, как ее тут же приказано было сжечь. Нет, не пугайтесь, до книг государственных и частных издательств дело пока еще не дошло... «Первый тираж книги *«Распутин, которого мы потеряли»,* — пишет в предисловии ко второму авторскому изданию *Ф. Н. Козырев,* — погиб в пламени костра, разведенного «ревнителями благочестия» на дворе одного из петербургских приходов. Уцелела лишь его небольшая часть, принадлежащая мне по праву автора. История тривиальная: после того, как рукопись прочел и одобрил к изданию настоятель, с книгой, уже оттиражированной, познакомились низшие

церковные чины. [...] Мне было направлено официальное письмо приходского совета с печатью и под большим заголовком с упоминанием Московской Патриархии, где сообщались результаты освидетельствования: «Брошюра сия представляется вредной сознанию церковному... Призываем Вас впредь... действовать св. Церкви во благо; ибо и Господь пришел не разорити закон, но исполнити».

Пока горят такие костры, «православная общественность» и «ревнители» всяческих свобод, понятно, молчат. Да и чего, в самом деле, безпокоиться, ведь не [Александра] Меня и «парижан» жгут. (Кстати, сжигать книги отца [Александра] Меня в Екатеринбургской епархии подбил епископа Никона именно о. Авраам (Рейдман), что с полной достоверностью установила Комиссия Св. Синода. Но тогда, после аутодафе, в прессе устроили шумиху, свалив всю вину на Владыку. Инициатор, понятное дело, остался в тени. Знакомая еще со времен «азефовщины» история.)

Нас же не может не волновать и другое — духовное состояние исступленных критиков, о котором свидетельствуют они сами.

Вот что, например, поведала Л.П.Миллер собравшимся 17 июля 2001 г. в Свято-Игнатьевском скиту Ново-Тихвинского женского монастыря в Екатеринбурге монашествующим и мирянам: «Я вчера вечером, когда была на месте убиения Царской Семьи, увидев у одного молодого человека икону Распутина, просто закричала: «Это сатана, это сатана, уберите, уберите». Я не могла выдержать». («По свидетельству очевидцев, увидев эту

икону, Миллер возмутилась и, обращаясь к молодому человеку, сказала: «Убери дьявола!» Однако за него немедленно заступились стоявшие рядом люди. Во время ночной службы икону видели внесенной в храм».)

«Беда прямо с этим Распутиным...», — только и смог на это сказать организатор беседы о. Авраам. И впрямь беда, если человека от иконки так корежит.

Для того чтобы вполне оценить поведение Миллер, приведем несколько аналогичных автопризнаний ее предшественников.

Казанский собор в Санкт-Петербурге. 1913 год. Дни юбилейных торжеств в честь Трехсотлетия Дома Романовых. Председатель государственной думы М. В. Родзянко впоследствии так описал свои чувства, которые всколыхнул в нем встреченный в храме Г. Е. Распутин, пришедший туда помолиться за Государя по Высочайшей Воле: «Распутин повернулся ко мне лицом [...] Я почувствовал накипающую во мне чисто животную злобу, кровь отхлынула мне к сердцу, и я сознавал, что я мало-помалу прихожу в состояние подлинного бешенства. Я, в свою очередь, начал прямо смотреть в глаза Распутину и, говоря без каламбуров, чувствовал, что мои глаза вылезают из орбит. Вероятно, у меня оказался довольно страшный вид...»

Князь Ф. Ф. Юсупов, один из убийц Г. Е. Распутина: «Сойдя с лестницы, я увидел Распутина, лежащего на нижней площадке. Из многочисленных ран его обильно лилась кровь. Верхняя люстра бросала свет на его голову, и было до мельчайших

подробностей видно его изуродованное ударами и кровоподтеками лицо. Тяжелое и отталкивающее впечатление производило это кровавое зрелище. Мне хотелось закрыть глаза, хотелось убежать куда-нибудь далеко, чтобы, хотя на мгновение, забыть ужасную действительность, и, вместе с тем, меня непреодолимо влекло к этому окровавленному трупу, влекло так настойчиво, что я уже не в силах был бороться с собой. Голова моя разрывалась на части, мысли путались; злоба и ярость душили меня. Какое-то необъяснимое состояние овладело мною. Я ринулся на труп и начал избивать его резиновой палкой... В бешенстве и остервенении я бил куда попало... Все Божеские и человеческие законы в эту минуту были попраны.

Пуришкевич говорил мне потом, что зрелище это было настолько кошмарное, что он никогда его не забудет. Тщетно пытались остановить меня. Когда это, наконец, удалось, я потерял сознание».

Уже после переворота Великая Княгиня Елизавета Феодоровна рассказывала кн. Ф.Ф.Юсупову, что «через несколько дней после смерти Распутина ее посетили настоятельницы многих монастырей с рассказами о поразительных событиях в их монастырях 29 декабря (в ночь на 30-е н. ст., в момент убийства. — *С.Ф.*). Во время ночных служб священники испытали приступы безумия, богохульствуя и испуская нечеловеческие крики; монахини разбежались по углам, крича, как одержимые, и поднимая юбки с непристойными движениями».

Схожая картина наблюдалась в первые дни после февральского переворота 1917 года в Петро-

граде. В небольшой заметке с характерным названием «Усиление психических заболеваний» «Биржевые ведомости» 8 марта 1917 г. доводили до сведения своих читателей: «За истекшую неделю в городскую больницу Св. Николая, что на Пряжке, поступило 96 человек, заболевших психическим расстройством. Преобладают мужчины. Интеллигентов поступило 5 человек. 7-го марта поступило 27 человек. Ранее редко когда поступало более 6-ти человек в день».

Все это явления одного порядка, свидетельствующие о духовном состоянии людей. Тем более что свидетельствуют об этом, повторяем, они сами.

Нам же при этом следует крепко памятовать слова святителя Филарета Московского, произнесенные им еще в первой половине XIX века: ***«...Потерявшие добродетель охотно верят клевете на добрых»***[1].

Первый Новомученик

Батюшка Николай отмечал, что кончина Старца Григория была мученической, поэтому Царица Александра Феодоровна и называла его Первым Новомучеником Русским. Благодаря отцу Николаю, это ныне стали осознавать многие. Как пример, вышедший на сайте «Русский Монархист» следующий материал: «Свершившееся в ночь на 17/30 декабря 1916 года злодеяние явилось прообразом

[1] *Фомин С.* Друг друга отражают зеркала. Русский Вестник. 02.02.2006.

грядущего Екатеринбургского мученичества в ночь на 4/17 июля 1918 года. Что же происходило в эти два ночных часа, которые Пуришкевич с Юсуповым старательно пытаются заполнить вымыслом о чаепитии с Григорием Ефимовичем и угощением его вином и пирожными, отравленными цианистым калием? Эксперт-медик Косоротов установил, что тело Распутина было подвергнуто истязаниям и изощренным пыткам — пробитая в нескольких местах голова, вырванные на голове клочья волос, страшная рана на виске и сделанная каким-то особым орудием вроде шпоры рваная рана в боку, следы побоев на лице и по всему телу. [Свидетельство профессора Косоротова показывает, что Григорий Ефимович долго и мучительно истекал кровию, но об этой колоссальной кровопотере ни слова у Юсупова с Пуришкевичем [...]. Следов крови, согласно их мемуарам, было немного. Она уже вся вытекла, когда было им передано мертвое тело Мученика для выноса его из Юсуповского дворца.]

Юсупов с Пуришкевичем опять же очень старались убедить всех, что это именно они били уже мертвого человека в припадке бешенства. Но профессор Косоротов убежден, что не все удары наносились по мертвому телу. Министр внутренних дел А. Д. Протопопов, по поручению Государыни контролировавший ход следствия, в беседе с сотрудником газеты «Новое время» Я. Я. Наумовым сделал очень важное, ключевое для понимания произошедшего, заявление: «*Это не просто убийство... участвовали озлобленные люди [жиды-каббалисты?], превратившие убийство в пытку*».

Прижизненные истязания Григория Ефимовича Распутина — установленный следствием факт, и именно их пытались скрыть Пуришкевич с Юсуповым, готовые даже взять на себя глумление над мертвым. [Главные имитаторы убийства Распутина — масоны Юсупов и В.К. Дмитрий Павлович, племянник Императора Николая Второго. Они благополучно пережили все революционные катаклизмы (один умер в 1942, другой — в 1967 году). Такова была плата от мировой закулисы за посильное участие в ритуальном убийстве святого Новомученика Григория Нового.] Стремление Пуришкевича с Юсуповым все взять на себя настолько бросалось в глаза, что становилось очевидным: этот настойчивый самооговор — от великого желания прикрыть других [главных] участников убийства Старца.

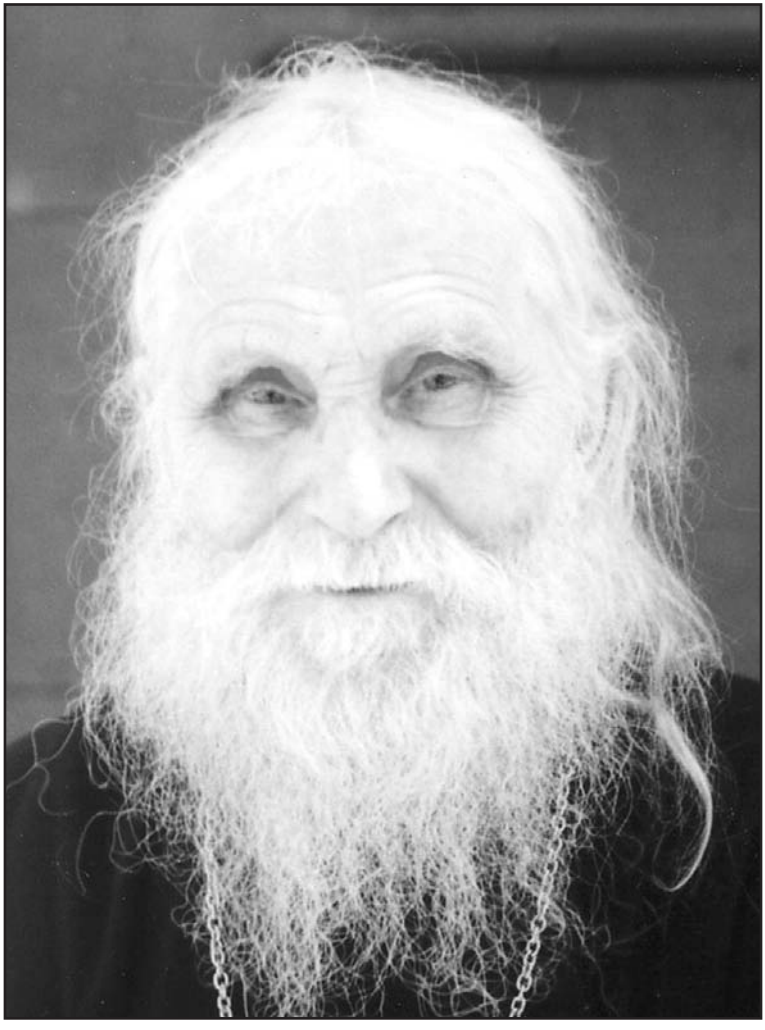
О ритуально исполненном убийстве Император и Императрица [знали], поэтому судебно-медицинскую экспертизу поручили именно профессору Военно-Медицинской Академии Д.Н. Косоротову, выступавшему экспертом по делу о ритуальном убийстве Бейлисом христианского мальчика Андрюши Ющинского. [А суд присяжных в Киеве, где разбиралось это дело, единогласно признал убийство Андрюши *ритуальным*. Следовательно, Император Николай Второй из рук специалиста (профессора) по ритуальным убийствам получил результаты судебно-медицинской экспертизы тела Григория Ефимовича.] Поэтому-то Государю была очевидна лишь косвенная причастность к смерти Григория Ефимовича тех, кого весь Петербург поздравлял с «патриотическим актом».

Однако и Дмитрий Павлович, и Юсупов, по свидетельству В.К. Александра Михайловича, признались ему, «что принимали участие в убийстве, но отказались, однако, открыть имя главного убийцы». Позже, когда Феликс Юсупов пересказывал знакомым обстоятельства убийства Распутина, его спросили: «Неужели у Вас никогда не бывает угрызений совести? Ведь Вы все-таки человека убили?» «Никогда, — ответил Юсупов с улыбкой. — Я убил собаку». И князь не лжет, он действительно убил собаку из собственной псарни, чтобы скрыть следы человеческой крови или, наоборот, имитировать убийство Распутина во дворе собственного дома... Вот запись из дневника Императора: «*В 9 часов поехали всей семьей мимо здания фотографии и направо к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом* ***незаббенного*** *Григория, убитого в ночь на 17 декабря* ***извергами*** *в доме Ф. Юсупова, уже стоял опущенный в могилу*». Государь, обратим внимание, не назвал убийцами тех, кто ими назвался сам, но говорит об *извергах* [кем и являются жиды-каббалисты], подчеркнув изуверский характер убийства. Члены Царской Семьи видели Своими глазами обезкровленное тело Григория Ефимовича, а потому Им было ясно, что ни Феликс Юсупов, ни Пуришкевич, ни князь Дмитрий Павлович такое зверство сотворить не могли: Они увидели руку «мастера»-садиста, руку ритуальщика-резника. Он и наказал подставных убийц символически, выслав Феликса Юсупова в Курское имение и отправив В.К. Дмитрия Павловича в действующую армию в Персию, а Пуришкевича, уе-

хавшего 17 декабря со своим санитарным поездом на фронт, наказание не постигло вовсе. Эта безнаказанность, безусловно, встревожила подлинных убийц, ожидавших теперь дальнейших следственных действий против себя, и, понимая всю непрочность обвинений против самозваных убийц, они в дальнейшем постарались тщательно укрыть следы ритуального преступления: сразу же после свержения Императора торопливо сожгли тело Новомученика Григория. Основанием предположения о ритуальном характере убийства как для Царя, так и для всякого христианина, знакомого с жидовскими ритуальными злодействами, являлись сами обстоятельства преступления — прижизненные мучения, туго связанные руки и ноги, большая кровопотеря, а затем мгновенная смерть и утопление тела в воде [сброшенного с высоты], не упрятывание его, не захоронение, а именно утопление, причем осуществленное отступниками-христианами, на которых впоследствии и указывается как на настоящих убийц»[1].

[1] http://www.ruskmir.ru/2011/12/rasputin-grigorij-ritualnoe-ubijstvo/#more-1526.

ОЗАРЕНИЯ БОЖЕСТВЕННОЙ БЛАГОДАТИ СТАРЦА НИКОЛАЯ

«Какие мы счастливые,
что правы и славные — православные!»
(Старец Николай)

Отец Николай собирал Церковь, *Остаток Верных, Малое Русское Христово Стадо, Филадельфийскую Церковь, тех, которых дал ему Господь,* а значит, собирал и наше Отечество... Наш Невидимый Град Царев Китеж... Он звал за собою всех *китежан,* ибо сам был во светлый образ Благоверного Князя Псковского Георгия... Нельзя отделить Церковь от Отечества, от живых и любящих Бога сердец. «Мы должны собирать наше духовное сокровище — Веру! Православие копить на последние времена... Не продукты, а *Веру копить»* — благословлял Старец. — А если соберем и сохраним Церковь, Невесту Христову, Небесный Царь пошлет нам земного Царя и вручит Ему жезл на защиту нашей Матери-Церкви».

Мы с Батюшкой часто перечитывали «*Духовное Наследие*» *Григория Ефимовича*, впервые изданное Императрицей Александрой Феодоровной под заглавием «*Благочестивые размышления*». Старенький и почти слепой экземпляр этой редкой книги хранился у Старца в особой папке в шкафу. Там были высказывания, иногда до слова схожие с размышлениями самого отца.

«Какие мы счастливые, что правы и славные — православные!» — любил повторять Старец. — «Мы

счастливые, православные! Никакую веру нельзя сравнить с православной!» — утверждал Григорий.

«*Исповедь и Причастие* — вот вам мое благословение!» — отвечал отец Николай на вопрос: *«Как спасаться?»* — «Причащайся как можно чаще и ходи в храм, какие бы ни были батюшки» — советовал Странник Григорий. — «На батюшек не смотрите, кто там, какой... *Главное, чтобы православно веровал* — вот к таким и обращайтесь. Пусть их не так уж и видно, и прячутся они от пустых людей, но вы ищите — и Господь пошлет вам священника по вашему молению» — как бы дополняет сказанное Григорием отец Николай. — Ищите спасения на Корабле Церковном, на лодочке, на плоту, на бревнах... на щепках... Только спасайтесь!»

«Наше спасение — Церковь, и всякий, кто услышит клик Ноя, — да спасется! Мать наша — Церковь! Церковь высоты — она звезда непобедимая, просветит нас вечной радостию!» — наставлял Григорий Ефимович. «Кому Церковь не Мать, тому Бог — не Отец! — говаривал Батюшка. — Без Храма — ни шагу! — и часто разъяснял: — Не бегайте за священниками, бегите за Христом! Научитесь распознавать Божие и человеческое. Настоящий христианин никогда не променяет *Вечное* — Небесный Иерусалим — на временное земное благополучие. Достоинство человека в том, что он не должен ни перед кем заискивать — ни перед священниками, ни перед епископами».

«Что значит молиться?» — спросили отца Николая. — «Молиться, это значит всегда быть с Богом» — ответил святой. — «А что есть смирение?» —

«Смирение — это не бороться с ближним за тленные вещи этого мира».

Мысли отца Николая были просты и благодатны, и люди испытывали чувство полного доверия к его слову. Сияние Божественного Света озаряло его лик, потому что Старец был близок ко Христу... Никого не обижал, и зла никому не сделал и не желал. Хотя он жил в миру, среди нас, но жил вне мира, как все Святые Отцы. Кто знал его, почитали святым. Но ведь он и был им! Богобоязненные люди просили на благословение его фотографии, и дома, с глубокой верой в Господа, прикладывали их к больным местам или осеняли ими страждущих — и исцелялись... И моим близким Бог послал испытать такое чудо. Все мы держали его «*карточки*» — слово Батюшки: «У вас есть моя *карточка?*» — в красном углу наряду с иконами святых и призывали его в молитвах. И пусть дорогой наш отец «не канонизирован» по официальному протоколу, как и человек Божий Мученик Григорий Ефимович Распутин — это совершенно не обедняет и не умаляет нашей любви и благоговейного почитания, ибо они были прославлены от Бога еще при жизни.

Старец Паисий Святогорец, описывая достопамятную жизнь *своего отца* — преподобного отца Георгия (Хаджи-Георгия, 1809‡1886) — высказал чудесную мысль, сердечно близкую и которая также может быть отнесена к *отцу Николаю*: «Не имеет никакого значения, что Церковь его еще не провозгласила святым. Главное — это светлая жизнь Старца, его простой молчаливый пример. Он был исполнен добродетелями и Божественной силой,

которую направлял на помощь другим, не жалея себя. Он проповедовал Христа в отдалении. Творил чудеса, созерцал Божественные видения и обладал даром прозорливости. Благодать Божия в изобилии была в нем, она его и выдавала»[1].

В своем замечательном исследовании о Григории Ефимовиче, С.В.Фомин приводит множество его безценных высказываний: «*20 января 1913 года.* Купе второго класса Николаевской железной дороги. «...Я не сектант, — заявляет он своему собеседнику. — Осуждаю духовенство за его нерадивость и малую красоту в церковном обиходе. Но разве в этом суть?! *Наша Православная Церковь, как воздушное облако, светит и укрепляет каждого человека. Без Нее нет ничего в жизни* и все доспехи, все эти шубы ничего не стоят. А что я самоотвержения не имею — так я слаб. Слаб, как человек, но я знаю, что *при Церкви каждый может возыметь силу, и я с Ней спасусь*». — Сравните, сказанное священномучеником Илларионом Троицким: «*Вне Церкви нет спасения!*»

А вот как он мыслил о Церкви Христовой в последний год своей земной жизни: «Господь сказал: солнце померкнет, луна не даст света, а Православная Церковь — никогда, а мы в Ней — как Бог поможет... Я убежден: Церковь Непобедимая. А мы семя Ее, радость наша вместе с Воскресением Христа»[2]. Недосягаемый никакому злу Небесный Град Китеж...

[1] *Старец Паисий Святогорец.* Афонский Старец Хаджи-Георгий. М. 2009. С. 53

[2] *Фомин С.* Боже! Храни Своих! М. 2009. С. 95.

Святая простота Батюшки Николая открывала истину

Когда заходит речь о взаимоотношениях Царственных Страдальцев и святой жизни праведника Григория Ефимовича Распутина, редко вспоминают, что на протяжении многих лет он был духовным отцом Их Величеств и его благословения хранили и оберегали Венценосцев. Однажды в разговоре с кн. Жеваховым Государь искренно и проникновенно, с благодарностию в голосе произнес: *«Если бы не молитвы Григория Ефимовича, то Меня давно бы убили»*... В Его голосе не было ни тревоги, ни опасения, но глубокая убежденность в истинности сказанного[1].

«Он умер, чтобы спасти Нас» — свидетельствовала Императрица Александра в день его страданий. Сам Григорий Ефимович исповедовал: «Бог дал мне чудное призвание погибнуть за спасение обожаемых наших Монархов и Святой Руси».

Это общеизвестный факт, который нельзя оспорить, дабы не слыть человеком лживым и недобросовестным. Есть огромное количество свидетельств, что не только Святая Семья относилась к нему как к духоносному отцу. Многие брали благословение, целовали руку, обращались со словами: «*отец Григорий, благослови!*» Для Их Величеств он был истинным Старцем в святоотеческом понимании этого водительства. По словам протопресвитера Г. Шавельского, он «вошел в Царский Дом

[1] Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода кн. Н. Д. Жевахова. Т. 1 С. 17.

с уже установившейся репутацией Божиего человека». Многие Великие Князья «сидели у его ног и считали его пророком». «Очень интересный человек, странник, много ходивший по святым местам, хорошо знающий Священное Писание, и вообще человек святой жизни»[1].

Чему учил Григорий Ефимович? — Иметь чистую совесть и любить друг друга, просил ходить в храм Божий, чаще исповедоваться и причащаться. Его называли то старцем, то юродивым, то Божиим человеком, — вспоминал кн. Н. Д. Жевахов. Царь с Царицей высоко ценили Их дружбу. Многие лично знавшие Григория свидетельствовали о его удивительном сходстве с Батюшкой Иоанном, который подметил в нем «искру Божию» и благословил быть всегда рядом с Царской Семьей, «*заменить*» его. «Был я у отца Иоанна Кронштадтского, — рассказывал Григорий. — Он меня принял хорошо, ласково. Сказал: «Странствуй, странствуй, брат, тебе много дал Бог, помогай людям, будь моею правою рукою, делай дело, которое я, недостойный, делаю».

Отец Григорий, как человек высокого духовного настроя, хорошо понимал неизбежность искушений в жизни человека, но отмечал, что Бог не по силам не дает. Со времени странствий прекрасно познал и природу человеческой дружбы, и клеветы. Он часто говорил, что «*гордым Бог противится, а смиренным дает Благодать*»... «*Спасение в Боге... Без Бога и шагу не ступишь... А увидишь ты Бога тогда, когда ничего вокруг себя не будешь видеть...*

[1] *Герасимова А. В.* На лезвии с террористами. М. 1991. С. 163.

Потому и зло, потому и грех, что все заслоняет Бога, и ты Его не видишь».

Для многих верующих, искренно любящих Августейших Страдальцев и Царского Друга, до сих пор серьезным преткновением является неприязненное, даже враждебное, отношение к Мученику Григорию Преподобномученицы В.К. Елизаветы Феодоровны Романовой. Не раз об этом спрашивали отца Николая, и он в простоте сердца, стяжавшего Благодать, прозревал истинную природу этого отношения: «Елизавета Феодоровна была сильная личность, неравнодушная и горячая по натуре, настойчивая в достижении цели. В отношении Григория сильно заблуждалась и старалась навязать свою неприязнь Августейшей Сестре, — говорил он. — Очень ранимое чувство собственного достоинства не позволяло смириться с тем, что Царская Семья ее мнение о Григории отвергала. Хотела «открыть» Им глаза, а сама-то прошла мимо святого человека. Эта духовная слепота принесла много горя не только ее душе... Враг искушал, и она не смогла преодолеть искушение и вольно или невольно оказалась в числе сочувствующих заговору. Она была осведомлена о готовящемся злодеянии. Само мнение Великой Княгини было плодом нездорового мистицизма окружавших ее лицемерных людей, всячески старавшихся унизить Царя и Династию... А ведь наша христолюбивая земля держалась именно на духовной силе Святой Царской Семьи, этой истинной Обители Благочестия, и много лет рядом с Ними был Их наставник Григорий. Божий человек, христианин, первым принял удар на себя

от тайных беззаконников, врагов Престола... Пока он жил, Империя жила. Она рухнула, когда царененавистники совершили изуверство — умучили, а потом сожгли тело святого...

Елизавета Феодоровна имела некую нечистоту сердца, позволившую пленить ум, и она дала себя обмануть... Не приемлющая клевету как таковую, все же не смогла противостоять влиянию близких друзей, которым очень доверяла. Потому и пришла к совершенно неверной оценке человека. Только позже, когда ее арестовали и сослали на Урал, в Алапаевск, пришло прозрение. И когда ее сбросили живой в шахту, *она покаялась в этом страшном грехопадении. Искренно... Через страдания и боль увидела жизнь в истинном свете Божией Правды. Все поняла».*

Здесь уместно вспомнить оценку поведения всей Императорской Фамилии по прошествии лет любимой Сестрой Государя Ольгой Александровной: «Снова повторяю, виноваты Мы все. [...] Среди Членов Нашей Семьи не нашлось никого, кто мог бы оказать поддержку Ники».

Полагаю, что сказанное прозорливым Старцем, также послужит для духовной пользы ближних. Ведь если о добродетельной жизни праведников мы должны помнить и писать, то тем паче не должны замалчивать о подвигах невинно оклеветанных. Конечно, люди неправедно пострадавшие и видевшие в жизни только ложь и унижение — самые любимые чада Божии. Сильные, они принимают на себя тяжесть и грехи слабых и не ждут на земле воздаяния за добро, которое делали людям.

Наверное, у кого-то может возникнуть вопрос: почему мы должны доверять словам отца Николая? Отвечу: мы веруем ему, несомненно, потому что Батюшка имел в своем сердце Бога, и Бог открывал ему истину. Он видел Небожителей, говорил с Ними, как мы друг с другом... Царь-Мученик, по свидетельству Батюшки, приобщал его Святых Таин... Преподобный Серафим и Чудотворец Иоанн Шанхайский говорили с ним о России и о нашей Церкви. Являлась и сама Елизавета Феодоровна... Батюшка — святой последних времен, и его святость не требует доказательств. В 1998 году священноиноку Троице-Сергиевой Лавры было откровение от иконы Царицы Небесной: *«Там, на Острове, живет человек гигантской силы духа и он особенно дорог Господу, потому что он из последних времен. В нем все вы можете видеть драгоценные проявления нашей Веры и высочайшей Любви Христовой, что сейчас так мало, так редко. Старец Николай так безмерно любит Христа и ближних, что ничто не может отвлечь его от Любви Божией. Господь уже признает высшую святость этого Старца, и нет пока на пути ко Господу ему равного. По Божиему Промыслу приближается время отхода отца Николая в Обитель Божию. И нет на этой грешной земле человека, который бы не нуждался в его святом благословении при жизни».* Духовник Лавры Преподобного Старец Кирилл (Павлов) подтвердил подлинность видения словами: *«Святой, несомненно святой... В наши последние времена Старец Николай — светильник, подобный Серафиму Саровскому».*

Слово отца Николая *Боговдохновенно*, потому в нем — истина. Он был Ангел Божий, посланный нам для спасения. Вот и все...

«Посредством святой простоты человек познает тайны Божии»
(Старец Паисий Святогорец)

Афонского Старца отца Паисия как-то спросили: «Геронда, чтение книг и знание помогают познать Бога?»

Он ответил: «Посмотри, что я тебе скажу: если человек будет трудиться духовно и придет в доброе духовное устроение, то станет видеть некоторые вещи очень четко, посредством Божественного просвещения, без книжного знания. Будет видеть их даже яснее чем те, кто прочитал кучу книг. Своей внутренней чистотой он видит четче, дальше и глубже, потому что оставил мирскую орбиту и обращается по духовной орбите, в области Таинства. Стяжавшие внутреннюю простоту и чистоту и на сверхъестественные вещи смотрят очень просто, как на естественные, потому что в Боге все просто. Сам Он прост и явил нам это на земле в Своем Сыне, в Его Святой Простоте. Ему не нужно больше силы, чтобы творить сверхъестественное. И для естественного, и для сверхъестественного у Него одна сила.

И снова спросил Старца сомневающийся мир: «Геронда! А как человек, не читая много книг, может познать тайны Божии?»

И вновь терпеливо ответил отец: «Если в нем есть святая простота, то он может не только познать, но и стать соучастником тайн Божиих. Помните рассказ об очень простом монахе, который удостоился есть вместе со Христом? До того как стать монахом, он был пастухом, и единственное, что его интересовало, — *как спастись*. Как-то через те края проходил пустынник, который ему сказал: *«Если хочешь спастись, иди прямым путем»*. Тот понял его слова буквально. Пошел по дороге и три дня шел все время прямо, пока не пришел к воротам монастыря. Игумен монастыря, видя рвение пастуха ко спасению, сразу постриг его в монахи и поставил прислуживать в церкви. Однажды, когда он убирался в храме, мимо шел игумен и дал ему некоторые наставления относительно работы. Монах, выслушав наставления, спросил настоятеля, указывая на изображение Распятого Господа: «Отче, Кто это там наверху? Я столько дней здесь, а Он ни разу не спустился вниз, чтобы поесть или выпить воды». Игумен удивился его простоте [...] Вечером, монах взял из трапезной свою порцию еды и заперся в храме. Подошел к Распятию и с состраданием сказал: «Спускайся, Брат, поедим вместе». Тогда Христос сошел вниз и ел вместе с простым монахом. Господь пообещал, что возьмет его в Дом Своего Отца, где он будет вечно радоваться. Действительно, спустя несколько дней этот простой монах мирно отошел ко Господу. Видите, он был совершенно безграмотным, а чего удостоился за свою великую простоту и чистоту!

Чтобы Благодать Божия почивала на человеке, в нем должна быть искренность и чистота. Бог

открывается людям, освятившим свою простоту. Когда в человеке есть простота и чистота в соединении с теплой верой и благочестием, то он имеет Божественные посещения и познает тайны Божии, не зная никаких наук. Потому что тогда в нем обитает Святая Троица. Божественным просвещением он легко находит ключи Божественных смыслов и объясняет действия Духа Божия очень просто, естественно, без рассудочной путаницы.

Когда мы очистим наше лукавое сердце, из которого исходит все злое, то сделаемся чистыми и смиренными сосудами Божественной Благодати, и тогда в нас будет почивать Пресвятая Троица. Я буду молиться о вас, а вы молитесь обо мне, пусть Христос и Пресвятая Богородица помогут очищению наших сердец, да узрим Бога.

«Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят».

Отец Николай искренно удивлялся, как много сил и внимания современные христиане отдают «мудрованию»: «канонизирован или нет?!» «Каково мнение Патриарха и епископов?!» — «А каково Божие слово о Григории, «мнение» Бога?! — разве об этом безпокоятся?!» — спрашивал он. — «То-то и оно... Все эти размышления далеки от подлинной духовной жизни и обнажают нездоровую духовность церковного народа, теряющего благожелательность, чистоту и ясность восприятия... *Где просто — там Ангелов со ста, а где мудрено — там ни одного...* Святые не нуждаются в прославлении, ибо их прославляет Сам Господь, — повторял Батюшка «азы», которые должны преподавать на

первом году семинарии, *таковы церковные правила.* — Прославление необходимо нам для укрепления Веры. А о святости того или иного подвижника Господь дает верный знак — почитание со стороны верующих, а также чудесами, которые происходят по молитве к святым, еще не прославленным, что *позднее* утверждается и закрепляется Епископской властию... Вот мы молимся Преподобному Иосифу Исихасту Афонскому — и он слышит нас... Обращаемся к святому Старцу Паисию Святогорцу — и он помогает. Как же не любить и не чтить святых?! Зачем ссориться и браниться из-за этого? Любви надо больше нам, православным верующим. Любви и Веры... тогда и споры умолкнут. И нет ничего страшного, если пока есть разномыслие. Подобает иметь терпение и пождание».

Так учил Старец, личное общение, даже непродолжительное, с которым у многих верующих не оставляло сомнений, что *Батюшка Николай был не просто Старцем, но Старцем — Великим.*

Духовный опыт Старца Николая

В книгах, посвященных подвижническому житию отца Николая, прошедшему созерцательный путь монашеского трезвения и умной молитвы, укорененный в святоотеческой традиции — *«Небесный Ангел»* (2002), *«Царский Архиерей. Слово Истины»* (2004), *«Жемчужины Духа. Святые слова о спасении Старца Николая (Гурьянова)»* (2007), *«Старец Николай о Богоустановленности*

Царской Самодержавной Власти» (2007), *«Царственная Птица взывает к Богу»* (2009), *«Слово Жизни»* (2009) *«Царь грядет...»* (2011) — мы приводим его откровения о небесных созерцаниях. О зрении святых, о великой любви, которую Старец питал к Царственным Мученикам. Божественная Благодать посещает каждого подвижника по-особому, наделяя присущими именно ему дарами... *Даром Старцу Николаю был сугубый покров Венценосцев.* Жизнь отца была исполнена как слез Их боли, так и слез радости. Ум был восхищен в раннем детстве, в девятилетнем возрасте, к созерцанию Распятия Августейшей Семьи: «Среди Распинаемых в Ипатиевском подвале я был самым маленьким» — свидетельствовал он... Великая чистота и сердечное благочестие позволили видеть в духе и муки Страдалицы Елизаветы Феодоровны в Алапаевской шахте, как если бы он пребывал вместе с ней в те страшные дни.

Все житие отца напоминает о древних подвижниках пустыни — Онуфрии Великом, Антонии, Макарии. Но внутренний его человек был весь устремлен к Божией Матери: *«Если бы вы знали... Царица Небесная и Спаситель в детстве посетили меня... И наполнили душу Благодатию».*

То, что хотя бы изредка открывал Старец, для нас великое духовное наследие, ценность которого безмерна, безгранична. Приведу здесь некоторые воспоминания. Протоиерей Василий Львов, настоятель ивановского храма Казанской иконы Божией Матери, рассказал о чудесном видении Батюшки, о котором узнал от него самого во время поездки

на Остров Талабск: «Явление это было в середине 1990 годов, среди бела дня, между 14^{00} и 15^{00}. Батюшка погрузился в необычайный сон, когда своим тонким телом вышел из домика к скамеечке и увидел, что к нему приближается Государыня Императрица Александра Феодоровна. Он Ей низко поклонился, Государыня взяла благословение. Они сели на скамеечку, где состоялся разговор.

Через некоторое время к ним подошел Государь Император Николай II. Старец хотел упасть перед Ним на колени. Государь запретил ему это делать и Сам испросил благословение. После чего сказал: «Продолжайте свою беседу»... Обошел вокруг домика и исчез. Беседа с Государыней продолжалась в течение часа.

После этого случая, Старец Николай стал всех благословлять молиться Царственным Мученикам о спасении России, говоря, что Царская Семья имеет сугубую Благодать перед Богом. Отец Николай выделял молитву к Цесаревичу Алексию и говорил, что «*Он велик пред Богом*»... Благословил совершать еженедельно акафист Царю Николаю и Цесаревичу Алексию. После акафиста обязательно совершать крестные ходы вокруг храма... Благословил обязательно поминать Царскую Семью на всех отпустах. Старец сказал отцу Василию, что совершение Крестных Ходов по всей России с Именем Государя и всей Святой Семьи — «*это огромная сила*»[1].

Так запомнил священник Василий явление Царственных Святых подвижнику с Острова.

[1] *Прот. Василий Львов.* Старец Николай и Государь. Русский Вестник. № 20–21. 2001. С. 4.

Пред Вечной Тайной Божества

У каждого из отцов бывают особые дары. И мне думается, что Благодать Божия сугубо проявлялась в Батюшке как редкостная способность сострадать и утешать скорбящих, безнадежно горюющих людей... Это было его послушание. Он просто согревал своей любовию... Его желание добра воскрешало в людях Веру. Имел огромный дар! Бывало, даже слова не скажет, а просто протянет человеку свою чашку с чаем и скажет: «Попейте чайку, попейте...» — и все. Забывалось, что жизнь не удалась, что все не так, что больше не можешь нести свою немощь... А простые слова: *«Все будет так, как Господу угодно»* — возвращали к жизни, давали силу, надежду, что еще есть на земле сочувствие и стремление помочь... Ободряли и утешали. За более чем двадцать лет пребывания рядом с отцом, я поняла, насколько мир *осиротел.* Мы все сироты, «*сиротки*» — говорил он. А Господь сказал: *«Сиротам будь как отец»* (Сир. 4.10) — и отец Николай был нам как *отец.* Он знал, как мучительно это сиротство души, как невыносимо человеку жить *без благодатного утешения...* Потому и шли к нему, что вместил Старец слова Спасителя: *«Не оставлю вас сирыми»* (Ин. 14.18).

И еще, был у дивного труженика дар сильной молитвы, которая шла от его сердца к сердцу человека. Эта непрестанная молитва святого не оставляла душу человека одинокой, для нее не существовало ни расстояния, ни времени. Верные Батюшке чувствуют и сейчас этот незримый свет его молит-

вы, который не меркнет, и ощущают любовь и помощь уже из неземного бытия. Уходят отцы, которые жили духом, и вместе с ними, кажется, невозвратно уходит целый огромный мир. Временами думаешь, что он живет только в твоей памяти... Но нет... Он в Вечности — у Бога...

В последние дни жизни человека как нельзя яснее проявляются предшествующие подвиги. Последние дни — это как последняя ступень, с которой старцы воспаряют на Небо, в нескончаемую жизнь. Батюшка знал и день, и час своего ухода, и обозначил его — только просил меня никому не говорить... Он был подобен светлому лучику, который только и ожидал, когда приоткроется завеса, и он сольется с Вечным Светом... Навсегда... Духом уже витал *Там,* где Любовь и совершенство. Он почти весь ушел в зрение иного мира, здешнее потеряло силу и смысл. Все время беседовал с Господом и Святыми... Мы слышали отзвуки и боялись отвлечь его от этой небесной жизни. Помню, как долго не решалась открыть шкаф, стоявший подле кровати, чтобы скрипом не нарушить молитвенное общение. Он же почувствовал мои мысли и кивком головы благословил взять с полки книгу... А потом сказал: «У нас *Там* книжных шкафов нет...» — «Где, отче?» — «Да в нашей Обители Небесной... Мы без книжечек здесь служим». Устремив свой изумленный взор кверху, он кому-то отвечал: «Благодарю, благословите»... Какие дивные созерцания впитывала его душа? — Бог весть... Только часто беседовал с Государем Николаем, Императрицей Александрой, Никандром Псковским, Владыкой Вениами-

ном и Старцем Феодором Кузьмичем... Макарий Великий и Ефрем Сирин, Симеон Богослов, Преподобный Серафим... Бывали Блаженные Ефросиния Колюпановская, Аннушки — Вырубова и Ахматова... Мамушка...

Тихий, светлый, кроткий он уже с трудом передвигался по своей временной клети, терпеливо ожидая отшествия. Любил посидеть в маленьком коридорчике келлии и смотреть оттуда на Дворик, на мягкие блики солнца по сухой земле, почти без травинок... Мы укутывали его в мягкий плед — и он подолгу наблюдал за пташками. Господи, как эти птахи утешали его, как они могут быть благодарны человеку! Сороки и галки спокойно проходили к его ногам и расхаживали то по коридору, то по келлии. Голуби были чуть «приземленнее» — они все время что-то выискивали и клевали. Зерна было много. «Птичья столовая» — выражение Батюшки, работала без перерыва. Он радовался этой земной жизни. Как-то сказал, глядя на огромный букет живых цветов, стоявших на скамье: *«Господь-то везде, мои драгоценные, Он на всяком месте... Есть радость Небесная, но есть и радость жизни земной... Пожить-то еще хочется. Ведь жизнь — это дар Божий. Цените его... Берегите жизнь!»*

Была у нас на Острове досужая ручная ворона, проживавшая не с нами, а у кого-то из питерских дачников... Но столовалась непременно у Батюшки. Чуть свет — и она стучала клювом в двери, требуя свою долю сыра, непременно сыра. Для нее всегда был готов кусочек. Кормили ее с руки, а Батюшка покачивал головой: «Плутовка, ох, плутовка...» Од-

нажды он сидел на стуле в самой келлии, двери в коридор и на улицу были открыты — было очень жарко. Гостья по-хозяйски вошла в коридор и уже занесла лапку, чтобы проникнуть вовнутрь, как Старец строго сказал: «Не благословляю... *Сюда* тебе нельзя». — «Почему?» — «Да потому, что плутовка... Приворовывает»...

Больше всего последние дни Старец лежал на кровати, закрыв глаза, и тихо молился, часто улыбался. Левая рука, бывало, скользила по стенке с небольшим ковриком, на котором висели иконы и портреты любимых и близких по духу людей, и он спрашивал, вижу ли я чудесные цветы, которыми усыпан его домик. «Как они дивно благоухают! На земле таких ощущений нет!» — как-то сказал и глубоко вздохнул, как бы дыша неземным ароматом. Смиренно-скромная жизнь Батюшки невольно приоткрылась для нас, хотя он никогда не выставлял духовные дарования напоказ...

Рассказывать о его духовной силе можно безконечно, ибо Бог почтил его многими дарами. Но особо отличал его дар Богословия. Как сказал Старец Кирилл (Павлов): «*Отец Николай сделался истинным Богословом, он знал глубины Таин Божиих, имел Божественные откровения, общался с Ангелами. Ему являлись Господь и Владычица наша Богородица. Никто не знает, кто он... Старцу было многое открыто о Царской Семье — Сам Господь даровал ему просвещение благодатного ведения*».

Отче Николае наставлял: «Верующий человек любвеобильно относится ко всему, что его окружает. Он живет по Евангелию и старается все де-

лать с благословения Божия. Господь сказал: «*Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!» войдет в Царствие Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного*» (Мф. 7.21). Поэтому христианин спасается не словами, а деланием Правды, исповеданием Веры в своей жизни: не клевещи, не прелюбы сотвори, не укради, не обижай никого, не завидуй... Чти отца с материю, уважай старших, трудись, чтобы получить хлеб за труд свой... Люби творение Божие, природу и каждую деревинку».

Беседа наша неспешно текла во Дворике Старца. Всем желанный *Благодатный Дворик* — тихий, маленький, в нежной зелени весенней звенящей листвы и залитый лучами неяркого солнца, теплыми бликами освещающего огромные многолетние каштаны и дубы, яблони, кусты жасмина и смородины и множество цветов. Было раннее утро, мы только что вернулись с Батюшкой из Храма. Неспешно набирал силу *никогда не меркнущий Царский День* — Девятнадцатое Мая 1995 года — *День Рождения Императора Всероссийского Николая Александровича, Высокоторжественный День*. Так мы себя с Батюшкой и ощущали — высокоторжественно, радостно и светло...

В тот день я подарила отцу Николаю небольшую книжицу, которую подготовила для подмосковного Свято-Никольского храма: «Чудо Милости Божией, явленное в спасении от гибели Царской Семьи во время крушения Императорского поезда 17/30 октября 1888 года в Борках». Открыв и указав страницу, он попросил: «Прочтите, что у Вас здесь писано...»

Это были заключительные слова: «Государь Николай часто повторял: «Земная власть возложена на Меня Богом, Моя жизнь принадлежит России. Но «кто хочет быть первым, да будет всем слуга»... Что Я пред Лицем Бога, пред Сотворившим Вселенную, пред Творцом мира? Что мы все пред этой вечной Тайной Божества?

Что мы? Христиане Православной Руси?!

Вся наша жизнь должна стать ответом на этот вопрос Святого Благоверного Царя-Мученика Николая»...

Батюшка внимательно слушал и, немного помолчав, сказал: «Вы ведь знаете, что вся моя жизнь отдана Господу, Матери Божией и Святому Царю-Мученику. Как подумаешь, глубоко жаль наших Государей: как Они страдали от неверующего окружения, не дававшего Им никакой связи с истинной Россией... А Их благочестие и горячая Вера поразительны среди мертвых душами людей... Подлейшей трусостию скованных, Бога не боявшихся. Они подорвали Монархию, саму идею ее... А народ русский любил Государя, видел Его кроткую и тихую душу, понимал, как трудно Ему править...»

В Дни памяти Царственных Святых Батюшка был особенно окрылен и расположен к разговору. Можно сказать, что он даже желал, чтобы его спрашивали обо всем, что касалось Венценосцев. Преданность Старца Монаршим Особам была настолько трогательна, что всякий раз, вспоминая наши беседы, я не могу сдержать слез... Ибо сам отец почти всегда безмолвно плакал. Слезы стекали по щекам как струйки дождя. Чтобы ни происхо-

дило вокруг — стоило только заговорить о *Них* — и Батюшка преображался! Мы называем Николая Мотовилова *служкой Батюшки Серафима,* а отца Николая сердце так и просит называть *служкой Царя.*

Он излучал царственную любовь к Царственным Святым! Видя великую помощь Венценосцев в спасении души, напоминал о благодати, которую получает человек, обращающийся к *Ним.* Говорил о Их *внутреннем духовном мире,* о величии и чистоте Ангельских сердец. И всегда — о сиянии Царской Святости и любви к России: «Мученик-Царь вымолил прощение всем, принеся в Жертву не только Себя, но и всю Августейшую Семью. За все страдания Они награждены Милосердным Господом... Царственные Святые — это свидетельство Божией любви к нам. Россия не погибнет за муки Святого Царя! Вы подумайте! *Царь с Императрицей дали миру целую Церковь Святых*! Пятеро Чад — и все Святые невинные Мученики... И верные люди, которые стали Исповедниками и Святыми Мучениками вместе с Царской Семьей. Если бы только Их поняли!.. Но мир разделился: одни понимают Царственное величие и святость, другие — не понимают и пачкают. Особенно Царицу... Сохрани Бог! Даже духовенство... Царица была Великая Молитвенница, и Ее прошения Господь слышал и благословлял. Своей молитвой Императрица спасала очень многих, вымаливала от смерти... Она чувствовала чужую боль».

Не раз вспоминала эти слова дорогого Батюшки, читая в Дневнике Царицы Александры простые и

искренние слова сердца, неравнодушного к чужой беде: «*Моя обязанность быть там, где страдают*». Часто Батюшка говорил: «*Императрица была Великой Русской Царицей... Вы меня послушайте, Самой Великой* ***Русской*** *Царицей*».

Воистину, только великое русское царское сердце могло быть таким милосердным: «ДАЖЕ ТЕПЕРЬ, НЕ СМОТРЯ НА ВСЕ, ЧТО МЫ ИСПЫТЫВАЕМ, Я РУССКИЙ НАРОД НЕ ВИНЮ И ПРОДОЛЖАЮ ЕГО ВСЕЙ ДУШОЙ ЛЮБИТЬ И ЖАЛЕТЬ. ОН ОБМАНУТ, ЭТОТ НЕСЧАСТНЫЙ НАРОД, И САМ СТРАДАЕТ, И СКОЛЬКО ЕЩЕ БУДЕТ СТРАДАТЬ...»[1]

В удивительной по глубине воссоздания образа Царственной Святой книге Сергея Фомина «*Скорбный Ангел*» можно прочесть: «Разве фамилия заставляет любить или не любить свое Отечество, быть верным своей Родине и своему Государю. Дело не в фамилии, а в том, как относишься к своим обязанностям по отношению к Родине. На то, что говорят злые люди, обращать внимания не стоит. Вы слыхали: Меня обвиняли, что Я англичанка, теперь — Я им немка... *Но — Там, — Ее Величество показала рукой наверх, — Там знают, кто Я. А это главное. Моя совесть спокойна. Я — Русская. Я — Православная*».

Как часто отец Николай уходил духом именно *Туда* — где действительно знают все о нас: кто мы, как живем и чем дышим, к чему стремимся... *Туда, где нет лукавста и зла. В Небесный Китеж Царев Град...* Григорий Ефимович говорил: «А по-моему, если покаяться, все человеку простится... и во-

[1] *Ф. Винберг.* Крестный Путь. Мюнхен. 1922. С. 190.

ровство, и убийство, и блуд, а лицемерие никогда... Строго нужно следить за душой и без дела любви ее не оставлять... Так постоянно говорил и покойный Иоанн Кронштадтский».

Молитва валаамца

Подобно тому, как отречение Государя Второго марта 1917 года запечатлелось явлением Чудотворного Образа Царицы Небесной Державной, убийство Царской Семьи было событием Церкви земной и Небесной.

«1918 года семнадцатого июля вечером мы приехали с покоса на пароходе в девятом часу. Поуставши, поужинал я в трапезной и выпил чайку. Пришел в келлию, прочитал молитву на сон грядущим, перекрестил постель на все четыре стороны с молитвой *«Да воскреснет Бог»* и прочее. Поуставши, я заснул крепким сном.

Полночь. Во сне слышу радостное и приятное торжественное пение. На душе стало ясно, и я от радости запел эту песнь громко, во весь голос: *«Хвалите Имя Господне. Хвалите рабы Господа. Аллилуйа, Аллилуйа, Аллилуйа. Благословен Господь, Живый во Иерусалиме. Аллилуйа, Аллилуйа, Аллилуйа. Исповедайтеся Господеви, яко благ, яко в век милость Его. Аллилуйа, Аллилуйа, Аллилуйа».* От радостного громкого звука пения я проснулся. Душа была точно не своя, так приятно и радостно. Я повторял про себя эту песнь Господню, сидя на койке и размышляя, почему так сильно пел во

сне. Осмотрелся я: кругом темно, потому и не мог видеть, который был час. Хотел я, было, лечь опять спать, но внутренний голос говорит: «Исполни свое малое правило, а остальное после». Я послушался, встал с койки, в темноте перед Спасителем исполнил половину своего правила и хотел лечь спать, но совесть опять заговорила: «Помолись перед Чудотворным образом Божией Матери» — и я пал на колени перед сим образом «Споручницы грешных» с усердием и умилением, на душе было приятно. Внутренний голос продолжал: *«Помолись, помолись Господу и Царице Небесной, нашей Ходатаице перед Сыном Своим и Господом нашим, попроси Милости и Покрова, о сохранении Державы Российской и о сохранении христолюбивых людей, и об одолении врагов видимых и невидимых, и о поставлении Царя в России по сердцу Своему, и о сохранении обители нашей и живущих в ней от злых людей и страхований, от глада, потопа, огня, меча и междоусобныя брани. Сохрани, Милостивая Владычице, обитель нашу и братию нашу, живущую с настоятелем о. Павлином. Как Ты Сама пришла от далеких мест к нам грешным спасти и сохранить обитель сию Своим честным Покровом, ходатайством пред Сыном Твоим и Богом нашим. О, преподобные отцы наши Сергие и Германе, не оставьте нас, грешных, милостивии, помолитеся о нас Господу вместе с Богородицей, да сохранит нас Господь Своею Милостию по вашей просьбе».*

Так, предстоя пред чудотворным образом Божией Матери, молился я. Внутренний голос говорил

мне: «Попроси об этом в ночную темноту с усердием». Когда я, грешный, кончил свое прошение, лег спать опять. Через немного времени ударили в колокол к полунощнице. Я проснулся и пошел в церковь. Весь день я, грешный, чувствовал себя хорошо. Эта песнь все время звучала у меня в ушах»[1].

В эту ночь была зверски умучена Святая Царская Семья и Благоверный Император-Мученик Николай. Царь — Искупитель России.

О страхе Божием и недугах Церкви земной

Отец Николай был человеком высокой души и глубокой жизни. Разве дано нам постичь тайны его подвижнического духа? Или подняться на высоту его духовных озарений? Он был *иной* жизни и стремительно зрел для жизни Вечной, не задерживаясь в веке временном. Девяносто четыре года он шел по стопам любви Христовой и в последние годы, когда Бог даровал быть рядом с тихим подвижником, часто видела его пребывающим в мире совершенном. Где все служат Богу... Ангелы, все Святые... Каждый атом... Таков небесный мир, как его описывал Батюшка: «*Горний мир,* — говорил он, — *гармония и единство счастия вечного*».

Но в мире дольнем, на нашей печальной земле, совсем другое устроение. Отца Николая, как и Императрицу, как и Григория, очень мучили вся-

[1] *Русский Паломник*. Валаамское Общество Америки. № 15. 1997.

кими напраслинами безсердечные люди, особенно в последние годы жизни, когда, казалось, гонения на старчество прекратилось. Зазорное поведение монахов, присланных епархией на Остров служить в Храм, ныне всем хорошо известно, и в богобоязненных людях вызывает чувство стыда и горечи, что не защитили от них отца. Они воевали против духа простоты и смирения, которым жил Старец, и травили его, как и Царицу, в том числе и за его любовь к человеку Божию Григорию. Совершенно открыто, через епархиальную прессу и церковный амвон, и тайно, через доносы, они вытесняли Старца с прихода, «отвоевывали» у него паству. Батюшка собирал духовных чад, как птенцов, оберегал и заботился как чуткий отец о своих детях, молился и плакал о них... А на него восстали, как восставали на Старца Григория. Отец Николай часто с сокрушением говорил: «Мы его любим, почитаем, принимаем его святость. Плачем по нему... А им — запретить!.. *Разве можно — Божие — запретить?*»

Недостойное поведение этих «политизированных монахов» особенно выражалось в не почитании Помазанника Божия и Его Святого служения. Вспоминается в связи с этим, как незадолго перед прославлением Августейшей Семьи они отказались служить даже *панихиду* в День Их Страданий. Поразительно, как сейчас они же делятся воспоминаниями о «старце нашем протоиерее Николае», в «послушании» у которого, якобы, находились?! Даже уже почившему, не могут простить его любви к Царю и Мученику Григорию и изливают свою неприязнь даже на Царский Крест, установленный

на его могилке, с изображением Августейших Подвижников, и на Царскую фреску, которую изуродовали и уничтожили. Неуважение к Батюшке выразилось и в том, что полностию «поновлен» Храм, в котором он прослужил более сорока лет. Сердце сжимается от боли при виде новой «обстановки» в нем. Все, что было при отце, либо заменено, либо изъято и хранится в небрежении... Лукавые проповеди, искажающие духовный облик отца, льются с амвона, как елей. Иные обольщают доверчивых людей со страниц книг, чтение которых ведет к неминуемой дерзости в отношении Церкви.

Взять хотя бы книгу с небывалым названием, на страницы которой попали воспоминания не только об отцах Псково-Печерской обители, но и грубые и вольные строки о нашем дорогом Батюшке Николае, которого мы искренно любим и в ком души не чаяли, потому что он жил только для Бога: «*Несвятые святые и другие рассказы*». Само понятие *«несвятые святые»* для верующего сердца недопустимо и свидетельствует об извращенном сознании. Разве может ***Святой*** быть несвятым?! Разве позволительна в отношении святости такая «игра слов»?! Ведь никто не додумался обратиться к автору этой «нашумевшей» книги со словами: «неправославный православный архимандрит неархимандрит»?! Церковь учит, что слава, которую Господь дает Святым, так велика, что если бы люди увидели Святого, как он есть, то от благоговения и страха упали бы на землю, потому что плотской человек не может вынести славы небесного явления. Святые живут в ином мире, и *Там*, Духом Святым

видят Славу Божию и красоту Лица Господня. Но в том же Духе они видят и нашу жизнь, и наши дела. Они слышат наши горячие молитвы и ведают наши скорби. В потоке времен Святые — это сияющие звезды Церкви. Они всегда согревали и освещали нашу жизнь. «Святые живут среди нас и своей истинно христианской жизнию восходят по тому же пути, по которому Первым прошел Господь; по пути, который Он освятил Своей добровольной Жертвой; по пути, по которому с тех пор следовало великое множество людей. Их сонм, по Благодати Божией, не перестает пополняться. Они продолжают возвышающий человека трудный путь, отдавая свою душу — самое ценное, что имеют, — во имя соединения с Творцом»[1].

Когда мы плохо думаем о Святых или без должного благоговения и почтения дерзостно и вольно говорим и пишем о них — учил Батюшка Иоанн Кронштадтский, — мы оскорбляем Духа Святого, Который в них жил и живет после смерти. Посему дерзкая книга «Несвятые святые» — это настоящий яд в мало «привлекательной упаковке», который разрушает души, обмирщяет их, низводит на бытовой уровень серой, пошлой повседневности. Какое надо иметь намерение, чтобы представить почившего старца, казначея монастыря, строгого монаха-аскета, всегда собранного и внутренне, и внешне, в таком безобразном виде: «Увидев бумагу, отец Нафанаил замер, совершенно убитый, а потом с воплем повалился на землю и, задрав к небу руки

[1] *Манолис Мелинос.* Я говорил со Святым Нектарием. ТСЛ. 1995. С. 13.

и ноги (при этом под подрясником обнаружились драные башмаки и синие выцветшие кальсоны), закричал во весь голос: «Караул! Помогите! Грабят!!! Деньги им давай!»[1]

Прости нас, дорогой отче Нафанаиле, что современное монашество забыло все приличия, не говоря уже о главном — о страхе Божием.

Также непристойно описан «визит» автора, к тому моменту «недавно рукоположенного священника», к дивеевской старице матушке Фросе. — «Калитка у знакомого домика была заперта на большой замок», — пишет иеромонах столичного монастыря. [Но для него это ничего не значит.] Подобрав полы подрясника, я перемахнул через забор. [sic! — Вспомним слова Евангелия: «*Истинно, истинно говорю вам: кто не дверию входит во двор овчий, но перелазит инде, тот вор и разбойник. А входящий дверию есть пастырь добрый*» (Ин. 19.1–2).] ... И я, как Ромео [sic!] проник в дом. — «Тихон! Я знаю, что ты уже поп! — это было первое, что сказала мне матушка. — Быстренько [sic!] поисповедуй меня, а то я не могу у этих мирских попов исповедоваться». — [Прости, дорогая матушка Фрося, что и тебя, как и других духовников, так недобро и насмешливо представил автор «небывалых» сочинений. Кто же поверит, что старица-исповедница могла *так* относиться к высочайшему *таинству покаяния — исповеди?!* Мы помним и любим тебя совсем иной — истинной молитвенницей. Далее, сочинитель переходит уже к жанру «застольных бесед».

[1] *Шевкунов Тихон, архим.* Несвятые святые и другие рассказы. М. 2011. С. 98.

Это, естественно, так же не имеет ни малейшего отношения к духовной жизни русской подвижницы. — *авт.*] — Она «вдруг вынула из-под стола бутылку со спиртом [это сразу после исповеди?! — вопрос]. Мы дружили почти десять лет [sic!], и я даже представить не мог, что она способна прикоснуться к вину. А тут — чистый спирт! [...] Она налила себе в стопочку граммов тридцать, предложила и мне и с удовольствием выпила неразбавленный спирт»[1].

В такой развязанности повествования таятся вольность, дерзость и свободное обращение, нарочито выпячиваемое. Такие явления сама старица Фрося определяла кратко: «царство Хамово»... Все то, чего нужно бояться в духовной жизни христианину. Отцы строго запрещают рассказывать в монастырях братиям и сестрам о своих бранях в миру, о страстях, о греховных привычках, об увлечениях и падениях. Это все должно быть открыто только духовнику на исповеди, при откровении помыслов. Труд новоначального монаха как раз и заключается в том, чтобы побороть в себе это бурление мирской жизни, болезненное кипение прошедшего, рвущееся наружу. Первый этап заключается именно в том, чтобы не дать страсти пробиться наружу, не проявить ее ни делом, ни словом — чтобы не соблазнять и не заражать своими болезнями ближних.

Ответом на подобного рода воспоминания могли бы послужить следующие слова архимандрита Иоанна (Крестьянкина) по случаю иной публикации: «Посмотрел я книгу Петра Иванова, и вопрос

[1] *Шевкунов Тихон, архим.* Несвятые святые и другие рассказы. М. 2011. С. 327–328.

о которой Вы задаете мне. А.В., что это? *Нет ли у Вас чувства, что пьете яд в привлекательной упаковке?* И как он соблазнителен, и с каким упоением тянутся к нему и стар и мал. Книга-то зачитана и испещрена пометками, ибо читают ее с желанием впитать эту всестороннюю информацию, и поосновательнее. А ведь, дорогой А.В., у многих ли людей, бравшихся за чтение ее, столь много знаний, как у Вас, и столь свободная ориентация в вопросах политической, духовной и церковной жизни? Вы и то прочли ее с живым интересом, и Вас вот только смутило покушение на дорогие авторитеты. А если читающий не имеет еще никаких авторитетов и не способен сам рассудить, где правда, где полправды, а где и заведомая ложь — тогда что? Ведь неминуемо последует вывод, что Церковь-то безблагодатна, что иерархическое священство не духовно, да и что хорошего там, где нет духовной свободы. Все мертво. Ну ладно бы уж, если дерзость и самоуверенность автора ограничивалась рамками современного состояния Церкви. А как же в отношении тех столпов Церкви Христовой, что уже и критике-то не подлежат: во-первых, потому, что уже почили; во-вторых, всей своей жизнью и до конца пронесли и сохранили верность Истине, даже до личной святости. И им мы обязаны, что в нынешних условиях стоит этот Столп и Утверждение Истины — Святая Православная Церковь с ее живым опытом и Божией благодатью»[1].

[1] Ответное письмо архимандрита Иоанна (Крестьянкина) на вопрос А.В. о книге Петра Иванова «Тайна святых, введение в Апокалипсис». www.blagogon.ru.

Так писать об отцах, духовниках и пастырях, старцах и старицах, чистотой и святостию своей благоуханной жизни прославивших нашу Церковь-исповедницу, как это сделано в «Несвятых святых» — великая дерзость. А желание автора «попить пивка под рыбку», ибо он «выпить не дурак», и прочие излияния не имеют никакого отношения к подвижнической жизни отцов... И как надо не любить и не уважать, в первую очередь себя, чтобы написать о духовнике духовников, стяжавшем истинную святость, Батюшке Николае, вот это: «Но старец, тем не менее, продолжал свое. Потом он приподнял за чуб мою голову и внимательно посмотрел мне в глаза. «Ты монах? Нет еще? А хорошо бы тебе в монастырь!» — В монастырь?! Я не выдержал и просто расхохотался ему в лицо! [sic!] Ну и старик! Что он говорит? Да у меня скоро свадьба! [...] Я лишь снисходительно [sic!] слушал странные речи отца Николая. И воспринимал их не иначе как старческие чудачества [sic!]»[1].

Много в книге иного недостойного памяти праведников, уже ушедших из жизни, что недопустимо цитировать.

«Потому немало обличительных слов вырывается из любящего сердца отца Иоанна (Крестьянкина) — пишет, имея в виду подобные примеры, протоиерей Александр Шаргунов, — в адрес тех, кто более всего ответственен за истину. «*Мы ведь священнослужители, и если соблазн будет исходить от нас, то как ответим пред Богом за изра-*

[1] *Шевкунов Тихон, архимандрит.* Несвятые святые и другие рассказы. М. 2011. С. 405–407.

ненные нашим неразумением души, как ответим за отпавших от Церкви по нашей вине?»

«*Инн* боитесь, а греха смертного, обмана не боитесь. А ведь именно наши беззакония сделают нас достоянием антихриста».

«Сейчас же очень многие сами только-только входят в Церковь, а спасаться начинают не со своего исправления, но с критики Церкви». «А страха Божия — этого сокровища теперь днем с огнем не сыщешь, ибо вера больше в уме, чем в сердце. Одержимость бесовскую Вы получили, когда еще рок-музыкой увлекались. А что делать теперь? Если нисколько не находите сил противостоять насилию вражию, то хоть временно отойдите от служения у Престола».

«То, что пишете Вы мне, страшно. До принятия сана Вы уже были связаны врагом, и ведь есть грехи, которые навсегда лишают человека возможности стоять у Престола Божия. Совокупность всего этого создает в душе Вашей пустоту, и вопрос: «зачем и для чего это все?» — становится реальностью жизни. Даже о своем спасении не стоит у Вас вопрос, не говорю о пасомых. Страшно это все, очень страшно, и если не опомнитесь, то ад наступит уже здесь, на земле».

«По тому, какой грех взял власть над тобой, тебе сейчас ни жениться, ни в монахи идти, ни тем более рукополагаться нельзя. Только после того, как ты излечишься от своего страшного греховного недуга и приобретешь устойчивое отвращение от него, можно будет о чем-то думать и говорить. А ты, все понимая и говоря вроде бы правильные слова, осу-

ждаешься от дел своих. Устрашись. Господь долго терпит, но не безконечно».

Подлинная любовь не выносит теплохладности и лицемерия. «Меня простите великодушно, и писем мне больше не пишите, — отвечает [отец Иоанн] одному корреспонденту. — Я стар и немощен, и мне уже не по силам расплетать казуистику современных противоречий в людях. На словах — «Господи, Господи!», а на деле — «имей мя отреченна». Так почти у всех, за крайне редким исключением». «Молись, научись молиться. Я за тебя этого сделать не могу. Бог слышит лишь тех, кто сам обращается к Нему всем сердцем, чего и желаю тебе»[1].

Люди трезвомыслящие, заботящиеся о своей душе, не приняли дух этой книги и восторженных отзывов о ней как о «патерике»: «Простите, — пишет Игнатия, — а «Добротолюбие», «Лествица»?! Где же голод? ***А у меня эта книжка отца Тихона вызвала печаль. Слишком легка и развлекательна***. Не лучше ли перечитать авву Дорофея? Зачем мне знать, как умирал известный режиссер? Этично ли это? Можно было не сообщать фамилию. ***И еще. Я не поеду больше в Псково-Печерский монастырь, т. к. у меня уже не будет благоговения*** из-за эпизода про Фурцеву. [Вспомним предостережение отца Иоанна: «Ведь неминуемо последует вывод, что Церковь-то ***безблагодатна***».] Не понимаю, зачем такие подробности? Питать нашу страсть любопытства и осуждения? Да

[1] *Прот. Александр Шаргунов.* Имя Промысла — Крест и Любовь. К 6-летию со дня кончины архимандрита Иоанна (Крестьянкина). www.blagogon.ru/digest/155/

простит меня отец Тихон, есть в книге прекрасные страницы. Но ведь ложка дегтя портит бочку меда. Я знаю монастырь, где бестселлером была книга архм. Рафаила «Умение умирать или искусство жить». Так и прихожане в очередь за ней стояли. И всем советую почитать. Истинно учебник спасительной жизни. А «Несвятые святые» для совсем уж начинающих, кто не отвык от развлекательного чтения. Простите, но я читаю духовную литературу уже 20 лет и вижу, как много надо еще прочитать и перечитать святоотеческих творений. Но где взять лет 200 жизни?»[1]

Но что поделаешь, таковы недуги Церкви земной, о чем не раз упреждали нас ведшие внимательную духовную жизнь отцы. Начало всех наших грехов — *дерзость* и *смехотворство*, они губительны. Авва Агафон говорил: «Нет страшнее страсти, чем дерзость, она — мать всем страстям». Отец Тихон (Агриков) с горечью в сердце сокрушался: «Духовенство (звезды) поблекли и многие упали с высоты, оземнели, материализовались, и небо церковное скрылось от людей. «Эх! — вздыхает Божий человек, — какая только стала жизнь на земле! Куда делась прежняя отрада души? Куда делась тихая отрада сердца? [...] Наши премилые старушки, старички, матери духовные умирают, уходят от нас навсегда, и мы остаемся совсем круглыми сиротами. И самое «Небо» скрылось от нас, светлая и радостная церковная жизнь удалилась от нас... Храмы запечатлелись железными замками и... ***железными сердцами.*** А те, которые остались от-

[1] http://www.pravoslavie.ru/foto/set492.htm

крытыми, в них уже нет «тихого сияющего Неба», а царствует страшная сугубая суета, страх и алчное лицемерие»[1].

Такова Церковь предсудного времени: «Множество пастухов испортили Мой виноградник, истоптали ногами участок Мой, любимый участок Мой сделали степью» (Иер. 12.10). *«Горе пастырям, которые губят и разгоняют овец паствы Моей, говорит Господь»* (Иер. 23.1).

Здесь уместно вновь вспомнить слова дорогого Батюшки о гонителях, писавших о нем страшные вещи в церковных изданиях: «Зачем они на меня так?! Ведь из-за этого можно, как говорится, преждевременно умереть... без покаяния». Прости их, Господи, может, они и не ведали, что творили, только боль и огорчения кроткому праведнику они доставляли несказанные.

В Оптиной повторяют слова Старца Анатолия Младшего: «Как человек относится к Старцу, так точно Старец относится к нему». Мера же долготерпения дорогого Батюшки Николая к дерзким гонителям превзошла меру оптинских отцов. «*Блажени есте, егда поносят вам* (Мф. 5.11).

«На первый взгляд кажется странным: какое тут блаженство? — рассуждал преподобный Варсонофий. — Бранят, возводят клевету — ведь это одна скорбь! Но нет, это — блаженство, если терпеть во Имя Христово. Одного Старца спросили, как он относится к поношениям. — *«Со скорбию»* — ответил тот. — «Неужели и тебя трогают поношения?»-

[1] *Архимандрит Тихон (Агриков).* Духовное наследие Старцев нашего времени. С Евангелием. Б.м.и. С. 404, 409.

«Нет! — отвечал Старец. — *За себя я радуюсь, но скорблю за тех, которые слышат эти поношения, потому что они лишаются той пользы, которую могли бы получить от Господа через меня, грешного*»[1].

Об этом печалился и наш отец Николай... Но как бы то ни было, несмотря на скорби и клеветы, нес свое послушание духовника и помогал всем нуждающимся в его наставлении.

«Батюшка! Помолитесь о России!»

В своих воспоминаниях пишу исключительно о том, что слышала от Батюшки, видела своими глазами и в чем принимала участие. Часто обращаюсь к отрывкам из книг, которые вместе читали, и цитирую, потому что это важно — Батюшка *обязательно* говорил краткое *слово,* и я иногда записывала прямо на полях карандашом, на что он замечал: «А вот Государь никогда так не делал. Он на книжечках не писал»... Это верно... Но если бы сейчас не было этих кратких и святых мыслей отца, повсюду сохранившихся — на маленьких листочках, на оборотах поздравительных открыток, на полях книг — было бы сложнее сохранить не только точное его слово, но и дух, и выполнить благословение: «*Напиши всю правду обо мне*».

Благословенное слово отца было звенящим. Оно животворило все окрест и давало пищу душе, заро-

[1] Преподобный Варсонофий Оптинский. Духовное наследие. ТСЛ. 1998. С. 130.

нив в нее молитвенное семя. Учило быть собранным и видеть мир духовно, даже если разговор касался обыденных вещей. Из всех дарований более всего поражало его *постоянное пребывание в духе с Царственными Святыми:* «Если бы вы знали, как Они заботятся о нас, то с коленей бы пред Их образами не вставали» — однажды сказал, осенив иконой Царя и Царицы. — Это ваши Папа и Мама. Молитесь Им, всегда... Они защитят. Зло стало таким огромным, и нужна великая сила Любви, как у Них, чтобы спастись в этом мире от погибели».

Вспомнились слова Императрицы из письма к Царю, с заботой о самом главном: «Не попросишь ли Ты Шавельского выслать полковым священникам побольше *Запасных Даров* и вина, чтобы возможно больше людей могли причащаться? Я посылаю, сколько только возможно, с Нашими поездами-складами».

«Хорошо знавший душу Государыни, Г.Е.Распутин говорил: «Величие Божие явилось на Нашей Императрице. Она чувствует Бога не так, как мы простые, — а когда беседует, то Она особенно сливается с Божией Благодатию. Никто так не познал славу, как Наша Матушка Императрица. Она именно подвижница, прошла на опыте, очень умело борется, свято и искусно».

«Что представлял Собой Государь Император? — задавался вопросом кн. Н.Д.Жевахов, и отвечал: — Это, прежде всего, Богоискатель, человек, вручивший Себя безраздельно Воле Божией, глубоко верующий христианин высокого духовного настроения, стоявший неизмеримо выше тех, кто

окружал Его и с которыми Государь находился в общении. Только безграничное смирение и трогательная деликатность, о которых единодушно свидетельствовали даже враги, не позволяли Государю подчеркивать Своих преимуществ пред другими... Только невежество, духовная слепота или злой умысл могли приписывать Государю все то, что впоследствии вылилось в форму злой клеветы, имевшей целию опорочить Его поистине Священное Имя».

В очередную годовщину помолвки Государыня писала Своему Царственному Супругу (8.4.1916): «Несказанны Твое удивительное терпение и всепрощение. Я могу лишь на коленях просить Всемогущего Бога, чтоб Он благословил Тебя и воздал Тебе за все — только Он Один может это сделать»[1].

Такого Святого Царя возвращал нам Старец Николай... Однажды тихо молвил: «*Если бы тогда мог, я бы отправился с Ними на Урал, в Сибирь*». — И замолчал... Не мог... Батюшке было девять от роду. Но духом святой сораспялся с Царственными Узниками.

Жаркое лето... Мы страшно уставали от немыслимого числа паломников — целыми автобусами их везли к Старцу. Ночами Батюшка недомогал, и приходилось не спать. День же начинался рано, сна постоянно не доставало, потому, если удавалось, при возможности пристраивалась на две широкие табуретки — просто на боку, подложив под голову маленький рюкзак, чтобы немного отдохнуть, но

[1] *Фомин С.* А кругом широкая Россия. М. 2008. С. 532, 531.

переживала: вдруг Батюшка неожиданно выйдет из внутренней келлии и застанет меня спящей. Эти опасения не давали покоя, и он как-то сказал: «Вы не переживайте, ваш сон мне не мешает, но когда вы встаете, *табуреточки сиротеют*»...

У Старца была душа поэта, и язык был приточным, образным. Думается, потому Анна Андреевна Ахматова любила отца Николая и избрала его своим духовником. Иногда он давал просмотреть выписки из ее духовных высказываний:

«Для Бога мертвых нет»...

«Поэт — человек, у которого никто ничего не может отнять и потому никто ничего не может дать».

«Я была в великой славе, испытала величайшее безславие — и убедилась, что в сущности это одно и то же».

«Будущее, как известно, бросает свою тень на настоящее».

«Стихи, даже самые великие, не делают поэта счастливым».

«Можно быть замечательным поэтом, но писать плохие стихи».

«Жить — так на воле, умереть — так дома».

«Сильнее всего на свете лучи спокойных глаз».

«Страшно выговорить, но люди видят только то, что хотят видеть, и слышат только то, что хотят слышать. На этом свойстве человеческой природы держится девяносто процентов чудовищных слухов, ложных репутаций, свято сбереженных сплетен. Несогласных со мною я только прошу вспомнить то, что им приходилось слышать о самих себе».

Март 1956 года: *«Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили... Началась новая эпоха»*.

Ум отца Николая был очищен от страстей, а сердечная молитва была обычным внутренним состоянием. Батюшка обладал знанием жизни духа и распознавал все ловушки диавола на пути спасения человека. Имел дар рассуждения и отличал действие Благодати от вражеской прелести. Потому он и несравненный наставник, способный выразить сущность живого Богословия. Духовный сосуд Благодати, а не законодатель.

Поясню сказанное: Старец не заставлял человека поступать непременно так или иначе. Начинал что-то делать, и если человек желал подражать ему, сам видел и чувствовал, чему необходимо следовать. Батюшка любил и почитал Венценосную Семью — и близкие по духу люди исповедовали Их святость. Любил и свято чтил Царского Друга Григория — и мы свято верили Старцу и не сомневались в истинности его слов. Никому ничего не навязывал, но никогда не участвовал в клевете на память праведников и не позволял нам это делать. «*Заставить жить по совести — нельзя... Человек должен сам к этому стремиться*» — говорил.

«В юности моей, — вспоминал о себе преподобный Исаак Сирский, — я жил с Аввою Кронием. Сей Старец не возлагал на меня никакого дела, но добровольно вставал сам и подавал мне и прочим сосуд воды для умовения. После того я жил с Аввою

Феодором Ферменским — и сей отец, не дал мне ни одного приказания; но сам приносил на стол пищу и говорил: «Если хочешь, садись обедать». Я обыкновенно отвечал: «Авва! Я пришел сюда для того, чтобы тебе служить: почто не объявляешь мне воли твоей?» Но Старец всегда молчал... Потом сказал: «Разве я начальник киновии, что я буду приказывать? *Когда захочешь, делай то, что я делаю, как видишь меня живущим*»... Так пастырствовал и отец Николай.

Это ответ на претензии к нему видного московского лектора о. Димитрия Смирнова, вечно негодующего: «Почему он не написал письмо Святейшему, или на Архиерейский собор? Такого типа: «Я, грешный протоиерей Николай, считаю своим долгом сказать, что для блага русского церковного народа было бы неплохо [sic!] Григория Ефимовича с [Царем] Иоанном Васильевичем канонизовать! Прошу рассмотреть мое мнение»[1].

Русский церковный народ, имеющий опыт духовной жизни, смиренно и в благоговении хранящий Веру отцов, слышал и понимал Старца, это главное... И стал причастником Благодати, блага... А что касается подобных бумаг в Синод, то ни один святой таких писем никогда не писал. И, конечно, не напишет...

Кто хотя бы раз имел счастие видеть Батюшку Николая, тот не мог не вынести от встречи чувство удивительной простоты его сердца. Когда ему задавали духовные вопросы, он на них отвечал. Об-

[1] Протоиерей Димитрий Смирнов. Эфир «Радонежа» 10.02.03.

стоятельно и четко. Из нескольких слов, по взгляду, можно было увидеть, как тонко и глубоко Старец чувствует *ваше сердце*. Почти с первых фраз разговор приобретает искренний и простой тон, протягивается духовная нить между твоим сердцем — и сердцем отца.

Вспоминаю один летний день у калитки... Обычный день труженика. Он сохранился в видеозаписи. Мы часто воспроизводим эти драгоценные кадры в фильмах: Батюшка стоит у калитки, все получают благословение, о чем-то тихо беседуют. В руке маленькая бутылочка с *иерусалимским маслицем*... Вот он бодро машет идущему мимо келлии человеку, приглашая подойти: *«Беленькая головка! Беги скорее сюда!»* — *«Идите! Идите! Вас Батюшка зовет!»* — вторят люди, ловящее каждое слово. Человек подходит, отец благословляет и помазывает маслицем — и он дальше «побежал» по своей жизни.

Вот, девушка робко протягивает небольшую иконку Царя-Мученика Николая с тихой просьбой: *«Батюшка! Помолитесь о России»*...

В ответ — тот самый взгляд отца, который выше и глубже многих речей, взгляд, который никогда не останется непонятым этой душой, и благодарение: «Спаси тебя, Господи!» — Я всматриваюсь в его глаза... Одно смирение, одна чистота, одна святость и величие Божие. Он сливается с душой человека и видит ее на глубину. Сердце Старца преисполнено заботы о милой русской земле и ее терпеливом люде, и эта маленькая икона, а главное, просьба помолиться Мученику-Государю за Страждущую

Русь — для него самая желанная и утешительная. И было это до «официального» прославления. Он видел в прошении покаянные слезы молодого поколения, в основном, заброшенного, но сердцем тянущегося к могучим корням Русского Царского Древа. Отраду и утешение испытал Батюшка, встретив эту сердечную любовь к Царственным Подвижникам. И это было лучшее свидетельство силы молитвы тайного Царского Архиерея Нектария за Возрождение Царской Руси.

В этот день Батюшка вновь сподобился небесного посещения Царственных Святых, его «*Родственников по Духу и по крови» — так он говорил о Них.* Августейшие Молитвенники были драгоценным сокровищем его души, и он щедро делился этим небесным жемчугом с теми, кто жаждал. Этот день *молитвы Старца Царю-Мученику о спасении России* сохранился в воспоминаниях о Батюшке «*Небесный Ангел»:* там есть дивная фотография, которую назвали: «Батюшка на крыльях»... После встречи у калитки отец Николай неожиданно для всех устремился в Храм... *Попрощаться с Чудотворным образом Царицы Небесной «Талабской-Смоленской» — древней храмовой Святыней.* В левой руке Батюшка бережно держит подаренную ему икону Святого Царя-Мученика, ликом к нам. Ее можно рассмотреть. А под фотографией слова, которые Батюшка произнес после явления ему Августейших Святых: *«Я скоро улечу... На крыльях... Они у меня огромные и сильные... Долечу вмиг... И Дома буду молиться за всех вас».*

Явление Августейших Святых

Возвращаюсь теперь к прерванному рассказу о Высокоторжественном Царском Дне — Девятнадцатое Мая 1995 года... Надо сказать, что ныне мы именуем эти майские дни — *Дни Николаевской Руси*... Это память Трех Святителей — *19 мая* — Царя-Мученика Николая, *22 мая* — Святителя Николая, *24 мая* — рождение дорогого Батюшки[1]... В Петербурге был написан образ Трех Святых Николаев «*Николаевская Русь*».

У дверей келлии — маленькая скамеечка. Это была еще та самая — *старинная скамеечка* — покрашенная в неброский зеленый цвет. Очень давно Старец сделал ее своими руками из тоненьких досок. Батюшкины руки... Как велика их благодатная созидающая сила! Сколько разбитых душ, малых церквей-семей соединил он этими руками! Вот и скамеечка — много повидала на своем веку! Это не простая скамья, а *ладья спасения для утопающих и заблудших в житейском море*. Как часто здесь, как у последнего земного пристанища надежды, скорбела отчаявшаяся душа. И как часто эта ладья превращалась в *Вифлеемские ясли рождения* для умирающей или уже умершей души после тихих слов: «*Присядемте, поговорим*»...

[1] Ныне, с 2011 года, псковская епархия отмечает рождение Старца 6 июня, т.к. 24 мая — это по старому стилю. Мы же чтим рождение отца в тот день, в который он почитал своим Днем — 24 мая 1909 года, что было записано и в метрике, и в паспорте.

В тот *Царский День* мы с Батюшкой любовались необыкновенной красоты букетом, собранным из всевозможных диковинных соцветий ко Дню Ангела. Это была огромная благоухающая корзина. Она покоилась на скамье в райском Дворике, на той *самой скамеечке*, где, по словам отца Николая, они долго сидели и разговаривали с Императрицей Александрой, когда Их Величества явились Старцу в духе... Корзину с цветами Батюшка бережно поставил именно на то место, где сидела Императрица... (Поныне, по традиции, мы размещаем на скамье портреты и иконы Царской Семьи, украсив их цветами, в память небесных явлений, бывших Старцу на этой земле).

Огромное облако цветоносных ветвей благоухало и дышало свежестию. Батюшка улыбался цветам, восхищаясь неповторимостию каждого. «Так и души, — говорил, — разные, дивные, и по-разному *благоухают*... или *пахнут*...»

Среди белоснежных бутонов роз находился самый главный «*Цвет*» — небольшая иконка Царя-Мученика, также преподнесенная вместе с цветами. Ослепительные розы обрамляли венцом Царственный Лик как крупные алмазы, сверкающие на солнце. Сквозь мягкую зелень листьев проглядывали разноцветные головки — это был целый сад. Старец медленно перебирал пальцами каждый цвет, называя по-латыни, пока не коснулся *Лилии*... Слегка приподняв из цветущего облака, сказал: «*Лилия среди них — самая смиренная. Это — Царский Цвет... Смирение всегда неразлучно с послушанием Богу, и если человек теряет послушание,*

он утрачивает и смирение... Царь Николай был смиренным и послушным Богу Сыном».

Я задумалась над сказанным: действительно, нельзя назвать розу или гладиолус «смиренными», и гвоздика, и нарцисс не могут передать своим видом эту тихость души — *смирение сердца.* «Но как стяжать смирение и спасти душу?! — спросила Батюшку. — Для этого надо просто жить и смиряться, — ответил он. — *Ни на кого не обижаться и всем прощать — как смирялся наш Царь-Мученик Николай, как смирялась Царица Александра... Сколько скорбного Они перенесли, но сохранили сияющую чистоту души... Эти Святые Царственные Лилии, всецело смиривше Себя пред Богом. Предпочли земле — Небо, а царству земному — Царство Небесное».*

Удивительно, но в Ипатьевском Доме, в спальне, висела люстра в виде розовых лилий с металлическими зелеными листьями и веткой фиалок. Ее сохранил Чарльз Сидней Гибс, преподаватель английского языка Царевен и Цесаревича. Позже, уже приняв Православие с именем *Алексий* и затем монашество в память Царя-Мученика с именем Николай, будучи в священном сане, он повесил эту памятную святыню в храме, где разместил и другие реликвии. Фотографии, учебные тетради Детей, иконы, принадлежавшие Августейшей Семье, герб с Императорской Яхты «Штандарт»...

«Многие считают, что Царь ошибся, отдав земную власть и не применив силу, чтобы подавить мятеж... Некоторые даже винят Его, что мы сейчас живем при безбожной власти, без Царя... Такое

непонимание Царского подвига самоотречения даже среди духовенства» — сказала я. — Батюшка горячо возразил: «*Царь поступил как Спаситель. Не земное, а Небесное житие избрал для Себя и Своей Семьи. И Его вины в нашем неверии нет. Но чем смиреннее был Царь, тем сильнее Его ненавидели и злобились... Ведь не Царство волновало Его, а тревожился Он за человека, за людей, которые не веровали в Бога!..* Вот я вам сейчас расскажу, я ведь уже говорил вам, как Государь с Императрицей навестили меня в этом саду».

Батюшка временами рассказывал о дивном посещении, каждый раз несколько иначе, все больше приоткрывая завесу таинственного для нас мира. *Он говорил, что Душам Царственных Мучеников Бог дает особую Благодать являться на земле всем, кого Они пожелают утешить.* Мы спрашивали, в каком виде Они являлись. — Говорил, что всякий раз по-разному. И в светлых одеждах, струящихся как свет, это случалось в Алтаре, на Святой Литургии, а бывало — по-простому. «Государь чаще всего в военной гимнастерке, с Георгиевским белым Крестом на груди». — Каждый раз, произнося эти слова, Старец бережно клал правую ладонь на сердце, где у Государя был Крест. — А на голове — *кюпер*... Фуражка с козырьком». — После этих слов, Батюшка как бы приподнимал со своей головы невидимый *кюпер*, ловко придерживая его «за козырек», слегка кланялся, а потом вновь надевал... Привстал со скамьи и легким шагом устремился к калитке, поплыл... Часто подле него ощущалось благоухание, особенно сильно, когда он стремительно передви-

гался. Как дыхание цветочного луга, утонченное до едва уловимого веяния. Батюшка как-то открыл, что это «веяние от Святых душ и Ангелов, которые бывают с нами рядом»...

У калитки он приосанился, выпрямился, расправил плечи и прошел совершенно иным шагом — неторопливым, легким, спина как струна... *Государь*! Батюшка шел по дорожке *царевой походкой* и с улыбкой поправлял на ходу правый ус, оглядываясь по сторонам и как бы осматривая дивный *Дворик*. Он приблизился к скамье, отдал честь, приподнял с головы невидимую фуражку и сказал, низко поклонившись: *«Здравствуйте, Батюшка! Благословите!»* — Потом глубоко вздохнул, устало опустился на скамейку и продолжил: «Мы ведь уже долго разговаривали с Императрицей... Наверное, с час, а Государь все это время прогуливался рядом... Я хотел встать пред Ним на колени, уже почти опустился, но Он легонько остановил, не позволив поклониться Ему земно. Тогда я попросил у Него благословения, но Он поклонился мне в ответ и сказал: *«Батюшка! Вы Меня благословите*!» — И я благословил... Затем обратился к Нему: *«Прошу Вас, присядьте!»* — Государь так просто ответил: «*Не буду вам мешать... Императрица о многом хотела с Вами поговорить, расспросить кое о чем, посоветоваться... Я буду рядом, и все услышу*»...

Вы подумайте! Такое царское смирение... А мы печалились о России. Государыня думала, что будет дальше... Много о Церкви переживала. Светлый ум у Царицы — Она Великая из Цариц. Поверьте! Несравненная!» Батюшка сказал, что самое глав-

ное сейчас — наша постоянная память о Царственных Святых и молитва к Ним, Они все управят, как надо, только бы было покаянное обращение к Богу. Тогда жизнь возродится и исправится к лучшему.

«Я с коленей пред Царем не вставал — молился о спасении всей земли, — сказал однажды. — Вы видите, что даже голову немного поранил... Плакал и умолял Господа простить и помиловать нас».

Несомненно, отец Николай был святой, непостижимой высоты праведник... На нем отсвет тихой благостной Святой Руси, неотмирной и почти забытой... Христа ради юродивый блаженный Старец-Святитель Нектарий. Он любил Господа всем сердцем, и святая душа его обнимала собою безмерные пространства. Бог дал ей такую силу, что, казалось, для Старца не было границ земных, истинно не было! Находясь телом на земле, ***он духом восходил в Небесное, когда желал,*** и — «*служил там службочку... видел Святых... беседовал со Святителем Иоанном Шанхайским... Поговорил с Елизаветой Феодоровной... Вчера навестил Анну Кашинскую... Сергей Александрович Нилус был у меня сегодня... Беда мне с этими Блаженными — все зовут меня к себе!.. А куда ушла Мариюшка? — Какая Мариюшка, Батюшка? — Египетская... Ведь вот только была здесь, слушала, как вы ее житие читали...*»

Эти свидетельства блаженного о себе произносились всякий раз немногословно, прикровенно, но в них была великая сила, побуждающая веровать, что «*Царство Божие внутрь вас есть*» (Лк.

17.21), что, находясь еще на земле, праведная душа уже может пребывать среди ангельского мира... Батюшка говорил: «*Когда вы молитесь и чисты сердцем, вы видите Небесный Иерусалим... Прошу вас, не забывайте об этом, и чаще поднимайтесь туда. Ведь мы люди Царствия Небесного, как сказано в Евангелии*».

Ограничивает душу только грех неверия, от него она леденеет и каменеет, но в основании души Старца был краеугольный камень — Христос... Он видел самое сокровенное, *большее,* чем явление Ангелов и Святых — он зрел человеческое сердце, в котором сплетаются и злые помыслы, и искреннее раскаяние. «*Истинное смирение обретается только там, где есть покаяние*» — говорил... Поэтому молитва Великого Поста «*Господи и Владыко живота моего*» — *была любимой молитвой Батюшки Николая...* «Смиренному человеку, — говорил он, — открывается глубина истинной Веры, а *Правая Вера* — наше спасение. Пока сильна Вера в Господа, крепко и доверие людей друг ко другу... Когда Вера оскудевает — ослабевает и доверие».

О Старце Николае, также как о Царственных Мучениках, можно сказать: *благоуханные души, Царские Лилии...* Апостол Павел говорит о них: «*Христово благоухание*» (2 Кор. 2.15). Это благоухание носят в своих душах те, кто познал Христа и живет этим познанием. Это благоухание жизни. Сказанное относится к тайнам духовного мира и недоступно для тех, кто живет только внешним и поверхностным, тленным. Души праведников находятся в раю еще при жизни и созерцают те бла-

га, которые им уготовал Господь. Он дарует святым дивные венцы из цветов, которые соответствуют их достоинству: Батюшка Николай по неизмеримой глубине смирения души предстал пред Богом в величии благоухания *Царской Лилии... В венце, который «сплетен из всевозможных роз, и лилий, и растений райских, так что был неувядаем»... Ибо, как все подвижники, Старец Николай воздерживался от всего, для получения венца нетленного* (1 Кор. 9. 25).

Богом Прославленный Царь

Мы уже упоминали о том, что Батюшка лишь приоткрывал бывшие ему явления, несколькими фразами, скупыми замечаниями. Взглядом или вздохом... Если бы теперь можно было бы вернуться в прошлое и расспросить его о подробностях внутренней духовной жизни! Но жизнь святых, — говорил отец Тихон (Агриков), — запечатана «глубочайшим покровом смирения»... Только суд времени и Суд Божий откроет эту печать в час назначенный. Мне трудно описывать небесные видения предоброго праведника, ибо я не испытала их сердцем. Потому прошу быть снисходительными к несовершенному языку, которым пытаюсь передать жизнь великого духом человека. Скажу только, что он долгие годы был под впечатлением откровения, бывшего ему от Венценосных Супругов. В 1997 году благословил записать с его слов это чудесное событие и опубликовать в книге о Чудесах

Царственных Мучеников — к прославлению. Сборник составлял протоиерей Александр Шаргунов, он и обратился ко мне с просьбой подготовить публикацию. Приведу текст, как он был издан в 1997 г.

«Всем хорошо известно пророчество Святого Серафима Саровского: «Будет некогда Царь, Который меня прославит, после чего будет великая смута на Руси, много крови потечет за то, что восстанут против этого Царя, но Бог Царя возвеличит»... ***Царь — Защитник Церкви и Отечества... Царь — Солдат и Верховный Вождь... Царь — Воин... Воин Царя Небесного...***

Душа Государя страдала непомерно, видя гибель Отечества, и Он был твердым Защитником его при жизни и остается Молитвенником и Заступником в Царствии Небесном. По учению святых отцов, Церковь Небесная — Торжествующая, Церковь земная — Воинствующая. И образ Русского Царя-Мученика-Воина — это соединение созерцательной молитвенной жизни духа христианина и деятельной любви во Христе по заповедям. Без теплохладности, без равнодушного неучастия в происходящем в твоем Отечестве, без безразличного неведения и греховного нежелания обрести Истину.

Царь-Воин Николай, святой Его образ имеет для нас глубокое и спасительное значение — он усугубляет пропасть между Верой и неверием, между Христом и антихристом, обращая богопротивную теплохладность или в горячность Веры, или в холодное неверие, разделяя область Христа и антихриста, уготовляя верных слуг Тому и другому... Потому-то

и стучится Святой Царь в наши еще не окаменевшие сердца и является, облеченный в ризы Небесного Воина, как бы напоминая, что жизнь земная — вечная брань с духами злобы поднебесными, что вера без дел мертва, что христианин не может спастись, не будучи воином Христовым.

Преподобный Лаврентий Черниговский часто повторял своим чадам: *«Кто трус и боякус (трус), тот не воин Христа Бога».*

Император всегда носил военную форму, желая этим подчеркнуть значимость военной службы государству. В этом также проявлялась Его любовь к Державе, всепоглощающая, жертвенная до самозабвения. Государь является для нас высоким примером верности Отечеству. Глубоко и трогательно содержание солдатской книжки, которая находилась у Него в вещевом мешке, где Он собственноручно в соответствующих графах начертал:

— Николай Александрович Романов;
— На службе: с 6 мая 1884 года;
— На правах: до смерти (смерти крестной — добавим мы);
— Проходимая служба: стрелок с 24 октября 1909 года;
— Какого звания: *Хозяин Земли Русской.*

Взойдя на Престол, Государь Император оставил за Собой должность — Командира I батальона лейб-гвардии Преображенского полка и остался в чине полковника, в котором Он значился на момент кончины Августейшего Родителя Александра III. Армия и Флот представили Его Величеству просьбу о производстве Себя в чин генерал-майора и контр-

адмирала, но Царь ответил: «Я храню чин, данный Мне покойным Императором — Моим Отцом».

И до самой мученической кончины Государь с честью носил простую офицерскую гимнастерку, на которой были погоны с Царскими вензелями свиты Александра III, а на груди — знак ордена Георгия Победоносца.

Такие размышления наполнили душу при взгляде на фотографию Государя с Наследником на обложке книги «Новые Чудеса Царственных Мучеников», которую мы везли сразу же после выхода в свет отцу Николаю (Гурьянову) на Остров Талабск. Святитель Христов Николай — небесный покровитель Государя и также небесный покровитель Старца Николая, в храме в честь которого Батюшка служит уже 39 лет. И до Острова Талабск (так раньше назывался Остров) отец Николай служил в храме с престолом в честь Чудотворца Николая.

Волны небольшой реки Толбы мерно бились о борт маленького белого катера. Море-озеро виднелось вдали, душа вслушивалась в неустанный рокот волн и шум ветра. Зеркальная поверхность воды вдалеке, у Острова, умиряла дух, а мягкая красота густой травы, тянувшейся вдоль течения реки, уже вливавшейся в озеро, очищала сердце от суеты. Вспомнила слова преподобного старца Оптинского Варсонофия: «Надо подражать деятельности того святого, имя которого носите». Святитель Николай отличался великой ревностью к вере православной и любовью ко Господу и людям. Томительное, радостное предчувствие встречи с Батюшкой Николаем окрылило дух и преисполнило сердце тишиной и

покоем. Лодка мягким толчком уткнулась в берег. Мы встретили Батюшку выходящим из храма, подошли под благословение. Батюшка благословил нас и пригласил зайти в келлию. Едва касаясь стопами земли, он почти летел к своему домику в глубине Острова, напротив кладбища с часовенкой в память Анастасии Преподобномученицы. Мы почти бегом спешили ему вослед. Вот и долгожданный дворик Старца — маленький, аккуратный, весь в зелени и залитый лучами утреннего солнца, нежными бликами освещающего огромные каштаны, кипарисы и дубы, посаженные Батюшкой почти уже сорок лет тому назад. У дверей в келлию — маленькая деревянная скамейка, также сделанная руками Старца. Эта простая скамья — лодка спасения для многих утопающих и заблудших в бурном житейском море. Как часто на ней, как у последнего земного пристанища надежды, скорбит страдающая или отчаявшаяся христианская душа. И как часто эта скамья преобразуется в Вифлеемские деревянные ясли рождения для этой умирающей или уже умершей души после слов Батюшки: *«Присядьте, поговорим...»*

Отец Николай отпер дверь, и мы вошли в келлию. Там было темно. Батюшка благословил зажечь лампадку, но в это время в наружную дверь постучали. Я не успела еще наладить фитилек, но оторвалась от дела и спросила:

— Батюшка, благословите открыть?

— Сначала надо открыть духовное, а потом внешнее, — сказал он, — и я, перекрестившись, затеплила лампадку перед образом Спасителя.

Келлия озарилась мягким светом. Все в ней как всегда: перед иконами сияет лампадка, а сквозь окно тихо сияет солнце. Благодать и покой. Бывают в жизни минуты, которые нельзя передать словами. Это были те благословенные минуты, которые испытываешь, соприкасаясь со святостью. Когда Батюшка говорит подобное, в душе пробуждается нечто великое и святое, высокое... Но это как молния — озарит помраченную душу, а потом гаснет, ослабевает, оставляя память сердечную.

— Ну вот, и слава Богу, — произнес Батюшка, возвращаясь. Он уже открыл дверь стучавшему и напоил его словом жизни.

Мы расположились у стола, на котором повсюду лежали письма, телеграммы, открытки, поминальные записки о здравии и упокоении, книги. И вот желанная минута — протягиваем ему только что вышедший сборник «Новые Чудеса Царственных Мучеников». Батюшка благословил почитать о некоторых чудесных случаях явления Августейшей Семьи. А потом началась беседа. Много важного и душеспасительного было сказано отцом.

Валентина Васильевна, матушка, подвизающаяся при отце Николае, спросила:

— Простите, Батюшка, а Вам бывали явления сверхъестественные, из духовного мира? А затем, отважившись, добавила: — Вы видели Царя Николая?

Батюшка помолчал немного и испытующе посмотрел на нас тихим и сосредоточенным взором, а затем произнес, как всегда просто и спокойно, размеренным голосом:

— Не знаю. Не могу точно сказать, во сне это было или наяву. Только как будто бы вижу, подходит ко мне Государыня Императрица Александра Феодоровна и, обращаясь ко мне, говорит:

— Батюшка, присядемте, поговорим.

— Это в келлии было? — уточнила я.

— Нет, — сказал Старец, переведя сосредоточенный взор на окно и посмотрев на скамейку возле дома, у дверей. — Вот как будто на эту скамейку предложила мне присесть Александра Феодоровна.

Мы внимали его словам.

— Через какое-то время, — продолжил он, привстав со стула и поднявшись во весь рост, — подходит к нам Государь Император Николай Александрович. Приостановился возле нас. Одет Он был в простую военную гимнастерку, на груди — Георгиевский крест. Государь приложил руку к козырьку, а затем приподнял так фуражку, поклонился и сказал: «Здравствуйте, Батюшка, благословите», — и прошел вперед, сказав: «Не буду вам мешать, беседуйте».

— А потом? — спросила Валентина Васильевна.

— Не помню точно. Только помню, что беседовали мы долго с Государыней Александровной Феодоровной вот там, на лавочке, а о чем... — забыл... Только память об этой встрече, как о самых сокровенных встречах с Господом, Божией Матерью, со Святыми в таинствах и молитве, которых могут иногда сподобляться и грешные люди во время земной жизни, остается навсегда.

Я посмотрела сквозь маленькое оконце келлии на деревянную скамейку у дома. Рядом с ней, вок-

руг и на самой скамейке, сидели голуби. Весь дворик светился неземным светом. Каштаны стояли неподвижно, дыша какой-то надмирной тишиной. Все молчало, в безмолвии воспевая хвалебную песнь Творцу. И мы сидели неподвижно и безмолвно, как бы опасаясь нарушить эту благодатную тишину.

От избытка сердца глаголют уста, и я спросила:

— Батюшка! А что более всего отличало Царя Николая?

Опять немного помолчав, он твердо произнес:

— Он был истинный христианин, пламенной веры. Смиренный, кроткий и очень простой. А где просто, там Ангелов со ста.

Осенив себя крестным знамением, закончил немного взволнованно:

— Только веруйте, мои драгоценные! Веруйте, несомненно, в Сладчайшего Господа нашего Иисуса Христа! Он на землю сошел, чтобы спасти нас, грешных. Ведь сколько бы мы ни жили на земле, здесь мы в гостях, а потом пойдем в Вечность. А там — или мука безконечная, или блаженство в Царствии Небесном со святыми угодниками Божиими... С Царственными нашими Заступниками.

И Старец истово осенил себя еще раз крестным знамением, устремив свой взор на икону Страшного Суда.

Мы возвращались с Валентиной Васильевной от Батюшки по родной, много раз исхоженной тропинке. Подошли ко храму. Крест царил в высоком безоблачном небе, синевой своей напоевающем воды озера. Мы смотрели на храм, на озеро, на низ-

ко парящих над землей и водой чаек и думали, что Россия всегда соединяла воедино священные слова: «Вера, Царь и Отечество». Эти слова на протяжении веков вдохновляли русский народ на служение Царю и внушали ему верность и веру.

Мы созерцали зеркальную поверхность озера, томившегося в блистающей красоте Божьего дня, и думали о том, что Государь любил природу во всех ее проявлениях, во всех видах. Его восхищало море, и Он готов был часами смотреть на волнующуюся стихию. Он любил плавное течение рек, ширь степей с серебряным блеском ковыля, любил таинственную тишину ночей с мерцающими далекими звездами. Эта любовь к природе, к ее тайнам, величию, мощи и красоте говорила о возвышенной, мистически настроенной душе, которую украшали Царственная простота, скромность, полное отсутствие высокомерия и надменности.

Были в русской истории Цари, которых народ именовал Благословенным, Миротворцем, Грозным, Освободителем, Преобразователем. *Государь Император Николай, Святой Царь-Мученик, достоин величаться Царем Смиреннейшим и Кротчайшим».*

Освященный Благодатию ум Старца Николая видел далеко

Когда трудно — беги за советом к Святым» — учил Батюшка. — Когда не понимаешь, что происходит, не знаешь, что ответить, молись, читай отцов,

они вразумят». Этого совета держусь и поныне... Особенно когда приходится сталкиваться с гневливыми миссионерами, с удивительным постоянством порицающими Григория Ефимовича, Грозного Царя Иоанна и, конечно, самого Старца и не желающих понять, «откуда ему было известно, что Они — Святые... Кто ему об этом сказал»?

Надеюсь, что подвижники-отцы, столпы монашеской жизни, помогут понять и вернуться к истокам веры сомневающимся, кем бы они ни были и в каком бы чине не служили.

«Старец Иосиф Исихаст следующим образом рассказывал монаху Иосифу, в то время своему послушнику, а ныне достопочтенному Старцу Иосифу Ватопедскому, как ум просвещается и видит далеко, так что все для него открыто: «Я стоял возле своего окна, преклонив колена на кучу тряпья и читая молитву. В какой-то момент, когда я удерживал свой ум в действии молитвы, которое возникает благодаря просвещению Божественной Благодати, свет вдруг значительно усилился, и ум мой начал расширяться и избыточествовать настолько, что все сделалось для меня ясным. И я увидел весь наш край, от Катунак до Дафнии и монастырей внизу, а также и то, что находилось позади меня. Для меня не осталось ничего невидимого или неизвестного. Свет же этот не был таким, как естественный свет, позволяющий тем, кто имеет зрение, видеть вещи вокруг себя. *Этот свет пребывает в самом человеке, ощущается им, как собственное дыхание*, наполняет его, словно пища или воздух, избавляет его от естественной тяжести и преображает на-

столько, что человек уже не знает, остается ли для него тело, вес или иное ограничение. Тогда, — продолжал Старец, — я увидел, как Афанасий, взвалив на плечи свой тяжелый мешок, идет к нам по дороге от Монастыря Святого Павла, и стал следить за ним, пока он не пришел сюда. Я видел все его движения, видел, как он присаживался отдохнуть или опускал на землю свой груз; видел источник святой Анны возле мельницы, где он остановился, чтобы испить воды; видел его до тех самых пор, когда он достиг наших ворот, взял ключ, открыл их, вошел, приблизился ко мне и положил поклон. Но почему это поражает тебя?» *Когда ум человека очищен и просвещен, он, помимо того, что обладает собственным просвещением, получает к тому же и просвещение Божественной Благодати. Эта последняя может пребывать в нем постоянно, так что восхищает его ум созерцанием и видениями, когда и как сочтет нужным*»[1].

Отец Николай имел от Бога это просвещение ума и постоянно пребывал в *просветленном* состоянии, потому и имел дух говорить о святости святых. У него была особая благодать, духовная интуиция, непосредственное видение того, что лежит за гранью телесных чувств. Слово, сказанное им о духовном откровении, передавалось другим только отчасти, как отражение, в силу нашей нечуткости и неготовности. Батюшке было открыто Небо, и он не рассуждал, не предполагал, *а доподлинно знал... И о святости Мученика Григория, и Царя Иоанна*

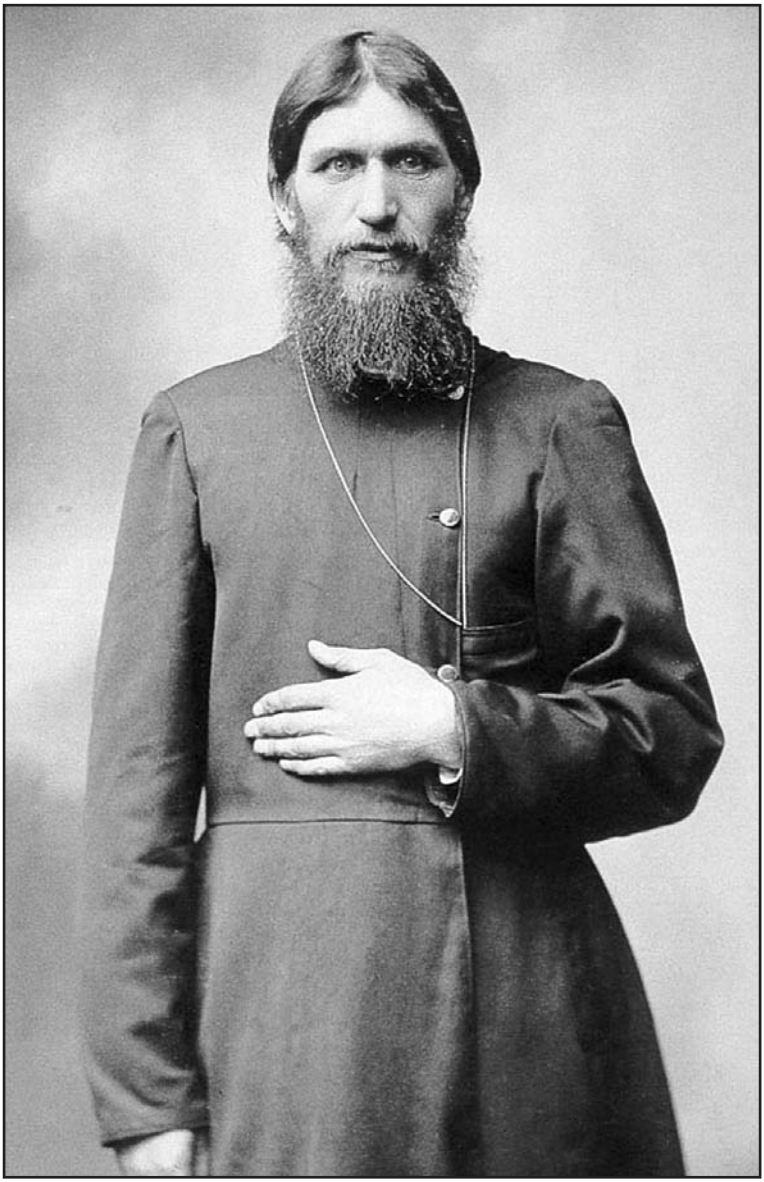
[1] Духовный опыт Старца Иосифа Исихаста. ТСЛ. 2011. С. 49–50.

Грозного, и Мученика Павла, и о многих иных сокровенных вещах... Это была *очевидность от Бога...* Когда Старец явился на девятый день по успении священнику Иоанну из кафедрального ивановского Собора и продиктовал ему *тропарь,* он так и начинался: *Божественной Благодати преизрядный носителю, Православныя Веры Исповедниче, Любови Христовой сосуде неисчерпаемый, образ был еси воздержания... На Остров, аки в тихое пристанище, вселился еси, кротостию и смирением Христа Единого возлюбив, и ныне со Ангелы ликовствуя, отче Праведне Николае, моли Христа Бога спастися душам нашим.*

Так живет Церковь... Свято и просто... И как не хватает нам всем святой простоты отца Николая! Простоты, которая есть хождение пред Богом, а не пред человеками, которая трудно дается, не без подвига, не без борьбы с самим собою, но так благодатна... Такая святая простота может стоять только на прочном основании самоотречения, очищения от гордыни, самости и самодовольства.

НЕЗАБВЕННЫЙ ГРИГОРИЙ — ЭТО ВСЯ РУСЬ...

«Очернение имени Григория — это очернение всей истинно верующей во Христа России»
Праведный Старец Николай

«Очернение имени Григория — это очернение
всей истинно верующей во Христа России»
Праведный Старец Николай

Горькие плоды неверия

Батюшка Николай говорил, что главный враг спасения в наше лукавое время — *неверие: «Неверие мирян, неверие духовенства. Отсутствие благодати в душе»*. Но как изменить сознание человека, если он руководствуется только плотским умом и холодным рассудком? Как вдохнуть жизнь там, где царит недоверие и отсутствие простоты, нежелание положиться на Бога, довериться духовному слову отцев. Если повсюду «проверки», «рассчеты», «исторические факты», основанные на ложном и предвзятом «знании»?! Все так сложно, путано, болезненно и... самоуверенно. Живой вере здесь нет места. Приведем некий текст и спросим себя: может ли Бог приблизиться к нам, если мы видим духовное сквозь призму казенного «послушания» и мудрования, где происходит страшная подмена истинно-христианской жизни по Евангелию. Информационно-аналитический портал Саратовской митрополии публикует следующие материалы в рубрике: *Вопросы к Архиерею:*

«Хотел бы задать такой вопрос. Сейчас существуют движения за канонизацию Григория Распутина и Ивана Грозного. Я ознакомлен с мнениями по этому вопросу некоторых высших иерархов и священнослужителей. В принципе, полагаюсь на мнение Священноначалия. Но меня смущает присутствие у старца Николая Гурьянова (на фотогра-

фиях) среди домашних икон образа Григория Распутина... *Олег*» Сразу заметим, что вопрос, конечно, «подготовленный». Иначе, для чего этому человеку, «ознакомленному с мнением высших иерархов» [sic!], мнение «еще одного»? И вопрос совсем... не по адресу! Что может ответить один человек за другого, уже перешедшего в Вечность?! Иконы Григория — в келлии Старца Николая, а «смущение» высказывают человеку, который его в глаза не видел... Как В.К. Елизавета странника Григория.

Отвечает Епископ Саратовский и Вольский Лонгин:

«Уважаемый Олег, я не знал лично старца отца Николая, никогда у него не был [sic!]. Если действительно у него среди домашних икон было фото Григория Распутина, возможно, это объясняется следующим образом. Мы часто требуем от людей, даже достаточно высокой духовной жизни, осведомленности буквально во всем, в том числе знакомства с основными историческими событиями во всех их подробностях — а это невозможно. Давайте спросим себя: кто у нас в России знал что-нибудь о Распутине в советские годы, на которые пришлась большая часть жизни и служения отца Николая? [Царская Семья, например, знала все о Григории, и многие достойные уважения духовные люди, но их мнение не берется во внимание — *авт.*] Не было достоверных документов, при этом была вылита масса клеветы на Царскую Семью... Люди искренние и простые вполне могли считать, что, раз уж клеветали на Царя, значит, и все, что связано с Распутиным — тоже клевета. На самом деле

жизнь гораздо сложнее. Сейчас мы имеем свидетельства о жизни и поведении Распутина многих выдающихся людей, в том числе и причисленных к лику святых, таких, как архиепископ Феофан (Быстров) или святитель Гермоген Тобольский (Долганов). Есть свидетельства о том, что, по крайней мере, в конце своей жизни этот человек пал, и пал достаточно глубоко, так что ни о каком прославлении [sic!], канонизации речи быть не может.

Почему его изображение могло находиться в комнате у старца? Во-первых, по этой причине — причине незнания определенных исторических фактов [sic!], по любви к Царской Семье, а во-вторых — может быть, когда отец Николай был уже в преклонном возрасте, на этом настояли его келейницы [sic!] (известно, что они были достаточно своеобразными людьми...)

Мое мнение таково. Все, что связано с дореволюционной историей России, с Царской Семьей, и по сей день окружено массой клеветы и вымысла. И Распутин дал основной повод для того, чтобы этой клеветы и вымысла было так много. В этом его основная вина перед Россией и Царской Семьей. Очень достойные, духовно высокие люди предлагали ему исчезнуть из жизни Царской Семьи так же, как он в ней появился, уйти для того, чтобы не давать повода ищущим повода. Он отказался, предпочитая тот образ жизни, который вел в последние годы. Никто не говорит, что с самого начала он был просто обманщиком и хитрецом. Много лет назад мы разговаривали на эту тему с игуменией Серафимой (в миру княжной фон Ливен), настоятельницей

русского женского монастыря в Болгарии, которая происходила из семьи эмигрантов первой волны, и она очень точно охарактеризовала этого человека. По ее словам, Распутин — это падший подвижник. [sic! — Хорошо знакомое понятие: *несвятой святой — авт.*] Так что, какой бы ни была его духовная жизнь в начале, ее конец [мученическаая кончина за Христа и за Царя. — *авт.*] не дает абсолютно никаких поводов к канонизации. Не стоит также смущаться и тем, что некоторые уважаемые люди по неведению [sic!] считали его праведником»[1].

Воздерживаясь от комментариев, скажем только: если мы считаем себя христианами, то мы не имеем права принимать это заявление как авторитетное по той простой и очевидной причине, что автор, по его словам, *«не знал лично старца отца Николая»* и *«никогда у него не был»*. И все его скоропалительные выводы, и бездоказательные аргументы теряют смысл. Но что особенно поражает в данном ответе, так это явное игнорирование святоотеческого подхода к жизни Духа подвижников, отрицание прикровенного, мистического бытия Церкви. (Для сравнения приведем духовно-взвешенный ответ на этот же вопрос архимандрита Рафаила (Карелина), который не вводит людей в заблуждение, но честно говорит: *«К сожалению, я лично не знал отца Николая Гурьянова. Что касается личности Григория Распутина, то я могу ответить только двумя словами:* ***«не знаю».*** *Он для меня был и остается загадкой, которую* ***я не***

[1] Информационно-аналитический портал Саратовской Митрополии. 29.11.2011.

***берусь решить, боясь ошибиться**. В вопросах канонизации и создания икон я считаю, что нужно ждать решения Церкви. Помоги вам, Господи»*)[1].

Таковы горькие плоды *неверия,* о котором упреждал Старец Николай. Похоже, что уже в мире и места не осталось для Христа. А христианство само становится, как писал Святитель Игнатий, «анахронизмом», превращается постепенно в «иудаизм»: «Положение Церкви и христианства самое горестное, горестное повсеместно. Предсказанное в Писании совершается: охлаждение к Вере объяло и наш народ, и все страны, у которых доселе держалось Православие»[2].

«Пройдет немного времени и все убедятся, как были неправы гонения на меня»
(Старец Григорий)

В самый разгар травли, Григорий Ефимович сказал одному из корреспондентов, не дававших ему покоя: «За последнее время на меня со всех сторон нападают... *Словно иглами меня всего колют. Но человек смиряется. В смирении главная его задача. Я переношу все несправедливости безропотно и только, когда остаюсь один, думаю о том, как люди злы»*...

Распутин задумывается. На высоком лбу появляется складка: «Люди, что звери дикие. Не разби-

[1] *Архимандрит Рафаил (Карелин)* karelin-r.ru/faq/answer/1000/2313/index.html.

[2] Собрание писем Свят. Игнатия. М. 2001. Т. 1. С. 775.

рают... Готовы напасть... и проглотить... В особенности маленького человека, который не боится сказать громко правду... Налетят... зашумят... только кости хрустят...

Мне в жизни много приходилось переносить... Много меня обижали... Человек и к обиде привыкает и носит ее в себе тяжелым крестом... В страдании большая утеха... можно сказать, огромная сила... Когда привыкнешь к огромному горю, то маленькие несчастия только радуют.

За что на меня нападают? Я ведь никого не трогаю, а если друзья спрашивают, то не могу же я им не сказать правды...

К словам моим прислушались, так как в них была правда... А сколько ни кричи, к правде всегда прислушиваются... Ее сколько ни гони, все равно выйдет наружу... Ложь велика, но правда больше... Правдивое слово все равно услышится и побьет ложь... Так и вышло. Люди сильные, а когда правду-то сказали, все разлетелось... Да, сильнее правды ничего нет... Люди так сжились с ложью, что когда услышат правду, то начнут кричать, выть и предавать анафеме того, кто скажет правду...

Я ничего не боюсь, так как мне ничего не надо... Про меня говорят всякую грязь и хотят меня непременно опозорить... Все люди грешны... Не хотят только сознаться в своем грехе... А я, если и что делаю, то открыто. [...]

Вы думаете, люди не грешны, даже те, которые так против меня кричат... Грех в природе жизни... Он повсюду и на него надо смотреть с открытыми глазами, без лицемерия... А на меня врут, выдумы-

вают... Стоит только выдумать одно, чтобы сейчас же пришло другое, третье, четвертое... Одна ложь влечет за собою многое... Люди ни в чем не хотят разобраться... Так всегда было... Но я не боюсь... Мне нечего бояться...

Ни в какую политику я не вмешиваюсь. Ничего не понимаю... Ведь я простой человек... Я никого в жизни не обижал... А может, обижал, но не хотел. [...] Ничего дурного я не хочу...

Много я перенес обид и незаслуженных укоров... Даже здоровье испортилось... Если бы не хорошее отношение друзей, то, кажется, бежал бы от всего... Я снесу все и покажу всем, что человека, когда он верит, ничем не проймешь... Такой человек выдержит всякое горе... У меня еще много утешения... Вся злость человеческая разбивается о правду... Неужели не грешно обижать. [...] Но я не сержусь ни на кого... Пройдет немного времени и все убедятся, как были неправы гонения на меня... Я верю, что настанет это время»[1].

Дыхание народа Божия

Прав был незабвенный Григорий... Настало это время — Правда сильнее лжи... Вновь повторю слова Батюшки Николая: *«Неправда поможет открыть Правду!»* Все эти годы, как началось почитание странника Григория, мы собирали высказывания о нем различных людей, желающих жить по совести и знать истину. Это огромное живое сви-

[1] *Фомин С.* Судья же мне Господь! М. 2010. С. 564–565.

детельство искренно верующих. Дыхание народа... В большинстве случаев, не просто почтительность и уважение, а прежде всего Любовь и глубокое понимание подвига. Радует твердость и честность в мыслях, искренность в чувствах. Приведу лишь некоторые из многих.

«Какие еще нужны доказательства мученичества, помимо мученической смерти за Христа?

А то, что Распутин умер мученически, есть факт, с которым не поспоришь. В Древней Церкви Мучеников прославляли по факту мученичества. То же возрождается и теперь, когда Новомучеников канонизируют тоже по самому факту мученичества за Христа.

Григорий Распутин — предтеча Российских Новомучеников, с его смерти и началась эпоха мученичества и исповедничества в XX веке в России. Мы лишь высказываем свое мнение. А соглашаться с ним или спорить — дело читателей»[1].

«Хотелось напомнить, что в Понедельник, 17/30 декабря, День Памяти Убиенного Старца Григория. Будет хорошо, если в этот день (да и в любой другой) в храмах попели бы панихиды. Как историк, скажу, что трудно найти человека в русской истории более оболганного, нежели Убиенный Друг Святых Царственных Мучеников. Не будем забывать, что и нам, возможно, предстоит пройти эти жуткие испытания травлей за исповедание Веры Христовой. Господи, помилуй! Если мы будем помнить о мучениях отца Григория, и он за нас

[1] *Антон Жоголев.* Благовест. Форум: Убиенный Григорий Распутин-Новый. 2002.

заступится перед Господом и поддержит в час испытаний. «*Блажени есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради: радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех: тако бо изгнаша пророки, иже (беша) прежде вас*» (Мф. 5.11–12). А то, что злые языки наговорили и наговаривают, не верьте этому — врали и врут, чтобы Святых Царя и Царицу оболгать. Не верьте, потому что не может быть того, что не может быть! Нам надо не мудрость века сего стяжать, а ум Христов»[1].

«Отец Николай [Гурьянов] благословил друга нашего монаха-иконописца [монаха Мирожского монастыря Алипия] на написание образа святого Мученика Григория с Царевичем на руках. Также этот образ был написан на Вратах церковного кладбища, где теперь покоится отец Николай. Но по приказу правящего архиерея удален»[2].

«Разговор о Распутине произошел между Императрицей и Великой Княгиней и закончился печально. Императрица не захотела слушать Сестру: «Мы знаем, что Святых злословили и раньше». На это Великая Княгиня сказала: «Помни судьбу Людовика XVI». Расстались Они холодно».

Уважаемый Алексей!

Не забывайте, что Вы приводите исторический разговор двух канонизированных Русской Православной Церковию Святых. Святая Княгиня Елисавета канонизирована как Преподобномученица,

[1] *Михаил Л.* Там же.

[2] *Ирина.* Там же.

Святая Царица Александра — как Страстотерпица. Каждая из Них при жизни имела право на человеческую ошибку. Разные взгляды в истории Православной Церкви бывали и у Святителей. Господь все рассудит.

С уважением, Георгий»[1].

«А как быть с мнением Святой Мученицы Великой Княгини Елизаветы Федоровны, которая умоляла Императрицу отослать Распутина подальше от Двора? — Вы знаете, что Царица была Старшей Сестрой, тем более, именно Она была Государыней (и Ей осталась). И Сама могла решать, кого Ей держать при Дворе, а кого удалять. После убийства Распутина охранка перехватила письма Великой Княгини Елизаветы убийце Распутина — Юсупову, с благодарностию и восторгом по поводу «патриотического акта». Это доставило огромную боль Государыне, Которая прочла эти письма. Не мне судить святых людей. Но одобрение убийства — вещь труднопостигаемая. Старец Алексий Зосимовский по этому поводу еще при жизни Распутина удерживал Великую Княгиню и говорил Ей, что [...] благословение на страшное зло (убийство человека) дать не может. [...] Вот как все в духовной жизни не просто».

«Да, Великая Княгиня Елизавета — святая. Мне памятно, как *благоухала* вокзальная площадь Самары, когда мы там, года три или четыре назад, встречали ковчег с частию ее мощей. Но ее святость не умаляет святости ее Младшей Сестры — но *Старшей* по тому служению, на которое Ее поста-

[1] *Георгий*. Там же.

вил Господь. Царица Александра ощущала Себя поистине Матерью русского народа, и взошла на Свою Голгофу вместе с Венценосным Мужем и Детьми, убитыми вместе с Ней в Екатеринбурге. А до этого претерпела просто непередаваемый вал клеветы, ненависти, гонений... К сожалению, и Вы, Надя, без должного знания фактов пытаетесь что-то сказать в этом роде про Святую Царицу-Мученицу. Не надо Вам этого делать. Она Святая, и святость Ее, надеюсь, и для Вас несомненна. Не нужно сравнивать, кто из двух Святых «более свят», тем более что Они Сестры и очень любили друг друга. Можно лишь говорить, чей образ кому из нас ближе.

Но нельзя подвигом Одной умалять подвиг Другой. Для меня в вопросе о Распутине понятнее мотивировки Царицы Александры. А называть убийство «патриотическим актом» — и вообще положительно отзываться о страшном зверстве — это мне не понятно и чуждо. Надеюсь, что и Вам тоже.

Но я Святых не сужу. Я Им молюсь. А что Царица считала революцию следствием убийства Распутина — то Она имела на это полное право. Причин было множество, но в качестве последней капли его смерть могла послужить (не причиной, а диагнозом, после которого началась бойня). В кровавую цепь событий этим убийством впутали себя лучшие люди России — дворяне и даже представители Династии, то есть те, кто должен был охранять Трон. Дело, если так можно выразиться, не в самом Распутине, а в убийстве его».

«А вот пишут, что Иоанн Кронштадтский сказал про Распутина: "*По имени твоему и будет тебе*".

Очень интересно. А ведь и до сего дня именно этот человек является *распутьем* у множества православных. Его либо всем сердцем принимают, либо совершенно отрицают. Он как бы *камень преткновения* на пути каждого из нас. Пожалуй, история не знает судьбы ни одного другого человека, который был бы мучим (ведь до сего дня льют на него грязь) и почти через сто лет после кончины»[1].

«Я пожил полтора года в Санаксаре и прочитал там все, что может окончательно сформировать мнение человека о Григории Ефимовиче. Прежде всего, это его фотографии с Царскими Детьми. Далее, книга Анны Вырубовой «*Воспоминания*». (Она скончалась монахиней Марией), и книга Юлии Ден *«Подлинная Царица»*. Также это воспоминания [Кн. Н. Д.] Жевахова. Во всех этих книгах Григорию посвящено как минимум по главе. Жевахов же описал и свою личную с Григорием встречу.

Достоверность этих трех источников подтверждается следующим: [Юлия] Ден и [Анна] Вырубова были *ближайшими* подругами (и духовными сестрами) Императрицы Александры, сотаинницами Ее. А [Кн. Н. Д.] Жевахова цитирует Митрополит Иоанн в книге *«Самодержавие Духа»*. Помимо прочего, имеется еще и достаточно слов Самой Царицы о Григории. Все это я лично читал и видел.

А теперь самое интересное! Икона Григория в схимнической скуфье и с Царевичем на руках была не только в келлии [Старца] Николая Гурьянова, но и в келлии столь нами всеми любимиго схиигумена Иеронима [Верендякина]! Кто не верит, посмот-

[1] *Nadin*. Там же.

рите концовку фильма «Канон за болящего». А то, что фамилия «*Распутин*» имеет скрытый смысл, я вижу так: «*распутать*».

Душу свою от страстей, сетей миродержца, ум от клеветы, сердце от тех общественных недугов, которые до сих пор «едят» всю эту современную и древнюю мерзость. *Распутав ум от пут греха, повседневного, самого липкого, увидим и Григория Мучеником, и Царя Искупителем, и прочие чудеса!*

Спаси вас Господи всех!»[1]

«В защиту оболганного Божиего человека»

Избранный от конец земных на служение Роду Царскому»[2].

«Я и моя семья, да и многие из тех православных, с коими постоянно общаемся, келейно давно уже обращаемся за помощью к праведному Григорию Русскому. У меня сомнений в его святости нет. Представляю, отче, какую разнополярную бурю вызовет Ваша статья»[3].

«Григория Ефимовича почитали Святым Св. Царственные Мученики, поэтому похоронили его в часовне Преподобного Серафима в Царском Селе. На этом месте сейчас стоит Поклонный Крест, и Русские люди молятся Мученику Григорию у этого

---

[1] *Вадим Р.* Там же.

[2] *Провинциал.* http://ruskline.ru/news_rl/2010/11/24/v_zawitu_obolgannogo_bozhego_cheloveka.

[3] *Кочетков.* Там же.

Креста. В октябре этого года во время пения акафиста Григорию у Креста обильно замироточила икона Святых Царственных Мучеников. Молился ему и праведный Старец Николай (Гурьянов), он же и благословил этот акафист»[1].

«Упокой, Господи, убиенного раба Твоего Григория.

Наш Царь Николай был очень мудрый и праведный человек, и к тому же этот человек (ныне Великий Святой Царь) имел железную волю и чуткое сердце. Неужели вы думаете, если хотя бы капля грязи, вылитая на Григория Нового подтвердилась, допустил бы ли Царь его в Свою Святую Семью?! Конечно, нет! Царь лично поручал тайной полиции расследовать эти слухи! Ни одного факта, порочащего Григория Ефимовича, выявлено не было! *Те, кто не верит, что Распутин был оболган, по всей видимости, не верят в святость Царственных Мучеников!* Царь Николай и Его Семья — Святые Мученики за Господа Иисуса Христа Искупителя грехов людских. Святой Царь Николай — образец для подражания как в Вере, как во Власти, так и в Семье. Святые Мученики, молите Бога о нас и о спасении Святой Руси»![2]

«Обвинители Григория — не православные люди:

1) кто выступает с обвинениями на Григория — очень грешат, особенно духовные лица, поскольку у них *нет фактов.* Это сильный грех, а главное —

---

[1] *Елена.* Там же.

[2] *Борис.* Там же.

других соблазняете на него. Кто из духовных лиц делает это, то таким образом свидетельствует о своем низком духовном состоянии.

2) *обвинять Григория легко, особенно в море клеветы*, а вот защищать куда трудней.

3) особенно глупо выглядят обвинители сейчас, когда за двадцать лет достаточно света пролилось на жизнь Григория»[1].

«Дорогой отче Герман! Согласен с Вами — Господь все расставит на свои места. Со временем. Но, согласитесь, что и против канонизации Батюшки Серафима Саровского выступали некоторые клирики. Последнее слово было за Государем. Отче, я не хочу творить себе никакого кумира. До встречи с одним духоносным, общепризнанным и почитаемым тысячами православных людей Старцем, я, как и, возможно, Вы, отец Герман, терзался в сомнениях — как же Святое Венценосное Семейство (это было еще до канонизации Государя и Его Семьи), люди православные с большой Буквы, могли допустить общение с «развратником, прелюбодеем, с сектантом». Думал об этом постоянно. И образ Государя, казавшийся мне всегда светлым, стал приобретать негативные черты — Николай Александрович стал казаться мне слабым, безвольным, не могущим править Россией и расправиться с жидомасонами и т.д. И, вот, уже после канонизации Государя, я еду к Старцу, имя которого называть не хочу, простите. [К Батюшке Николаю (Гурьянову).] Отстояв очередь, захожу к нему и, не успев задать вопроса, который так меня волновал, получаю от-

[1] *Алексий.* Там же.

вет — Батюшка протягивает мне небольшую иконку, где изображен Старец, держащий на коленях Отрока. Я принял благословение, не рассмотрев, кто изображен на иконе, и начал задавать Батюшке всевозможные (поверьте, пустые) вопросы. Батюшка терпеливо на них дал ответ. Но главный вопрос, который так меня мучил, я не задал. И, уже выходя, попытался, было, спросить о Григории Новом, как вдруг мой взгляд упал на иконку, бывшую у меня в руках. На иконе был изображен Старец Григорий Русский (так написано), держащий на коленях Цесаревича Алексия. Поверьте, пелена упала тотчас. Будто бы сознание прояснилось. С тех пор икона эта хранится у меня дома. Я все понимаю, отче. Многие воспринимают Григория Ефимовича не иначе как главного героя фильма ужастиков... Но это их большая беда. Считаю, что вот до этого опускаться немыслимо»[1].

«Мученика Григория почитаю как праведника и человека Божиего. Верю, правда о нем пробьет завалы лжи, как и праведность человека Божиего Алексия открылась по смерти. Скорблю о братьях и отцах, хулящих его. Скорблю о тех, кто считает, что звания и чины самодостаточны вместо честных аргументов. Как бы им не опростоволоситься перед Судом»[2].

«Жаль, что полемика на форуме переходит в почти исторически безпредметную перебранку».

«Уважаемый Леонид! Причина достаточно проста. И она не в фактах, которые опровергают клеве-

[1] *Кочетков Андрей.* Там же.

[2] *Алексий.* Там же.

ту на Старца. Одни эти факты не удосужились прочесть, другие или не знают их, или верят по-детски. Но! В любом случае не должно очернять и ругать Распутина-Новаго, тем самым, кощунствуя над Царственными Мучениками: не имея фактов — не повторяй чужие бредни.

Дискуссия могла бы идти о достойности или о недостойности причисления Распутина к лику святых.

Предубеждение или ненависть не дает противникам Распутина (автоматически — Царского Семейства) спокойно рассуждать на эту тему. Это — как красная тряпка для них.

У нас еще много противников канонизации Царской Семьи, которые помалкивают (вынужденно) по отношению к Царю, но уж на Григории «выпускают пар» и раздражение во всю! Обратите внимание на наличие икон Царственных Мучеников в храмах: есть ли они, где находятся. Порой или нет, или в самых дальних углах. И это образ Святых, так много влияющих на судьбу России, положивших жизни Свои за други Своя, за Отечество!

Нет, как в революционное время отвернулись от Помазанника Божия многие близкие, даже монархисты, так и ныне их идейные потомки не могут принять и вместить в себя истины. Вот где проходит «водораздел» в душах верующих!

А почитать или не почитать Григория Нового — допустимо всем верующим, ибо народное почитание предшествует прославлению. Так же было и с Преподобным Серафимом.

Ведь никто(!) из спорщиков не предлагал ныне же внести образ Старца в храмы. Никто (!) из про-

тивников Распутина не привел достоверных фактов его тяжких прегрешений. Вот, получается, и сводится все к личному восприятию. И «раздрай» среди народа идет еще оттуда, от смуты начала двадцатого века»[1].

Горящий Верой факел

Тщательно подготовленное международными оккультными силами и осуществленное ранним утром 17/30 декабря 1916 года ритуальное убийство человека Божия Григория Ефимовича Распутина-Нового изменило ход всей мировой истории. Воистину это так... Ибо был умучен Пророк. Отец Николай называл его *Русским Царским Пророком*: «Подумайте, — говорил он, — какой высоты святости был наш Царь Николай Александрович, если Он сподобился от Господа служения Пророка! Григорий был для Царской Семьи святым человеком, Божиим посланником, явившимся из простого народа, искренним и верным Другом, духовным отцом и молитвенником... Он олицетворял крепкую надежду на избавление России от гибели. Человек, который мог вразумить и сказать Правду помраченной и гибнущей аристократии. Ведь Императора заботило только величие и спасение дорогой Отчизны. Как и Батюшке Серафиму Саровскому, Мученику Григорию была открыта та бездна, перед которой мы оказались... Он видел движимую на нас бурю и останавливал от погибельного пути...

[1] *Провинциал Леониду Болотину.* Там же.

Люди и само духовенство стали попирать законы Божеские и Григорий был послан напомнить о Боге, о молитве, о евангельской любви и о верности Помазаннику... Он должен был напомнить людям о Божественном происхождении Монархии, о том, что Небесный Царь вручает Свой Жезл Царю Земному на защиту Церкви... На нем была огромная Благодать, но его не приняли, а злобно травили и умучили. *Но страшное Божие наказание постигает народ, если он убивает Пророка».* — Так оплакивал Батюшка Николай нечестие людей, отринувших посланника Господня Григория.

А Пророк Григорий так оплакивал нашу жизнь: «Ты спрашиваешь, какое на меня впечатление произвел Петербург... Все чиновники... желают выслужиться... Один другого ест... Правду здесь загнали в угол... она стала маленькая. Вся трясется... боится выглянуть... А между тем России нужна Правда... она должна торжествовать... Ведь она сильная... Но ложь-то, видно, штука тоже порядочная... Сумеет за себя тоже постоять... Здесь все спешат... Дела... В угаре живут... Говорят хорошие слова, а сами-то о хорошем понятия не имеют... Лицемеры... Как это больно... Дал бы Бог, чтобы Правда-то победила... я верю в Добро... А иногда услышишь неправду, хочешь закричать на всю Великую Россию... Посмотришь на себя... Смешно станет... Ведь крошка... Что можешь сделать? Кому что вразумишь... Тут разные няньки врут... Выдумывают — и их слушают... Задыхаются в этом большом городе... о всем думают, а Бога-то забывают!»[1]

[1] *Фомин С.* Боже! Храни Своих! М. 2009. С. 191.

«Без Евангелия он жить не мог и считал себя голодным, если не побеседует с ближним об отдельных его страницах, не выскажет своего восприятия, не изольет свою душевную горечь, как бы подталкивая на откровение своих собеседников, принимаясь присказывать свое понимание Святой Книги, — отмечает исследователь жизни Г. Е. Распутина А. В. Чернышов. — Горе на земле — радость на Небе. За что радость на Небе? — За скорби и за молитвы. За какие? За те: в скорбях ходили в Храм и причащались Святых Таин. В скуке — молись, увидишь, радость восторжествует в тебе. Очень трудно — молись, потеря — молись. Бог обратит Своими судьбами потерю. Молись за разные нападки, молись. И злоба разбирает — помолись, забудешь врагов — молись! Очень не хочется молиться — молись. Это более услышит Бог. Заставишь себя, это послушание Небес, всему послушание — высота доброты!»

Целыми часами он проповедовал людям Слово Божие, его не отпускали, за ним следовали толпами, как за библейскими пророками. Он изъяснял, открывал людям духовную силу Писания, учил веровать, учил жить в Боге. Проповедуя, он исцелял — опять за ним шли и молили о помощи, жаловались на тяжелую душевную жизнь. «Он давал советы, старался помочь душевно, как мог» — рассказывала его дочь Матрена. — Придут к нему за советом, утешением, и уходят успокоенными. Он обнимал всех своей простотой и совершенной чистой любовию. Возгревал повсеместно угасавший дух Христов, ибо вера становилась лишь долгом и традицией, а молитва — холодным обрядом по привыч-

ке... Духовенство, по словам Владыки Вениамина (Федченкова) — «опреснилось», потеряло всякую силу: *«как мы могли зажигать души, если не горели сами?!* Верно, было охлаждение в нас. И приходится еще дивиться: как верующие держались в храмах и с нами? Но они были просты душою, не требовательны к нам, а еще важнее, они сами носили в себе живой дух веры и религиозной жизни и им жили, хотя вокруг уже все стыло, деревенело... И вдруг появляется горящий факел» — так Митрополит Вениамин оценил духовную силу Григория Ефимовича — *горяший верой факел, который мог разбудить веру в другом человеке, мог оторвать мысли от земного, материального, и направить душу к Небу — взыскуя Града Небесного, Царева Китеж-Града.*

«Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (1 Кор. 1.27)

Преподобный Ефрем Сирин говорит: «Пророк разумеет народы и страны, которым предвозвещает разорения и тяжкие бедствия». Святитель Иоанн Златоуст разъясняет, что Пророк — это вестник или истолкователь Воли Божией. Блаженный Августин добавляет, что пророчество есть особенное не по порядку Богоустановленной иерархии и учительства церковного, но по требованию исключительных обстоятельств, совершающееся изъявление Воли Божией земнородным через особенных,

Самим Богом посылаемых мужей. Начало двадцатого века являло все признаки «исключительных» небывалых обстоятельств, грозных предупреждений, требовавших мужа пророческого духа. «Таковым мужем и был Странник Григорий, — говорил Батюшка Николай. — Он был послан Свыше Помазаннику, ибо повсюду *оскуде преподобный,* когда недостаточны и безсильны уже были наставления священников. Вера в народе и духовенстве иссякала, благочестие исчезало, надвигалась страшная смута... И вот, Господь посылает Царской Семье молитвенника, Боговидца Григория для поддержания истинной Веры в народе, для защиты Самодержавной Монархии... Он останавливал страшную болезнь Цесаревича своими молитвами. А ведь это было не простое чадо, а Наследник, Хранитель Православной Веры, Церкви нашей».

Конечно, Григорий Ефимович горячо молился за Наследника и любил Его всем сердцем, как и Цесаревич, платил ему взаимною любовию. «Все мои мысли о Нем, — повторял Григорий. — Он будущий Самодержец России и Защитник Православия. Для всех, кто верен Церкви, Трону, Он должен стать Вождем». Он говорил о крепком духе Цесаревича: «Как не было такого Царя, так и не будет... Алексия очень в душе имею, дай ему расти, кедр ливанский, и принести плод, чтобы вся Россия этой смокве радовалась. Как добрый хозяин, насладились одним Его взглядом взора из конца в конец». Когда во время крещения Алексия помазывали святым миром, «Он поднял Свою ручку и простер Свои пальчики, как бы благословляя присутствующих»... Царское

избрание было на сем Отроке. И Самодержавие при Нем осталось бы таким, как оно было встарь.

У Старца Григория была особая духовная связь с Цесаревичем. Замечательное свидетельство находим у его дочери Матрены: «Мой отец умел влиять на Него даже на расстоянии. [...] Я могу привести десятки таких случаев, но ограничусь замечанием, что даже после убийства моего отца его влияние все распространялось на Ребенка. Часто Он видел его во сне подле Себя, говорящим: «Будь покоен, все пройдет». После этих слов — говорила Императрица — Наследнику всегда становилось лучше»[1].

О себе же говорил, что он: «просто-напросто Божий человек, который призван для того, чтобы напомнить о присутствии Бога и необходимости молиться Ему»[2].

«Влияние Распутина на Императрицу Александру Феодоровну многие объясняют именно тем фактом, что он обладал даром врачевать Цесаревича. На самом деле это было не так. Влияние его проистекало исключительно из непоколебимой веры Ее в его святость. Люди, близкие к интимной жизни Двора, вполне беспристрастные и ярые антираспутинцы высказывали мне свое глубокое убеждение в том, что не будь этой веры в Ней, Она никогда бы не допустила бы Распутина к больному Сыну, какой бы целительною силою Старец ни обладал. Вера эта была незыблема» — так свидетельствовал кн. В. Барятинский.

---

[1] *Фомин С.* Боже! Храни Своих. М. 2009. С. 289.

[2] *Марков С.* Покинутая Царская Семья. М. 2002. С. 35.

Отец Николай утверждал: «Императрица ни в коем случае бы не подпустила к Сыну недостойного человека... Тем более лечить. Она ведь была глубоко верующая Мать. Думать, что Григорий был колдун, значит страшно оскорблять Саму Императрицу, Ее веру в Бога и веру Помазанника... Это Им личное оскорбление».

«При встречах с Государем, — подтверждает слуга Императора А. Волков, — Распутин целовал у Него руку, Государь же — руку Распутина».

Григорий Ефимович говорил священнослужителям: ныне «в храме духа нет, а буквы много — храм пуст... Когда Иоанн Кронштадтский служил, то в храме дух нищеты был и тысячи шли к нему за нищетой духовной... В настоящее время на всех не повлияешь. И Сам Господь не на всех повлиял и про некоторых заготовил ад и тьму... ***Спутана вся Россия и не признает в ней паства своего пастыря, то есть на Родине надо любить Родину и в ней поставленного Батюшку Царя — Помазанника Божия»***[1].

Это и был глас Пророка, вопиющего в пустыне... Ненависть к нему была потому велика, что мишень была иная, несравненно выше и значительнее самого Григория — Православная Царская Русь. А корни неприятия сокрыты в веках. Еще со времен Грозного Царя Иоанна — фобия к Самодержавному Государству. Потому и пытаются до сих пор чернить и порочить Распутина, что он удобен для поношения и шельмования Носителей Высшей Власти — Помазанников Божиих. Сибирский странник претерпел небывалые скорби и клеве-

[1] *Фомин С.* Боже! Храни Своих!. М. 2009. С. 42.

ту: «В силе человек, — говорил его духовный отец Старец Макарий Октайский. — Завидуют — вот и говорят. Лукавый-то силен, *каждому на его место хочется*»... Но «место» это Господом было вверено только человеку Божию Григорию Ефимовичу, достойному избрания и имевшему от Бога дар пламенной молитвы и покаяния. «Царь и Императрица видели в нем вдохновенного от Бога пророка, имевшего Благодать и пребывавшего в Духе Святе... Набожность и правдивость... Сами Ангелы, Они восчувствовали его высокую святость и совершенство. Этого не могли понять ни Мать-Императрица, ни Сестра Государыни Елизавета, — говорил отец Николай. — Они были убеждены, что к Царям могут быть приближены только носители высокородных фамилий. *Им был чужд дух святой простоты Григория, его честность и правдивость*... Но главная беда — не почитали Самого Государя как должно почитать Помазанника Божия... Одна относилась как Мать-Царица, и так и не смирилась, что на Царстве уже был Ее Сын, и Ей необходимо было склонить головку перед Ним и Царицей Александрой... А Елизавета Феодоровна видела в Императоре только Родственника, Брата... И Обе пытались царствовать и править... У каждой был свой Двор... Это самое главное искушение — властию».

Приведем замечательное свидетельство С. Фомина о встрече с Григорием Ефимовичем штальмейстера Императорского Двора Н. Ф. Бурдюкова, который накануне переворота 26 февраля 1917 был принят Императрицей и умолял Ее уехать из Царского Села с Детьми «куда угодно».

«Поди, ты обо мне чего-чего не наслушался! — спросил Григорий. — Добра-то, небось, немного... а? Да, милый, чего-чего на мой счет ни валят. Здорово ругают меня... А за что? За то, что мужик к Царю пролез. А зачем мне «пролезать»... Будто уже мужику права до Царя дойти нет, как не через начальство, а будто Царю мужика допустить до Себя можно, как медведя с поводырем на цепи, вон как их у нас по базарам водят... Неужто глаза царские не одинаковы и руки Его одна пощедрее, а для нас, грешных, та, что поскуднее?.. Посмотри-ка на поле ржаное, сколько там колосьев, и счету нет: и малых, и больших, и тощих, и крупных, а все к солнцу тянутся и на всех оно ровно смотрит. И нет на поле такой борозды, чтобы одна ближе к солнцу была, чем другая. Всем бороздам почет перед солнцем равный... Так, чего же на «вашей» борозде-то переполошились, чего испугались?.. Зла я никому, кажись, не делаю, ни у кого ничего не отнимаю, чужого хлеба не ем, чужим добром не пользуюсь... Выверни меня наизнанку — я с нутра тот же, что и снаружи... Мне хорониться нечего. Скажут, грешу я — верно, грешу... А вы-то что же, все ангелы небесные, все горлицы?! [...]

Грызут меня... и каждый по-своему, каждый тем «зубом», что у него против меня. Каждый из них караулит, когда «клюнет». У них словно праздник, когда укусят меня... *И совесть свою давно за ворота выгнали, чтоб не мешала. А, может, Господь-то их ею совсем обделил или ехала и не доехала — по дороге заблудилась?!*

А все потому, что в них злоба, что боятся, кабы мужик их кусок не съел. Вона, говорят, что я му-

жик, да грязный, и пьяница, да хлыст, да немудрый... А они все чистые и трезвые, и у Бога за пазухой сидят, и мудрые... А знаете ли, милые мои, что Апостол-то Господень о мудрых сказал? Сказал он так: *«Бог избрал немудрое міра, чтобы посрамить мудрых, и немощное міра избрал Господь, чтобы посрамить сильное».*

Они все знатные, а я что — я ничего... Но Апостол и тут о нас сказал: *«Незнатное міра и уничиженное, и ничего не значащее, избрал Господь, чтобы упразднить значащее».*

Их мудрость — лукавство, их любовь — зависть. Они думают, что в лукавстве и зависти их сила и крепость. А Апостол говорит им: *«Кто думает, что он стоит — берегись, чтобы не упасть».*

Законы Божеские презирают, попирают их, а себя в безславии своем восхваляют. Их первый идол — они сами, а второй — тщеславие и власть... Все они только о себе пекутся, о себе стараются, все своего ищут, а по чужому, как по мосту ходят.

«Никто не ищи своего, но каждый пользы другого». Внемлют ли они словам этим апостольским? Они, пожалуй, их никогда и не читали...

Все толкуют о жертвах своих, о любви безкорыстной, о преданности глубокой, как океан. А где эти жертвы ихние? Куда схоронилась любовь их? А преданность их так велика, что и в ложке воды захлебнется. Враги заклятые правды и друзья лжи и ненависти. Все о чистоте духовной толкуют, а сами на дне грязи копаются. В любви клянутся, а сами рабы ненависти»...

Распутин вдруг остановился. Голова упала к груди... лицо побледнело... Прошло несколько минут полнейшего молчания... Ну, хорошо, довольно об этом... Все в руках Божиих, и силы человеческие без Его воли — пыль»[1]...

Владыка Вениамин (Федченков) вспоминает: «Нужно было видеть его, как он молился в храме: стоит, точно натянутая струна, лицом обращен к высоте, потом начнет быстро-быстро креститься». Открыто было Небо Григорию, и это не могли не чувствовать все. Что и говорить, если в родном селе Покровском и окрестностях к нему воистину относились как к святой жизни подвижнику: *«Святой, да святой»* — и это прозвище прочно установилось за ним. Странник, богомолец, юродивый, пророк, исцеляющий и душевные, и телесные недуги... Опытный, в Духе человек, имевший необыкновенную любовь к сокровенной сердечной молитве. «Молитва с ним отрывала от земли» — так свидетельствовали чуткие души.

«Жизнь и спасение — в любви, — убеждал Григорий Ефимович. — Утешь душу — и успокоится, поверит человек. Нет такого человека, которого бы нельзя было заставить поверить и утешить. Хотя с настоящими неверующими плохо... Трудно заставить их поверить... Будешь говорить с ними, меньше всего упоминай Бога... О Нем они знают лучше любого попа, а ты в душу загляни, успокой и, главное, полюби, узнай, отчего страдает человек... Не любишь, не можешь полюбить человека, — ничего не выйдет... Много я спорил по этому предмету с их

[1] *Фомин С.* Боже! Храни Своих! М. 2009. С. 203–204.

братом: с попами, с игуменами, с архимандритами, архиереями. Они меня буквою, я их жизнию, сердцем. Библия, говорят, вот, что в Библии сказано, а я говорю: у каждого человека в душе своя библия... Это совесть. Она не изменит, и от нее никуда не увернешься»[1].

«У Старца Григория был именно дар *видеть душу человека,* — говорил Батюшка Николай. — Он *врачевал ее, оживлял, наполнял веянием Духа Божия.* Своим духовным слухом он слышал просьбы Ангела-хранителя человека... В его словах была не человеческая мудрость, а Божия... Жил он в Слове Господнем и хранил Его крепко, Слово Евангельское. Григорий умел с Богом беседовать и с душою человека... Он был богобоязненный, духовный... Подвижник в миру, идущий за Господом и жаждущий спасения души себе и другим».

Те, кто общались с ним, не могли не заметить дар прозорливости, который был присущ Старцу. Но не это было главное... Он был великим искренним молитвенником за Страждущую Русь, за народ, отходивший от веры... Он был *праведным и зрел Бога.* И Святой Царь Николай узрел в нем Пророка, Царское сердце, ожидавшее так пламенно Руки Господней, *узнало в нем посланника Небес.* При Русских Царях несли молитвенную стражу такие духоносные мужи. Это те, которых «взыскал Господь». И появлялись они подле Венценосцев в самые тяжелые времена. Святой Батюшка Иоанн Кронштадтский плакал и взывал: *«Кайтесь, кайтесь, приближается ужасное время, столь*

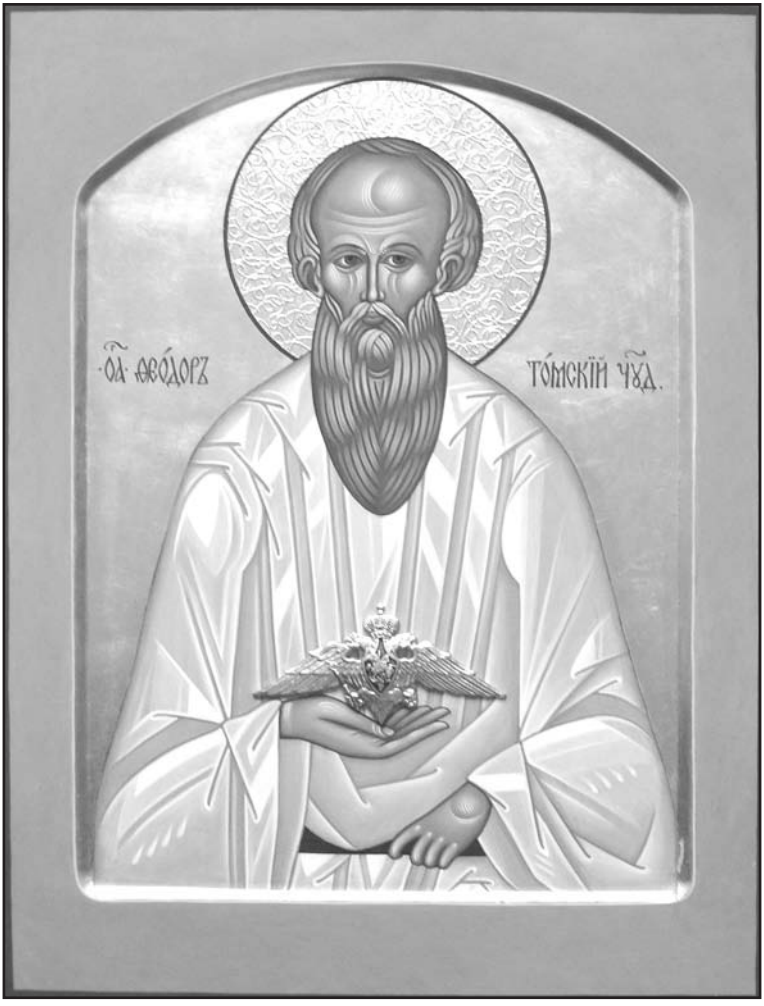
[1] *Сенин А.* Григорий Распутин //Речь. СПб. 1912. № 47. С. 3.

ужасное, что вы и представить себе не можете»... Приблизилось то время, о коем предвещал Преподобный Серафим: «На Земле Русской будут великие бедствия, Православная Вера будет попрана, архиереи Церкви Божией и другие духовные лица отступят от чистоты Православия. И за это Господь тяжко их накажет»...

Исчезала Правда, тайна беззакония воевала на *Удерживающего теперь — Самодержца*. Кругом чувствовалось напряжение, ожидание чего-то ужасного и неотвратимого. Светлая душа Государя молилась и плакала, взывала к Богу: *Аще возможно, да минует нас печаль сия... Пошли, Господи, помощь Свою нам...* И Господь посылает в укрепление Пророка Своего — человека Божия Григория.

«Избранный Свыше от Народа Русского угодниче Божий; огненной ревностию о Господе великие дары стяжавый; Богомудрый пророче и предивный чудотворче; житием благочестным образ истинного служения Христу и Царю людем русским явивый; крест скорбей и клеветы на раменах понесший; душу за Священный Род Царский положивый и мученическим венцем увенчанный; сего ради сугубую Благодать у Бога обретший во брани духовной силу вражию побеждати.Тебе, духоносному Старцу и небесному заступнику Святой Руси велегласно поем: *Радуйся, святый Пророче и Чудотворче Григорие, огненным духом сети вражии распутывающий»*. (Кондак 1 Акафиста).

ЦАРСКОЕ ПОКАЯНИЕ

Святой Праведный Феодор Кузьмич —
Александр I Благословенный

Благословение Царя-Мученика

Отец Николай рассказывал, что когда он был совсем маленьким, то Бог ниспослал ему Свою чудесную милость — встречу с Царской Семьей. Их Величества молились в очень чтимом всей Августейшей Династией Рюриковичей и Романовых храме Архангела Михаила в Кобыльем Городище, на берегу Чудского озера, где будущий Старец алтарничал и был посошником у Владыки Вениамина Петроградского. *«Царь погладил меня по головке и благословил,* — сказал Батюшка. — *И Императрица благословила»*. Царское благословение преобразило отрока, избранника Венценосных Страдальцев, и он на всю жизнь сохранил любовь и преданность к Ним. Под покровом Царских молитв, реально ощущал иное бытие, и душа его выходила за пределы чувственного мира. Дети ведь по-иному, чем взрослые, воспринимают духовное... Полагая на себя широкое крестное знамение, Старец как-то сказал: ***«Я до сих пор чувствую Царскую любовь и согревающую ласку руки Государя»***.

Полагаю уместным привести здесь воспоминания преподобного Кукши Одесского, глубокого почитателя Венценосцев: «Преподобный Кукша Одесский (Величко) свидетельствует о Царе-Мученике: «Когда мне исполнилось 14 лет, дома я уже не жил, а был послушником в монастыре, а потом

семинарию окончил и в 19 лет стал иеромонахом. Был царским священником, ездил по вагонам причащать раненых солдат. Случилось так, ехали мы с фронта, везли целый вагон раненых. Они были положены в три этажа, даже повесили люльки для тяжело раненных. В дороге, на ходу, у нас совершалась Литургия с 7-ми до 10-ти утра. Все солдаты посходились со всех вагонов, за исключением дежурных, но в этот раз и дежурные пришли, так как день был воскресный, по Божьему промыслу. Один вагон был Церковь, другой кухня, дорожная больница. Состав большой — 14 вагонов. Когда мы подъезжали, где шел самый бой, австрийцы неожиданно сделали засаду и перевернули все вагоны, за исключением четырех вагонов, которые остались невредимыми по промыслу Божьему. Проскочили чудом, все солдаты были спасены, и еще удивительно, что и линия была повреждена. Сам Господь нас вынес из такого огня. Приехали в Царьград (царствующий град Петербург), а нас там уже встречали. Выходим из вагонов, смотрим — дорожка метров 20 в длину постлана с вокзала до самой площади. Сказали, что приехал Царь (Император Николай II) и хочет нас всех видеть. Мы выстроились в два ряда, солдаты и священники из разных поездов. В руках держим Кресты служебные и хлеб с солью. *Приехал Царь, стал посреди нас и сказал речь: «Святые Отцы и Братия! Благодарю вас за подвиги. Пусть же Бог пошлет на вас Свою Благодать. Желаю вам уподобиться Сергию Радонежскому, Антонию и Феодосию Печерским и в будущем молиться за нас всех грешных».* Так все и исполни-

лось. После Его слов мы все, военное духовенство, попали на Афон. И все, кому Он пожелал святости, стали схимниками, в том числе и я, грешный».

Чтобы лучше понять значение для отца Кукши этой встречи с Царем, познакомимся с некоторыми эпизодами его жизни. «Это было на берегу моря (в ссылке): холод, мороз, снег, а мы все голодные, еще больше мерзнем, все монахи да священники. Присел я к плоту с краю, молюсь, прошу Господа: «Господи, Ты Всевидящий, Ты пророков Своих кормил, не оставляя их, а Твой раб голоден, не остави и нас, Господи. Дай силу в труде и терпении, в холоде». Смотрю — ворон летит, в когтях его буханка хлеба белого, какого мы давно не видели, и какая-то связка. Несет — и прямо мне на колени положил. Смотрю, а в свертке колбаса, наверное, больше, чем килограмм. Позвал епископа, он благословил, раздал всем. Мы возблагодарили Господа за Его великую милость к нам, грешным. Господь нас подкрепил на целый день. На третий день опять мы работали на снегу, сел я отдохнуть, а есть хочется. Утром перед работой дали по сухарику. Если б не Господь — никто бы не выдержал, работа очень тяжелая. Сижу и думаю: «Господи, не остави нас, грешных». Неподалеку от нас проехала машина с пирогами, продуктами для вольнонаемных рабочих. Сгружали пирожки, как видно, к обеду. На них налетели вороны, и поднялся шум. Один ворон летит ко мне, в когтях у него пирожки, в одном два, в другом три. Подлетел и опустил на колени мне».

Отец Кукша — святой человек, который может дать изнутри подлинную оценку святости. Он зна-

ет, по чьему ходатайству сподобился он благодати схимничества. Чудо, которое было с ним в ссылке, и чудо спасения всех в поезде в четырех вагонах благодаря Божественной Литургии, когда остальные десять вагонов были смяты бомбовыми ударами, он ставит в один ряд с чудом Царского пожелания». Царского благословения[1]...

Также и отец Николай, по молитвенному ходатайству Царской Семьи сподобился благодати великой схимы и архиерейской благодати и, по словам самого Старца, был не раз спасен от смерти в лагерях: «Ведь что там с нами делали... *А Император с Государыней не раз являлись мне и просили потерпеть... «Богу так угодно, чтобы ты молился за Россию и спасал людей» — говорили... Ведь Они мне — Родные... И по Духу, и по крови... По Александре Феодоровне».*

В тридцатые годы Батюшка, сосланный на поселение под Киев, не раз виделся с Преподобным Кукшей, который в то время нес послушание у мощей святых угодников в Дальних Пещерах Лавры. «Мы там часто молились, — говорил Батюшка. — Все монахи просили Господа смилостивиться над Россией, убрать красных безбожников... Какие были молитвенники... Слезные и сильные любовию к Богу. Верные... Тогда ведь было повсюду обновленчество, но Лавра держалась. Отец Кукша очень любил Царя, благоговел перед Его памятию, усердно взывал к Нему. Мы вместе с ним уже тогда просили Царскую Семью о помиловании, просили простить нас всех. Молились Им... Они ведь Святые

[1] *Русский Паломник.* № 15. 1997.

уже при жизни были... Да... все прошло, и таких людей уже, как видно... не будет. Кукша прозорливый был, подсказал мне, все, что ждет нас. Меня благословил со словами: «Наш ты монах, Печерский. Нашего манера... Тюрьма и лагеря тебе будут. Но земные муки ничто. За ними жизнь безконечная... Он такой благодатный был. Я часто видел Ангелов и Святых, сослуживших ему. В молитвах мы всегда поминали Благочестивых Царей и Цариц».

У отца Николая было несколько монеток — благословение от отца Кукши: серебряный рублик с изображением Императора Николая.

Чада святого пишут, что он еще в 1957 открыто говорил: «Если где найдете золотую или серебряную монетку с изображением Императора Николая II, то вставьте в оправу или просверлите вверху дырочку, наденьте на цепочку и носите, как святой медальон, вместе со Крестом. И если вам кто-нибудь скажет, что Царь Николай II или кто-то из членов Его Семьи жив, не верьте — все Они Мученики»[1].

Наш Батюшка Николай всем говорил: «Царских мощей нет... Они все сожжены были извергами в восемнадцатом году... Нет никаких «екатеринбургских» останков. Это все ложь и подмена, за которую будут крепко отвечать пред Святым Царем-Мучеником и Богом. Мне Государь являлся и сказал, что этот грех подмены — страшный... Если эти кости признают за Царские, Господь накажет Церковь[2]». Сам Государь известил Старца и пото-

[1] Схиигумен Кукша. М. 1996. С. 53.

[2] Разумеется, Старец говорил о церковной организации Московской Патриархии.

му слова отца были исполнены Благодати и силы, и он просил всех не верить подлогу.

Славу мирскую презревшие

Отец Николай часто молитвенно поминал величие и святость Императорской России и Ее Царствующих Династий Рюриковичей и Романовых. «Во всей Августейшей Фамилии было много светоносных подвижников. Явных и сокровенных, знаемых только Богу. Царский Род цвел благочестием, стремился к святости, — отмечал Старец. — Были преподобные, мученики, страстотерпцы, странники, даже настоящие юродивые, которые тяготились мирской славой, но вынуждены были нести свое Царское послушание... Блаженный Царь Феодор Иоаннович, Император-Мученик Павел, трагически возведенный на Престол Александр Благословенный, Святой Царь-Искупитель Николай... В.К. Александра Петровна, Царственная инокиня Анастасия, монахиня Досифея (Княжна Тараканова)... А Сама Императрица Александра Феодоровна?! Спасалась юродством от расцерковленного Двора, отступавшего от Христа... Придворная жизнь тяготила Их, Они избегали суеты и посвящали больше времени молитве и заботе о несчастных, заботились о народном просвещении в Законе Господне... Царь и Отечество было одним понятием для Руси, одной мыслию в сердцах... А Вера была основой жизни. Наши Цари были благочестивы и Богу покорны, и веровали в Промысл Божий над Россией. На Рус-

ском Престоле никогда не было не угодных Богу Священных Особ, и все Они хранили крепко правую Веру. Русские Православные Цари несли с достоинством Венец, от Бога данный, и готовы были понести искупительную жертву за народ... Потому что Они любили Свой народ, жили воистину по-христиански, сознавая великую силу и славу именно Церкви Православной, были ее Хранителями и Защитниками. Все Они совершенствовались во смирении, но наивысший Венец Смирения получил от Господа смиреннейший из Государей Николай Александрович. Он жил в мире со Своей совестию, и эта чистота вызывала огромную ненависть богоборцев, во все времена восстававших против Престола»...

Великая Матушка — Царственная Инокиня Анастасия

В келлии Старца Николая на стене висели два небольших портрета монахини в белом апостольнике и скуфейке, с автографом, начертанным четким и твердым почерком: *«Александра»*. Один портрет в аккуратной рамочке, сделанной самим Батюшкой, висел над фисгармонией, подле окна, его отец Николай и благословил мне на память при начале моего послушания — в 1986 году. Второй по сию пору висит над его кроватию. Это фотография глубоко чтимой святым Старцем Царственной инокини Анастасии (1838‡1900). Великая Княгиня Александра Петровна, отец которой, принц Петр Ольденбургский, был сыном Екатерины Павловны,

дочери Императора Павла Петровича. Несчастная супружеская жизнь, слабое здоровие, но более всего глубокая вера, «отозвали» Княгиню из мира. Она оставила светский Петербург и приняла монашеский постриг. Основала и стала настоятельницей Покровского женского монастыря под Киевом. Батюшка величал Ее *Великой Матушкой* и молился Ей как *преподобной,* предсказывая скорое прославление. И слово отца исполнилось: совершилось торжество прославления Августейшей Игумении. «Ее жизнь, — говорил Батюшка, — особый подвиг покаяния, безропотного несения Креста страданий за своих близких. Пример милосердия, молчаливого, но украшенного благодатным и суровым трудом. Я любил молиться на ее могилке, простой и смиренной, всегда полной цветов, с тихой надписью на каменном кресте: *Инокиня Анастасия*... Эта могилка — народная святыня, с любовию хранимая Царская святыня... Многое меня связывает и с этой тихой молитвенницей, и с этим местом».

Сама обитель была в некотором смысле обителию Батюшки. Он часто там бывал, и сестры монастыря окормлялись у него.

Царский Манифест, опубликованный в «Правительственном Вестнике» 13 апреля 1900 года начинается словами: «Всемогущему Богу угодно было отозвать к Себе Любезнейшую двоюродную Бабку Нашу, Великую Княгиню Александру Петровну, в инокинях Анастасию...» — писал Государь Николай.

Пророчество Батюшки сбылось: 24 января 2010 года в древней столице Руси, в Покровском женском монастыре, Блаженнейший митрополит Киевский

и всея Украины Владимир возглавил торжества по случаю прославления в лике местночтимых святых основательницы этой обители инокини Анастасии, в миру — Великой Княгини Александры Петровны Романовой.

«Ее жизнь — это [...] исполнение Христова учения милосердия, — пишет историк Олег Слепынин в своей работе, посвященной Матушке. — Она в буквальном смысле воплотила евангельский призыв, употребив свое огромное состояние на нужды страждущих. Однажды, показывая невестке, великой княгине Милице Николаевне свой просторный Покровский монастырь и больничный комплекс, простодушно поясняла: «Это здание — мои серьги. Здесь — мое ожерелье, а сюда ушли все мои кольца...» Яркое свидетельство о подвижнической жизни *Матушки Великой*, как ее любовно называли в Киеве, хранит дневник одной из насельниц монастыря: «Матушка говорила: «Когда ты подходишь к страждущему больному, то думай, что приближаешься к Самому Христу и Ему служишь! Она учила сестер уходу за больными, сама, первая, показывая пример не брезговать никакими зловонными, гнойными ранами больных, испражнениями и рвотой, самых грязных первая мыла в ванной собственноручно. Матушка приходила в больницу в 6 часов утра, а выходила из нее в 12 часов ночи. Сестры, видя, как трудится Матушка, и сами охотно исполняли больничное послушание...»

Родилась она в Петербурге 21 мая 1838 года в семье принцев Ольденбургских, состоящих в родстве со всеми Монаршими Домами Европы. Им-

ператор Павел I приходится ей прадедом. Ее отец принц Петр Георгиевич, ставший впоследствии заметным военным и государственным деятелем России, в 1829 году был претендентом на Греческий Престол.

В 1856 году принцесса Александра Петровна вышла замуж за Великого Князя Николая Николаевича, третьего сына покойного Николая I, брата Императора Александра II.

Фрейлина Высочайшего Двора Анна Федоровна Тютчева, в последующем жена Ивана Аксакова, идеолога славянофильства, вспоминала о дне 26 декабря 1855: «Сегодня молодая принцесса Ольденбургская перешла в Православие, она, по-видимому, понимала значение этого акта, который совершала, и казалась глубоко сосредоточенной. Она была одета в белое атласное платье и очень просто причесана...»

Взгляд Тютчевой, дочери знаменитого поэта и дипломата, тем внимательней, что сама она, наполовину немка, родившаяся в Баварии и получившая католическое воспитание, до 18 лет не знала России и плохо говорила по-русски. Когда она из центра Европы, после отставки отца, переехала в центр (на Орловщину) России, ее взору, как это не раз бывало с иностранцами, вдруг открылась сокровенная Святая Русь. Произошло перерождение, точнее духовное рождение: она стала русским православным патриотом, а со временем и активным деятелем славянофильства.

Александра Петровна, воспитанная в лютеранстве, именно так же — всей душой — приняла Православие.

В браке великокняжеской четы родились два сына — Николай (1856‡1929, именовавшийся до смерти отца Николаем Николаевичем Младшим) и Петр (1864‡1931).

После рождения Петра супружеские отношения расстроились.

В 1879 году В.К. Александра Петровна получила серьезнейшую травму позвоночника (кони понесли, карета перевернулась); Ее парализовало, действовала лишь левая рука. Вероятно, Она восприняла случившуюся катастрофу как вразумление. Врачи порекомендовали ехать на воды.

Она отправилась в путешествие на яхте «Эриклик» в сопровождении сыновей. Вся обстановка на яхте, по воспоминаниям посещавших Великую Княгиню, напоминала им быт Русской Царевны XVII века. В кают-компании была устроена походная церковь, на девушках Великой Княгини — повязаны платки. Эта «архи-русская» обстановка поражала посетителей военного корабля.

Лечение в Европе не помогло. Она по-прежнему могла передвигаться лишь на инвалидной коляске или на специальном ручном экипаже. Возвращаясь летом 1881 года в Россию, Александра Петровна пожелала увидеть Святой Афон. «Эриклик» пришвартовался к пристани русского Свято-Пантелеимова монастыря. Так как и царственным женам не позволено ступать на берег, общение с русскими монашествующими и членами Протата, руководством Афона, происходило на борту «Эриклика».

Для русского монастыря, по просьбе братии, Великая Княгиня передала первый камень для за-

кладки нового соборного храма. Этим Она посодействовала необходимому расширению обители, чему противились греки. Летопись сохранила подробности Ее визита и передает впечатление иноков о пребывании у берегов Афона боголюбивой паломницы. «*Да, много духовных утешений доставило нам посещение Ее Высочества. Отрадно для души видеть благочестивое настроение во всяком человеке, несравненно отраднее видеть это в Особе, занимающей такое высокое положение в обществе — члене дорогой для всех нас и родной Царственной Русской Семьи!*»

Поселившись в Киеве, Великая Княгиня не прервала связь со Святой Афонской Горой. Письма старцев, что, несомненно, оказали решающее влияние на Ее дальнейший жизненный путь. В одном из писем архимандрит Макарий и иеросхимонах Иероним наставляли: «Многие святые богодухновенные отцы утверждают, что ничто так не привлекает в душу благодати Божией, как смиренное несение с благодарностию того, что ниспосылается Богом. Дела любви, помощи и милосердия к страждущему человечеству да послужат Вам средством к соединению со Христом...»

В 1888 году Она приобрела на Лукьяновке большую усадьбу, занимавшую площадь 6 десятин (6½ га). В следующем году 11 января там была заложена домовая церковь и покои Великой Княгини. Этот день — 24 января по новому стилю — празднуется в монастыре как день основания Киево-Покровской женской обители. Количество строений в монастырском городке символично. Книга «Преподоб-

ная Великая Княгиня Анастасия Киевская», изданная в 2010 году по благословению Блаженнейшего Митрополита Киевского и всея Украины Владимира, сообщает: «Монастырский комплекс состоял из корпуса монашеских келлий, к которым примыкал храм, и двенадцати других зданий. В них располагались больница с домовой церковью, церковно-приходская школа для девочек, приют для слепых и неизлечимых больных, приют для сирот и бедных детей. Были также предусмотрены безплатная амбулаторная лечебница, аптека с безплатной выдачей лекарств, странноприимница, рукодельные мастерские, просфорня с пекарней, кухня, прачечная...»

В одном частном письме Она писала: «Все приобретенное мною и все мое движимое и недвижимое имущество пожертвовала монастырю, получившему название *«Киевский Покровский женский общежительный монастырь»*.

Больничную церковь Великая Княгиня пожелала устроить так, «чтобы, больные находились бы в таких же счастливых условиях, как и я, и имели возможность, лежа на койках слушать и утешаться Богослужением». При этом оборудование в Покровской лечебнице было самым современным. Здесь, например, имелся единственный в Киеве «кабинет для снятия фотографий лучами Рентгена, служащий целям не только этой, но и других киевских больниц». Известный профессор, посетивший Покровскую лечебницу, отмечал: в медицинских кабинетах «чистота, свет, воздух, и, если угодно, роскошь не оставляют желать ничего лучшего».

Подобное встречалось лишь «в некоторых больницах Берлина и новых клиниках Москвы».

После переезда 1 июля 1889 года в основанный Ею монастырь Она получила исцеление. Об этом чуде Александра Петровна рассказала в послании митрополиту Киевскому и Галицкому Платону (в миру Николай Иванович Городецкий, 1803‡1891): «...Считаю священным долгом, долгом совести поведать Вашему Высокопреосвященству о событии, которое совершилось в первых числах июля 1889 года. Вашему Высокопреосвященству лично известно, что Господь посетил меня тяжкою болезнию, от которой я лежала десять лет на одре, не имея возможности ни встать, ни ходить. [...] Несколько лет тому назад Преосвященнейший Палладий, Архиепископ Волынский и Житомирский, благословил меня святою иконою Почаевской Божией Матери, и, благословив меня, прорек эти слова: «Молись этой святой иконе, получишь исцеление». В начале июля рано утром я дерзнула помолиться Всемощной нашей Заступнице, [...] я еще раз вздохнула молитвенно ко Пречистой Преблагословенной Матери Господа нашего и сказала: «Помоги Ты мне!», встала и перешагнула несколько шагов. Это великое чудо, которое совершилось надо мною, многогрешной рабе Александре, я много дней хранила в тайне, даже в нашей святой обители никто не знал. Постепенно Царица Небесная укрепила мои силы и все узнали о свершившейся великой милости Божией. Профессор Владимир Афанасьевич Караваев, говоривший всегда, что никакая медицинская помощь не в состоянии воздвигнуть меня от одра

болезни, услыхавши о том, что Господь дал мне возможность двигаться, лично приезжал удостовериться и знаменательно сказал: «Не думайте, что мы Вам помогли — это Божия помощь!»

Заметим, речь о том самом знаменитом профессоре В.А.Караваеве, (1811‡1892), имя которого когда-то вошло в поговорку: «В Киев сходить — Богу помолиться и Караваеву поклониться». Уроженец Вятки, получивший европейское образование, Владимир Афанасьевич полвека заведовал хирургической клиникой при медицинском факультете университета святого Владимира в Киеве, сделав 8 тысяч операций.

Осенью 1889 года Александра Петровна приняла постриг от афонского иеромонаха. Это событие хранилось до самой Ее кончины в тайне и открылось, как и монашеское Ее имя Анастасия, после вскрытия Ее духовного завещания. [Еще раз напомним, что незабвенный Батюшка Николай также не всем открывал при жизни свой монашеский постриг с именем Нектарий в честь Нектария Киево-Печерского, память 12 декабря, и тайное епископство, а только в последние годы явно свидетельствовал об этом близким ему людям.]

Тысячи паломников посещали Киев. Случалось, калечные, слепые, глухонемые оставлялись в обители. Принимали всех. Нередко самые несчастные здесь обретали смысл и волю к жизни. Варшавского профессора М.Зенца поразила в обители девушка «без рук и ног». Она вышивала полотенце «с помощью губ, зубов, языка и тех зачатков конечностей, которые у нее имелись». В монастыре был хор слепых, который очень любила Матушка Великая.

«Нужно уметь жить, носить в себе счастие, чтобы других делать счастливыми», — говорила она. Своей знакомой Царственная Инокиня писала: «Принимаем больных всех сословий, всех христианских вероисповеданий. В лечебнице для приходящих больных принимаем всех без различия вероисповеданий — и еврея, и татарина, памятуя притчу Христову. В больнице все строго монашеское...»

О масштабах благотворительной деятельности монастыря можно, наверное, судить по такой цифре. Лишь в одном 1897 году в Покровскую больницу обратились 23962 человека. В тот год разразилась эпидемия тифа. Великая Княгиня на это несчастье откликнулась тем, что сразу же открыла временную больницу на 100 коек для женщин. Ее примеру в Киеве последовали и другие.

Благотворительность была явлением обычным и очень широко распространенным. Отец Александры Петровны, принц Петр Георгиевич (1812‡1881) 20 лет возглавлял крупнейшее в России благотворительное ведомство Императрицы Марии. На Литейном проспекте перед зданием Мариинской больницы ему был установлен памятник с надписью «Просвещенному благотворителю принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому. 1812‡1881» (существует проект его восстановления). Сама Великая Княгиня еще в 1858 году основала на рабочей окраине Васильевского острова столицы Покровскую общину сестер милосердия. В одном из зданий этой общины (ныне кардиоцентр Санкт-Петербурга) недавно был открыт бюст Великой Княгини.

Благотворительностию занимались и Августейшие Особы, и малоизвестные и совсем безвестные купцы, промышленники, городские жители, крестьяне, видя в этом путь к спасению души...

Собственно в этом и «секрет» роста продолжительности жизни в России и увеличения численности населения. В январе упомянутого 1897 года в Российской Империи проводилась перепись. В последующем, до 1914 года средний прирост населения отмечен в 2,4 миллиона человек в год. (Этот показатель, в скобках заметим, выше, чем в советский период — в среднем прирост населения в СССР в 1926–1989 — 2,2 миллиона человек в год. Отказ с 1991 года от социальной защиты населения на государственном уровне, при разрушенных традициях благотворительности в атеистической стране, вызвал катастрофическое сокращение численности населения) — такие серьезные данные приводит автор Олег Слепынин.

«К Царственной Инокине очень тепло относились все Императоры. Александр III однажды распорядился выкупить у Нее большой изумруд, который Она хотела продать и не могла из-за его высокой цены. В 1894 году Александр III подарил Ей древний Преображенский Межигорский монастырь, основанный при св. Владимире, расположенный в очень красивой местности.

Император Николай II с Государыней Александрой Феодоровной посетили Киево-Покровскую обитель в 1896 году и присутствовали при закладке грандиозного соборного храма во имя Святителя Николая. Император распорядился выделять еже-

годно из казны 80 тысяч рублей на нужды монастыря.

Покровский монастырь — одно из самых замечательных царских мест Киева, счастливо сохранившееся до наших дней. Примечательно, что эскизный проект Свято-Николаевского собора разработал принц Петр Николаевич, младший сын Александры Петровны. Этот удивительный храм был достроен уже после блаженной кончины Александры Петровны, в 1911 году.

Царственная Инокиня упокоилась в четверг Светлой Седмицы 13/26 апреля 1900 года. В дневнике одна инокиня записала: «Зашло во гроб наше светлое солнышко, которое ярко сияло и грело нас 11 лет...»[1]

Таково краткое житие Царственной подвижницы, глубоко чтимой отцом Николаем. Особо отметим, что Великая Матушка Анастасия очень почитала Царя-Мученика Павла и принимала со своим супругом самое горячее участие в создании храма на месте Его страданий в Михайловском замке. Место это с самого начала чтилось Русскими Государями. Но должно сказать, что церковное почитание Царственного Мученика было положено Императором Александром II, Который поставил на сем трагическом месте храм-часовню во имя святых Апостолов Петра и Павла. Финансирование производилось главным образом от Брата Государя В.К. Николая Николаевича и Александры Петровны. «В соседней с церковию угловой комнате, согласно повелению Государя Александра Николае-

[1] *Олег Слепынин*. Портал: «Русская беседа».

вича, была помещена Плащаница, над ней образ Господа нашего Иисуса Христа в Терновом Венце (копия с картины Гвидо Рени) с надписию: *«Отче, отпусти им, ибо не ведят бо, что творят»*. Известно, что каждое 11/24 марта в этот храм неопустительно приезжал Император Александр II и «оставался в течение недолгого времени в домовой церкви один, в глубоком уединении и молитве».

Батюшка Николай благословил мне изданное еще при Государе Николае Александровиче краткое жизнеописание этой святой угодницы (1901), которое, в свою очередь, ему благословил Старец Гавриил (Зырянов), когда отец Николай был совсем маленьким и бывал несколько раз со своей мамой Екатериной Стефановной в Спасо-Елеазаровском монастыре... Как известно, к нему обращались за советом и молитвой многие из Царствующего Дома.

Оба сына Александры Петровны были женаты на сестрах-черногорках — В.К. Милице Николаевне и Анастасии Николаевне. Анна Вырубова свидетельствовала, что «Великие Князья Николай Николаевич и Петр Николаевич с их женами привели во Дворец Сибирского странника»[1] Григория Ефимовича Распутина.

Чудо исцеления по молитвам Григория

Сергей Фомин указывает на знаменательное событие, которое послужило поводом к почита-

[1] *Танеева А. А. (Вырубова)*. Страницы моей жизни. С. 149.

нию Григория Ефимовича В.К. Николаем Николаевичем великим молитвенником. Отец его супруги «Князь Николай Черногорский, — рассказывал Григорий, — видел меня во сне, когда болел. Трудно ему было, и он увидел во сне какого-то русского мужика. Мужичок сказал ему: «Будь здоров! Через три дня поедешь!» Так и случилось. Он выздоровел. Написал об этом письмо дочери, та взяла мой портрет и послала ему. Он, получивши, ответил, что видел во сне именно того мужичка, который изображен на карточке... А я, когда он болел, горячо молился за его здоровие Богу». Дочь-черногорка В.К. Милица Николаевна даже бывала в Покровском у Старца.

Историк А.Боханов справедливо полагает, что ее супруг, страстно желавший «управлять» не только Императором, но и Государством, В.К. Николай Николаевич, часто открыто именовавший себя «Николаем III», и его родственницы-«черногорки хотели превратить Распутина в инструмент влияния на Царя, старались его использовать для воздействия на Монарха, дабы добиться новых субсидий для Черногории. Находиться в числе первых среди подданных их не устраивало, они хотели занять «кусочек Трона»[1].

Это нечистое намерение и почувствовали Их Величества и отстранили от Себя интриганов-родственников, желавших восхитить Трон. Тогда и началась при Дворе «антираспутинская кампания» по устранению Старца, возглавляемая самим В.К. Николаем Николаевичем. Родная Сестра Государя В.К. Ольга Александровна также подтверждала,

[1] *Боханов А.Н.* Романовы. Сердечные тайны. М.2000. С. 281.

что Г. Е. Распутин был принят в Царской Семье по рекомендации черногорок и их мужей, благодаря благожелательному отношению к страннику Батюшки Иоанна Кронштадтского. В исследовании С. Фомина приводится заслуживающее внимательного рассмотрения свидетельство протоиерея Владимира Востокова, утверждавшего, что «знакомство черногорок с Григорием произошло в Киеве в Покровском монастыре, в котором странник Григорий предложил свои услуги по хозяйству. Настоятельницей этой обители, как известно, была мать В. К. Петра Николаевича — В. К. Александра Петровна, навестить которую приезжали сестры-черногорки. Там будто бы они и встретили Григория, коловшего дрова на монастырском дворе. Разговорились. «...Отмолюсь у киевских чудотворцев — будто бы сказал им Григорий, — искупаюсь в купели Российской — реке Днепре, да и поковыляю к сердечушке Российской — Матушке-Москве, чтобы и там обласкать добрых людей... А там, кто знает, может быть и в голову — русскую столицу проберусь»[1].

«Сам Господь Царя милует и спасает»
(Старец Григорий)

Петербург — по словам Григория Ефимовича, «*голова*» Империи, всегда был средоточием серьезных политических, социальных и духовных событий. От того, какова была его религиозная жизнь,

[1] *Фомин С.* Боже! Храни Своих. М. 2009. С. 107.

зависела жизнь всей Державы. Дух же и Вера веками содержалась отцами, старцами, людьми «не от мира сего», скрывавшимися вдали от шумных столиц с их суетой и в обилии питавшими тех, кто к ним приходил за советом в тишину обителей из этого мира... И здесь мы видим явное *богоизбранничество* — Господь посылает Григория именно в мятущийся Петербург на пророческое служение. В самое средоточие зла... Посылает, чтобы уберечь Царствующую Династию от смутьянов и заговорщиков, не раз совершавших дворцовые перевороты и пытавшихся уничтожить Самодержавную власть Помазанников. Он пришел в царствующий град под покровом святыни-благословения в руках: «Царь Батюшка! Прибыв в сей град из Сибири, желал бы поднести Тебе икону Св. Праведника Симеона Верхотурского Чудотворца, столь почитаемого у нас; с верою, что Св. Угодник будет хранить Тебя во все дни живота Твоего и споспешествует Тебе в служении Твоем на пользу и радость Твоих верноподданных сынов». Икона эта с подписию карандашом «*Григорей*» находилась в царской спальне Петергофского Дворца даже после революции...

Итак, само Небо ограждало мятежный град от готовившегося восстания против Царской Святыни, отодвигало беду, удерживало от крушения в бездну. Сибирский странник обладал «острым пониманием души» и прекрасно видел людей. Он имел тонкое духовное чутье, дар читать чужие мысли. «Их Величества, — писала Анна Вырубова, — были уверены, что Распутин с первого взгляда распознавал того, с кем имел дело — хороший это

человек или плохой. Ничто не могло Их убедить в обратном». «Распутин, — по словам баронессы С. К. Буксгевден, — действительно обладал большой верой и мог разжечь ее в других». «Существовали тысячи и тысячи простых людей, которые твердо верили в силу молитвы и дар исцеления, которым обладал этот человек. Это убеждение разделяли церковные иерархи» — утверждала Сестра Государя Ольга Александровна[1].

При Царях всегда были такие посланники Божии, богомольцы, весьма уважаемые за их благочестивую жизнь. Люди, с глубокими корнями в народе и с решимостию говорить Царю всю правду. Россия веками держалась на таком устроении. «Только тогда внутренние и внешние враги могут достигнуть своих преступных замыслов, когда не будет на Государстве Благословения Божия, — говорил Императору Николаю игумен Серафим (Кузнецов). — Когда Господь древле хотел наказать Израильское Царство, то прежде отнимал Свое Благословение, а признак сего — отсутствие пророков, праведников и чудес. У нас же в России за царствование Вашего Величества не прекращались истинные подвижники и праведники».

«В душе человеческой не прочтет ни один художник, — как-то раз задумчиво произнес Григорий. — Глубоко там все спрятано... Там видит только Бог». Но самому Старцу была дана Господом особая сила видеть глубины сердца, если даже его злейший недруг Сергей Труфанов смог так о нем

[1] *В. К. Ольга Александровна Куликовская-Романова.* Мемуары. С. 146.

сказать: «Григорий Распутин, несомненно, имеет пророческий дар, или по меньшей — чистейший ум. Он, как ветхозаветный пророк, всегда предугадывает события, говорит о вещах с поразительной ясностию, и редко кто может утаить в своем сердце что-нибудь от старца».Знаменателен следующий случай: «Когда Государь Император был в Киеве, — вспоминал о событиях начала сентября 1911 года очевидец-киевлянин, — по Александровской улице ехали... я тогда вместе с ним [Г. Е. Распутиным] стоял. [...] На тротуаре... в первом ряду... Все мне видно было очень хорошо... Вот, значит, коляска Государя ехала... Государыня Григория Ефимовича узнала, кивнула ему. А он Ее перекрестил... А второй экипаж — П. А. Столыпин ехал... Так он, Григорий Ефимович, вдруг затрясся весь... «Смерть за ним!.. Смерть за ним идет!.. за Петром... за ним».

Всю ночь я вместе с ним почивал, что, значит, перед театром... Он в соседней комнате через стеночку спал... Так всю ночь мне заснуть не дал... кряхтел, ворочался, стонал... «Ох, беда будет, ох, беда». Я его спрашиваю: «Что с Вами, Григорий Ефимович?» — А он все свое: «Ох, беда, смерть идет». И так до самого света... А на следующий день, — сами знаете... в театре... убили Петра Аркадиевича...»

А Царя с Царицей, благословив Их крестным знамением, уберег. Убийца-то ведь еще колебался: в кого стрелять...»[1]

Пророческий таинственный дар Сибирского странника Григория проявлялся не раз, и он не раз напоминал русскому обществу о Небесном Про-

[1] *Фомин С.* Боже! Храни Своих! М. 2009. С. 210.

мысле, оберегающем Царя, бодрствующим над Россией. На память Усекновения Честной Главы Крестителя Господня Иоанна в 1907 году, в Финских шхерах, Императорская яхта «Штандарт» с Царской Семьей на борту наткнулась на не отмеченный на карте подводный камень и, получив две пробоины, крепко села посередине... Опасность была страшно велика, поскольку могли взорваться котлы яхты. Небрежность ли это была, или злой умысел — Бог весть, но Царь вновь был спасен Десницей Божией.

Григорий Ефимович заказал в память о чудесном спасении Августейшей Семьи икону, где был изображен Спаситель, Благословляющий Царя, Императрицу и Наследника-Цесаревича. На иконе написано: «*Сам Господь спасает и милует Их*». К образу приложил послание, очень глубокое и предваряющее будущее непростое прославление Царственных Страдальцев, которому будут противиться особенно «близкие», то есть, царское окружение, о котором Сам Государь с горечью скажет: «*Кругом измена, и трусость, и обман*»: «Меня Вы знаете и понимаете, более, чем во мне, — писал Григорий. — [...] Беседуйте между собой и утешайтесь этим образом, ликом Его, милости Божества, и много Вам придется по поводу образа от Своих близких и знакомых. Что такое? Как было не так? А ведь у Бога милости и премудрости в самих книгах не вместить! Вот Он дал такие мысли, по Его указанию и написано: что Он от смерти Сам спас и помиловал. Ведь когда была тревога на море, ни один знакомый Вам не подал руки ко спасению, а

Сам Господь спас. Над Главами Вашими была Его Рука — Он хранил и миловал. Вот и благодарите и много таких — тысячи, что грешные на образах со святыми, даже первый факт: у Воскресения Христа лежали, которые Его распяли. — Так если видели, что Он хранит и милует Вас [...] всегда и везде. Мне не для чего-нибудь, — ***Вы без этого образа мои, и верите мне.*** Вера Ваша не оскудеет вовек. А это напоминание Вам, что Он всегда Вас так хранит, милует и спасет. И после Оле [Цесаревичу Алексию] на память... [...] Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного, и спаси»[1].

Святой Праведный Старец Феодор Козьмич Сибирский Странник

Таинственна и удивительна далекая Сибирь, наша «Северная Фиваида». Она многому учит. «Я там себя понял... Христа понял... русского человека понял и почувствовал, что я и сам русский, что я один из русского народа» — однажды сказал Достоевский, этот истинный певец русского сердца... Старцы-отшельники преподобные Зосима и Василиск Верховские, поселившиеся в непроходимых лесах ради глубокого безмолвия, освятили ее своей подвижнической жизнию. Они настолько были духом едины, что на месте их келлии под Туринском выросла *раздвоившаяся* со средины ствола сосна. (В связи с этим чудом, упомянем и о недавнем, бывшем в Саввино-Сторожевском монастыре в

[1] *Распутин-Новый.* Духовное Наследие. Б.м.и.1994. С. 94.

подмосковном Звенигороде. 8 мая 2007 года в 12[38] под стеклом иконы Царственных Мучеников *ожили сухие цветы*. На засушенных соцветиях, лежавших под стеклом иконы Венценосных Страдальцев, появились зеленые побеги, сообщает «Интерфакс» со ссылкой на сайт «Единое Отечество». Высушенные цветы были положены под киот еще в начале осени. По словам очевидцев, начиная с января, на этих цветах появлялись отростки в количестве *семи* штук — по числу Мучеников на иконе. Потом один отросток отпал, но не засох. Его посадили в землю, и этот чудесный «цветок» продолжает расти до сих пор).

Феодор Михайлович писал: сколь много в нашем русском «монашестве смиренных и кротких, жаждущих уединения и пламенной в тишине молитвы. На сих меньше указывают и даже обходят молчанием вовсе, и сколь подивились бы, если скажу, что от сих кротких и жаждущих уединенной молитвы выйдет, может быть, еще раз *спасение Земли Русской!*»

Отдаленные места глубокого уединения спасают и собирают душу и помогают пересмотреть всю свою жизнь и совершить суд над самим собой, неумолимый и строгий. В уединении душа приобретает ни с чем не сравнимый молитвенный опыт, открывает глубину православной мистики и аскезы. Нельзя не вспомнить молитвенный опыт самого Зосимы Верховского и его поучения: «И дай вам Бог познать утешение бдений в уединении... Как утешительно переселяется в эти минуты душа от этой смертности в *иной мир и беседует едина*

со Единым... Присно вся мысль, ум, память и все чувство и весь человек в Бозе бывает погружен, наставляясь к Нему чрез единое размышление и смотрение премудрости, величества и Промысла Его же в творении Его. И яко двое книги имать пред собою разверстыя во всегдашнее время, Небо и землю, смотря в тыя и удивляяся, коль велик и премудр есть Бог наш». — Повествование о действиях сердечной молитвы Старца пустынножителя, сотаинника Зосимы Василиска Верховского, было любимым чтением отца Николая — из которого он почерпнул навык непрестанного призывания Имени Иисусова, благодатную силу сердечной молитвы и веру в святость, в реальность святой жизни. Для иноков Старец Николай полагал непременно обязательным чтение наставлений Василиска, пустынножителя: *«испытай Писание, и в Нем обрящещи живот вечный»*...

Сколько загадок таит Северная Фиваида! Туда уходили на подвиг многие Святые Царского Рода... Ставшие звездами пустынными... Праведный Симеон Верхотурский был знатного рода, таинственный незнакомец, пришедший из сердца России... Отец Николай говорил, что праведный Симеон был из Рюриковичей... Тайна, во всем Царева тайна... Позже, в Томске появился иной отшельник-молитвенник — Старец Феодор Козьмич. Молва и факты однозначно связали его личность с Царем Александром Благословенным, Императором Всероссийским, смерть Которого в 1825 году в Таганроге поразила всех своей неожиданностию... Ни покорение Европы, ни сохранение от уничтожения

Монархических Династий в Европе, ни освобождение подданных не могли избавить Его от постоянно гнетущего чувства, живущего в душе со дня смерти Отца — Императора Павла I. Став Наследником Престола в результате цареубийства, Он так и не избавился от мук совести, от осознания косвенной причастности к злодейству. Князь В. В. Барятинский в своем труде «Царственный Мистик (Император Александр I — Федор Козьмич)» упоминает об исповеди, о том, как таинственный отшельник исповедовал священнику тяжкий грех («он участвовал в кончине Императора Павла I, Отца Своего, и чтобы испросить у Бога прощение за это, решил взять на Себя такой великий подвиг — удаление в Сибирь). Многие вспоминали, что от постоянных слез глаза Его были красными и опухшими.[1]

«Часто вспоминались, — пишет исследователь С. Фомин, — также встречи Александра Павловича с Преподобным Серафимом. Свидетели тех встреч, особенно последней, в 1825, слышали, как Преподобный во след Императору, отошедшему уже от крыльца, сказал: «*Сделай же, Государь, как я Тебе говорил*». В Царской Фамилии бережно хранилась скуфейка-шапочка, которую Батюшка Серафим Ему благословил. Через К. П. Победоносцева томский купец С. Ф. Хромов, у которого жил и упокоился Царственный Старец, передал Государю Александру III «шапочку и портрет» вместе с иными реликвиями. Шапочка эта имела чудодейственную силу и бережно хранилась во Дворце вместе с

[1] *Кн. В. В. Барятинский.* «Царственный Мистик (Император Александр I — Федор Козьмич)». СПб. 1912. С. 136.

литографией Федора Козьмича на самом дне шкатулки с перепиской членов Царской Семьи при надписи: «Шапочка Великого Старца»... Есть даже картина, изображающая беседу Преподобного с Императором в его келлии. И на иконе Троицкого Собора Псковского Кремля, на житийном образе Батюшки Серафима, также запечатлена эта встреча-благословение, где святой угодник предсказывал покаянный подвиг Императора Александра и восстановление Царской Династии.

Чувствуя приближавшуюся собственную кончину, Хромов привез все царские святыни в Петербург и также рассказал, что Старец Феодор Козьмич, умирая, открыл ему, что Он — Император Александр I, и просил врученные бумаги и портрет доставить Государю в Петербург в собственные руки.

Также Хромов свидетельствовал, что Феодор Козьмич за двадцать лет до трагедии предсказывал мученическую кончину Государю Александру Николаевичу, Своему Потомку, случившуюся Первого марта 1881 года. «Убили злодеи, как и сказал Великий Старец». «При этом, — дополнил Хромов свое повествование, — это тайна велика... Рассмотрев суету мира, Он Сам добровольно пошел страдать, и, по-моему, два случая до этова Его довели оставить земную славу — смерть Павла Петровича и петербургский потоп 1824 года».

Известно, что в 1891 году во время Своего пребывания в Томске, могилу таинственного сибирского отшельника неофициально посещал будущий Император-Мученик Николай Александро-

вич. По Его же повелению над ней была устроена новая часовня и в 1903 году подняты святые мощи. Известен также факт, что во время ремонта в январе 1917 года Дворца в Таганроге, в зале, где якобы упокоился Император Александр I, в камине была найдена замурованная шкатулка с надписью: «Передать Царствующему Императору сто лет после Моей смерти». Будучи доставлена в Ставку, Государю Николаю Александровичу, она безследно пропала после отречения[1].

Итак, сибирский странник Григорий Ефимович Распутин в 1905 году по Воле Божией приходит в Петербург — в «голову» Русской Империи — в столицу, где со времен Великого Петра жили Русские Цари. Люди, искренно томимые духовною жаждою. Мы знаем, что среди Них было много подвижников. «Самым примечательным в этом отношении является Царь Александр I — пишет церковный историк протоиерей Лев Лебедев. — То, что случилось с Ним, могло в XIX веке случиться ***только в России*** (и более нигде!) и только с ***Русским*** (и ни с каким другим) ***Царем!*** — утверждает он. — Все началось, как мы помним, с трагической ночи на 12(25) марта 1801, когда в Михайловском замке в Петербурге убивали Государя Павла I. Это происходило в помещении, прямо под которым находились комнаты Его родного старшего Сына Александра, не спавшего, переживавшего об исходе дела, то есть знавшего, что там, наверху, ватага

[1] *Ланге Е.* Александр I и Федор Кузьмич. Обзор мнений// Записки русской академической группы в США. Т. XIII. Нью-Йорк.1980. С. 292.

пьяных офицеров свергает с Престола Его Отца... Втянутый в роковую интригу поистине сатанинским хитрым обманом, Александр Павлович, любивший Своего Отца, не сделал ничего, чтобы Его спасти. Некоторые позднейшие историки язвительно замечают, что хотя Александр взял с Палена клятву, что Павла I оставят в живых, Он все же должен был предполагать, чем может окончиться дело. Так ли это? И так, и не так... Александр верил заведомо ложной клятве Палена, потому что ***хотел верить.*** Но, когда Он узнал в ту же ночь, что Отца убили (и как убили), Он пришел в ужас! Его рыдания и терзания сердца были совершенно искренними и очень глубокими! С этой минуты вся Его внутренняя жизнь перевернулась. Он увидел и ощутил себя ***виновным в смерти Отца*** (и если не в прямом смысле отцеубийцей, то причастным к отцеубийству более многих других). В Российской истории ***такое*** было впервые. И надо же так случиться, что «первенство» это досталось на долю человека доброго, возвышенных мыслей и чувств, любившего природу, очень образованного и очень воспитанного, с подлинно благородным сердцем! Его безусловная ***вина*** и ***ошибка*** состояли в том, что Он ***поверил лжи.*** (Имеем в виду лживость всей, в целом, интриги генерал-губернатора Петербурга Палена). Исправить дело можно было теперь только ***обратным ходом — поверить правде.*** А для этого правду еще нужно было точно ***найти*** — (в чем она?)»[1].

[1] *Прот. Лев Лебедев.* Великороссия. Жизненный путь. http://www.rusorthodox.com/books/lebedev/

Воскресить Отца Сын не мог, Он лишь мог *покаянием воскресить Свою запятнанную грехом душу*... Александр стал Государем, но эта страшная печать на Его царствовании все-таки лежит, потому что отчасти Он, по юному возрасту, содействовал тем преступникам, которые все это совершили. Конечно, совесть всю жизнь Его зазирала, ведь был Он действительно глубоко верующий человек, христианин и совестливый.

«Покаянием преклоняется Небо»
(Старец Николай)

Огромную любовь имел отец Николай к Александру Благословенному, Который, рассмотрев всю суету мира, оставил тленное и земное и скрылся в пустыне сердца... «*В Его покаянном подвиге оставления Престола,* — говорил Батюшка, — *великая тайна спасения Великой Руси*»... «От мира Он отошел, но величайший подвиг покаяния и отречения открыл перед Ним такие духовные возможности, такие дары Божии, которые позволяли Ему ясно видеть Волю Божию в пути движения общественной жизни»[1].

Батюшка говорил, что никакого противоречия со стороны духовной в этом поступке не было, ибо это была Воля Божия, спасающая и благая: «Это Дело Божие! Невидимая Рука Господня направляла Его земной путь. Царь не самовольно оставил Пре-

[1] *Громыко М. М.* Святой Праведный Феодор Кузьмич — Александр I Благословенный. М. 2007. С. 369.

стол, а по сокровенному благословению Церкви, в совете со святыми отцами-подвижниками».

В «Жизнеописаниях Отечественных подвижников», изданных попечением Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне, в житии томского Старца Феодора Кузьмича читаем: «В том же, что если действительно в Таганроге в 1825 году Государь не умер, но были совершены похороны — лжи никакой и обмана не было. Если так было, то было поступлено мудро. Россия хоронила *Царя* Александра I, и как Царь ведь Он жить перестал, стал жить уже как *Божий человек*»[1].

(Обратим здесь наше сердце к тому, что именно из Сибири пришел в Царев Град к Государю Императору Николаю *человек Божий Григорий.* Дивны дела Твои, Господи! Тайны Твои, кто разумеет?!)

Отец Николай уточнял: «Ничто земное не может отменить Священного Помазанничества Божия на Царство... Благодать Царственная, Царского Миропомазания, как и Благодать Священства, как и Благодать Таинства Святого Крещения — остаются с душой до Страшного Суда... И мы все будем давать ответ... Поэтому инок-отшельник Феодор Кузьмич пред Господом предстанет как Помазанник Божий, старец-отшельник... Который ушел от Царствования, от славы — в подвиг молитвы о Руси и личного покаяния».

Мы еще не осознали во всей глубине, как можно оставить Трон ради молитвы. Не постигли умонамерения Самого Императора и Его жертвы ради

[1] *Громыко М. М.* Святой Праведный Феодор Кузьмич — Александр I Благословенный. М. 2007. С. 260.

преодоления Смуты, поразившей русское общество в девятнадцатом столетии и нанесшей ей трудно исцелимые раны. Это могут понять лишь люди, обладающие Благодатию. Мы люди другого мира... *Тот* же мир высоких побуждений и поступков ушел, не дай Бог, чтобы безвозвратно, но мы тянемся к нашему *ушедшему, дорогому прошлому, и воскрешаем его в памяти*... Вера, Царь, Отечество... Они должны быть едины... Ныне же — нет Царя, погублено Отечество, *умаляется* Вера...

Батюшка Николай, несомненно, веровал и утверждал, что сибирский Старец-отшельник Феодор Кузьмич и Император — одно лицо, считал Его святым праведником и полагал, что оставить земную славу и Трон Его побудила убежденность, что так для России Он более полезен, и великое чувство раскаяния в сопричастности к убийству Державного Отца Императора Павла Петровича. *Эта «невольно-вольная» причастность к страшному злодеянию в чем-то повторяется и в судьбе В. К. Елизаветы Феодоровны, соприкоснувшейся с убийцами странника Божия Григория.*

Рассказы дорогого духовного отца о дивном и таинственном Старце Феодоре Кузьмиче были трогательны и дышали глубокой любовию к нашей освященной истории, не говоря о том, что они открывали совершенно иной духовный мир. Батюшка видел в подвижнике человека невероятно мужественного, имевшего *«высокое покаяние»*. «Мудрый и Благочестивый, Император Александр очищал Себя от всевозможных, даже мельчайших грехов, как великий подвижник, — говорил отец. —

Он в последние годы стяжал такое сокрушение духа, что постоянно пребывал в Горнем мире... Богомыслие, молитва, память об исходе из этой жизни... Верность всецелая Православию, не кичливая, а смиренная, уповающая на Милосердие Божие и Его помощь каждому человеку. Редкостный подвиг отречения. Самодержец, Монарх, Царь огромной Империи становится потаенным странником, монахом, не имеющим крова над головой... Возложил на Себя покаяние не только за Свои грехи, но искупительно страдал за многих. Был даже бродягой, которого не раз закрывали в темнице... Император Александр спасался редкостным путем, доступным лишь немногим. Самоотвержение в самом высоком понимании. Многому духовному научил таинственный Старец последующих Русских Царей. Покаяние открыло в Его сердце невероятные страдания и Он всю оставшуюся жизнь искал прощения у Бога за причастность к убийству Отца... Это было всецело-покаянным обращением к Богу».

«Однажды Его случайно застали на загородном участке Хромова за странным занятием, — читаем мы в труде протоиерея Льва Лебедева «Великоросссия. Жизненный путь». — Не думая, что кто-либо есть поблизости, Старец Феодор Кузьмич маршировал строевым воинским шагом... Был Он высокого роста, величавой осанки, имел чистое, замечательно белое лицо, ясные голубые глаза, вьющуюся седую бороду, седые вьющиеся волосы, окаймлявшие полысевшую голову, одет был всегда опрятно и чисто, хотя очень просто, по-крестьянски, у Него была яркая, правильная, образная речь. Всем ви-

дом и речью Он просто поражал простых людей, которым говорил: «*И Цари, и полководцы, и архиереи — такие же люди, как и вы, только Богу было угодно одних наделить властью великою, а другим предназначалось жить под их постоянным покровительством*». «Один раз Его посетили удивительные гости — молодая барыня и офицер, в гусарской форме, высокого роста, очень красивый, похожий на Наследника Царевича Николая Александровича. [Родного Брата Императора Александра III.] Старец потом далеко их провожал, и офицер поцеловал руку Старца. Ожидавшему его Хромову, Феодор Кузьмич, вернувшись, сказал: «Деды-то как Меня знали, отцы-то как Меня знали, дети как знали, а внуки и правнуки вот каким видят». Старец не скрывал, что был Кем-то очень знатным в «прежней жизни», но не говорил, что был Императором Александром I. Об этом Царе Он вообще не говорил, как *никогда не говорил* и о Павле I. Однако, уходя из деревни Зерцалы, Он поставил к иконам в местной церкви красочный вензель в виде буквы «А» с короной и голубем над нею. Феодор Кузьмич отличался молитвенностию, великой добротою, отзывчивостию, охотно помогал людям, любил учить детей грамоте, вообще очень любил детей и особенно трогательно — маленьких девочек. Взрослые же люди восхищенно слушали Его беседы, рассказы о военных делах 1812 года, о праздниках в Петербурге, и почитали Старца святым. Так, окруженный любовию людей, и скончался Старец Феодор Кузьмич на лесной заимке Хромова близ Томска 20 января 1864 года и погребен в Богородицко-Алек-

сеевском Томском монастыре. Было ему 87 лет. Если отнять их от года смерти, получится год рождения — 1777. После этого при Александре II и Александре III С.Ф.Хромов приезжал в Петербург, передавая в *Царский Дворец* какие-то бумаги Феодора Кузьмича. Некоторые записки Старца сохранились. В одной из них Он прямо говорит, *Кем* Он был на самом деле, как мнил Себя Повелителем России и народов Европы, пока не пришел в покаяние.

Умерший в прошлом 1993 году в Канаде Тихон Николаевич Куликовский — родной Племянник Николая II, сын Его Сестры Ольги Александровны от морганатического брака с полковником Куликовским, рассказал нынешнему писателю В.Тростникову, что Император Александр III сообщил Своим Детям, в том числе Ольге, что в Императорском Доме всегда знали истину: Старец Феодор Кузьмич и есть Государь Александр I (рассказ Т.Куликовского записан на магнитофон).

Такое могло случиться только в России, — приходит к выводу священник-историк. — Так поступить мог только Царь Российский, указуя, быть может, Собою духовный путь всему Своему Народу!»[1]

Царское покаяние

Душа Александра, — пишет Н.Д.Тальберг, — не находила успокоения со страшной мартовской

[1] *Прот. Лев Лебедев.* Великороссия. Жизненный путь. http://www.rusorthodox.com/books/lebedev/.

ночи 1801 года, когда зверски был умерщвлен Его Отец, Император Павел I. Заговорщикам удалось вовлечь юного Наследника в свои сети, утаив, конечно, намерение убить Помазанника Божия. Александр, однако, считал Себя косвенным участником преступления»[1].

«Невозможно даже представить, какие душевные терзания испытывал в ту роковую ночь человек, которому отныне предстояло стать новым Русским Самодержцем. С ног до головы увязший в масонолиберальных сетях, Он не мог не понимать, что *сознательно* вступив в заговор против родного Отца, Богопомазанника, с целию свергнуть Его с Престола, Он, хоть и *невольно*, стал также причиной Его мученической кончины» — так мыслит современный исследователь Елена Карасева[2].

Молодой Цесаревич Александр Павлович не соглашался на заговор, но под давлением и напором, сдался пред хитросплетенными доводами главного участника переворота генерал-губернатора Петербурга Палена. Его убедили: Отец серьезно болен. Уже подписан царский указ о заточении всей Императорской Семьи, включая Наследника и Мать-Царицу Марию Феодоровну, в Петропавловскую крепость. Он поверил лжи... Как верила клевете и наговорам о Григории Ефимовиче В.К. Елизавета Феодоровна... Масонами-заговорщиками предлагалось якобы просто устранение Павла Петровича от Престола с передачей Его законному Наслед-

[1] *Тальберг Н.Д.* Кн. 2. М. 2004. С. 187.

[2] *Карасева Е.* Божий Царь Павел Петрович I. СПб. 2010. С. 441.

нику Александру, Который становился Регентом-Правителем. Главный довод — спасение «гибнущего» Отечества...

Те же ложные доводы выставлялись и участниками заговора против Григория Распутина и Царской Семьи — «спасти» Россию...

При том, главный заговорщик Пален дал Цесаревичу Александру клятву, что они не позволят никакого насилия в отношении Императора-Отца и сохранят Ему жизнь. Эти клятвы давались масонами заведомо лживо, как впоследствии похвалялся Пален, чтобы «успокоить совесть Александра»... Главная же цель переворота: «Императора Павла должно было не быть, Он должен быть убит». Масону высшего градуса претили разговоры о «добровольном отречении». «Я должен признаться, — сказал он генералу Лонжерону А.Ф., — что Великий Князь Александр не соглашался ни на что, пока я не предложил дать Ему честное слово, что никто не посягнет на жизнь Его Отца. Я дал Ему это обещание».

Чтобы «усыпить совесть» Елизаветы Феодоровны, один из участников заговора — генерал-майор масон Джунковский, также прикрывался разговорами о «величии России», «об оскорбленном достоинстве Царских Особ». Он предоставлял в огромном количестве ложные свидетельства-отчеты, наблюдения якобы полицейских чинов охранного отделения, приставленных к Григорию Ефимовичу и клеветавших на него. Прикладывал к донесениям фотографии двойников, фиксировавшие их безобразные похождения и выходки, не имевшие

никакого отношения к реальному старцу. Хорошо известен факт, что в 1913 году, в Харькове, масонами были созваны для получения «инструкций» 13 [sic!] двойников Г. Е. Распутина. Все эти невероятные усилия были направлены только к одной цели, как и в случае с императором Павлом: Царь Николай должен быть убит. Но Божий человек стоял на пути заговорщиков... А все уверения, что Григорий Ефимович якобы «загипнотизировал» Царскую Семью, «иначе как глупостию назвать невозможно» — констатирует историк А. Боханов. — Они общались с ним почти десять лет, и никогда, подчеркнем особо, *ни разу* это общение не вызвало в душах этих чутких и нравственно чистых Людей ни тени неудовольствия или сомнения. «Имели радость видеть Григория», «посидели с Григорием», «провели вечер с Григорием», «сегодня ждем Григория», «был Григорий», «были у Ани, разговаривали с Григорием» — подобного рода замечаниями пестрят дневники и письма Царя, Царицы, Их Детей. Встречи с Григорием Распутиным становились примечательным событием, которое все члены Царской Семьи непременно фиксировали. Для человека, признающего истинным только то, что от Бога и для Бога, не может быть сомнения в достоверности свидетельств Святых Страстотерпцев»[1]...

После того, как было получено известие о якобы «кончине» родного Батюшки, Александр Павлович в сильном отчаянии воскликнул убийцам: «Как вы посмели! Я этого никогда не желал и не приказывал!» Его Брат, будущий Государь Николай

[1] *Боханов А.* Правда о Григории Распутине. М. 2011. С. 503.

Павлович вспоминал: «Никто из нас не подозревал, что мы лишились Отца. [...] Матушка Моя лежала в глубине комнаты, когда вошел Император Александр [...] Он бросился перед Матушкой на колени, и Я до сих пор еще слышу Его рыдания»... «Знал ли Ты?» — спросила Мария Феодоровна Александра при первой после убийства встрече со старшим Сыном. — «Нет!» — ответил Он...

По свидетельству историка Бернгарди, через несколько дней после трагедии Императрица отправилась с двумя старшими Сыновьями в «часовню Михаила» и перед образами заставила Их поклясться, что Они ничего не знали о намерении заговорщиков лишить Императора Павла жизни»[1].

«Александром I владел страх иного рода — *страх Божий.* И нашествие Наполеона, и назревавший масонский заговор Он расценил как *Божии наказания России за Его личный грех соучастия в убийстве Отца, Павла I.* Пока Он на Престоле, Божии казни не прекратятся: Александр это понял! Будущих «декабристов» можно было бы и обезвредить. В 1823 году Императору подали подробное донесение о заговорщиках с перечнем всех их имен. «Не Мне их карать» — сказал Государь и бросил бумаги в камин. «Я Сам в молодости разделял их взгляды» — добавил Он. Значит, теперь, в 1823 году, Александр I и эти увлечения молодости расценивал *как грех,* который тоже должен получить возмездие. Ни Он, ни [Его Брат] Константин *не имели духовного, морального права карать* заговорщиков, поскольку оба были виноваты *в заговоре*

[1] Там же. С. 446, 451.

против родного Отца! Вот в чем суть дела! *Карать* имел право Тот, Кто не был никак замешан в отцеубийстве и революционных заблуждениях, то есть Младший Брат — *Николай.* Ему и передавались бразды правления Россией»[1].

(Вновь считаем необходимым напомнить слова благодатного отца Николая о том, что мы все, Россия, несем наказание за то, что был зверски умучен человек Божий Григорий, имевший пророческий дар от Господа. Над нами тяготеют Божии казни. И пока это не осознаем, они не прекратятся.)

Супруге Елизавете Алексеевне Александр Павлович часто говорил: «Я не чувствую ни Себя, ни что Я делаю — Я не могу собраться с мыслями, Мне надо уйти из этого Дворца»... И Он ушел... Только позднее... Исправив возможное и очистив Церковь и Государство от тайных обществ и масонских лож различных направлений, которые утвердились на заре Его царствования. С помощию Божией и при пламенном участии архимандрита Фотия (Спасского), Митрополитов Михаила (Десницкого) и Серафима (Глаголевского) Государь пресек их пагубную деятельность в России, защитив истинное учение Православной Церкви от ложного мистицизма и зловерия, изгнав из России иезуитов. — И в этом также было Его глубокое раскаяние.

После победы над вольтерьянцами, в Париже, Александр I разработал свой знаменитый проект «Священного Союза», названного так, поскольку в основу деятельности полагалось Священное Писа-

[1] *Прот. Лев Лебедев.* Великороссия. Жизненный путь. http://www.rusorthodox.com/books/lebedev/.

ние христиан. «Но прежде скажем, что в 1814 году Синод и Сенат России решили присвоить Александру I именование «*Благословенный*» — отмечает весьма важный момент душевного состояния Императора протоиерей Лев Лебедев. — За такие победы, приобретения и дела, которые по значению и славе не уступали победам Петра I и Екатерины II, а кое в чем и превосходили их, почему-то не подносилось теперь звание «Великий». Но и от титула «*Благословенный*» Александр *отказался.* Что-то очень серьезное уже происходило в Его душе.

Основные идеи Российского Самодержца о «Священном Союзе» Монархов Европы были выражены в особом акте 14 сентября 1815. Они состояли в том, что союзные Монархи должны все Свои отношения «подчинить» высоким «истинам, внушаемым *Вечным Законом Бога Спасителя*» и «руководствоваться не иными какими-либо правилами, как *Заповедями сей Святой Православной Веры* и заповедями любви, правды и мира». Монархи обязались пребывать в вечном мире и «подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь», управляя Своими народами, «как отцы семейств» в духе братства.

Впервые в истории человечества [sic!] от Православной России изошел громкий призыв к политическому объединению и согласию всех европейских стран на основе послушания Закону Христову и Его Святым Заповедям, дабы не было войн, дабы и внутри народов установилось христианское («семейное») согласие! Вся Европа получала реальную возможность начать *новую добрую жизнь!*

Вторично, в сущности, то же самое будет предложено теперь уже странам *всего мира* Государем Николаем II в конце XIX века и ляжет в основу Гаагской мирной конференции 1899 года. Это призывы к благому объединению наций *на Основе и в Духе Евангелия!* При этом гарантом *практической возможности* именно такого объединения и упразднения войны являлась вся политическая, военная и экономическая мощь России.

Что же Европа? Что же все «міровое сообщество»? Они *отвергли* призыв России к *такому* объединению в Духе Христа и *подменили* его идеей объединения в духе *антихриста,* т.е. интеграции человечества в целях приведения его к управлению этим «сверхчеловеком» («сыном Люцифера»). На таких основаниях и была создана Лига Наций, а потом Организация Объединенных Наций. Решающее значение в этой подмене возымело международное иудео-масонство»[1].

Император Александр Благословенный любил Правду. Однажды адмирал Шишков, споря с Ним, сказал: «Государь, я перед Тобой на колени встану, но кроме правды Ты от меня ничего не услышишь». *«Сколько раз являла Русь такое коленопреклоненное стояние в Правде!* — отмечает архимандрит Константин (Зайцев). [Упомянем еще раз слова святого Старца Батюшки Николая о его *коленопреклоненной* молитве за Русскую Церковь: «Я с коленей пред Царем Николаем не вставал... Молился у Его Креста!»] — Царь мог действовать, как

[1] *Прот. Лев Лебедев.* Великороссия. Жизненный путь. http://www.rusorthodox.com/books/lebedev/.

была Его Воля. Его за руки не хватали. Но Правда оставалась являемой и продолжала вопиять к Небу. Внимал ей — и смирялся Царь»... Архимандрит Фотий писал в 1824 году: «Православие торжествует... Праведник наш Царь: узнав Правду, Он любит и творит Правду Христову... Нечестие пресеклось, армия богохульная диавола паде, ересей и расколов язык онемел, общества все богопротивные яко же ад сокрушились».

«Год спустя Император Александр Благословенный мог уже со спокойным сердцем прощаться навеки со столицей, в которой прошел через горнило душевных испытаний, падая глубоко, подымаясь, бродя по опасным тропам, пока, по искренней вере Своей, не вышел на верный, прямой святоотеческий путь. 19 ноября 1825 года, в день памяти святого Иоасафа, Царевича Индийского, оставившего Престол и удалившегося в пустыню, снял с Себя Царский Венец старший Сын мученически погибшего Императора Павла, вступая в новую, странническую, подвижническую жизнь»[1].

Сознание страшного греха — косвенного участия в смерти Отца, привело Его на путь подвижничества и не покидало Его всю жизнь, особенно когда Он стяжал множество даров Божиих. Внутренняя жизнь смиренного отшельника приоткрывалась иногда в коротких высказываниях, скрывавших постоянную боль за содеянное. Так, уходя из дома гостеприимно принимавшей Его семьи, Старец Феодор Кузьмич говорил: «Кабы вы знали,

[1] *Тальберг Н. Д.* Кн. 2. М. 2004. С. 211.

какой гость был у вас; грешника, да так уважаете; кабы знали, что такой грешник, разбойник был у вас, так вы бы и в дом не приняли Меня»... Весь образ жизни Старца свидетельствовал о глубоком смирении и сердечном сокрушении, которое и дало плоды великой святости, многообразно проявлявшейся в течение всех двадцати семи лет Его сибирского подвига.

«Благословенный Старец, — говорил отец Николай, — до самого Своего упокоения в 1864 году носил на груди в ладанке, как сокровенную тайну Свою, зашифрованную записку, в которой была Его вина — обвинение в замысле отцеубийства». Император Павел не успел ее отправить. Кто-то снял ее с тела Умученного Помазанника в ночь убийства 11 марта 1801 года. Адресована она была, вероятно, княгине Анне Гагариной: «*Анна Васильевна, Я видел дикое злосчастие в Сыне Нашем: граф Пален извещает о соучастии Александра в заговоре. Сегодня следует куда будет возможно скрыться. С.П.Б. 23-III.1801. Павел*».

Убийцы всегда лжецы... Страшный злодей, подлый Пален, бунтарь и масон, оклеветал Наследника, обманул Царя-Мученика, отравив Его сердце перед уходом в Вечность ядом клеветы на Сына. Глава заговора, он, конечно, был в тени, выжидал конца кровавого спектакля, им и его иудами-масонами затеянного. Древний синедрион во все времена засылает *свою кустодию* в Царские палаты и, сокрывшись под Милостию Монархов, с Чьей руки они питаются, коварно поражают Их в самое сердце. Такова суть иудейского духа вражды к Христи-

анским Правителям. Нравственных мук они не испытывали, ни заклав Божиего Помазанника Павла, ни когда умучили Царского Пророка Григория, затянув интригами и той же клеветой Великую Княгиню Елизавету в сети заговора против Священной Особы Императора.

«Незадолго до мученической кончины Государь Павел I написал письмо, которое завещал вскрыть ровно через сто лет после Своей смерти. Конверт хранился в Императорской Семье и никто из Царей не коснулся его. 11/24 марта 1901 года это письмо было прочитано Государем Николаем II и оно произвело на Него очень тяжкое впечатление. Содержание письма неизвестно. Но можно думать, что в нем было определенное предсказание о судьбе России и Династии. Посетивший тогда Россию принц Уэлльский Альберт Эдуард, «великий магистр» английских масонов, позднее король Англии, как-то за столом сказал Государыне Александре Феодоровне, что он находит профиль Ее Супруга очень похожим на профиль Павла I. Сравнение это никому не понравилось. Да и странным оно было, так как на самом деле лишь при очень большой фантазии можно было найти какое-то сходство. Но почему-то счел нужным обнаружить его видный представитель того самого английского масонства, которое приложило руку к мученической гибели и Павла I, и Николая II»[1]...

И Царского Друга Григория Ефимовича Распутина — добавим мы.

[1] *Прот. Лев Лебедев.* Великороссия. Жизненный путь. http://www.rusorthodox.com/books/lebedev/

Духоносные старцы говорят: мы имеем обетование, что на последние времена Господь дарует Святой Руси Православного Царя. ***Только на малое время***... Это предсказал еще в восемнадцатом веке Божий тайновидец монах Авель-прозорливый. В наши дни его пророчества подтверждены чудесным обретением давно утраченной древней иконы. Ее история не просто удивительна, она является чудесным Божиим знамением для русского народа.

Икона была написана в Царствование Царя-Мученика Императора Павла I и по Его Высочайшей Воле в мае 1798 года. В ней сокрыто пророчество монаха Авеля о Грядущем Русском Царе. На иконе изображен Царь-Искупитель Николай. К образу было приложено послание Императора Павла I Русскому Монарху. В нем говорилось: «Моему Потомку Николаю, в день Иова Многострадального родившемуся, вскрыть в сотую годовщину Моей смерти». «В день Иова Многострадального»! — так было сказано за 70 лет до рождения Императора Николая II.

На иконе восемнадцатого века действительно изображен Благоверный Царь-Мученик Николай с явным портретным сходством. Святой Царь еще не родился, а иконописец уже в точности изобразил Его Лик с нимбом и надписью над Царственной Главой: «*Святой Великомученик Николай*».

Архиепископ Аверкий, Сиракузский и Троицкий писал: «Самая идея Монархии, в возвращении к которой, как исторической форме государственного управления России, многие справедливо ви-

дят спасение, свята и дорога нам не сама по себе, а лишь постольку, поскольку она имеет опору для себя в нашей Православной Вере и Церкви. Поскольку Царь наш — Царь Православный, как и поется в нашем старом государственном гимне; поскольку Он не формально и официально только, а и на самом деле является Первым Сыном и, вместе с тем, Высоким Покровителем и Защитником Православной Веры и Церкви; поскольку Он действительно — Помазанник Божий...»

«ПРАВДУ ЗДЕСЬ ЗАГНАЛИ В УГОЛ, А РОССИИ — НУЖНА ПРАВДА!»

МУЧЕНИК ГРИГОРИЙ

«Прославлять Царя боятся»
(Старец Николай)

На Освященном Архиерейском Соборе в Храме Христа Спасителя в 2000 году наконец-то была прославлена в сонме Новомучеников и Исповедников Русских Царская Семья. Пожалуй, это первый в истории Церкви случай, когда к Лику Святых причислили только потому, что этого желали и буквально *требовали* тысячи верующих. Народ Божий... Накануне и во время Собора Батюшка Николай слезно молился, говорил, что «пришло время всем не спать, ибо решается самое важное: *Господь нас «взвешивает»*. Во время Собора отцу Николаю было откровение: «Прославлять боятся, многие просто не хотят, идет драка и нужно сильно молиться... Батюшка Серафим Саровский невидимо предстоит на Соборе и укрепляет малодушных и нерешительных Архиереев... Некоторым из них является и устрашает».

Говорил, что враг сопротивляется и сильно воюет против прославления. Хитро используя все лазейки, помрачает умы присутствующих на Соборе: «Многие колеблются умом и одолеваются сомнениями касательно святости Императора, — говорил он. — И сильно сопротивление именно из-за личности Григория Ефимовича, которому специально приписывали и приписывают неправды, держат в клевете, чтобы низлагать Царя... На Небе скор-

бят, что мы такие боязливые и нерешительные, не заботимся о спасении... Батюшка Серафим не раз мне говорил, что Царственные Святые и Григорий удостоились такой несказанной Небесной Славы за то, что презрели все земное и с радостию пошли на страдания и пролили кровь за Христа. Они не убоялись самых лютых истязаний, во время которых Их коснулась особая Божественная Сила и Благодать и Они удостоились великой святости».

В те дни отец Николай повторял, что желает только одного — чтобы ложь раз и навсегда рассеялась, чтобы воссиял подлинный и величавый образ дорогих его сердцу Царственных Подвижников, а соблазн клеветы на Григория наконец-то разрушился. Батюшка знал, что не было недостатка на Соборе и в упорных врагах Истины, которые возмущают сердце народа: «Мы Царя и Григория любим и чтим, а им — запретить... Как можно, *Божие запретить?!* — сокрушался, взволнованно обращаясь к нам. — Ведь жизнь человеческая очень коротенькая в сравнении с будущим веком... И сейчас для многих идет Суд... *Не мы судим Царя и решаем, свят Он или нет, а нас судят...* Как подвизаемся, так и ответим. А куда пойдем в Вечности, если Мучеников-Царей — ни во что?!»

Слабость тела не позволяла ему делать поклоны перед иконами, и он непрестанно осенял себя широким крестом... Без слов. Сидя на своем стульчике у икон, постоянно тяжело вздыхал, почти стонал, указывая рукой на Царские образа и сокрушенно качая головой: «Плакать надо, родные! Как Они

страдали за Россию... А мы?!» Батюшка приносил искреннее покаяние за нас, воздавал славу смиренным пред нашей трусостию и теплохладностию Святым, терпеливо ожидающим восстановления Своей чести. Милостивое сердце отца сжималось от сострадания ко всем. Особенно переживал Батюшка за духовенство, отвергнувшее Царскую Власть и более всего повинное в низложении Помазанника: «*имей ны отреченны*»... И за тех, нынешних священников, которые не испытывают к Нему ни чувства жалости, ни любви, ни благожелательности и прививают такое отношение и своей пастве. Равнодушное, холодное отношение большинства священноначалия к судьбе Государя и Его Семьи давало и дает полную свободу для кощунств и глумления над зверски умученными Святыми и Их Другом Григорием. И, ни одного останавливающего увещевания! Только пространные речи об «излишнем почитании» Царя и опасности несуществующих сект «царебожников» и почитателей «недозволенных» святых...

Грустно было бы все это до отчаяния, если бы не любовь народа к Царственным Молитвенникам; если бы не вдохновенные уста Старца Николая, которые всегда произносили самые точные, самые возвышенные слова благодарности Венценосцам за Их Христоподражательную Жертву... Он называл Их *Великими Святыми, за молитвы Которых Господь продлил жизнь миру.* Старец находил в своем верном сердце достойные слова об Августейших Подвижниках, которые мы так и не услышали с амвона Храма Христа Спасителя из уст

Преосвященных Епископов. Слова, которые ждало услышать Небо, слова, которые ждал от нас Святой Царь-Мученик и Сонм Русских Святых. Искреннюю благодарность за Его Ангельское терпение, смирение и любовь... Царь-Мученик Николай воистину был *Ангел Терпения.*

И эти простые слова произнес Батюшка Николай: «Ради таких Праведников, как Царская Семья и Старец Григорий, и спасается народ. По Их молитве избавляется от неминуемой духовной погибели и полного рабства. Господь судил сделать Царя спасителем государства и молитвенником за Свое Царство, и послал Ему в помощь праведника Григория. Ибо без праведников земля не может существовать. Не ради ли молитв Григория было отодвинуто на двенадцать лет разорение России, последовавшее от клятвопреступников в семнадцатом?! Ведь Благодать, благоволение Божие изливалось и изливается на Отечество всегда ради молитв праведников, которыми держится народ и Престолы... Когда беззаконие стало заливать нашу землю, пророк Григорий был послан подобно Ангелу Вразумления. Он пришел для неустрашимого исповедания Веры и ***усердной молитвы за народ.*** Пришел в Питер на муки и страдания, вместе с Царем. Он работал Правде, презирал плоть, умерщвлял ее как все святые, облеченные Божественной силой Свыше. Он полностию осознавал свое призвание. Взгляните с любовию на Их жизнь!»

Что же касается священноначалия, то, как верно заметил М.Назаров: «Государь Николай рассматри-

вается лишь как страстотерпец, пострадавший от Своих «политических противников» (в основном, так прославляются пострадавшие от своих единоверцев) и кротко перенесший с Семьей страдания подобно «миллионам православных христиан, претерпевшим гонение за Христа в XX веке» — без упоминания Его Помазанничества и жертвенной сути Его подвига; комиссия отвергла и ритуальный смысл цареубийства».

Отец Николай благословлял Тропарь из Акафиста Царю-Великомученику и Искупителю Руси в его первозданном виде и сам всегда так молился: «*Царства земного лишение, узы и страдания многоразличныя, кротко претерпел еси, свидетельствовав о Христе даже до смерти от жидов, Страстотерпче Великий Боговенчанный Царю Николае, сего ради мученическим венцем на Небесех, венча Тя с Царицею, и Чады, и слуги Твоими Христос Бог, Егоже моли помиловати Страну Российскую, и спасти души наша*». — Этот Акафист, составленный иеромонахом Серафимом (Роузом) и отцом Германом (Подмошенским), был любимым, и Батюшка считал его наиболее глубоким и достойным жития Царственного Страдальца.

И еще, очень важное: Старец Николай-Нектарий был убежден, как и епископ Зарубежной Церкви, Владыка Нектарий (Концевич), что Царя-Мученика Николая необходимо прославить ВО ГЛАВЕ всех Русских Новомучеников. Ведь принял Он мученическую кончину за Православную Веру, Святую Церковь, за Отчизну...

«Царя не хотят, воры...
А без Царя России не встать!»
(Старец Николай)

Отцу Николаю были открыты тайны Царствия Божия, и он прозревал мир невидимый. В те дни он видел, как демоны терзали людей, присутствовавших на Соборе, но видел и Крепкую Десницу Господню, укреплявшую их души. Кроткий отец был носителем живой Веры и принадлежал иному *роду — роду христианскому*. Пока длился Собор, он почти никого не принимал, даже не выходил из внутренней келлии. Он посылал свое Архиерейское благословение и благожелательство собравшимся в Москве в Храме Христа Спасителя, призывал на помощь Святых и Матерь Божию — нашу Державную Хранительницу. Совсем не спал и не позволял и нам даже короткого отдыха: «Не время... Просите Господа, Царя умоляйте! Это воистину покаянные дни Отечества. Небо сейчас взирает и принимает каждый благодатный помысл и прошение».

Многие ждали прославления Царской Семьи прямо у келлии Старца. С духовным отцом было легче сопереживать происходившее в Церкви. Люди опасались, что и на этот раз Царя не прославят и найдут множество оправданий для своего решения. У всех был на памяти постоянный запрет по епархиям со стороны духовенства почитать Царственных Святых. Такие Архиереи, как Екатеринбургский и Верхотурский Мелхиседек, ныне на покое, Приамурский Преосвященный епископ Вениамин Владивостокский и Приморский, бла-

гословившие в своих епархиях почитание Царственных Святых — были редкость. Некоторые священники мало что и знали об Августейших Молитвенниках и ограничивались вопросами: «Вам что, святых мало?!» Даже всех имен Царских не знали, и на панихидах просто поминали — *Убиенных Императора и Императрицу с Детьми.* Они ничего не рассказывали пастве о Них, не заботились и о том, чтобы подготовить иконы к Царскому Дню Прославления. Понятно, чего боялись любящие Царя... Горсточка людей, хранившая в сердце Их страдания. Позже мы с Батюшкой увидели в записи на видео лица людей, молившихся в те часы у Храма Спасителя... Это были лики, сосредоточенные и строгие лики Святой Руси, плотной стеной сомкнувшиеся у Храма... Такие лики и глаза я видела в документальных кадрах начала Отечественной войны... Нам нельзя было сказать — *нет!* Никто не в силах передать величие и силу ***соборной молитвы, которая сотворила чудо — и Небо приниче на землю...***

И на Острове Промысл Божий соединил в молитве неравнодушных людей, близких по духу, у кого сердце болело о Грядущем. Батюшка благословил нас в течение первых трех дней Собора — 12–13–14 августа 2000 года, на строгий пост и обходить Остров Крестным Ходом, как вокруг всей Руси, с прошением: «*Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Царственных Мучеников помилуй нас, грешных, и спаси Землю Русскую*».

Собор начался 12 августа, в День рождения Цесаревича Алексия — Русской Надежды и Наследника Престола. Именно в этот день Сергей Бори-

сович Арсеньев, в недалеком будущем монах Григорий, привез на Остров образ Цесаревича, перед которым все молились. Батюшка также выносил нам свои Царские келлейные иконы и, благословляя, каждый раз, просил: «*Молитесь со слезами, молитесь крепко. Сейчас у Господа многое на весах. Они ведь не хотят Царя прославлять... Царя не хотят, воры! А без Царя России не встать!*»

Само почитание Царственных Святых в России началось задолго до официальной канонизации в среде простого народа, еще при жизни Царской Семьи, а не по указанию свыше, и остановить почитание было невозможно, ибо народ искал заступничества именно у Них. Еще Блаженная Паша Саровская в 1915 году помещала портрет Царя Николая и Императрицы Александры между образов и земно Им кланялась, говоря: «*Не знаю, али Преподобные, али Мученики*».

Очень трудно продвигалось именно священноначалие Московской Патриархии к прославлению Царской Семьи. Ольга Николаевна Куликовская-Романова вспоминает: когда в 1992 году Святейший Патриарх Алексий II прислал Тихону Николаевичу Романову, племяннику Государя, приглашение приехать на прославление преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Феодоровны, он ответил, что: «прославлять «по кусочкам», как он говорил, и смотреть, кто как умер — с крестом или с наганом — невозможно. *Не нам судить — это Господне дело.* И он считал, что не надо выбирать, кого прославить, а кого отклонить. Наше дело — молиться за всех и всем мученикам, погибшим от рук бо-

говорцев, от руки злого духа, который тогда царил на Руси, разрушал храмы, убивал священнослужителей и невинных людей. *Он считал, что прославить одну Великую Княгиню Елизавету Феодоровну — это несправедливо. Он предлагал канонизировать Царскую Семью и других погибших Членов Династии Романовых в сонме Новомучеников и Исповедников»*[1].

Тем не менее, прошло целых восемь лет, прежде чем прославление Августейших Страдальцев состоялось, при чем было высказано столько оскорблений в адрес Царственномучеников, что страшнее всякой хулы... К Царю-Мученику у комиссии по канонизации было «много вопросов»! И самый главный — отношение к Григорию Ефимовичу Распутину. А вопрос о прославлении *первого новомученика — человека Божия Григория — так и не был поднят.* Отец Николай очень сокрушался по этому поводу: ***«Опять упустили время покаяния за страшный грех пред Небом — убийство Царского Пророка».*** Старец говорил от Духа Божия. Он не говорил от себя, свое *частное, личное мнение.* Он подчинил свою волю Благодати Божией и был руководим Духом Святым. Преподобный Петр Дамаскин описывал такое состояние подвижников: «Когда же воцарится в нас Благодать Духа, тогда уже не будем иметь своей воли, но все что ни бывает с нами, есть Воля Божия. Тогда мир имеем»[2]. Святой подвижник Старец Николай го-

[1] *Хвалин А.* Прославление Царской Семьи. М. 2005. С. 61.

[2] Творения преподобного Петра Дамаскина. М.1993. С. 20.

ворил так: ***«Это ведь не мое измышление... Это Воля Божия... Грешно противиться. Бог побуждает меня говорить правду о Григории... Это ведь любовь Его к нам, чтобы опомнились и исправили зло».***

Обратимся к размышлениям, которые высказал по поводу канонизации известный византолог протоиерей Валентин Асмус. К нему обратились с вопросом: «*А каково Ваше отношение к такой неоднозначно воспринимаемой современным обществом фигуре как Г. Е. Распутин? Сегодня нередко можно услышать мнения о его святости?*»

«Я не одобряю энтузиазма тех, кто требует немедленной канонизации Григория Ефимовича Распутина [таких требований нет — *авт.*], но в то же время приходится признать, что этот человек был оклеветан, причем на него клеветали по самым разным причинам. Самые высокие полицейские чины имели на то свои мотивы. Поэтому даже полицейские донесения о якобы непристойном поведении Григория Ефимовича нельзя считать абсолютно достоверными. Я вспоминаю тот случай, который произошел с одним хорошо мне знакомым священником, который всегда был, так сказать, страстным обличителем Распутина и, по этой причине, как и многие другие, не хотел даже признавать святость Царской Семьи. [Как прав был прозорливый Старец Николай, утверждавший, что Григория чернят только ради того, чтобы обезславить Царскую Семью и не допустить прославления. — *авт.*] Побывав однажды в городе Верхотурье, а это город севернее Екатеринбурга, где до революции на три тысячи

жителей приходилось три монастыря, и, узнав из местных преданий, какое тесное отношение к этим монастырям имел Григорий Ефимович, этот священник задумчиво произнес: «Оказывается, история с Распутиным гораздо сложнее, чем мы думали...». Иными словами, ***еще не настало время сказать окончательное слово о Распутине***. Да и кто может сказать окончательное слово, кроме Того, Кто будет нас судить на Страшном Суде?.. [Это так. Но тогда — не хулите, хотя бы не повторяйте от лица всей церкви неправду о нем! — *авт.*]

Но, можно в то же время отметить, что когда вопрос о Распутине рассматривался на заседаниях Синодальной Комиссии по канонизации, когда Комиссия рассматривала вопрос о канонизации Царской Семьи, то вопрос о Распутине был одним из главных [sic!], и Комиссия сделала особый доклад на эту тему. Это все издано, так что можно посмотреть. Так вот, ***покойный член этой Комиссии архимандрит Георгий (Тертышников) рассказывал, что когда речь зашла о Распутине и тех обвинениях, которые против него выдвигались, то обвинения падали одно за другим...*** По крайней мере, так это было на Синодальной Комиссии по канонизации. И вот, в конце концов, кто-то из членов Комиссии с улыбкой сказал: «А, что? Похоже, мы уже занимаемся не канонизацией Царской Семьи, а канонизацией Григория Ефимовича?» [Хороша улыбка! Человека оклеветали, зверски замучили, унизили Царскую Семью! — *авт.*]

Конечно, никто там не думал о его канонизации, но выяснилось, что обвинения, выдвигавшиеся против него и некогда казавшиеся вполне убедительными, на поверку оказались ложными. Так что оставим пока вопрос в такой стадии. Как в старину говорили ученые: non liquet — не ясно... Удовольствуемся хотя бы этим»[1].

Горько звучат слова: «еще не настало время сказать окончательное слово о Распутине»... Особенно если принять во внимание строгое слово благодатного Старца отца Николая: «Поздно... Мы опоздали... Россия, мы все, несем от Господа епитимию — наказание за убийство Царского Пророка Григория». И вдвойне огорчительно, что выводы и материалы, которые представил комиссии ныне почивший член Синодальной комиссии по канонизации Святых, доцент МДА, архимандрит Георгий (Тертышников) — были в пользу канонизации, прославления Мученика Григория Ефимовича Распутина, что явствовало из его доклада, но они исчезли после его кончины в 1998 году из келлии в Троице-Сергиевой Лавре вместе со всеми архивами.

Несмотря на то, что канонизация Царственных Святых состоялась, высота Христоподражательного подвига Царя-Мученика так и не раскрыта во всей полноте, как и не освящено догматически понятие Царской Власти Помазанника Божия. При прославлении была произнесена откровенная формула, отражающая отношение высшего духовенст-

[1] *Протоиерей Валентин Асмус.* Судьба России была именно такой. Русская Народная Линия. 24.12.2004.

ва к судьбоносному вопросу существования нашего Отечества: «канонизируя Царя, мы не канонизируем Царскую Власть». К сожалению, отцы Преосвященные остаются безмолвными до сих пор и не разъясняют пастве — что есть отсутствие Царской Власти для России. А годы идут...

Дорогой и незабвенный Старец Батюшка Николай (Гурьянов) объяснял происходящее одной емкой фразой, как это свойственно святым:*«Царя не хотят, воры... А без Царя Россию не встать»*. Хотя Государя прославили, он благословлял собирать всю доступную литературу о Царственных Святых, а на мой недоуменный вопрос: «Почему?! Ведь Их прославили и теперь много напишут, будут издавать?» — сокрушенно ответил: «Такое напишут, что и в руки не возьмешь... А еще задумают и Царя из Святых низложить... Как вы думаете, почему до сих пор так чернят Распутина и не хотят прославить?! — Именно для того, чтобы продолжать пачкать Императора... Вся ложь, клевета, гонения, которые обрушили на Григория Ефимовича, на самом деле были предназначены Святому Царю-Мученику Николаю Александровичу. И Государь это знал».

Таковы были мысли и опасения Старца Николая десять лет тому назад, и мы видим, что они не безпочвенны...

А ведь молитва Смиренного Царя-Мученика за Россию, за Грядущее — огромна и неоценима... Когда Государь Николай спросил Григория Ефимовича относительно того, как долго продлится война, праведник ответил: «***Кровь и слезы невинных***

текут рекой. Россия годами будет в руинах. Но на пределе наших сил Бог услышит Твои молитвы, и свершится чудо. Лишь чудо может спасти Россию»[1].

Именно поэтому отец Николай не уставал повторять: «Молитесь Царю-Мученику Николаю! Он очень жалеет и любит Россию и умолит Господа, чтобы не было войны»... И по сей день, мы видим, что ***«лишь чудо может спасти Россию»***.

Мученик Григорий Новый
Кто почитал его Святым

Писатель Игорь Евсин, составивший труд о Григории Новом «Оклеветанный Старец», на недавно открытом сайте «Русский Монархист» публикует многие материалы из наших книг о Старце Николае и, в особенности, все, что касается почитания святым подвижником Царственных Страдальцев, Грозного Царя Иоанна и Царева Друга. В одной из публикаций, он отмечает: Царственные Мученики Николай II и Александра Феодоровна всегда почитали Григория Распутина за праведника. Еще при жизни Старца Григория, Царица Александра и Царевны с Наследником, вместе с нательным крестиком, носили его образ, написанный на медальончиках. А когда Григорий Ефимович был ритуально умучен, Государь Николай, как великую святыню, надел на Себя нательный крест, снятый с Убиенного Мученика Григория. Когда же

[1] *Фомин С.* Страсть как больно, а выживу. М. 2011. С. 292.

Августейшая Семья находилась в заточении в Тобольске, то Они хранили, как святыню, его письма. Передавая для большей сохранности шкатулку с ними доктору Деревенко, чтобы он тайно ее вынес и спрятал, Царь-Мученик сказал: «Здесь самое ценное для нас — письма Григория».

Цесаревич Алексий говорил: «Был святой — Григорий Ефимович, но его убили». «Он Мученик», — утверждала Государыня Александра Феодоровна. По Ее указанию, спустя месяц после убийства Старца, была издана небольшая книжечка под заголовком «Новый Мученик». В ней излагалась биография Григория Ефимовича и проводилась мысль о том, что он был Божьим человеком и по роду своей смерти должен почитаться Мучеником».

Это житие в многочисленных экземплярах мгновенно расходилось среди простого народа, который относился к Распутину как к чудотворцу. Об этом говорит тот факт, что, узнав о его гибели, многие петербуржцы устремились к проруби в реке Неве, где Старец Григорий был утоплен. «По донесениям полиции, там они набирали воду, освященную его кровью, и относили домой, как святыню».

Очевидец этого В.М.Пуришкевич писал о том, что к Неве «стали стекаться целыми вереницами, главным образом женщины, начиная с самых верхов и кончая низами, с кувшинами и бутылками в руках, чтобы запастись освященной распутинскими останками водой». Когда же Старца Григория погребли в Алтаре строившейся Серафимовской церкви-часовни, то люди приходили к ней и собирали вокруг снег.

Почитание Григория, как святого праведника, усилилось после того, когда в марте 1917 года по указанию временного правительства был вскрыт гроб с останками Распутина. Очевидцы вскрытия свидетельствовали, что они оказались нетленными и издавали благоухание. Тогда народ стал стекаться ко гробу и разбирать его на кусочки, чтобы иметь у себя хоть малую частицу от святыни — гроба старца-мученика.

Также И. Евсин отмечает: «В наше время Григория Ефимовича почитал за праведника известный Санаксарский старец, приснопамятный схиигумен Иероним (Верендякин). Именно по его благословению и его молитвам я написал книжку «Оклеветанный Старец». Работа над ней была закончена в 2001 г. По приезде в Санаксарский Рождества-Богородицкий монастырь, я ознакомил старца Иеронима с книжкой «Оклеветанный Старец». Прослушав текст, старец, в присутствии своего келейника иеродиакона Амвросия (Черничука), дал свое благословение на ее издание, сказав, что Распутин был праведником, угодником Божиим.

Одним из первых, кто во всеуслышание заявил о праведности Старца, был известный священник, духовный писатель и поэт, замечательный проповедник конца XX века Димитрий Дудко. «Распутин стоял за православие, — писал он, — был сам глубоко православным и к этому призывал всех. Меня особенно поразило то, как он, будучи расстрелянным и брошенным в воду, держал пальцы сложенными в крестное знамение. Крест, как известно, означает победу над бесами. В лице Распутина я вижу весь

русский народ — поверженный и расстрелянный, но сохранивший свою веру даже погибая. И сам он побеждает!» Широкое почитание человека Божия Григория Распутина-Нового началось с приготовления к прославлению Царской Семьи во Святых. Причем, как в народе, так и в среде священнослужителей. Один из членов комиссии по канонизации Царственных Мучеников отец Георгий (Тертышников) рассказывал протоиерею Валентину Асмусу, что когда на заседании Комиссии речь зашла о Распутине и тех обвинениях, которые против него выдвигались, то обвинения падали одно за другим... И вот, в конце концов, кто-то из членов комиссии с улыбкой сказал: «А что, похоже, мы уже занимаемся не канонизацией Царской Семьи, а канонизацией Григория Ефимовича?»

Архимандрит Троице-Сергиевой Лавры Георгий (Тертышников) тщательно изучал материалы, связанные с Распутиным, поскольку имел послушание подготовить доклад на тему — не является ли личность Григория Ефимовича препятствием для прославления Царской Семьи. Когда митрополит Коломенский Ювеналий ознакомился с этим докладом, то заметил отцу Георгию: «Судя по вашим материалам, Распутина тоже надо прославить!»

Увы, на Архиерейском Соборе 2000 года канонизации Распутина не произошло. Однако мнение о нем у многих изменилось в лучшую сторону. Так в 2002 году бывший управляющий Ивановской и Кинешемской епархии Преосвященный архиепископ Амвросий (Щуров) на Царских православно-

патриотических Чтениях, проходивших в Иваново 18 мая, сказал: «Многим нападкам со стороны врагов России подвергся Григорий Ефимович Распутин. Пресса воспитывала в людях отвращение к нему, стараясь таким образом бросить тень на Государя и Его Августейшее Семейство.

Кем же на самом деле был Григорий Ефимович Распутин? Он не был плохим человеком. Это крестьянин, трудолюбивый и очень благочестивый человек, большой молитвенник, много странствующий по святым местам... Такой благочестивый человек, как Григорий Ефимович, не мог, конечно, творить всякие безобразия, которые ему приписывали. Был специальный двойник, который специально скандалил, пил в кабаках, вел безнравственный образ жизни. А пресса это раздувала».

В 2008 году, — отмечает далее в своей статье автор, — Архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий в прямом эфире телеканала «Союз» и радиостанции «Воскресение», отвечая на вопрос слушателя, почему около Святой Царской Семьи находился Григорий Распутин, заметил: «Царскую Семью оклеветали и очернили, обвинив во всяких грехах, а сейчас мы видим, что это неправда. Может быть, и с Григорием Распутиным что-то подобное было, потому что Царская Семья, Государь были очень чистой жизни и понимали ситуацию, людей. Они не могли приблизить к себе такого человека, каким представляют нам сейчас Григория Распутина».

«По поводу действий прессы в отношении праведника и фальсификации документов, — свиде-

тельствует И. Евсин, — у меня хранится письмо старца архимандрита Кирилла (Павлова), написанное в 2001 году моей супруге Ирине Евсиной с ответом на вопрос, как отец Кирилл относится к личности Григория Ефимовича. Вот что в нем пишется дословно:

«Досточтимая Ирина! В вашем ко мне письме содержится вопрос — мое мнение о личности Распутина Г. Скажу прямо — сейчас положительное, раньше я под влиянием всякой лжи и клеветы думал отрицательно. Прочитав в книге Яковлева об убийстве Распутина масонами, ритуальном убийстве, я в корне изменил свое отношение к нему. Наш лаврский насельник, преподаватель Академии архимандрит Георгий (Тертышников), состоящий в комиссии по канонизации Святых, был командирован в Питер познакомиться с архивными документами для канонизации Царской Семьи, говорит, что в печати того времени и документах того времени одна ложь и клевета на Царя и Его окружение. Может быть, какие-то слабости и немощи, свойственные каждому человеку, были и у Распутина, но не такие, какие ему приписывали. На Страшном Суде Божием все будет представлено в истинном виде. Да хранит вас Господь. С ув. *Арх. Кирилл*».

Как поразительно точно перекликаются слова прозорливого старца Кирилла (Павлова) со словами самого Григория Распутина, который говорил: «В чем обвиняют — невиновен, увидимся на Суде Божием! Там оратор не оправдается и вся колена земная».

Не знаю, не понимаю, не представляю, чем могут оправдаться те, кто до сих пор Друга Святой Царской Семьи Мученика Григория подвергают клевете и наветам.

Известный Старец нашего времени приснопамятный Батюшка Николай (Гурьянов) говорил: «Епитимью несет бедная Россия... Надо обязательно очистить память старца от клеветы... Это необходимо для духовной жизни всей Русской Церкви».

И разве мы не должны исполнять наказ праведника, Божьего человека, Старца, про которого архимандрит Кирилл (Павлов) говорил: «В наши последние времена Старец Николай — светильник, подобный Серафиму Саровскому»?

Как известно, отец Николай (Гурьянов) в своих молитвах, как и Батюшка Серафим, беседовал со Святыми. И он духовно прозрел, что Григорий Ефимович — святой Мученик и говорил, что об этом ему «было извещение от Господа и Царственных Святых». Вот почему отец Николай говорил: «Мученика Григория надо прославить».

Так же причинами его почитания, как святого, должны стать очищенная от клеветы его праведная жизнь, мученическая кончина и многочисленные чудеса, которые совершались как при его жизни, так и после кончины».

Комментарий редакции сайта «Русский Монархист». Следуя завету Старца Николая (Гурьянова): «Мученика Григория надо прославить» — наш сайт будет публиковать свидетельства святости Григория Распутина — прозорливость, пророчества,

чудеса. Просим всех посетителей присылать нам материалы об этом по электронной почте. Адрес: ruskmir@gmail.com.

Особенно важны для нас современные чудеса, которые случались с кем-либо по молитвам Мученика Григория. Наш сайт будет собирать их с уверенностью в том, что настанут времена, и праведного Григория Распутина канонизируют. Этому будет способствовать и наш общий с вами труд в собирании свидетельств его святости. И да будет в этом деле нашими помощниками ***Святая Восьмерица*** — Царь Николай, Царица Александра, Цесаревич Алексий, Царевны Ольга, Татиана, Мария, Анастасия и Григорий Распутин-Новый.

Святые Царственные Мученики вкупе с Мучеником Григорием, молите Бога о нас!»[1]

«Если меня убьют, это будет обозначать конец Царствования Николая II»
(Мученик Григорий)

Сохранились слова Г. Е. Распутина, сказанные им после покушения на него в 1914 Хионии Гусевой, когда она сильно ранила его лезвием в живот. «*Течет моя кровь алою струею. Потечет она вновь широкою рекою».* Если в первый раз Господь Григория сохранил, то на второй раз — *мы оказались недостойны жизни праведника.* Первое покуше-

[1] *Писатель Игорь Евсин* о почитании Старца Григория, как святого Мученика / Сайт «Русский Монархист» 15.01.2011.

ние было совершено с той целию, чтобы развязать страшную кровавую войну, с началом которой Россия ввергласъ в пучину революции. Григорий Ефимович умолял Государя сделать все возможное, чтобы попытаться избежать войны: «Подумай, — говорил он, — что Тебя постигнет, что постигнет Твой народ. Война и до сего дня была величайшим преступлением против Бога. Потоки крови, тысячи невинных жертв, разрушенные семьи, океан слез. И страданий — вот последствия войны. Ты должен принести любую жертву, чтобы избежать войны».

«Это вмешательство моего отца живо впечатлило Императора — пишет дочь Старца Матрена. — Простой крестьянин без всякого политического опыта, отец всегда следовал голосу своего сердца. Он предчувствовал страдания русского народа и трепетал перед будущим: «***Сохрани мир любой ценой, — писал он в одном из своих писем. — Смирение велико перед Богом!***»[1]. Но Государь не смог удержать этот вал... Все правительство... Все министры... Вся фронда раскачали ситуацию — и Государь не смог предотвратить «сползание страны в геенну мировой бойни».

Через два года было осуществлено второе покушение на жизнь праведника... Убийство посланника Божия Григория приблизило конец времен, оторвав человечество от Неба и прилепив к земле. Оно обезкрылило, обездушило, лишило цветения жизни в Боге. Лишило нас Царства на земле...

[1] *Фомин С.* Страсть как больно, а выживу. М. 2011. С. 271.

Участвовавший в кровавом ритуале начальник английской разведки Самюэль Хор в донесении хозяевам в Великобританию написал: «*Ранним утром в субботу, 17/30 декабря, в Петрограде совершено одно из тех преступлений, которые из-за своего масштаба пятнают благоограниченные законы этики и из-за своих последствий меняют историю поколения*»[1].

Сам Григорий Ефимович знал не только то, что его убьют, но ему было открыто, что и над мощами его надругаются: «Пусть сожгут, — говорил он с дерзновением Пророка. — Одного не понимают: меня убьют, и России конец. Вместе с ней похоронят». Да, незабвенный Григорий Ефимович был лучшим из сынов Святой Руси, той России, которая так ненавистна «братьям зла».

Министр внутренних дел Российской Империи А.Д.Протопопов, курирующий дело об убийстве праведника и знавший все подробности, воскликнул: «*Это не просто убийство, — это итальянская мафия, в которой участвовали озлобленные люди, превратившие убийство в пытку. Распутина живьем топили в реке. Его ранили — я не знаю, как происходило дело во Дворце Юсупова, — а затем, связанного по рукам и ногам, бившегося в автомобиле везли через весь город, чтобы бросить в прорубь. Шарлота Кордэ нанесла сразу свой удар — это было политическое убийство. Здесь же какое-то мрачное дело мщения, какая-то мафия в полном смысле*».

В.К. Николай Михайлович, как известно, сочувствовавший убийству, признал: «Сознаюсь, что

[1] *Фомин С.* На Царской страже. М. 2006. С. 332.

даже писать все это тяжело, так как напоминает средневековое убийство в Италии!»

Заговорщики-убийцы из высших сословий Императорской России и даже принадлежавшие Царствующей Фамилии прекрасно знали силу и значение для Руси праведника, стоявшего на их пути у Трона. «*Григорий — это ведь вся Русь!» — любил повторять Батюшка Николай.* Потому, после убийства святого, хранившего молитвами Помазанника Божия, стало возможным и ритуальное заклание Русского Царя. Так был отъят Удерживающий зло на земле и стал возможен приход сына противления в мир. Ведь Православное Царство, по учению Церкви, — это внешняя ограда, Удерживающая мировое зло.

Верный друг Старца Мария Головина сохранила для нас описание последней встречи с отцом Григорием накануне убийства 16/29 декабря 1916, во время которой он пронзительно предрек Грядущее: «Господь управляет нашими жизнями, и все, что с вами происходит, это только по Его Воле. Все вы мне говорите быть осторожным, но разве осторожность спасла кого-либо от смерти? Истинный христианин не должен бояться смерти, но идти вперед нее, когда она приходит: немного раньше или немного позже. Что это изменит... ***Тот, кто убивает, есть ничто, это может быть очень несчастный человек... Но те, кто подстрекают его к убийству, убеждают его убить, работают во тьме, поощряют ненависть, именно эти люди являются настоящими преступниками, они ответственны за все несчастия в***

России! Если они меня убьют, это будет обозначать конец Царствования Николая II!»[1]

Идущий за Господом

Страннику Григорию смерть была не страшна: «Смерти не боюсь, — часто повторял он. — Напротив, буду рад, что Господь Бог прекратит мои земные страдания». Она лишь соединила его с Небесной Тишиной и Светом, Которого он жаждал, каждый миг взывая к душе: *«Скоро беги, пока светло»*. Так убегали от зла мира все любимые Богом подвижники: «Всех люби, всех беги» — убеждал себя Арсений Великий. «Убежим из мира, — увещевает своих монахов Преподобный Симеон Новый Богослов, — убежим обмана жизни и ее мнимого веселия, и прибегнем ко Единому душеспасителю Христу». Вся жизнь Григория — натянутая стрела, стремительно летящая к цели... Спастись, дойти, добежать до Царствия, исполнив предреченное — быть Ангелом-Хранителем Царственных Святых во время очистительной бури гнева Господня над озверевшим, уже осатанелым, миром. Утешать, укреплять, поддерживать Их словом и молитвой, духовной мудростию и советом. Хранить и беречь Царственную Надежду Руси — Наследника Цесаревича Алексия. Это небесное послушание он исполнял, пока Господь не положил конец его мучениям на земле. Трудно найти человека в русской

[1] *Боханов А.Н.* Правда о Григории Распутине. М. 2011. С. 480.

истории более оболганного, чем Григорий. Пожалуй, такого злословия сподобился только Первый Русский Самодержец Царь Иоанн Грозный.

Он шел по Руси крутыми берегами злобы, зависти и гонений, через пропасти клеветы и лжи, и находил утешение только в Боге, ибо любил и слышал Его. «Странничество, — говорил, — это жизнь с Богом, человек все лучше делается... Нередко помышлял о Самом Спасителе, как Он ходил берегами. Природа научила меня любить Бога и беседовать с Ним». *Григорий был идущим за Господом.* И не раз Царица Небесная и Святые являлась ему в сиянии славы, и благословляли такой скорбный, такой тяжелый, такой оклеветанный врагом Путь. Он мог идти иными, тихими берегами. Но он был избран для Царских Скорбей, для Царского Креста и безропотно принял его. *Это был его выбор — горечь страданий за Святую Царскую Семью и за желание «сохранить Самодержавие как встарь».*

Духовный наставник Григория отшельник Макарий Октайский открыл ему волю Божию — и он не отказался от Жертвы за Царский Род, как не отказался и Царь-Мученик от Жертвы за Народ. «Помни, что ты избранник Божий и что тебя ждут великие подвиги, — сказал Григорию старец. — Будут у тебя испытания на земном пути, но тем больше будет награда на Небесах»[1].

Промыслительная Десница Господня привела Григория на службу Царю, и Государь, мало видевший от окружавших Его лиц искренности и постоянно сталкиваясь с изменой и лукавством, сразу

[1] *Фомин С.* А кругом широкая Россия. М. 2008. С. 108.

же проникся доверием к Григорию. «В нем, — по словам князя Н.Д. Жевахова, — Он увидел, прежде всего, воплощение русского крестьянства, какое так искренно и глубоко любил, а затем и старца». Сам Царь Николай призвал Григория на Царскую службу, принял в искренние Други и именно ему открыл Свое изболевшее сердце Царево...

Преподобный Анатолий Оптинский (Потапов) оставил всем верным через кн. Н.Д. Жевахова заповедь: «А коли Царь зовет, значит — зовет Бог. А Господь зовет тех, кто любит Царя, ибо Сам любит Царя и знает, что и ты Царя любишь... Нет греха больше, как противление воле Помазанника Божия... Береги Его, ибо Им держится Земля Русская и Вера Православная... Молись за Царя и заслоняй Его от недобрых людей, слуг сатанинских... Царь не только Объявитель Воли Божией людям, но» — отец Анатолий задумался, и слезы показались у него на глазах; взволнованный, он кончил невысказанную мысль, сказав: «Судьба Царя — судьба России. Радоваться будет Царь, радоваться будет и Россия. Заплачет Царь, заплачет и Россия... А не будет Царя, не будет и России. Как человек с отрезанной головой уже не человек, а смердящий труп, так и Россия без Царя будет трупом смердящим».

Здесь следует упомянуть, что при Дворе существовала определенная настроенность противопоставить «настоящего» старца Анатолия «ненастоящему» старцу Григорию. (И вновь, не без деятельного участия В.К. Елизаветы Феодоровны, не раз посещавшей Оптину и беседовавшей с преподобным). «Приезд старца Анатолия в Петроград некоторые

близко стоявшие к Государю Николаю Александровичу люди хотели использовать, чтобы удалить от Царской Семьи Григория Ефимовича Распутина, заменив его «настоящим», Оптинским, старцем. Однако старец Анатолий не пошел на это — «ибо не было на то произволения Божия»[1].

Отец Николай на это заметил: «Видите, враг даже старцев стравливает... Но Батюшка Анатолий — святой, разве мог он пойти против Господа, против Его Воли... Ведь ему, как и отцу Иоанну Кронштадтскому, было открыто предназначение Григория — молиться о Царской Семье, Наследнике и Самодержавной Руси... Быть рядом, всегда близенько, чтобы вовремя помочь».

Григорий берег Царя, заслонял Его от недобрых людей, слуг сатанинских. Сама Царица Небесная благословила его на это крестное служение: «Однажды, когда отец мой работал на своем поле, — вспоминала дочь Матрена, — он услышал за спиной церковное пение. Пораженный, он обернулся и остался недвижим, застыв на месте. Средь бела дня, в десятке метров от него явилась Пресвятая Богородица — в сиянии, не касаясь земли и с пением псалма. Это видение длилось не больше минуты. Пресвятая Богородица, благословив моего отца, исчезла.

Глубоко потрясенный, он [...] отправился к [блаженному старцу] Макарию. На месте, где ему было видение, он установил Крест, весь увитый зелению. И спустя долгое время после его смерти односельчане приходили помолиться на это место.

[1] Житие иеросхимонаха Анатолия (Потапова). 1995. С. 121–22.

Макарий внимательно выслушал, и, возложив свою исхудалую руку на голову моего отца, торжественно произнес: «Бог избрал тебя на великий подвиг. Чтобы укрепить духовную силу, тебе нужно идти на Афон помолиться Пресвятой Богородице»[1].

«Он научил нас и народ, что различие сословий ничтожно»

Вспомним слова Григория: «Да, мой милый, чего на мой счет ни валят. Здорово ругают меня... А за что?! За то, что мужик к Царю пролез. А зачем мне «пролезать»... Будто уже мужику права до Царя дойти нет, как через начальство»... Как эти размышления Григория Ефимовича созвучны мыслям Державного Предка Государя Николая Александровича — Царя-Мученика Павла Петровича: «Краткое Царствование Павла Первого, — свидетельствует в своих записках шеф тайной полиции при Александре I де Санглен, — замечательно тем, что Он, сорвав маску со всего фантасмагорического мира, произвел на свет новые идеи и новые представления. С величайшими познаниями и строгой справедливостию Павел Петрович был рыцарем времен прошедших. ***Он научил нас и народ, что различие сословий ничтожно»***[2].

Император Павел обладал нравственной и духовной чистотой, Он был глубоко верующим че-

---

[1] *Фомин С.* А кругом широкая Россия. М. 2008. С. 106.

[2] Старый Кирибей. Павловский гобелен. М. 2001. С. 46.

ловеком и безпощадно преследовал лихоимство и взяточничество. От Бабушки Императрицы Елизаветы Петровны унаследовал любовь ко всему русскому и к простому человеку и считал, что «*Верховная Власть вверяется Императору для единого блага подданных*». Велика была любовь к Нему: на гробницу Павлу Петровичу в Петропавловском соборе народ наш приносил свои прошения и, как с живым, делился с Убиенным Самодержцем своими печалями и нуждами. «Она всегда пред моими глазами, заповедная Царская гробница, всегда вся в свечах и живых цветах, горящая как свет невечерний, своей ответной любовию к народу, — пишет доблестный офицер Императорской Армии и патриот великого сердца П.Н.Шабельский-Борк (1896‡1952), знаток Павловской эпохи. — После смерти Павел остался тем же, чем был при жизни Своей. От знаменитого ящика у Зимнего Дворца, ключ от коего находился у него лично, куда первый сановник и последний простолюдин могли бросить свои прошения, обратиться к непосредственной Царской защите или милости, путь пролег к Императорской могиле в Петропавловском соборе. Император Павел Сам, ежедневно, вынимал из ящика и прочитывал прошения Своих подданных, и уже мертвый, внимал ежедневно таким же прошениям потомков Своих подданных... Родилась и укреплялась вера народная, что от Господа Сил Императору Павлу Петровичу дарована особая власть спасать и защищать безвинно страждущих»[1].

[1] *Старый Кирибей*. Павловский гобелен. М. 2001. С. 21.

«Любезные подданные!» — так обращался Божий Царь Павел к народу. — Потому и мысли Григория Ефимовича о *любезном сердцу Цареву народе* созвучны... Ибо он — Григорий — и был для Государя Николая тем живым *«знаменитым ящиком» Павловым, драгоценным «ларцом», в который русский народ приносил свои думы...*

Восшествие Павла Петровича на Престол после смерти Матери-Императрицы Екатерины Великой отличалось тем, — пишет историк Андрей Хвалин, — что при этом Священном Чине Он, прежде чем облечься в Порфиру, приказал возложить на Себя древне-византийский далматик. — Это одна из царских одежд Византийских Императоров, соответствующая сначала *патриаршему*, а затем *архиерейскому саккосу*. (Кстати заметить, Царь-Мученик Николай Александрович поступил подобным образом: во время Коронации Он предстал в «величественной горностаевой мантии, также являющейся одной из древних Императорских регалий, связанных с далматиком» — саккосом.)

«Император Павел Первый, возложив на Себя Корону и Далматик, в котором на иконах изображается Иисус Христос как Царь и Великий Архиерей, свидетельствовал стране и миру о священной миссии Православного Самодержца быть хранителем Догматов Веры от посягательств врагов внешних и внутренних.

В следующие за Коронацией недели, Император Павел Петрович, осознавая Себя не «просто мирянином, а Священной Особой, Помазанной на

Царство, объявил о Своем желании *совершать Богослужения* и заказал для этой цели пышные облачения. Он также желал *служить исповедником* для членов Императорской Семьи и министров, но был разубежден Св. Синодом, приведшим в качестве аргумента каноническое запрещение священнодействовать тем, кто вступил в брак вторично, как пишет историк Е.С. Шумигорский в книге «*Император Павел I. Жизнь и Царствование»,* изданной в С. Петербурге в 1907 году. Таким образом, не будь этой преграды личного свойства, [Его первая Супруга скончалась во время родов] Святейшему Синоду затруднительно было бы воспрепятствовать Государю осуществить задуманное»[1].

По окончании Венчания на Царство, Император прочел в Успенском Соборе Кремля с высоты Трона составленный Им Закон о Престолонаследии. По оглашении Закона, Государь прошел Царскими Вратами в Алтарь и положил свиток с законом в серебряный ковчег, стоявший на Святом Жертвеннике, для хранения на вечные времена. Святитель Иоанн Шанхайский писал: «Павлу удалось издать Закон, представляющий из себя систему, основанную на принципах, проводимых в жизнь Московскими Собирателями Руси и укоренившихся в душе русской».

Коронация Императора Павла в апреле 1797... «Гудит и несется колокольный звон всех сорока сороков храмов и церквей Московских... Государь один, безо всякой охраны, среди необозримых волн народа. Простой люд, вплоть до пекарей... Для каж-

[1] *Хвалин А.* Пасха Императора. М. 2008. С. 52–53.

дого у Царя находится ласковое слово. Слово ободрения и надежды на лучшую жизнь...

В груди у Павла отрада. Это Его праздник, Его триумф, счастливейший день жизни. Он и Народ — одно. Да сгинет средостение, и да будет Един Пастырь и едино стадо. Помните «Жизнь за Царя», как поется: «*Широко Царево сердце — хватит места всей Руси!*»

«Родные Мои! — приподнимаясь на стременах, звонко восклицает Павел. — Как только могу, и в чем да поможет Мне Бог, хочу помочь вам облегчить вашу судьбу»...

На миг толпа как-то стихает, потом видно, — многие крестятся, и вдруг от всего сердца вырывается чей-то громкий возглас: «*Вот это так Царь!*»... Словно искра в пороховой погреб, возглас этот вызывает грандиозный взрыв восторга. Ликующие перекаты «ура», как летом из тучи ударивший гром, навек закрепляют за Павлом звание *Народного Царя*. [...] Крепостные крестьяне впервые приводятся к присяге на верность, как *любезные подданные*... Вместо полной недели — крепостные впредь должны работать на помещика только три дня, три других дня на себя, день же воскресный посвящать, по заповеди, Богу... Для своего века это была подлинно та Царская Золотая Грамота, которую веками лелеял наш народ. По существу, половина реформы 1861 года, — заложенный с высоты Престола фундамент по освобождению крестьян от крепостной зависимости. Кто знает, останься в живых Император Павел Петрович, не довел бы Он до

конца дело освобождения крестьян, не стал бы Царем-Освободителем?..

Этот манифест вызвал в обществе резкую критику и недовольство против Павла Первого: «Это та же революция, только сверху... Что Он думает?.. Сумасшедший... «*Мужицкий Царь!*»

Народу было любо широкое сердце Царево... Общество думало иначе»[1].

А вот как описывают пребывание в Ливадии весной 1914 года Царской Семьи и Ее проезд по набережной: «На мостовой, у тротуара, стоял на коленях человек в поддевке и без шапки, со сложенными на грудь, как для молитвы, руками. Он кланялся, целовал землю и плакал. [...] Распутин бежал за каретой, кричал «ура» и плакал... В поддевке, в цветной рубахе, он благословлял Их вослед золотым крестом, который был у него на шее, провожая взглядом своих необыкновенных лучистых глаз, проникающих в далекое Будущее»...

Те же мысли, что и у Императора Павла, были в сердце у печальника пред Государем Императором Николаем за народ Григория: *крестьяне не рабы, а такие же подданные Царевы, как и прочие сословия, о которых вверена Ему забота и попечение.* Итак, Григорий Ефимович был как бы Царским «заповедным ящиком»-печальником: «Царский заповедный ящик работает без устали. Поздно вечером Император Павел лично отпирает его и несет ворох прошений в Свой кабинет. Засиживается за ним далеко за полночь, иногда всю ночь напролет. Горе тому, кто обидел беззащитного и слабо-

[1] *Старый Кирибей.* Павловский гобелен. М. 2001. С. 22–23.

го, вдову или сирот. Горе судьям неправедным и жестоким. Не спасет никакой чин, никакое положение. Станционный смотритель, инвалид, Суворовский чудо-богатырь бросает жалобу, что избит генерал-адъютантом Его Величества за то, что без задержки не мог доставить лошадей. Император лишает виновного генерал-адъютантского звания и отставляет от службы. [...] Все власти предержащие страшились ящика»[1]...

О ком же и о чем хлопотал «заповедный ящик»-печальник Государя Николая Григорий Ефимович? — «У дверей его квартиры по утрам толпился бедный люд, — писал, опираясь на ежедневные доклады филеров, начальник столичного Охранного отделения генерал К. И. Глобачев. — И каждому он давал пособия, кому рубль, кому два, а кому и три... В течение целого почти дня его посещали лица, принадлежавшие к разным слоям общества и разного служебного и общественного положения».

«В квартире Распутина (Гороховая, 64), — вспоминал генерал А. И. Спиридович, — в его приемной, с утра толпилось много народа. Люди всяких званий. Больше всего дам. Бывали священники, иногда даже офицеры, очень молодые, много несчастных».

«Приходи ко мне, — зазывал Григорий знакомого литератора А. А. Измайлова, — посмотри, сколько я каждое утро народа принимаю. Сто сорок человек! Голова кругом. Подумаешь тут о душе?!»

«Ежедневно у Распутина, — рассказывала в 1917 следователю ЧСК дочь И. Ф. Манасевич-Мануйлова, — бывало в среднем 300–400 человек. Один раз,

[1] *Старый Кирибей*. Павловский гобелен. М. 2001. С. 26.

как мне помнится, было насчитано до 700 человек. Кто бывал? Я видела генералов в полной форме, с орденами, приезжавших к нему на поклон. Бывали студенты, курсистки, просившие денежной помощи. Шли офицерские, чиновничьи жены, просившие по разным поводам за своих мужей. Вся эта публика была сплошь столичная, провинциальной не было. Он всех принимал и всем обещал. В деньгах никому не отказывал: вынимал из кармана и давал».

О ком хлопотал Григорий Ефимович? — О людях самых разных, преимущественно простых»[1].

На восьмушке простой бумаги он ставил сверху крест, затем следовало: *«Милый, дорогой, помоги, сделай ей, что просит. Несчастна. Григорий». Или: «Прими, выслушай. Бедная. Григорий»... И еще: «Милый, дорогой, устрой бедного. Тебе Бог поможет»* — вот и все «грехи» Старца пред этим миром... Плач и молитва за любезных Царевых подданных.

Однажды он, со вздохом, обронил: «Эх... А мне-то кто поможет?»

«Раз шел с ним тут в Киеве, когда он был, — рассказывал о своих встречах с Г. Е. Распутиным осенью 1913 В. В. Шульгину местный чиновник, — по улице на Печерске... Идет баба пьяная-распьяная... А он ей пять рублей дал. Я ему:

— Григорий Ефимович, за что? — А он мне:

— Она бедная, бедная... Она не знает... не знает... У нее сейчас ребенок умер... Придет домой, узнает. Она бедная, бедная, — говорю...

[1] *Фомин С.* Боже! Храни Своих». М. 2009. С. 364–65.

— Что ж, действительно умер ребенок?

— Умер, я проверил... Нарочно проверил, спросил ее адрес».

Ушли в прошлое незабвенными, но злостно оклеветанными

История насильственной, безвременной и страшной кончины Императора Павла и блаженного Григория имеют известную схожесть... Оба считали, что сердцем Царевым правит Бог, что Династия может найти опору только в народе, а чувство верности на Руси очень просто и надежно: «Блажен человек, который переносит дворцовые нападения, — писал Григорий. — [...] Без духовного разума не могут служить Царю и быть во Дворце. Там требуется ум святыни и разум, как ясно солнце. Если этого нет, то бери котомку и беги дальше. Этот Дом — струны всего света — ежели одну струну повредишь, то губишь угол страны. Бойся, это ведь не свой грешок, а побежал к батьке да ладно. А ведь угол страны, сколько слез и сколько струнок, знай... Делай проще и не интригуй! Бог с тобой, чей слуга, и не забудь: *Сердцем Царевым правит Бог. Чувство верности в Руси и в русских очень просто, убого и все русские не фамилией, а в душе*»...

Оба искренно веровали, что молитвой можно достичь всего... Оба ушли в прошлое незабвенными, но злостно оклеветанными. При жизни были мишенями для немыслимой лжи, которую раздували тайные масонские силы и потерявшие совесть

представители «высших кругов». Их огульно обвиняли в том, что они являются «причиной гибели России и падения Престола». Набор «обвинений», свидетельствующий о полной деградации дворянско-чиновничей и военной элиты: та же безпочвенная ревность и ненависть со стороны некоторых Членов Династии, принимавших участие в заговоре и убийстве, которые злодейски инициировались из одного источника, со следами, ведущими к «брегам туманного Альбиона». В обоих случаях — английский след. По проискам Англии, под прикрытием ее представительства и активнейшем участии послов, были умучены оба праведника, ясно зревшие преступные намерения в отношении Державы в то самое время, когда Императорская Россия делала рывок к процветанию и укреплению мировых позиций.

Смертным приговором со стороны тайных врагов Трона для Григория Ефимовича была его любовь к Венценосцам, его верность Им, его горячий призыв: *Не спи, русский люд! Злой ворог не дремлет. Спеши на защиту своего Царя, Которого извести задумала темная сила.*

«После смерти Императора Павла в «обществе», столичных салонах и клубах безраздельно возобладало мнение, что «исчезновение Павла I — «великое благо», что Его смерть — «счастие» для России, так как Покойный был явно «не в своем уме». Некоторые выражались еще определеннее — «Он был сумасшедшим». Русское дворянство, и в первую очередь его «высший» слой — аристократия, радовалось гибели Самодержца так, как будто стра-

на освободилась от иноземной оккупации. В день после цареубийства, 12 марта 1801, в Петербурге уже к шести часам вечера невозможно было отыскать ни одной бутылки шампанского; все было выпито под восторженные улюлюкания в особняках столичной знати. Подобная оргия происходила в столице Православной Империи в дни Великого Поста, за двенадцать дней до Пасхи!»[1].

«Народ, узнав третьего дня о смерти Распутина, торжествовал, — писал посол Франции Морис Палеолог. — Люди обнимались на улице, шли ставить свечи в Казанский собор. Когда стало известно, что в числе убийц был Великий Князь Дмитрий, бросились ставить свечи пред иконой Святого Димитрия».

«Так как убийство Распутина приветствуется всей Россией и ликований было много вплоть до гимнов в театрах, целованиях на улицах и т.д., то, естественно, имя Феликса Юсупова и Дмитрия у всех на устах, и они — народные герои, освободившие Россию от кошмарной грязи» — читаем в дневнике В.К. Андрея Михайловича.

Итак, убийство Григория Ефимовича стало поводом, чуть ли не для праздника. Это свидетельствовало о полной безнравственности и деградации... «Даже Вдовствующая Императрица не устояла, — сокрушается историк Боханов. — В дневнике 19 декабря записала: «Все радуются и превозносят Феликса (кн. Юсупова, убийцу Распутина) до небес за его доблестный подвиг во имя Родины. Я же нахожу ужасным, как все это было сделано». Марию Феодоровну шокировал не столько сам факт убийс-

[1] *Боханов А.* Павел I. М.2010. С. 4.

тва, в котором напрямую замешан муж Ее внучки, сколько лишь «организационная часть». Мало того, Она даже послала Императору телеграмму с просьбой не возбуждать следственное дело по факту преступления! Вроде бы и преступления никакого не было. Убили же только «грязного мужика»!

Эту «философию» исповедовала не только Мария Феодоровна. Большинство Романовых занимали еще более резкую позицию. Моральное крушение Династии наступило раньше, чем пала сама Монархия»[1].

Ложь в отношении Григория Ефимовича была доведена до чудовищно грязных размеров и угнетающе подействовала на все русское общество. Но само *оружие лжи оставалось, как и при убийстве Императора Павла, в прежних грязных руках...*

«Любовь Царской Четы к Распутину, — отмечали современники, — еще более окрепла и даже просьбы и угрозы не могли ничего изменить. Хотя Царь и Царица не могли не видеть грозивших Им из-за Распутина опасностей, но Они не обращали на них внимания. Возникла неслыханная борьба, в которой против Царя выступали: Его народ, Его ближайшие сотрудники и Его родня. Протестами против Распутина, грязными и лживыми доносами на него, отравлялась жизнь Царской Четы».

При этом «несмотря на Их высокое положение, Они были беззащитны против такого рода слухов. Было стыдно, что даже родственники Царя и высокие сановники также занимались муссировани-

[1] *Боханов А.* Правда о Григории Распутине. М. 2011. С. 489–490.

ем этих слухов. Их поведение можно назвать тем более низким, что им доподлинно была известна вздорность этих слухов».

Царь, как известно, не привлек к ответственности виновных в убийстве Его Друга. О причинах этого толкуют по-разному. Есть и такое мнение: ***«Причиной тому было то, что в своем предсмертном письме Распутин просил Царя его убийц оставить безнаказанными. Воля Распутина была для Царя священна»***[1].

«Слепые Света видеть не могут»
(Старец Григорий)

Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, по словам А. Вырубовой, была охвачена манией немецкого шпионажа, в котором замешана Царица Александра и Григорий Ефимович... Она верила всей сплетенной вокруг этого лжи. Сестра Императора В.К. Ольга Александровна, наиболее Ему близкая по духу, отмечала: «Ни Мама, ни моя тетушка [Елизавета], не знали, по существу, всех деталей. Они... основывали свои суждения на слухах».

Григорий говорил: «Слепые света видеть не могут, и Царствие Божие открывается только тем, кто подходит друг к другу, как дети. Другой заповеди я не имею и не ношу».

В.К. Елизавета этой детской простоты не понимала и постоянно обращалась к Государю с пись-

[1] *Фомин С.* Цит. по: *Симанович А.* Распутин и евреи. С. 15, 33, 148.

мами, в которых пыталась оправдать себя, навязать свое отношение к Старцу как заслуживающее особого внимания: «Понимаешь, я смотрю на Вас с Аликс как на своих Брата и Сестру, а он [священник Митрофан Серебрянский] как на Государя и Повелителя, и я чувствую, что его мучают тем, что Ты якобы раздосадован моим поведением» — пишет она в одном из посланий. Или в другом: «Твои обвинения были так жестки, так непохожи на Тебя!! И ведь я всегда была предана Тебе, всегда говорила Тебе против Г[ригория] открыто! Со всех концов России в моих поездках да и здесь люди идут ко мне со своей болью — это правда; я ведь Твоя сестра — «Вы должны открыть Им глаза»... И все это я несла Тебе, так как видела в этом свой долг, а еще потому, что была на грани срыва за Твое благополучие»[1].

Но как далеки от истины эти слова *«со всех концов России»!*

Русь и русские люди думали иначе! Они верно служили Императору, всей Царской Династии, и любили Царя, зная, что в Нем — благополучие и сила народа. Известный духовный писатель и патриот В. Л. Величко, редактор газеты «Русский Вестник», даже на смертном одре призывал: «Думайте о благе России, Царя и народа! *Душа Царя — душа народа!* Царь — Божий Ставленник, живая связь народа с Богом!.. Народ не виноват в пороках русской интеллигенции. На крыльях его духа Россия вознесется над миром!»

[1] Письма Преподобномученицы В. К. Елизаветы Феодоровны. СПб. 2011. С. 175, 203.

Этими «концами» был столичный «бомонд», состоявший из нескольких аристократических семей, распаленных светскими слухами и немыслимо грязными сплетнями. Столичные дворцы, театры... Все те же юсуповы, джунковские, гучковы, родзянки, маклаковы, пуришкевичи и прочие, погубившие Россию и самих себя. Это их Григорий Ефимович и называл «*настоящими преступниками», которые «ответственны за все несчастия в России».*

Отец Николай отмечал, что Император и Царица, имея в сердцах горячую Веру, обладали глубоким духовным зрением и знали, кто ненавидит Григория: «Государь прекрасно видел все лицемерие и ложь этого общества, — говорил Старец. — Он знал их масонские и теософские увлечения и упражнения и не доверял этому обществу. Видел Царь и нездоровое обмирщение духовенства, обнаруживавшее все больше и больше жажду к власти в Церкви и уже не воспринимавшего Его как Помазанника Божия. Ведь духовенство жалило не только Григория... Они не принимали и мучили Батюшку Иоанна Кронштадтского, и Серафима Саровского не принимали, не давали его прославить! Ведь только Сам Государь положил конец их вольностям и заставил Синод прославить Батюшку Серафима! И других Святых, которых Архиереи не принимали. Глупости Царь не слушал и не замечал... Мало ли что болтают! Он слышал и слушал юродивых, блаженных, молитвенников из народа... Таких, как Григорий... «Дурачки-старички», странники-богомольцы, спасавшие себя и других подвигом отречения от мира, были ему родными

и близкими. Любил Николай Александрович духовный разговор, а не пересуды и сплетни! *Они с Императрицей были Благодатные и имели такие дары Божии, которые позволяли Им ясно видеть Волю Господню в государственной жизни».*

Близкое же окружение В.К.Елизаветы, промасоненное и чуждое православия, зараженное «сицилийским большевизмом», совершенно не понимало Царскую Чету. Они не видели Их безграничной любви к родине, Их жертвенной страдальческой жизни, высоты христианских подвигов. Вечно всем недовольные, они парализовали все добрые начинания Государя, вмешивались в Его дела, считали Монархов «слепыми и ведомыми» и недостойными Престола... Царь и Царица не имели на их счет никаких иллюзий и прекрасно видели, что эти «ревнители и борцы», «клика Эллы», так называла их Императрица, рвутся к Власти. Всякий раз, когда были затронуты их личные выгоды, когда государственный корабль направлялся не по их указке, просыпалась невероятная близорукая злоба к Монарху, предательство и пересуды, бунтарство и злословие, крамола, вплоть до цареубийства... Вспомним, как явился Убиенному Предку Николая Александровича Павлу Петр Великий и произнес, со слезами: ***«Павел! Бедный Павел!»***... А с какой лютой ненавистию преследовали Его Прадеда Александра II, пока не свершили гнусное злодеяние?!

Эти «силы», тот самый «занавес», кустодия древнего синедриона, и вознамерились отделить Царскую Династию от Сибирского Странника

Григория, «просветить» Царя и Императрицу и открыть Им «истинный» облик человека, которого в глаза не видывали. Само общение Царской Семьи со Старцем превратилось в постоянную тему пересуд и домыслов в великосветских салонах. Например, кн. Зинаида Юсупова, ближайшая подруга Елизаветы Феодоровны, просто «задыхалась от ненависти»:

«Я должна сказать, что то, что происходит в Царском Селе, меня возмущает до такой степени, что я бы желала уйти куда-нибудь далеко-далеко... Григорий опять вернулся. Варнава [епископ Накропин], говорят, получает повышение! А Самарина прямо прижали из-за этих мерзавцев, по приказанию сумасшедшей [так она позволяет себе писать об Императрице!] Валидэ, Которая также свела с ума Своего Супруга [а это уже о Государе!] Я прямо задыхаюсь от возмущения, и нахожу, что дальше это терпеть нельзя!»

Но какое дело Юсуповой, представительнице великосветской пустоты, безделия и суесловия, известной лишь обладанием несметного состояния, которое она успешно вывезла из полыхавшей в гражданской братоубийственной войне России, изнеженной аристократке, даже во время войны более всего интересовавшейся украшениями и нарядами, до царских назначений?! До церковного и Государева правления, до того, кого Царь милует, а кого наказывает, кому вверяет министерские посты и архиерейские кафедры?! Почему Императрица не имеет права вершить дела страны, где Она венчана на Царство?! И как соотносится такое по-

ведение кн. Юсуповой с присягой на верность Монаршей Воле?

И вот, ненависть фронды достигает апогея: эта светская львица сделала больше, чем целая подпольная организация революционеров. Своими поношениями и склоками, как злой демон, она развращала людские сердца и душу эмоциональной и впечатлительной с детства Елизаветы Феодоровны. Она подталкивала сына Феликса не только на убийство Григория Ефимовича, но и на свержение Императора и на убийство Царицы Александры.

«Моя мать одной их первых подняла голос против «старца», — пишет Феликс Юсупов. — Летом 1916 ее отношения с Государыней были уже какое-то время прерваны, когда, решив сделать последнюю попытку, она испросила приема в Александровском Дворце. Ее Величество приняла ее очень холодно и, как только узнала цель визита, предложила ей покинуть Дворец. Мать заявила, что не уйдет, не высказав то, что имела сказать. Она говорила долго. Когда она закончила, Императрица, слушая молча, поднялась и отпустила ее со словами: «Я надеюсь никогда больше вас не увидеть»[1].

Уязвленная в своей никчемности, кн. Юсупова за три недели до убийства Старца открыто писала сыну: «Теперь поздно, без скандала не обойтись, а тогда можно было спасти, требуя удаления Управляющего [это вновь о Государе!] на все время войны и невмешательства Валидэ [Императрицы] в государственные вопросы. И теперь, я повторяю, что

[1] *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. Любовь и жизнь. М. 1998. С. 465.

пока два вопроса не будут ликвидированы [физическое устранение Григория и Царицы], ничего не выйдет мирным путем, скажи об этом дяде Мише [Родзянко] от меня». Иными словами, княгиня готова была приветствовать свержение, («удаление») Императора!»[1]

Пока верноподданные сражаются на фронте, «ханжеская клика Эллы», Юсупов и В. К. Дмитрий Павлович готовятся осуществить «патриотический акт»: «Почти каждый вечер мы брали мотор и ездили в С.-Петербург, чтобы весело провести время в ресторанах, ночных клубах и у цыган»[2]. Это они, а не праведник Григорий, развлекались и кутили.

А Царица-труженица продолжает «вмешиваться» в государственные дела и «ведет Россию в пропасть», как мыслилось этой клике Елизаветы Феодоровны: «Да, Я более русская, чем многие другие, — пишет Государыня Императору 20.09.1916. — И не буду молчать. Я просила их устроить (как говорил Григорий), чтобы товары, мука, масло, хлеб, сахар заранее развешивали в лавках, и тогда каждый покупатель мог бы получить свой пакет гораздо скорее, и не было бы этих безконечных хвостов — все согласились, что это прекрасная идея, так почему же они раньше об этом не подумали»[3].

---

[1] *Боханов А. Н.* Правда о Григории Распутине. М. 2011. С. 465.

[2] *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. Любовь и жизнь. М. 1998. С. 468.

[3] *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. Любовь и жизнь. М. 1998. С. 465.

«А наше высшее общество! Именно тот круг людей, который обязан своим образом действий, своим поведением показывать пример другим, — делилась Царица Своими переживаниями с Феодором Винбергом. — Представьте себе — Мне стало очень тяжело ездить в Петроград, где Меня угнетает атмосфера пошлости, пустоты и эгоизма, которая овладела там всеми. Сколько веселья! Дамы друг друга стараются перещеголять нарядами. Сколько роскоши, какие деньги тратятся. [...] Ни я, ни Мои Дочери не согласились бы теперь надеть какое-нибудь роскошное платие... И всюду сплетни, пересуды» — Государыня начала сильно волноваться, и при последних словах крупные слезы заблестели на Ее глазах».

«Императрица знала о ведущейся против Нее кампании, — вспоминал Пьер Жильяр, — и это ранило Ее, как глубочайшая несправедливость, ибо Она приняла Свою новую родину, как и Свою новую религию, со всем пылом Своей натуры. Она была русской по чувствам и православной по убеждениям».

Иностранная Принцесса стала Русской Царицей в самом высоком смысле этого слова, а русское образованное общество, зараженное психозом, перестало быть истинно русским. Императрица видела в поведении этого общества настоящую измену идеалам Святой Руси, но Она глубоко и сердечно любила русский народ, который, как и Царская Семья, стал заложником ошибок и заблуждений правящего класса.

На фотографиях Августейшие Сестры очень похожи друг на друга. И все же Они отличались Сво-

им внутренним миром. Величавая святость Императрицы Александры вся была *внутрь, пред Богом.* Ни одной внешней фразы, только долг перед Мужем-Царем, Наследником-Сыном и Россией... Ее Величество Государыня-Императрица всегда перед нами как христианка-страдалица: *«Наш бедный народ, наша бедная Россия! Сколько предстоит страданий!» — вот о чем все думы Царицы-Матери.*

Святая против Святого...

Августейшая Сестра Ее Величества Елизавета, по сути, была очень одинока. Она задыхалась в окружавшей Ее атмосфере пустоты и безпечности, но разорвать отношений с «высшим светом» не могла и не желала, постоянно участвовала в интригах против Царской Семьи. Генеральша А. В. Богданович передавала слова генерала В. Ф. Джунковского о том, «что Вел. Кн. Елизавета Феодоровна с грустию отмечала, что ее Племянницы [Царевны!] очень дурно воспитаны». (Эту информацию ей, несомненно, поставила ее протеже С. И. Тютчева).

Имея в виду В. К. Елизавету Феодоровну и ее ближайшую подругу княгиню З. Н. Юсупову, В. Н. Коковцев отмечал: «Стоило той и другой выразить их мнение о вреде появления при Дворе Распутина, как самая нежная дружба многих лет этих дам с Императрицею, совершенно порвалась и уступила место полному отчуждению».

Стоит заметить, — подчеркивает С. Фомин, — что по отношению к другим, весьма близким Их

Величествам людям, пусть и весьма несправедливо отзывавшимся об Их Друге, отчуждение все же не возникало; просто с ними больше никогда не заводили речи о нем, но продолжали при этом общаться. Тут же было все иначе. Уж не потому ли, что Государыня, хорошо чувствовавшая людей, понимала, (а, может, знала?) о них нечто большее, чем пишет мемуарист. Обе, как известно, приняли непосредственное участие в заговоре на жизнь Г. Е. Распутина. Одна вдохновила своего сына на убийство. Другая, пестовавшая юного Феликса, молилась за него в те часы, когда он убивал, а после преступления приветствовала убийцу...

«Когда до меня стали доходить слухи [вот именно, *слухи! — авт.*] о том, что Распутин не таков, каким он кажется, что в частной жизни ведет себя не так, как в Царской Семье, — показала Елизавета Феодоровна в 1917 году следствию временщиков, — я предостерегала свою Сестру, но Она заметила мне, что этим слухам Она не верит, что Она считает эти слухи клеветой, которой обычно преследуют людей святой жизни». [Ответ Государыни чисто духовный, монашеский, а вот слова Великой Княгини отражают ее искушение: откуда известно, как Григорий ведет себя в «частной жизни», если она в глаза-то его ни разу не видывала?! — *авт.*]

При этом Великая Княгиня не была лишь пассивной наблюдательницей, — отмечает далее С. Фомин. — «Помолись также, дорогая, — писала она вдовствующей Императрице 2 апреля 1912, — чтобы приезд Эрни в Крым с помощию

Божией просветил то состояние слепоты, которое бросает тень на Их Дом и страну и на всех нас, кто так любит Их». (Речь, напомним, идет о поездке в Крым любимого брата Царицы, Великого герцога Гессенского Эрнста-Людвига с семьей). Элла вызвала его «убеждать свою Сестру, чтобы Она прогнала Распутина». Только подлинный смысл этой «заботы» и «любви» становится ясным, если прочесть дневник В. К. Ксении Александровны от 10 марта 1912, свидетельствующий, что краткий приезд Г. Е. Распутина в Крым именно в те дни был вызван «кровотечением в почках» у Наследника. «Послали за Григорием. Все прекратилось с его приездом».[1]

Что же касается фрейлины Тютчевой С. И., бывшей одно время воспитательницей Великих Княжен по рекомендации Елизаветы Феодоровны, следует сказать, что она была с позором отставлена от Двора Их Величествами за постоянные интриги, ложные истории о Распутине, наговоры, сплетни и попытки рассорить Императрицу-Мать с Детьми. И сделал это лично Сам Государь. Тютчева пыталась создать своего рода оппозицию при Дворе, около нее группировались недовольные Императрицей Александрой люди.

«Когда в назначенный час я вошла в кабинет Государя, Он спросил меня, — вспоминала Тютчева:

— Софья Ивановна, вы догадываетесь, зачем Я вас позвал? Что происходит в детской?

Тогда я рассказала Государю обо всем, что случилось.

[1] *Фомин С.* Ложь велика, но правда больше. М. 2010. С. 535–37.

— Так и вы тоже не верите в святость Григория Ефимовича? — спросил Государь. Я ответила отрицательно, на что Государь заметил:

— А что вы скажете, если Я вам скажу, что все эти тяжелые годы Я прожил только благодаря его молитвам?

— Вы прожили благодаря молитвам всей России, Ваше Величество, — ответила я.

Государь стал говорить, что Он убежден в том, что все это ложь, что Он не верит всем этим рассказам про Распутина, что к чистому липнет все нечистое. Он не понимает, что сделалось вдруг с Феофаном, который так всегда любил Распутина. При этом Он указал на письмо Феофана, которое лежало на Его столе.

— Вы, Ваше Величество, слишком чисты душой и не замечаете, какая грязь окружает Вас...

Я сказала, что меня берет страх, что такой человек может быть близок к Княжнам.

— Разве Я враг Своим Детям? — возразил Государь»[1].

Как вспоминала Анна Вырубова: «Тютчева и после предупреждения Государя не унималась; она сумела создать в придворных кругах безчисленные интриги — бегала жаловаться Семье Ее Величества на Нее же. Она повлияла на фрейлину княжну Оболенскую, которая ушла от Государыни, несмотря на то, что она служила Ей много лет и была Ей предана. В детской она перессорила нянь, так что Ее Величество, Которая жила Детьми, избегала ходить наверх, чтобы не встречаться с на-

[1] *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 326.

дутыми лицами. Когда же Великие Княжны стали жаловаться, что она восстанавливает Их против Матери, Ее Величество решила с ней расстаться. В глазах московского общества Тютчева прослыла «жертвой Распутина»; в самом же деле все нелепые выдумки шли от нее, и она была виновницей чудовищных сплетен на чистую Семью Их Величеств»[1].

Не станем приводить откровенные гнусности, которые приписывала Царевнам и Григорию Ефимовичу эта ближайшая подруга В. К. Елизаветы, грязным слухам из уст которой она безрассудно доверяла и еще публично выражала свое неудовольствие «происходящим там, у Них»... Все вместе они рыли яму Династии и Трону. Клевета, распространяемая «интернационалом», медленно расползалась по всей стране. И горько, что самая ближайшая родственница не понимала, что ею пользуются, как лучшими людьми, чтобы ложь постепенно приняла обличие правды. Она содействовала распространению дурной славы Григория, не понимая, какой удар наносится Царю и Династии этими вымыслами.

Но «Их Величества, — свидетельствовала А. Вырубова, — категорически отказывались верить всем скандальным наветам на Распутина. Они считали, что «он страдает за Правду», как страдали святые, и что только зависть и злоба толкали людей на лжесвидетельство против него». «Все, что рассказывали о Распутине, Государь и Государыня никогда до самой его смерти не верили, хотя читали все газеты, и

[1] *Танеева (Вырубова) А.* Страницы моей жизни. С. 92–93.

много лиц говорили Им против него, все Они приписывали зависти».

Императрица была жестоко оклеветана, и так несправедливо, что этой клевете поверили Ее Августейшая Свекровь и Сестра. Тем более жаль, что Елизавета Феодоровна, происходившая также с Гессенской стороны от Святой Елизаветы Венгерской, глубокой религиозно-мистической натуры, не смогла увидеть в Царице Ее необычайно искреннюю и крепкую веру.

Истинно Русская Царица

Государыня Александра Феодоровна впитала в Себя истинно русскую православную веру, Она растворилась в ней, проникнувшись ее мистической глубиной. Святость этой великой духом Царицы открывается в Ее невероятных страданиях за русский народ. О величии Ее души, глубокой, истинной Вере, говорит вся Ее жизнь. Современники вспоминали: «Иногда из отрывочных слов Государыни можно было понять, что многое из злых и ни на чем не основанных сплетен про Ее Особу Ей известно и что Ей также было известно, откуда шли эти сплетни, но в то же время можно было быть уверенным, что Государыня при Ее кристальной душе, Ее терпении, при Ее глубокой, какая только может быть у православного христианина, Вере в Бога, при Ее смирении и скромности, все несет молча».

«Обвинения, возводившиеся на Ее Величество до войны, не представляли уже, по-видимому, ин-

тереса для широкой публики, поэтому невидимые враги Государыни начали изобретать другое, стали говорить о том, что Она немка, — пишет граф В. Э. Шуленбург. — А, между тем эта «Немка», как немногие русские, страдала душой за Свою Родину, за русское войско, за русскую честь. Ради блага Родины эта Немка жертвовала всем: Своим здоровием, Своим спокойствием, средствами, жертвовала, повторяю, всем, лишь бы довести войну до победного конца, и Она изыскивала все способы, дабы облегчить тяжелую долю русского офицера и солдата на фронте, в лазарете, изыскивала все способы, чтобы обезпечить, по мере возможности, в дальнейшем жизнь несчастных калек».

Она очень сожалела, что не могла быть врачом: «Сколько добра, сколько облегчения и пользы могла бы Я принести тогда страждущему». Что это сказано Ее Величеством искренно, что все Ее помыслы были всегда направлены на помощь нуждающемуся — доказательством может служить следующее: Государыня каждый раз, что получала возможность помочь несчастному, прежде всего удалялась в Свою комнату и коленопреклоненно благодарила Бога, что Он дал Ей возможность быть полезной ближнему».

Ее Величество, благодаря Своему отзывчивому сердцу, не щадила ничего: ни Своих средств, ни сил, лишь бы принести пользу и облегчить страдания раненых. «Нужно было говорить с Ней, чтобы понять и почувствовать все величие Ее души, искренность Ее целей, познать никогда не покидавшую Ее скромность, столь далекую от всяких реклам» — пишет близкий к Императрице граф Шуленбург.

Далее он вспоминает: «Ее Величество умела говорить просто, по душе. Она всегда находила слова утешения, слова поддержки так же легко, как терялась при пустых, банальных разговорах на парадных приемах, что ставилось Ей, как я уже говорил, в упрек».

«Государыня являлась воплощением самой высшей скромности, заставлявшей иногда забывать, кто Она» — вспоминают близко знавшие Ее люди. — «Наше духовенство знало, что Государыня скромно становилась у одной из колонн и любила, чтобы никто Ее не видел. Ее Величество особенно ценила простоту церковной службы, т.е. будничную службу без певчих, когда мало молящихся, а в церкви полумрак». «Для церковнослужителя, — говорила, — все прихожане должны быть равны, совершая Таинство, священник не должен интересоваться, присутствует ли Императрица или нет — в это время священник выше всех».

Наша Царица-Мученица была глубоко верующей христианкой, сильной молитвенницей: «Врачи — это очень хорошо, но этот Святой лучший Врач и Целитель» — говорила Она, указывая рукой на образ Св. Пантелеимона. Всех принятых в госпиталь раненых переодевали в чистое белье. «На каждую рубашку был наколот образок — благословение Государыни. Образки были: Нерукотворный Образ Спасителя, Пресвятыя Богородицы или кого-либо из чтимых Святых».

«Священник при [санитарном] поезде не предусматривался по инструкции, но Ее Величество требовала, чтобы непременно при Ее поездах было

по священнику, так как находила, что всегда явится много желающих исповедаться и причаститься Святых Таин, и не могла допустить, чтобы умирающий от ран не был напутствуем батюшкой. И как права была Ее Величество! При каждой поездке вверенного мне поезда было 20–30 причастников. А сколько раз поездному священнику приходилось напутствовать умиравших».

«Как важно иметь возможность причаститься, — писала Она Государю 21.10.1914. — И как хотелось бы помочь другим вспомнить, что Бог даровал это благо всем — не только как нечто обязательное раз в году во время поста, но и для тех случаев, когда душа жаждет этого и нуждается в подкреплении! Когда Я нахожусь наедине с людьми, которые, как Мне известно, переживают сильные страдания, Я всегда касаюсь этого вопроса, и с Божией помощию Мне во многих случаях удалось им объяснить, что это — всем доступное благое дело и что это дарует облегчение и покой болящему сердцу. Я об этом говорила с одним из Наших офицеров. Он согласился причаститься и после почувствовал себя таким счастливым и бодрым и стал куда лучше переносить свои страдания. Мне кажется, что одна из главных обязанностей наших женских в том, чтобы стараться привести людей ближе к Богу, заставить их постигнуть, что Он более доступен и близок к нам, что Он ждет, чтобы мы обратились к Нему с любовию и верой. Многих удерживает робость и ложная гордость, а потому мы должны помочь им преодолеть эту преграду. — Я как раз вчера вечером говорила священнику, что, по-Моему, духовенству

почаще следовало бы вести с ранеными подобные разговоры, — совершенно просто и прямо, только не в виде проповеди. Их души совсем детские и иной раз нуждаются в некотором руководстве».

«Ее Величество всегда тревожила мысль, не нуждаются ли священники, как в своих частях, так и на пунктах, в свечах, Евангелиях, молитвословах, образках. В виду этого в моем вагоне всегда находилось некоторое количество перечисленных предметов. На Евангелиях и молитвенниках было напечатано: «*Благословение Ее Величества Государыни Александры Феодоровны*». Должен сказать, что и Евангелия, и молитвенники разбирались с благоговением».

Раненые, простые русские солдаты, нижние чины, попав в Ее лазарет, с верой говорили: «*Царица — Она уж вылечит!*» — Потому лживыми и нелепыми являются стенания «клики Эллы», что «со всех концов России» требуют «просветить» Императрицу, Которая якобы «довела до гибели Трон и Династию». Недобросовестность и недоброжелательство этих людей опровергала сама святая жизнь Августейшей Молитвенницы. Она была безконечно искренна в Своей любви к русскому народу и верила в его любовь к своему Царю.

«И Ее вера в святость Распутина, и все эти иконки, освященные прикосновением к иконам и мощам предметы, эти [святыни], которыми Она Себя и близких окружает, все это — прямой результат Ее глубокой, до фанатизма проникновенной, и высокой веры в Бога. Да! В русского, в православного,

в мужицкого Бога!» — свидетельствовала близко знавшая Императрицу Великая Княгиня Мария Георгиевна, Греческая принцесса, бывшая замужем за В.К. Георгием Михайловичем. (Как жаль, что Августейшая Сестра Елизавета не увидела святость этих чувств и чаяний Царицы и осталась совершенно равнодушной к искренней вере Патриархальной Руси!). — «Идеалом Императрицы был Царь, любящий народ... Государыня считала, что Царем-народолюбцем, Который пал жертвой любви Своей к крестьянству, Царем-Страстотерпцем, Царем-Великомучеником, достойным сопричтения к лику официальных Святых Православной Церкви, был Император Павел I. Государыня была главным инициатором того культа Императора Павла Петровича, который начался еще перед войною».

«Все, кто любил Государыню, последовали за Нею в прославлении безвременно погибшего Монарха. У Гробницы Императора Павла, слева от алтаря, был поставлен массивный серебряный подсвечник с пылающим лесом тонких восковых свечей. Пред Гробницею непрестанно служили молебны по заказу верующих. Непрестанно поминалось Имя Августейшего Усопшего. Причт церкви был удвоен, чтобы успевать исполнять непрестанно заказываемые службы. Согласитесь, что инициатива Государыни, о Которой молва шла в полголоса, нашла горячий отклик в сердцах верующих, которые вместе с Императрицей Александрой Феодоровной считали «мужицким Царем» и Великомучеником, убитым за народ, Павла Первого, Кото-

рого облыжно изображали тираном и безумцем убийцы Его»[1].

Не так ли облыжно обвиняли и Царицу, и «мужицкого Царя», только теперь Николая Александровича, «посмевшего» [sic!] любить народ и допустившего в Свой Дворец и сердце Царево «мужика» — человека от Бога Григория?! И такого Царя не понимала и не принимала В.К. Елизавета — и это было первопричиной ее враждебности ко многим начинаниям Их Величеств. Коренные начала Самодержавия и Народности воспринимались ею только сквозь призму преимущественных аристократических «прав» на Престол.

«Ей же, Государыне, принадлежала инициатива прославления, и, если окажется возможным, сопричтения к Лику Святых другого, по Ее мнению, Царя-Мученика и народолюбца, а именно Иоанна IV, Которого Государыня не любила называть «Грозным». Культ этот развивался в Москве у Гробницы Царя Иоанна IV гораздо медленнее, чем культ Павла I в Петропавловском соборе. И Его Государыня считала Мучеником, народолюбцем, жертвою боярской клеветы»[2].

Такую же искреннюю и глубокую любовь к этим Святым — Императору Павлу и Царю Иоанну Грозному — имел отец Николай, восприемник и носитель Царского духа любви к русской святости и правде. И не случайно, что именно Батюшке являлись Августейшие Страдальцы с небесным бла-

[1] *Фомин С.* Скорбный Ангел. М. 2008. С. 150–151.

[2] *Фомин С.* Скорбный Ангел. С. 152.

гословением продолжить на земле то святое дело, которому Они служили. Потому Старец Кирилл (Павлов) сказал: «Отцу Николаю было все открыто о Царской Семье... Он — великий святой нашего времени». И мужественный... Кто еще так горячо мог вступиться за оклеветанных праведников, разделив с Ними часть Их креста — ложь, гонения и зависть. И всюду сплетни, пересуды...

Отношение Венценосцев к личности Грозного Царя Иоанна и Императора Павла I было таково, — пишет кн. Н.Д.Жевахов, — что только революция 1917 года прервала работы по Их канонизации. Однако сознанием русского народа Благоверный Царь-Великомученик Иоанн Грозный и Император Павел давно уже причислены к Лику Святых. Дивные знамения благоволения Божия к Праведникам, творимые Промыслом Господним у Их гробниц, в последние годы пред революцией не только привлекали многих верующих в Архангельский собор в Москве и в Петропавловский в Петербурге, но и побудили причты оных издать целые книги знамений и чудес Божиих, изливаемых на верующих молитвами Благоверных Царей. П.Н.Шабельский-Борк свидетельствует: «В Триестенской библиотеке как зеница ока хранится ставшая теперь редчайшей уникальная брошюра, изданная в свое время причтом Петропавловского Собора, о случаях чудес на Гробнице Императора Павла Первого, каковых удостоверено не менее трехсот».

Также уникальна брошюра, изданная Св. Императрицей Александрой, «Новый Мученик» в

1917 году — о богоугодной жизни и чудотворениях Григория Нового.

Потому отец Николай и величал Императрицу «Великой Русской Царицей», «Необыкновенной Умницей, заботящейся о Церкви», «Прозорливой Труженицей», «Юродивой среди безумных отступников»...

Достоин быть отмеченным тот факт, что среди чтителей Царя Иоанна IV Васильевича, Императора Павла Первого и Старца Феодора Козьмича был потомок Святителя Иоанна Тобольского — Святитель Иоанн Шанхайский. Зарубежный русский церковный историк Н. Д. Тальберг свидетельствовал: «...Одинаково было наше понимание Святой Руси, с ее историческим Самодержавием, огромного значения в развитии и укреплении государства Дома Романовых, расходясь только в толковании закона о Престолонаследии. Обще было наше почитание памяти Царей Мучеников Павла I и Николая II. Сходились в мнении о таинственном завершении Царствования Императора Александра I. В последние годы выявился общий наш интерес к Царю Иоанну IV Грозному. Помню последнюю встречу с Владыкой в синодальном доме летом 1964 г. «Прочли ли Вы мою статью о Царе Иоанне?» — «Конечно, Владыко». — «Знаете, когда я писал ее, то думал о Вас»[1].

Удивительные христианские черты души Царицы Александры проявлялись во всем внутреннем, а

[1] *Епископ Савва (Сарашевич).* Летопись почитания архиепископа Иоанна (Максимовича). Чудеса Божии сегодня. Российское отделение Валаамского общества Америки. М. 1998. С. 165–166.

не внешнем: враг рекламы, Она вся была вовнутрь... Когда сталкивалась с нескромными статьями, расписывающими деятельность лазаретов, строго говорила: «Точно торговый дом; и к чему это? Неужели недостаточно удовлетворения собственной совести?»

«Награда каждого из нас — наша совесть. А чины, да кресты — как может это интересовать в такое серьезное время» — говорила Царица.

Несколько иного мнения о себе была В.К. Елизавета: «Я знаю, — пишет она Государю, — Аликс воображает, что я позволяю окружающим называть себя святой, — Она так сказала моей графине О[лсуфьевой]. Я — подумать только! Да что я такое? Ничем не лучше, а то и хуже других. Если кто-то говорит глупости и все преувеличивает, чем я виновата? Ведь в лицо мне этого не говорят — знают, что я ненавижу лесть, как опасный яд. Я ничего не могу поделать с тем, что меня любят, но ведь и я люблю людей, и они это чувствуют»[1].

Когда началась война, «Их Величества вернулись в Царское Село и еще более упростили и без того простой образ жизни Своего Двора, посвятив Себя исключительно работе. Государь лично потребовал, чтобы ввиду продовольственных затруднений был сокращен стол... Ее Величество, в свою очередь, сказала, что ни Себе, ни Великим Княжнам Она не сошьет ни одного нового платия, кроме форм сестер милосердия, да и те были заготовлены в таком

[1] Материалы к житию преподобномученицы В.К. Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М. 1995. С. 28.

скромном количестве, что Великие Княжны постоянно ходили в штопаных платиях и стоптанных башмаках, все же личные деньги Их Величеств шли на благотворительность»[1].

«Часто слушая Ее Величество, невольно удивлялся, как быстро и основательно изучила Она Свой русский язык, сколько силы воли должна была Государыня употребить на это, — вспоминал граф В.Э.Шуленбург. — Ее Величество считала это весьма важным: Наследник Цесаревич до десятилетнего возраста не обучался иностранным языкам и именно для того, чтобы иметь чисто русский выговор».

«Бог видит все, — говорила Она. — Ему Одному отдадим мы ответ во всем. Мы посланы сюда для испытания, а награда наша *Там* — здесь мы временные жильцы». Сам Господь определил с самого рождения маленькую принцессу, *Солнечную Аликс,* на Русский Престол: во время посещения Императрицей Марией Александровной, Супругой Александра II, Гессенского Герцогства, герцогиня Алиса привела всех своих детей, и Елизавету так же, чтобы представить Императрице. Ее Величество, показав на маленькую Аликс, сказала: «*Поцелуйте у Нее руку — это будущая ваша Императрица*». Вспомним и замечательное предсказание Бабушки, Английской королевы Виктории: *«Я уверена, что из Нее выйдет могущественная Императрица!»* Тем более, прискорбно, что Елизавета Феодоровна не вспомнила об этом в те годы, когда пыталась «просветить» свою Августейшую Сестру, Которую просвещал Сам Господь.

[1] *Фомин С.* Скорбный Ангел. М. 2005. С. 180.

Удивительно, что самые близкие не сумели увидеть истинный лик Святой Царицы, понять Ее святую душу. И здесь невозможно в оправдание сказать, что они не видели Ее в домашней обстановке, в семейном кругу, среди немногочисленных, но верных, друзей. Оклеветанная, опозоренная и непонятая, заточенная в неволю, Она продолжала молиться за Россию и призывала на помощь Царицу Небесную, чтобы Она просветила и умирила сердца.

«*Подвиг Императрицы затмил собой все, что совершала женщина на земле после Божией Матери. Она черпала для Себя вдохновение в первых христианах, безтрепетно страдавших за Христа и Его учение и Она видела в России, предавшей Ее на страдания и смерть, воплощение Христовой веры и пострадала за Русь до конца*»[1] — такие дивные и святые слова скажет от лица Церкви Русской Владыка Никон (Рклицкий), и мы все с благодарным сердцем склоним свои колена перед Ее подвигом Любви и Всепрощения.

Между монастырем и миром

Трудно подыскать слова, чтобы правильно охарактеризовать отношение В. К. Елизаветы к Государыне-Императрице. Без помощи Божией ничего не понять! Попытаемся восстанавливать правду шаг за шагом, как это благословил Батюшка Николай, опровергая ложь и моля Господа о милости.

[1] *Фомин С.* Скорбный Ангел. М. 2005. С. 128.

Обратим внимание только на одну сторону духовного облика Елизаветы Феодоровны, которая, по моему убеждению, может дать некий ключ к пониманию ее души. «Тетя очень изменилась за последние годы, — вспоминала в конце 1915 ее племянница В.К. Мария Павловна, которую Елизавета Феодоровна готовила себе на замену на место настоятельницы Мариинской обители. — Несмотря на то, что она жила в монастыре, она встречалась теперь с многими и разнообразными людьми. Это расширило ее кругозор, сделало ее мягче, человечнее. Она не только столкнулась лицом к лицу с такими сторонами жизни, о которых раньше не подозревала, но теперь ей приходилось учитывать мнения и точки зрения, полностию отличные от ее собственных. Однако она всегда была в некотором затруднении и никогда не могла достичь полного равновесия. Стремясь построить свою жизнь в православии и установить религиозный порядок, твердо основанный на древних русских канонах и обычаях, она все же психологически оставалась иностранкой, и ее поступки часто казались наивными и несогласованными»[1].

Основанная Великой Княгиней Марфо-Мариинская обитель, ориентированная по западному образцу на «практическую» деятельность, в сущности, на Руси не прижилась и не могла прижиться, ибо в ней был не православный дух. «Императрица не слишком верит в успех этой создающейся общины, — писал В.К. Константин Константинович. — Говорит, что после смерти Сергея Элла обуреваема

[1] Николай и Александра. Любовь и жизнь. М. 1998. С. 441.

внутренним безпокойством, а теперь, когда горе несколько утихло, хотела бы вернуться к жизни, но насильно заставляет себя от нее отказаться; что она любит общественность, в противоположность Ей, Императрице, предпочитающей домашнюю одинокую жизнь и даже боящуюся общества».

Почему же у Елизаветы Феодоровны не вышло возродить институт диаконисс? Что, собственно, она хотела возродить?

Священник Андрей Постернак, глубоко изучивший историю возникновения института диаконисс в Церкви, ответил: «На мой взгляд, эта попытка была связана с тем, что Елизавета Феодоровна хотела зафиксировать в церковной жизни того времени статус Марфо-Мариинской обители. Она смотрела на свою обитель не просто как на общину сестер милосердия, в которой более строгий устав, близкий к монашескому, но как на новую церковную структуру, которая должна развиваться, расширяться, модернизироваться. И для того чтобы ее зафиксировать, Елизавета Феодоровна хотела присвоить сестрам обители звание диаконисс. Надо сказать, при жизни марфо-мариинских сестер их так и называли — диаконниссами. Некоторые опасались, что это служение выйдет за рамки дозволенного. Поскольку сама Елизавета Феодоровна была немкой по происхождению, то она, может быть и не осознанно, ориентировалась не на древние церковные образцы, а на те формы социального служения, которые уже существовали в Германии, те же общины Теодора Флиднера. *Кто-то почувствовал в этом протестантское влияние,*

которое решили пресечь. Вопрос был отложен до Поместного Собора, на котором он так и не был рассмотрен»[1].

Следует в этой связи вернуться к эпохе Александра Благословенного и вспомнить иную трагическую историю, правда, имевшую иной конец, без предательства, ибо благоразумие и любовь восторжествовали и помогли преодолеть искушение, которому подверглась В. К. Елизавета Феодоровна.

Супруга Александра I, Государыня Елизавета Алексеевна, бывшая Баденская принцесса, в момент особых личных испытаний, пожелала подробнее изучить разделения, которые существовали между Греко-Российской Церковию и Римо-Католической. Она обратила Свой взор к монастырям, стала знакомиться с их правилами и уставами. «Нельзя сказать, — отмечает исследователь Ее жизненного пути Елена Карасева, — что Она сразу же поняла их значение для России, ибо даже шесть лет спустя, излагая в письме к матери Свои размышления по переустройству обителей, Она сетовала на царившую в них «обыкновенно праздность», которая-де вызывает «гнусные или хотя бы только нежелательные последствия». Императрица желала, чтобы в женских монастырях были созданы больничные службы, и чтобы в них воспитывали девушек не только для пострига, но и для светской жизни. (Эти идеи воплотила впоследствии преподобномученица Елизавета, создавшая в Москве Марфо-Мариинскую обитель). В мужских же монастырях

[1] *Свящ. Андрей Постернак*. Диаконисссы: между монастырем и миром // Нескучный Сад. М. 2004. № 2.

Елизавета Алексеевна хотела бы устроить приюты для странников, а в наиболее отдаленных — исправительные дома для преступников. И все же Государыня не смогла не осознать, что «народное благочестие связано с сохранением монастырей, а в сложных до безконечности разнообразных обстоятельствах человеческой жизни убежище, предоставляемое монастырем, бывает для иных подчас благодеянием».

Супруг же [Император Александр Павлович] по-прежнему хранил в отношении Ее прохладность. Кроме того, авторитет Императрицы в то время несколько пошатнулся в глазах безумных голов — во всяком случае, очередная группа заговорщиков всерьез обсуждала план свержения Александра Павловича и воцарения вместо Него тихой Елизаветы. Императрица была посвящена в опасные планы и сообщила о них матери.

К сожалению, нам неизвестно Ее отношение к крамольникам, однако, до нас дошел ответ Баденской маркграфини. «А ты Сама, дорогое Дитя? — писала она в январе 1811 года. — Какие угрызения и сожаления готовишь Ты Себе, стань причиною (без намерения, конечно) государственного переворота, которого Ты не сможешь предотвратить? Нет, дорогая, я не одобряю такого замысла: наоборот, я его страшусь как величайшего несчастия»[1].

Как жаль, что подле Елизаветы Феодоровны не оказалось людей, способных дать благоразумный

[1] *Карасева Е.* Тихая Царица и смиренная молчальница. Государыня Императрица Елизавета Алексеевна и подвижница благочестия Вера Александровна. СПб. 2011. С. 16–19.

совет, какой получила от матери Императрица Елизавета Алексеевна... К словам же Августейших Святых Царя и Царицы, равно как и к ***запрету*** духовно-опытных старцев — преподобных Гавриила Седмиезерного и Алексия Зосимовского — Великая Княгиня не прислушалась, но поступила по своей воле...

«Люди, что звери дикие...
Готовы напасть... и проглотить»
(Мученик Григорий)

Итак, от ненависти и клеветы, пустоцвет аристократии, все эти «бездушные дамочки и плуты», как называл их Батюшка Николай, перешли к делам. После убийства Григория Ефимовича, Императрица получила сведения, что «некоторые члены Династии, в том числе Дмитрий и Феликс, вынашивают планы и других убийств, в том числе и Ее! Она и раньше слышала такие разговоры, но теперь они приобретали зловещий характер. Полиция перехватила несколько писем, где прямо об этом говорилось. Но самое ужасное, что радостно-злорадные настроения испытывали родственники! Об этом тоже говорилось в письмах, перехваченных полицией[1].

«Вот теперь я могу сказать, — показывал в апреле 1919 комендант Царского Села полковник Е.С.Кобылинский следователю Н.А.Соколову, — что настанет время, когда русское общество узнает,

[1] *Боханов А.Н.* Правда о Григории Распутине. М. 2011. С. 465.

каким невероятным мукам подвергалась эта Семья. [...] Возьмите хоть всю эту грязь с Распутиным. Мне много приходилось беседовать по этому вопросу с Боткиным. Распутин был для Нее святой. Вот, когда живешь и имеешь постоянное общение с этой Семьей, тогда понимаешь, как пошло и подло обливали эту Семью грязью. Можно себе представить, что Они все переживали и чувствовали, когда читали в Царском все милые русские газеты!»

В ответ на немыслимую ложь на Венценосцев, флигель-адъютант Государя А. Мордвинов писал: «И, действительно, в настоящем, а не воображаемом Александровском Дворце протекала лишь чистая, строгая, *почти монашеская жизнь,* с волнующей любовью к Родине, с горячими стремлениями к человечности и счастию всего народа»[1].

И как жаль, что незаметно для себя самой, под влиянием дурного окружения, Елизавета Феодоровна создала вокруг Царской Семьи «воображаемый» прелестный мир, и уже не видела истинной, святой по Богу жизни дорогих и самых близких Ей людей. Отцы научают, что каждый может понять, к чему склоняется наше сердце. Если ты стараешься собрать все самое дурное о человеке, видишь только его огрехи и несовершенства, спешишь «просветить» всей этой собранной грязью и других людей, — то ты соработник злой и темной силы... Если же стремишься отмыть, очистить человека от прилипшей грязи, от наветов, если тебе дорога в ближнем его нетленная сущность, внутренняя красота неповторимого образа, если ты боишься очернить

[1] *Фомин С.* Судья же мне Господь. М. 2010. С. 342.

человека в глазах других людей, если веруешь, что все грехи всего человечества — горсть песка, брошенная в море Милосердия Божия — ты на стороне Света, ты Христов.

Отец Николай говорил, что «праведный гнев» против Григория Ефимовича пленил ум Великой Княгини, сковал волю: «Она была ослеплена ненавистию, а это врачуется горьким лекарством... Началось с помыслов, вовремя не остановленных... По направлению помысла можно было понять направление движения врага. В ее душе накопилось много горечи, которая выплеснулась и затопила сердце. А неочищенное сердце не видит истины, ему трудно отличить свет от тьмы. То, что насильно ворвалось в ее душу — на самом деле не было ее мыслями и чувствами, это были коварные козни врага, вовремя не распознанные. Настоящее наваждение... И вот, началось с «праведного гнева на дальнего» — Григория, а закончилось неприязнию к ближним — Царской Семье». Произошедший духовный срыв можно объять словами блаженного Исидора Пелусиота: «*Пристрастие недальновидно, а ненависть вовсе ничего не видит*».

«Горе, что себя не видят
и милосердие Божие забывают.
Свои грехи забыты, а чужие — на глазах»
(Мученик Григорий)

Даже мучительная смерть Григория Ефимовича не излечила сердца Великой Княгини от этой

глубокой раны, нанесенной врагом, и она продолжала испытывать чувство обиды и на Государя, и на Императрицу. Вот как описывала душевное состояние своей тетушки В.К. Мария Павловна, навестившая ее в Москве уже после февральского дворцового переворота, когда Царская Семья находилась в заточении и претерпевала невероятные муки и унижения: «Мы обстоятельно поговорили о текущих событиях и о причинах, которые вызвали их. Однажды вечером, когда я рассказывала ей о жизни арестованного Императора и Его Семьи, я добавила, что если она хочет послать Им письмо, то я могла бы найти способ доставить его. Ее глаза стали жестокими и холодными, губы сжались. Она достаточно резко ответила, что ей нечего сказать Сестре, Они давно уже перестали понимать друг друга»[1].

И как отличалась христианским совершенством жизнь Августейшей Семьи! В то время как Елизавету Феодоровну осаждала, по словам Государыни, «московская злобная клика Эллы» с безумными пересудами, в Царском только молились и трудились: «Во время семейных бесед, — писал уже в годы эмиграции об атмосфере, царившей в Семье Государя, полковник А.А. Мордвинов, — разговор Их всегда был далек от мелких пересудов, затрагивавших чью-либо семейную жизнь и бросавших какую-либо тень на одну из сторон. В течение многих дней и вечеров, когда я имел радость находиться в близком общении с Царской Семьей, я ни разу не

[1] Воспоминания В.К. Марии Павловны Романовой. М. 2006. С. 316.

слышал ни намека на сплетню, столь оживлявшую все общества мира. Попытки некоторых близких лиц нарушить это обыкновение неизменно встречались молчанием или переменой разговора. В этом отношении Семья Государя была единственной из всех, кого я знал. О Них сплетничали даже близкие родные, Они, по крайней мере, при мне, не сплетничали ни о ком»[1].

«Я нахожу в Григории то, чего не могу найти ни в одном из наших священнослужителей»
(Царь-Мученик Николай)

Царская Семья испытывала глубокую любовь к отцу Григорию, ибо Они как никто умели видеть «сияние звезд над грязью улицы». Они видели в нем искреннюю веру и очень глубокое смирение, Божественную искру и вдохновение. Григорий Ефимович был незаурядной личностию: «Это пригоршня чистой русской земли, полная таинственной силы, перенесенная на наше петербургское болото с шири сибирских степей и равнин, — вспоминала о нем А. С. Ермолова. — Источник таинственной силы, русского духа народного, этого богатства, которого мы здесь не знаем. Григорий Ефимович простой крестьянин, почти неграмотный, но зато обладающий умом, которому многие завидуют».

Однажды Императрица сказала отцу Александру Васильеву: «Он [Григорий] совсем не то, что наши митрополиты и епископы. Спросишь их совета, а

[1] *Фомин С.* Судья же мне Господь. М. 2010. С. 340.

они в ответ: «Как угодно будет Вашему Величеству»! Ужель Я их спрашиваю затем, чтобы узнать, что Мне угодно?»[1]

И еще говорила: «На днях Мы приняли тобольского мужичка, задавали ему всякие вопросы, и он без всякого страха просто и ясно отвечал на них. Где же искать правды — под поддевкой и медным крестом мужика, или под шелковой рясой и золотой панагией митрополита?»

«Монарху, — считал генерал П.Г.Курлов, — хотелось слышать искреннее, правдивое слово, и Он считал, что оно может исходить только от простого человека. Вот источник доверия Государя к Распутину. Если прибавить, что Распутин, несомненно, обладал способностию успокаивать и этим благотворно действовал на Наследника во время Его недомогания, то, при безграничной любви Государя и Императрицы к Своему Сыну, он должен был стать для них необходимым человеком».

«Кто я? — говорил Григорий Ефимович. — Простой крестьянин. Царь и Царица по Своей доброте очень расположены ко мне, и я говорю Им правду, когда меня спрашивают. *Я верю в Бога и говорю правду в присутствии Царя, как говорил бы перед Богом*»[2].

И в течение многих страдных лет он был источником любви, утешения, исцелений и чудес для дорогих Монархов, ибо невидимая рука Господня

[1] *Протопресвитер Георгий Шавельский.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и флота. Т.2. С. 297.

[2] *Фомин С.* Боже! Храни Своих! М. 2008. С. 263–64.

направляла его путь. Это дивное благо никто не смог похитить. И доныне враг остается ни с чем, ибо Господь хранит Своих: Мученик Григорий свято почитается верующим народом.

Григорий — это вся Русь... Смирение, святость и чистота. Близкие говорили: Григорий отмечен «особенной, Богом данной силой, могущей быть только у искреннего молитвенника и поборника Православия... [Он] врачует глубиной и проникновенностию своей молитвы!»[1]

[1] *Фомин Сергий.* А кругом широкая Россия. М. 2008. С. 316.

«ОДНОГО НЕ ПОНИМАЮТ:
МЕНЯ УБЬЮТ,
И РОССИИ КОНЕЦ...
ВМЕСТЕ С НЕЙ ПОХОРОНЯТ»

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ ГРИГОРИЙ

«Пуля, убившая Распутина, попала в самое сердце Царствующей Династии»

Накануне убийства, Государь собирался отбыть в Ставку. *2/15 декабря 1916 года* они встретились в последний раз. По обычаю, принятому с первой Их встречи, Григорий благословлял всех Членов Царской Семьи широким крестным знамением. Но в тот день было иначе: *когда Царская Чета собиралась уходить, Царь попросил, как всегда: «Григорий, перекрести Нас всех». — «Сегодня Ты благослови меня» — ответил Григорий Ефимович, что Государь и сделал»*[1].

В этот же день Государыне удалось побеседовать со Своей Сестрой Елизаветой. Злобствующие кликуны из «высшего света» старались рассорить двух Сестер с первых дней восшествия на Престол Императрицы Александры и преуспели в этом. Как мы уже говорили, главную роль выполнял клан Юсуповых, наиболее близкий к В.К. Елизавете и пользовавшийся безупречным доверием в ее глазах. Также, клан Джунковских, благодаря которому, скорее всего, появились на свет две страшных телеграммы, принадлежавшие *монахине Елисавете*, приветствующей убийц и убийство. Они отправлены после молитв в Дивеево, после поклонения мощам Преподобного Серафима. Верующим не-

[1] *Платонов О. А.* Николай II в секретной переписке. М. 1996. С. 620.

возможно принять это по духу: *как случилось, что Она, простившая убийцу своего мужа, приветствовала «патриотический поступок» — убийство верного Друга Царей?*

Государь, вспоминала эти ужасные дни Анна Вырубова, был потрясен тем, что Его Родственники, члены Династии участвовали в злодеянии: «*Перед лицом всей России, — восклицал Он, — Я стыжусь, что руки Моих Родственников обагрены кровию простого крестьянина*».

«Нет! Не могу благословить! Разве это можно?!»

Очевидно, что заговорщикам необходимо было запятнать Сестру Императрицы *знанием* о готовящемся убийстве и тем самым как бы «узаконить» его. Также как и заговорщикам, совершившим гнусное злодеяние — цареубийство Павла Первого, причастность к которому Наследника Александра позволила как бы «узаконить» его. Для народного сознания, для всего общества в целом — против Царствующей Семьи выступала не только Государственная Дума, но в лице настоятельницы Марфо-Мариинской обители в убийство оказывалась вовлеченной и *Церковь* — как организация.

Обратимся к свидетельству Владыки Варнавы (Беляева): «Мне пришлось, — пишет он, — побывать у своего ближайшего духовного отца затворника Алексия [преп. старец-иеросхимонах Зосимовской пустыни, Соловьев Ф. А. 1846‡1928].

Прихожу к отцу Алексию — тот в заметном волнении: «Представьте себе, что отец Гавриил [Зырянов] Великой Княгине сказал. Она спрашивала его про Распутина... И что же он сказал?! «Убить его — что паука, сорок грехов простится». [Но это свидетельство лишь со слов Елизаветы Феодоровны, ум которой был пленен неприязнию к Григорию. Она могла истолковать сказанное старцем превратно.]

«Читатель, — пишет далее Владыка Варнава, — уже знает про шутки Старца Гавриила [сильно юродствовавшего], но в таком сочетании слов, значений и обстоятельств [я] еще их не встречал. «*Но какое мое положение, — продолжает Старец Алексий, к которому ездила вся Гатчина, все графини и княгини и весь набожный Двор. — Великая Княгиня спрашивает меня: «А вы, Батюшка, что думаете?» Ведь вы понимаете, что это значит? Понимаете? Я молчу, даю Старцу высказаться до конца. Понятно, Дмитрий Павлович, Пуришкевич, Юсупов, если бы знали об этом — а они, конечно, не могли знать, — имели бы лишний козырь в своих действиях и ссылались бы, веруя или не веруя: «Вот и старцы...». — «Я ей отвечаю: «Нет, я не могу благословить... Что Вы, да разве это можно?! Нет, не могу».* [...]

Выше говорено было, что Евангельская любовь была той основной добродетелию, для достижения которой отец Гавриил положил все свои силы и жизнь. *Я нарочно сопоставляю это с только что рассказанным случаем* и перехожу непосредственно к раскрытию того, как он осуществлял эту

любовь практически. В его глазах все человеческие поступки разделялись на действия «по любви» или «не по любви»[1].

«Никому не дано право заниматься убийством!»
(Царь-Мученик Николай)

Старец Гавриил, боявшийся даже шумом своих шагов разбудить спящего келейника, не мог, естественно, благословить какое бы то ни было убийство... Да и кто может?! Сказанной фразой святой *обличил* готовящееся злодеяние, а убийц Григория *обличил* как людей, религия которых — язычество, оккультизм, магия, суеверие, сатанизм.

В тайных знаниях оккультных сил с убийством человека Божия Григория было связано нечто страшное и определенное, ведомое только исполнителям. У древних, *паукам* приписывалась некая магическая сила, потому и существовал суеверный языческий обычай — убить паука — тем самым получить его силу. Открывая истинные цели убийц — магические, каббалистические, замешанные на камлании, Старец Гавриил обличал вместе с этим и их крайнюю греховность: *«сорок грехов»* — свидетельствует о всепоглощенности страстями извергов, замысливших убийство, всецело порабощенных диаволом. Важно для понимания именно этой фразы Старца следующее высказы-

[1] *Епископ Варнава (Беляев)*. Тернистым путем к Небу. Жизнеописание Старца Гавриила Седмиезерной пустыни. М. 1996. С. 318.

вание, приведенное в мемуарах одного из главных участников — Феликса Юсупова — посвященного в оккультные бездны: «С точки зрения каббалистической — Распутин словно ящик Пандоры. Заключены в нем все грехи, злодеяния и мерзости русского народа. Разбейся сей ящик — содержимое тотчас разольется по всей России». Вот основа ритуального зла: заклав Григория, возложить на его главу все грехи, только не русского народа, а *извергов-сатанистов — убийц*[1].

Ящик Пандоры символизирует в мифологии источник несчастий и бедствий. Понятие это возникло от древнегреческого мифа о Пандоре, согласно которому люди некогда жили, не зная никаких несчастий, болезней и старости, пока Прометей не похитил у богов огонь. Разгневанный Зевс послал на землю красивую женщину — «прекрасное зло» — Пандору; она получила от Зевса ларец, в котором были заперты все человеческие несчастия. Несмотря на предупреждение Прометея не открывать ларец, Пандора, подстрекаемая любопытством, открыла ларец и выпустила все несчастия и заключенные в нем бедствия, кроме надежды, которая осталась на дне[2].

Святитель Григорий Богослов пишет: «Говорят, что, по похищении небесного огня, пришла к людям Пандора наказать за один огонь другим, за *благодетельный — гибельным*. А чтобы она как можно более воспламенила людей, демоны укра-

---

[1] *Кн. Ф. Юсупов.* Мемуары. М. 2000. С. 176.

[2] Словарь Античности. М. 1989. С. 408.

сили ее разнообразными красотами, и каждый из них приложил что-нибудь от себя; все же это совокупив воедино, пустили они к людям это многосложное обольщение, это любящее пиры, увлекательное, безстыдное, сладкоречивое услаждение, эту никогда не потухающую головню. [...] Пандорин род — безстыдные женщины. Но ты — Христов образ, и сияй целомудрием и благоразумием и не прикасайся ко злу»[1].

Как точно описаны страсти, которые разлагали «цвет» аристократического общества, пока Петербург не превратился в зловонное болото, затянувшее всех. (Батюшка Николай, бывало, вздыхал: *«Питер-Питер! Всем бока вытер!»)* По словам Государя — Он задыхался в «миазмах Петербурга», в удушливом воздухе его салонов, наполненных людьми, забывшими Бога.

Жрецы языческих богов, «братья зла» — как их называл Мученик Григорий, применяя это понятие — *ящик Пандоры* — ко всем разрушительным силам, будь то революционеры-заговорщики, безбожники, масоны или просто люди, отдавшие свою волю диаволу, — намеревались сим безчинным злодеянием выпустить всех бесов из преисподней. Саму мученическую кончину праведник принял возле *некоего ларца* — как его описывали убийцы — «шкаф-поставец, эбеновый с инкрустацией и множеством внутри зеркалец, бронзовых столбиков, потайных ящичков»[2].

---

[1] *Свт. Григорий Богослов.* Творения. Т. 2. М.1994. С. 245.

[2] *Кн. Ф. Юсупов.* Мемуары. М. 2000. С. 197.

В одном из писем В. К. Елизаветы к Государю — от 18.04.1909, пожалуй, наиболее полно отражающем непростые отношения, сложившиеся на тот момент у нее с Царской Семьей, она позволяет себе наставлять Государя даже в вопросах Веры. Глубокий анализ этого письма, как и сопричастности Августейшей родственницы к заговору на убийство Григория, дан Сергеем Владимировичем Фоминым в его исследовании «Ложь велика, а правда больше». «Интересно все-таки, — отмечает исследователь, — человек [Елизавета Феодоровна], совсем недавно перешедший в Православие, которому еще вчера Истины его, по собственному признанию, казались ложными, сегодня наставляет. И Кого? — родившегося, выросшего и воспитанного в Православии Помазанника Божия — Кти-тора Православной Церкви! И, возможно, чувствуя все же слабость своей позиции, она завершает свое «поучение»: «Не смотри на мое письмо как на длинное послание-проповедь. Считаю это моей исповедию перед Тобой». (Но разве кающиеся в своих грехах обличают того, к кому пришли исповедаться?)

Вот почему ответ на вопрос Великой Княгини, обращенный к самой себе («почему я была так резка тогда?») весьма прост: потому что и впоследствии была столь же резка. Это станет вполне ясным из последних разговоров «Великой Матушки» со своей Августейшей Сестрой 1916 года; из попыток находившейся к тому времени уже в монашеском постриге настоятельницы Обители милосердия получить благословение у старцев на *убийство* Цар-

ского Друга, православного христианина, простого русского [крестьянина].

Кстати, о старцах... «Она старалась, — писал о Великой Княгине митрополит Анастасий (Грибановский), — ничего не предпринимать без указаний опытных в духовной жизни старцев. В особенности старцев Зосимовой пустыни, которым отдала себя в полное послушание».

Складно, но, к сожалению, это опять-таки вступает в противоречие с известными нам фактами. Так, со слов епископа Варнавы (Беляева), известно о разговоре Великой Княгини со старцем Алексием Зосимовским в связи с предполагавшимся убийством Г. Е. Распутина, в котором должны были принять участие близкие настоятельнице Марфо-Мариинской обители люди. Старец определенно ответил: «Нет, я не могу благословить... Что вы, да разве это можно... Нет, не могу». Однако даже этот, не предполагавший иного толкования, ответ почитаемого ею, по ее же словам, старца не остановил, как известно, Елизавету Феодоровну, оказавшуюся причастной тяжкому смертному греху»[1].

Своим предсказанием Преподобный Гавриил прозрел диавольскую сущность будущего убийства Григория: зло выступало против Добра; ненависть против Любви; тьма против Света; черное против Белого. Паутинная сеть опутала всю Русь... И только жертва Григория и Царственных Святых попалила эту паутину зла, распутала, разорвала ее липкие сети: *Радуйся, Святый Пророче и Чудотворче Григорие, огненным духом сети вражии распутывающий!*

[1] *Фомин С.* Ложь велика, но правда больше. М. 2010. С. 15.

«Все эти слепцы, с их ненавистию к Григорию»
(Мученица-Царица)

Для всех участников травли, а впоследствии убийства Григория Ефимовича, как это ни прискорбно произносить, В. К. Елизавета являлась как бы вдохновителем, своего рода духовным рычагом. Подле нее собирались ненавидевшие Венценосцев члены Династии, задумавшие и осуществившие переворот, а таже разнообразные личности, мнившие себя спасителями Монархии. К ней стекались самые невероятные слухи и под ее эгидой работали такие «обличители распутинцев» как А. В. Амфитеатров, один из организаторов масонских лож в России и автор гнусного пасквиля о Царской Семье «Господа Обмановы»...

В. К. Мария Павловна Романова откровенно пишет, что мнение тетушки Елизаветы было толчком, побудившим ее брата принять участие в кровавом злодеянии: «Прежде чем решиться на участие в заговоре, Дмитрий нанес визит тете Элле в Москве. Он разговаривал с ней, пока не почувствовал, что имеет ясное представление о психическом состоянии Императрицы. Только после этого, убедившись, что надежды на нормальный исход мало, он решил присоединиться к тем немногим людям, которые были готовы добиться этого исхода.

Она рассказала мне подробности о своей последней поездке в Царское Село, слухи о которой дошли уже до нас в Петрограде. Повидав Дмитрия и взвесив ситуацию со всех сторон, она решила сделать последнюю попытку повлиять на Императорскую Чету.

Когда она приехала в Царское Село, Император отсутствовал. Ее Сестра, Императрица, приняла ее холодно, а ее сообщение о мрачном, готовом к восстанию настроении в Москве и необходимости срочных перемен повлекло за собой болезненную сцену.

На следующее утро она получила от Императрицы короткую записку, в которой ее просили уехать. Их мнения, писала Императрица, настолько различны, что они никогда не смогут согласиться друг с другом. Она прибавила, что, хотя Император вернулся, Он так занят, что не сможет найти время для разговора, о котором просила тетя».

Ф. Юсупов восполнил картину: «Позже В. К. [Елизавета], которая крайне редко появлялась в Царском Селе, сделала последнюю попытку убедить свою Сестру. Она обещала посетить нас, уезжая из Александровского Дворца. Мы с нетерпением ждали ее приезда, чтобы услышать о результатах беседы. Она вошла в комнату, дрожа, и вся в слезах: «Она выгнала меня, как собаку!» — вскричала она. — Бедный Ники, бедная Россия!»

Чрезвычайной же следственной комиссии В. К. Елизавета показала следующее: «В декабре 1916 года у меня был последний решительный разговор с Царем и Царицей о Распутине. Я *указала*, [sic!] что Распутин истерзал общество, скомпрометировал Императорскую Семью и ведет Династию к гибели. *Они ответили, что Распутин — великий молитвенник, что все слухи о нем — сплетни, и попросили меня более не касаться этого предмета*»[1].

[1] Николай и Александра. Любовь и жизнь. М.1998. С. 484.

Батюшка Николай говорил, что Григорий Ефимович предчувствовал день своей кончины и задолго знал, что с ним сотворят «братия зла» — талмудисты-масоны: «Он готовился принять мученический венец, предваряя Царскую Жертву, но как все святые Божии люди, Григорий уповал на милость Божию и пытался до самого конца пробудить в убийцах совесть». Батюшка особо отмечал, что Мученик хотел заронить в эти черные души луч света, хотя бы на мгновение, чтобы они увидели Небо и вдохнули его аромат: «Тем святые и отличаются, что скорбят о людях, чьи сердца и мысли в руках врага. Они самоотверженно воюют с диаволом и не ожидают награды в земной жизни, — так размышлял Старец. — Григорий жил во Христе и чаял спасения даже этой заблудшей души, черной и жестокой... Желал изменить Феликса, но тот так и не покаялся. Прости его, Господи... Так и пошел на Суд с этим страшным грехом».

После того как в 2000 году вышло в свет житие «Мученик за Христа и за Царя Григорий Новый», *написанное по слову Старца,* к нему обратился священник Зарубежной Церкви отец Георгий, служивший в Ницце. Он прочитал в книге слова Батюшки о том, что Юсупов так и не покаялся, и подтвердил это свидетельством со слов епископа Павла (Олдерсона), который окормлял Русский Дом в г. Монжерон (Франция) с 1967–1975 и принимал последнюю исповедь Феликса перед кончиной, последовавшей 27.09.1967. Владыка, разумеется, не открыв таинство, со скорбию заметил, что пытался привести его к сокрушению в содеянном зле, но восьмидесятилетний Феликс был непреклонен и

продолжал утверждать, что они «убили собаку, а не человека». Так, черная душа убийцы и не очистилась, голос совести не пробудился даже после того, как стало очевидным, в какую бездну эти «радетели Монархии» ввергли Русь. *Отец Николай отмечал: «Юсупов никогда не испытывал ни малейшего раскаяния, ибо был одержим».* В его письме к Сестре Государя Ксении Александровне, своей теще, мы находим подтверждение сказанному. Юсупов с уверенностию заявлял, что «являлся только орудием Провидения, которое дало ту *непонятную* и *нечеловеческую* [!] силу и спокойствие духа, которые помогли исполнить долг перед Родиной и Царем, уничтожив ту злую, диавольскую силу, бывшую позором для России и всего мира».

Справедливости ради необходимо сказать, что ни о какой «России» этот человек не помышлял. Он ее просто не знал. Рестораны, кутежи, театры, непристойные встречи, прожигание жизни, жизни за счет огромного наследства, постоянное бездельничание и распускание слухов по салонам, где он перемывал кости Венценосцам — разве это Россия? А когда нужно было защищать ее и идти на фронт, как это сделали все, действительно любившие Отчизну, он выхлопотал себе отсрочку и продолжал вести все тот же никчемный образ жизни.

«Уже после революции, отвечая на вопрос доктора Е.С.Боткина, «бывают ли у него угрызения совести? Вы ведь все-таки человека убили» — Юсупов без запинки, с улыбкой на устах изрек: «Никогда. Я ведь собаку убил»[1].

[1] *Боханов А.Н.* Правда о Григории Распутине. М. 2011. С. 467.

Но как иначе мог ответить извращенный служитель ритуальной магии, масон и талмудист?!

Благодаря воспоминаниям еще одного из организаторов убийства, адвоката и депутата Думы В. Маклакова, сохранились важные признания этого изувера: «Я занимался оккультизмом; и я утверждаю, что Распутин обладает силой, которую можно встретить раз в сотни лет... Если убить сегодня Распутина, через две недели Императрицу придется поместить в больницу для душевнобольных. Ее душевное равновесие держится исключительно на Распутине, Она развалится тотчас, как только его не станет. А когда Император освободится от влияния Распутина и Своей Жены, все переменится; Он сделается хорошим *конституционным* Монархом [sic!]»[1]

Это те самые «проговоры», которые изобличают лжецов. Не благо России, а *конституция* была нужна этим предателям Престола. Что же касается якобы «верноподданнических» чувств, то они их и не скрывали, готовые пойти гораздо дальше, чем убийство только Григория Ефимовича: «Не могу еще разобраться в психике молодых людей, — невинно рассуждает В. К. Николай Михайлович, также подстрекавший родственников к убийству. — Безусловно, они невропаты, какие-то эстеты [sic!], и все, что они совершили, — хотя очистили воздух, но полумера, так как надо обязательно покончить с Александрой Феодоровной [sic!], и с Протопоповым». — И это пишет родственник, член Династии, видный историк!

[1] *Боханов А. Н.* Правда о Григории Распутине. М. 2011. С. 475,

Читая все это, не перестаешь изумляться, каким невероятным мукам подвергалась Царская Семья, какие духовные силы были необходимы Венценосцам, с Их обостренным чувством справедливости, чтобы продолжать общаться с такими «родными».

После убийства Старца, натиск разрушительных сил нисколько не ослабел, ибо это устранение не решало их «проблему». «Грустно смотреть на все происходящее, 17-е ни к чему не привело, «убрали палку, а не бьющего» — так размышляло «аристократическое» общество. Ненависть к Григорию и Царской Семье переросла в настоящую одержимость. Никаким иным словом это не назовешь.

Итак... Григория «ненавидят, потому что Мы его любим» — поставила диагноз безумцам Святая Царица-Мученица.

«Совесть должна многим не давать покоя»
(Царь-Мученик)

Помнится, отец Николай особо обратил мое внимание на ответ Государя на прошение, которое было составлено за подписью шестнадцати членов Дома Романовых с просьбой смягчить участь В.К. Димитрия Павловича: Государь начертал на скрижалях их совести: «*Никому не дано право заниматься убийством, **знаю**, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь, вашему обращению ко Мне. Николай*».

Строг суд Божий за умученных Пророков. — «А ведь Григорий был именно Царский Пророк!» —

напоминал Батюшка. «Кровь праведников — единственное на земле писание, которое стереть невозможно, — упреждает Златоуст нашего времени Николай Сербский. — Кровь праведников горит на главах до колена сотого... И не праведник проклянет вас, но дети ваши, когда будут есть горький хлеб рабства». — Потому-то и плакал отец Николай, что мы не понимаем, за что страдаем, *почему так горек наш хлеб*: «Умучен великий праведник. Он хранил Россию молитвами и как никто любил Царя и Наследника. Григорий всякого человека любил и миловал, а ему, вон, чем отплатили».

Автор подробнейшего расследования об убийстве Царского Друга церковный историк Сергей Фомин, вот уже много лет по крупицам восстанавливающий произошедшее злодеяние и пути к нему, пишет: «Решающим для нас свидетельством является слово Царицы-Мученицы. О причастности к убийству Григория Ефимовича вольных каменщиков Ей хорошо было известно. Об этом Она написала Собственной рукой:

Гонимый пошлою и дикою толпою,
И жадной сворой, ползающей у Трона,
Поник на век седеющей главою
От рук орудия незримого масона[1].

Так же Сергей Владимирович на протяжении всего расследования четко прослеживает роль страшных личностей, затянувших В.К. Елизаве-

[1] *Фомин С.* Григорий Распутин. Судья же мне Господь. 2010. С. 307.

ту Феодоровну в сети причастности к заговору: «Ф. М. Джунковский — масон, связанный тесными узами, с одной стороны, с В. К. Елизаветой Феодоровной (стоявшей за антираспутинскими пасквилями М. А. Новоселова), поддерживавшей масона А. И. Гучкова, прот. Владимира Востокова, близко связанной с семьей Юсуповых, с другой — с председателем IV Думы М. В. Родзянко, наконец, с третьей — с революционерами, которым выдавал секретных агентов спецслужб, внедренных в террористические организации»[1].

Царица Александра называла их «московская клика Эллы», в которую, конечно же, входила и Софья Тютчева, клеветавшая как никто другой. Одним словом, введенная в заблуждение, В. К. Елизавета потворствовала деятельности недругов Старца Григория.

Морис Палеолог отмечал в своем дневнике: Государыня имела «непримиримую и воинствующую строгость совести», будучи англичанкой по матери и немкой по отцу, «основа Ее натуры стала русской... Она любит Россию горячей любовию. [...] В Распутине Она видит Божиего человека, святого, преследуемого, как Христос, фарисеями... Когда Она признает за ним дар предвидения, чудотворения и заклинания бесов, когда Она испрашивает у него благословения для успеха какого-нибудь политического акта или военной операции, Она поступает, как поступала некогда Московская Царица».

1 *Фомин С. В.* Григорий Распутин. Расследование. Судья же мне Господь. М. 2010. С. 297.

Две телеграммы — две пули

Государь сказал, — вспоминала Вырубова, — что все это так низко, что Ему противно этим заниматься. Императрица же все поняла. Она сидела бледная, с широко раскрытыми глазами. Принесли еще две телеграммы... Близкая родственница «благословляла» Феликса на патриотическое дело. Это постыдное сообщение совсем убило Государыню. Она плакала горько и безутешно, и я ничем не могла успокоить Ее». Этой «близкой родственницей» являлась В. К. Елизавета Феодоровна![1]

Как вспоминал дворцовый комендант В. Н. Воейков, Императрица одновременно переживала два больших горя: смерть горячо чтимого святого Старца Григория, и удар, нанесенный прямо в сердце племянником В. К. Димитрием Павловичем, которого Их Величества любили как сына. Но еще большим ударом стало отношение к произошедшему любимой старшей Сестры-Императрицы, открыто высказанное в двух телеграммах: «*Москва, 18–12, 9.30. Великому Князю Дмитрию Павловичу. Петроград. Только что вернулась вчера поздно вечером, проведя неделю в Сарове и Дивееве, молясь за вас всех дорогих. Прошу дать мне письмом подробности событий. Да укрепит Бог Феликса после патриотического акта, им исполненного. Элла*».

«*Москва, 18–12, 8.52. Княгине Юсуповой. Кореиз. Все мои глубокие и горячие молитвы окружают вас всех за патриотический акт вашего дорогого*

[1] *Боханов А. Н.* Правда о Григории Распутине. М. 2011. С. 493.

сына. Да хранит вас Бог. Вернулась из Сарова и Дивеева, где провела в молитвах десять дней. Елисавета».

О чем же молилась целых десять дней Великая Матушка, как величали Елизавету Феодоровну при Дворе, у мощей Преподобного, по благословению коего Господь даровал Царскому Роду Наследника Цесаревича Алексия? — «Страшно подумать, — говорил Батюшка Николай, — она желала смерти человеку, молитвами которого Наследник жил и здравствовал!» И не только Алешенька, но и вся Царская Семья. «Все эти тяжелые годы, — заверял Государь, — Я прожил только благодаря его молитвам». «Если бы не молитвы Григория Ефимовича, то Меня бы давно уже убили...» А Царица постоянно говорила, «что только молитвами Распутина здоровы и живы Царь и Наследник».

Накануне этого изуверского «патриотического акта», до телеграмм, настоятельница Марфо-Мариинской обители В. К. Елизавета также, не обинуясь, внушала своему воспитаннику Ф. Юсупову в письме: «Дорогое дитя, дорогой маленький Феликс! [...] Господь да благословит тебя и да ведет, ведь в твоих руках возможность сотворить безпредельное благо, благо не только для нескольких человек, а для целой страны. Но помни, дитя мое, что, сражаясь с силами диавола, надо все делать с молитвой. [...] Я думаю, что Мари [это, вероятнее всего, условное имя Императрицы] погубит этот человек [Григорий], конечно же, сильнейший, чем она; и предчувствие страшит ее подругу [саму Елизавету Феодоровну], которая ощущает нечто бездонное, непостижимое,

как говорят англичане, она чувствует силу большую, чем сила ее друга, боится потерять его и погибнуть самой. Может быть, так благий Бог положит конец этому кошмару и одно зло убьет другое, только бы, ради всего святого, новое зло не достигло своей цели — это будет хуже всего. Я думаю, хорошо бы ты поговорил с этим священником — в нем есть христианское начало. Но очень дипломатично, не напролом. Там [в Царском Селе] очень упрямы, и это упрямство, с одной стороны, понятно: из-за веры в то, что исключительно его молитвы исцелят и спасут ребенка. [Речь идет о Царской Семье и Распутине.] Все основано на ложной посылке — но ведь более всего слеп тот, кто хочет быть слепым.

Нежно целуй мама. Да благословит Бог ваши праздники и новый год. Видишь ли ты моего племянника [В.К. Димитрия Павловича]? Как он?

Е[лизавета]. [...] Лучше будет сжечь это письмо — твое я тоже хочу сжечь. Хорошо бы ты сумел найти надежных людей и иногда писать мне с оказией»[1].

Нельзя без содрогания читать эти строки, свидетельствующие о полном ослеплении души. Когда я спросила отца Николая, почему было попущено Елизавете Феодоровне такое страшное тяжкое искушение, он ответил: «Из-за гордыни... Болезнь гордого сердца, доверие помыслам и ложное смирение».

Невероятно, но милосердная Великая Княгиня не пожелала остановить от тяжкого греха своего воспитанника, который просто боготворил ее.

[1] Письма Преподобномученицы В.К. Елизаветы Феодоровны. М. 2011. С. 367.

Он был предан ей, и если бы Августейшая Сестра Императрицы попыталась остановить его и В.К. Дмитрия Павловича, они, вероятно, могли бы прислушаться к ее слову... Когда в 1908 был убит на дуэли на Крестовом острове в Петербурге старший брат Николай Юсупов, Феликс откровенно писал: «В.К. Елизавета Феодоровна оставалась с нами некоторое время. Этим она поддержала нас всех, особенно матушку, на которую смотреть было страшно. Отец, по природе сдержанный, горе скрывал, но видно было, что и он убит. А что до меня — я жаждал мщения и, наверно, что-нибудь выкинул бы, не угомони меня Великая Княгиня. [...] Я не намерен приводить какие-то новые сведения о В.К. Елизавете Феодоровне. Об этой святой душе достаточно говорено и писано в хрониках последних лет Царской России. Но умолчать о ней в мемуарах не могу. Слишком важным и нужным оказалось ее влияние в жизни моей. Да и сыздетства я любил ее, как вторую мать»[1].

Как прозорлива была Святая Императрица Александра, останавливавшая Сестру от общения с «дурной, ханжеской кликой» слепцов, «распространявшей грязь о том, кого Мы глубоко почитаем».

Из воспоминаний Анны Вырубовой узнаем, что вскоре после убийства Григория Ефимовича, «через несколько дней, Великая Княгиня [Элла] прислала Сестре несколько святых икон из Саровской гробницы. Даже не взглянув на них, Государыня при-

[1] Великая Княгиня Елизавета Феодоровна и Император Николай II. СПб. 2009. С. 805.

казала отослать их обратно в монастырь Великой Княгине в Москве»[1].

Отец Николай отмечал, что неприязнь к Григорию на время «ослепила Елизавету... Она даже ожесточилась сердцем против Царской Семьи». Подтверждение этим словам находим в уже приводимых воспоминаниях В.К. Марии Павловны, близко знавшей Матушку, относящихся к июню 1917, когда Августейшие Страдальцы находились в заточении в Царском Селе: «Я приехала в Москву и остановилась в обители тети Эллы. Я не видела тетю несколько месяцев. Вокруг нее ничего не изменилось, атмосфера была все той же, но меня поразил ее усталый и больной вид. Она, прежде всегда в движении, теперь проводила большую часть своего времени в плетеном шезлонге за вышивкой или каким-нибудь вязанием.

Мы подробно обсудили текущие события и приведшие к ним причины. Однажды вечером, рассказывая ей о жизни Плененного Императора и Его Семьи, я прибавила, что, если она хочет послать Им письмо, я могла бы найти способ его передать.

Ее глаза стали жестокими и холодными, губы сжались. Она довольно резко ответила, что не может послать письмо; ей нечего сказать; она и ее Сестра, Императрица, давно уже перестали понимать друг друга. Я промолчала. Ничего более не было сказано»[2].

[1] *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. М. 1998. С. 505.

[2] *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. М. 1998. С. 567.

Все мы помним, как эта сильная духом подвижница нашла в себе силы и чувства сострадания, чтобы пойти к убийце своего супруга, В.К. Сергея Александровича Романова. Нашла слова, чтобы постараться привести его душу к раскаянию... Но здесь... Ей «нечего было сказать» своим самым дорогим и близким... Потому что сердце сковала обида, которую смогли растопить лишь предсмертные муки в Алапаевской шахте...

Часто задаюсь вопросом, почему причисление к лику святых В.К. Елизаветы, приветствовавшей убийство простого русского крестьянина и именовавшей это гнусное изуверство «патриотическим актом», не вызывает ни сомнений, ни нареканий со стороны православной «общественности», а вокруг зверски умученной Царской Семьи и Старца Григория и доныне бушуют страсти.

В Царском... Без Григория

Протопресвитер Армии и Флота Георгий Шавельский, ненавистник Государя и участник переворота, *вынужден* был все же признать, что Царская Семья почитала Григория святым: «24.02.1917, после обеда, когда Государь обходил гостей, я, стоя рядом с профессором Федоровым, спрашиваю его: «Что нового у вас в Царском? Как живут без Старца? Чудес над гробом еще нет?» — «*Да Вы не смейтесь!*» — серьезно заметил мне Федоров. — «Уже-ли начались чудеса?» — опять с улыбкой спросил я. [Как они все странно «улыбаются», говоря о звер-

ски умученном человеке. Помните «улыбки» духовенства на заседании Комиссии по канонизации, когда речь зашла о Григории?! — *авт.*]

«Напрасно смеетесь! В Москве, где я гостил на праздниках, так же вот смеялись по поводу предсказания Григория, что Алексей Николаевич заболеет в такой-то день после его смерти. Я говорил им: «Погодите смеяться, — пусть пройдет указанный день!» Сам же я прервал отпуск, чтобы в этот день быть в Царском. Мало ли что может случиться! Утром указанного Старцем дня приезжаю в Царское и спешу прямо во Дворец. Слава Богу, Наследник совершенно здоров. Придворные зубоскалили, знавшие причину моего приезда, начали вышучивать меня... А я им говорю: «Обождите смеяться, — *иды пришли, но иды не прошли!*» Уходя из Дворца, я оставил номер телефона, чтобы в случае нужды сразу могли найти меня, а сам на целый день задержался в Царском. Вечером вдруг зовут меня: «Наследнику плохо!» Я бросился во Дворец... Ужас — Мальчик истекает кровию! Еле-еле удалось остановить кровотечение... Вот вам и Старец!

Во время этой болезни матрос Деревенько однажды приносит Наследнику просфору и говорит: «Я в церкви молился за Вас, и вы помолитесь Святым, чтобы они помогли Вам скорее выздороветь!»

А Наследник отвечает ему: *«Нет теперь больше Святых!.. Был Святой Григорий Ефимович, но его убили... Теперь и лечат Меня, и молятся, а пользы нет. А он, бывало, принесет Мне яблочко, погладит Меня по больному месту, и Мне сразу становится легче».* — Вот вам и Старец, вот и смейтесь

над чудесами!» — многозначительно закончил профессор»[1].

«Земля утомилась от наших грехов»
(Старец Николай)

Распутин нарушил неписанный закон, — размышлял позднее один из свидетелей уничтожения мощей Григория, — сделался близким человеком Монаршей Семьи и завладел частию пространства, на котором веками топтались в подобострастии разные там нарышкины, лопухины, юсуповы.

Безсильные привлечь внимание к себе, вернуть прежнюю власть и внимание Царя, они принялись поливать помоями Распутина»[2].

Керенский и временщики «боялись после убийства паломничества к его останкам. Высшее духовенство — тоже»[3].

Участник уничтожения мощей Григория Ефимовича Ф. П. Купчинский безстыдно откровенничал: «Костер разгорался все больше, и при его свете мы внимательно, жадно всматривались в черты Старца. Какую тайну он унес с собою в небытие?.. ***Несомненно, в будущем это были бы мощи святого». Но «огромная грудь Старца не хотела гореть... Не хотел гореть Григорий Ефимович.***

---

[1] *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Т. 2. Нью-Йорк. 1954. С. 252.

[2] *Фомин С.* На Царской страже. М. 2006. С. 408.

[3] Там же. С. 406.

И не догорел до конца... Комок от груди остался, а уже рассвело... Изрубили лопатами и раскидали по лесу...»[1]

Это был первый кровавый ритуал т.н. «безкровной» февральской. Кровавый холокост — holocaustum (греч.) — «принесение жертвы всесожжения», когда жертва полностию пожигается огнем, настоящий диавольский культ, преступление пред Христианством и человечеством. И Мученик Григорий, как позднее миллионы православных христиан, первый испил чашу страданий до дна. Первый русский новомученик эпохи гонений. Глядя на фотографии Старца, отец Николай с плачем, всегда с плачем, сокрушался: «Дорогие мои, драгоценные! ***Земля утомилась от наших грехов.*** *Плакать надо и сокрушаться, усилить молитву. За эту низость, небывалый грех, несем и мы все наказание! Для всех теперь епитимия от Господа за убийство Григория. И Россия несет наказание за его муки».*

«Кажется, — писал в 1920 г. в своей книге «Православный Царь-Мученик» игумен Серафим (Кузнецов, 1873‡1959), — надо бы оставить в покое Государя и Его Семью после всего того, что уже причинили Им. Но нет, злоба людей, потерявших чувство сострадания, безпощадна. Она изобретает все новые и новые способы уязвлять свои жертвы, пока Их не добьет окончательно. Изобретается новый способ разбережения ран Страдальцев. Натравливается толпа вынуть из могилы гроб с телом убитого 17 декабря 1916 года Григория Распутина. После всевозможных надругательств над

[1] *Купчинский Ф.* Как я сжигал Григория Распутина. С. 6.

покойником, гроб его, по настоянию полковника Кобылинского, погружается в товарный вагон и отвозится за несколько верст, во избежание дальнейшего святотатственного надругания, ибо по духовному закону над покойником никакие издевательства не допускаются. Но здесь, вопреки воле Кобылинского, было сделано иное, с известной злобной целью, дабы этим делом вбить лишний гвоздь в многострадальные сердца Царственных Узников. Совершается еще небывалое святотатственное дело по попустительству или, быть может, по сознательному указанию высшего революционного начальства: гроб с покойником не предается земле [...] ... И новое надругательство, после которого гроб с покойником сжигается при помощи имеющегося в автомобиле бензина, а прах развеивается по ветру. Привезенный бензин не толпой, а людьми, ехавшими на автомобиле, свидетельствует о том, что это сделано по распоряжению того, кто послал автомобиль, т. е. людьми, стоящими у власти. Но и на этом злоба людей не остановилась. Об этом печатается во всех газетах с прибавлением непристойных иллюстраций и клеветнических выпадов по адресу Царской Семьи, и газеты эти, подчеркнутые красным карандашом, были приподнесены Государю»[1].

«Следует определенно заявить, — отмечает С. Фомин, — что именно по прямому указанию министра *юстиции* А. Ф. Керенского и с одобрения прочих временщиков был совершен акт осквер-

[1] *Игумен Серафим.* Православный Царь-Мученик. М. 1997. С. 236.

ния могилы. При этом было совершено святотатство: из гроба украли, а впоследствии продали икону Божией Матери. Преступники открыто глумились над телом православного, уже представшего на Суд Божий. Наконец, тело кощунственно сожгли. Обо всем этом открыто писали газеты, смакуя грязные подробности. Все это Великим Постом... И... никаких протестов со стороны церковной иерархии, Св. Синода, насколько известно, не последовало... Впрочем, также как и в связи с арестом и содержанием под стражей Православного Царя, Царицы, Наследника Цесаревича (тяжко больного Мальчика), юных Царевен... (Так чего же мы хотим после всего этого, православные?!!)»

Совершенно очевидно, что временное правительство опасалось, что впоследствии обнаруженная могила Царского Друга Григория превратится в место религиозного паломничества, и что память о нем будет сохранена в сердцах верующего народа.

В «Биржевых ведомостях» был опубликован откровенный текст, признающий этот факт: те, «кто имеет право и обязан охранять спокойствие народа, распорядился раз навсегда избавить толпу от соблазна и перечень святых от непрошенного нового имени»[1].

«Капитан Климов, — писали в «Русской воле» от 9 марта 1917, — рассказывает подробности о тех фактах, которые привели его к мысли о том, в каком именно месте был погребен Старец. Прежде всего, в народе, после убийства Распутина, вошло в

[1] Биржевые ведомости.1917. № 16133. 13 марта. С. 2.

непонятное никому обыкновение брать у лесных складов в целебных и религиозных целях немножко снегу и щепку с постройки часовни [где был погребен под будущим Алтарем святой Мученик], кусок мерзлой земли и другие сувениры». Когда кощунники начали вскрывать могилу, весть об этом святотатстве мгновенно распространилась, и к вечеру того дня, 8 марта, как сообщала повременная печать, к часовне потянулись «несметные толпы солдат и простого народа». Оставшуюся «цинковую крышку гроба разломали на куски. Каждый хотел оставить себе на память кусок крышки»...

«Вопреки рассказам некоторых мемуаристов о радости петербуржцев по поводу смерти Г. Е. Распутина, это, по словам осуществлявшего личную охрану Царя жандармского генерала А. И. Спиридовича, — не более чем «аристократическая легенда». В действительности простые люди были *встревожены* случившимся, — пишет С. В. Фомин. — После извлечения тела Г. Е. Распутина из промоины в Петербурге, согласно беспристрастным отчетам полиции, множество людей устремилось к реке, черпая воду из того места, где он принял мученическую кончину. Эту воду разносили как святыню по домам. Последнее подтверждает и запись, обнаруженная в архиве В. М. Пуришкевича уже после его смерти. Он пишет, что к месту обнаружения тела Старца «стали стекаться целыми вереницами, главным образом женщины, начиная с самых верхов и кончая низами, с кувшинами и бутылками в руках, чтобы запастись «освященной» распутинскими останками невской водой». Многие чтители

Старца собирали снег и землю с места его погребения. Вспомним, далее, уже приведенные нами свидетельства о том, как съехавшимися в Царское Село людьми была разобрана в ратуше крышка от гроба Распутина.

Как писали в газетах, в первых числах марта 1917 года «в печати уже мелькали известия, что около трупа [Григория] стали создаваться различные толки, и чей-то угодливый старому порядку голос нашептывал провокаторское известие о чудесах, обнаруженных у гроба».

«В приведенном пассаже, — отмечает далее исследователь, — характерно не только безусловное отрицание apriori возможности самих чудес, но и навешивание на тех, кто был их свидетелем, кто в них верил, политического ярлыка приверженности Царскому режиму, обвинение в провокаторстве. Но ведь это — еще и еще раз повторим! — народное почитание Старца Григория, начавшееся сразу же после его мученической кончины! Впрочем, князь міра сего с тех пор настолько преуспел, что даже мvроточение икон он, через *внешне* авторитетных людей, объявляет ныне явлением ничего не значащим».

Дар свидетельства об Истине

Святитель Иоанн Златоуст говорил: «*Нет ничего светлее и сильнее истины, равно как нет ничего безсильнее лжи, хотя бы она прикрывалась безчисленными покровами*»... Батюшка Николай

не боялся обличать изуверское беззаконие. Я не встречала на своем пути иного человека, который бы имел такую свободу души и внутреннюю независимость от ложных условностей. Незлобивый от природы, он никогда не позволял неправде господствовать над собой, был честен и мужественен, неподвластен тьме и заблуждениям. Благодатное сердце его ***ведало*** Христа, и он ни на минуту не сомневался, что Григорий Ефимович свят, Мученик пред Небом. И низкий ему поклон, что не унес он это знание с собою в Вечность, оставив нас в глухом помрачении. Отец Николай подарил нам духовное сокровище, которое стяжал молитвенным трудом, стяжал ведение истины в отношении Григория и смог донести и до наших сердец, найдя много душ, которые с благодарностию приняли это сокровище. Ведь многие гнушались Григорием не от злобы, а от неведения, по злому навету, исходящему от жестоких и гневных людей, питающих вражду ко всему Царскому и Русскому и не желающих потрудиться самую малость, чтобы прикоснуться к правде.

Никакой «рассудочный» душевный анализ некоторых священнослужителей и их предположения о том, что Батюшка Николай «плохо знал историю», «не был осведомлен с основными историческими событиями» и мог заблуждаться по причине «преклонного возраста» и старческой доброты и наивности, не могут быть взяты во внимание, ибо в Православии иной закон — Благодати.

Некогда отцы наши задались вопросом: какая добродетель выше всех? Стали называть — каждый то, что предпочитал из своего подвижничес-

кого опыта: один назвал пост и воздержание, другой — молитву, третий — молчание, плач, покаяние, иной милостыню... «Но Антоний Великий назвал главным *духовное рассуждение,* без которого все остальные подвиги не только не принесут пользу, но и неисцельно повредят. Все самое лучшее и самое правильное без духовного рассуждения превращается в коварнейшее зло, отравляет душу более всякого тяжкого греха. Но что такое «*духовная рассудительность*»? Называют ее еще «*разум Христов*» или «*око ума*», а отец Серафим (Роуз) очень удачно зовет «*православием сердца*». Можно сказать, что это есть новое, как бы шестое чувство, духовное зрение, которым человек видит духовную сторону вещей, «*корни*» вещей, событий, протянутые в духовный мир — за пределы обычных рассудочных понятий. Посевается это «чувство» в душе христианина при Таинстве Миропомазания, а раскрывается и проясняется по мере его личного духовного подвига и роста»[1].

У отца Николая было *духовное зрение, чистое око ума, разум Христов и православие сердца,* — а оно, замечает архимандрит Лазарь (Абашидзе), в отличие от душевного разумения и знания, «видит и вглубь, и вширь, и в прошлое, и в будущее, просто видит — необъяснимо, недоказуемо, помимо логики, без анализа и испытания. Бог открывает это знание — в духе человека, в сердце».

Батюшка стяжал Благодать Святого Духа и был просвещен Ею, это доподлинно известно, а мы не

[1] *Архим. Лазарь (Абашидзе).* Меч обоюдоострый. Благодатный огонь №4. 2000. С. 33.

имеем той духовной высоты, чтобы дерзко «оспаривать» ведомое и извещенное от Духа Старцу: на нем был дух древних отцов и подвижников, и пламя его молитвы пробилось сквозь толщу тьмы и лжи. Он пребывал во Свете...

Но что могут свидетельствовать о Свете современные исследователи-миссионеры, которые не имеют ни молитвы, ни благодати, ни дерзновения, ни веры, ни любви к Богу?! Если они вооружены тусклыми фонариками материализма и едва видят очертания предметов... Разве им открыта суть вещей, как отцам, прежним старцам?! Не имея силы ушедших отцов, они только и повторяют как «заклинание» — «послушание священноначалию», и совершенно отсутствует в их призывах желание знать главное: *Волю Божию... И послушание Истине, то есть Христу, отсутствует в их наставлениях.* А молитвы и подвиги отцов для них лишь «старческая немощь»!

Отцы же наши были всегда с Богом и слышали Его прикровенное Слово. Батюшка Николай донес до Церкви благословение Божие — ***исповедал святость незабвенного Григория и очистил ото лжи, заповедав это и нам, его пастве.*** Ныне множество народа стали наследниками его благословения — ***чтить и любить Царского Друга Григория как свято чтили и любили его Августейшие Страдальцы, прославленные Вселенской Церковию, знавшие силу его молитвы и подвиг.***

Одухотворенный странник, молитвенник-чудотворец, человек Божий и пророк, искренний на-

стоящий Друг и духовный отец — именно так воспринимали личность Григория Ефимовича Царственные Святые.

Григорий любил Их больше жизни и отдал ее, не колеблясь, за своих «обожаемых Монархов». Он ушел, выполнив предреченное Богом — стал жертвой чистой великого святостию русского народа за Царя. Скорбная, плачущая, тихо молящаяся Русь Прикровенная, Царский Китеж, отдала лучшего из сынов. Они были самыми близкими его сердцу, и именно Их слово об отце Григории является для всей церковной полноты ***словом решающим***.

Вновь и вновь приводим заключение безпристрастного следователя ЧСК Руднева В. М., в результате всестороннего расследования убедившегося в том, что все обвинения, возводимые на Григория Ефимовича — клевета. ***«Источник влияния Распутина при Дворе была наличность высокого религиозного настроения Их Величеств, и вместе с тем Их искреннего убеждения в святости Распутина, единственного действительного предстателя и молитвенника за Государя, Его Семью и Россию перед Богом»***[1].

Один путь — Правды

Для нас важно установить одно, — пишет исследователь Андрей Щедрин, много потрудивший-

[1] *Руднев В. М.* Правда о Царской Семье и «темных силах». С. 14.

ся для открытия правды о Царственномучениках и Их сердечном Друге, — даже современники оценивали личность Распутина неодинаково. И никакой, даже самый пристрастный человеческий суд не произнес еще до сих пор о нем своего слова. Все сказанное о Распутине — не более чем мнение или, как мы теперь знаем, сознательная клевета.

Однако один голос, едва слышимый из-за завываний лжи и раскатов злобы, но вполне внятный для чуткого слуха — голос Мучеников Царского Служения, безпримерным подвигом стяжавших Благодать и дар свидетельствования об Истине, — этот голос говорит о праведности того человека, чье имя стало нарицательным для мира — Григория Распутина. И мы не можем не прислушаться к этому голосу.

Всепроникающая клевета попыталась обесценить в наших глазах и последнее свидетельство Святых. Известны высказывания некоторых далеких от Царской Семьи людей, которые говорили о том, что будто бы в ссыльный период Царственные Мученики отреклись от Распутина, поняв, что были обмануты им.

Но время опровергло и эту ложь. В ставшем недавно известным признании одного из тайносовершителей екатеринбургского беззакония, главного убийцы Царя, Янкеля Юровского, помеченного тайным мистическим клеймом *(Юр — Лобное место — Голгофа),* имеется прямое указание. — В момент смертного тайнодейства ладанки с изображением Распутина находились на Честных Телах Царственных Страстотерпцев. Так Святые

свидетельствовали о сопричастности Своего Друга Их Небесной Славе.

Что же делать нам, маловерным, ослепшим духовными очами и не имеющим непосредственного видения, но требующим доказательств, подобно тому, как лишенные телесного зрения по запаху, по звуку, по совокупности совершающихся в окружающем перемен пытаются составлять картины происходящих событий?

У нас есть один путь. Тот, который избрал преосвященный Гермоген, бывший другом, а потом самым ярым гонителем Старца по доверию к возводимой на него клевете. Вразумленный чудесным знамением, Владыка, по его словам, духовно совершенно примирился со Старцем Григорием и служил по нем панихиды, как в ссылке в Жировицком монастыре, так и позже на Тобольской кафедре, куда Промыслом Божиим он был назначен после революции и где своей молитвой и заступничеством поддерживал находившуюся в заточении Царскую Семью»[1].

Голос Царственных Святых

Спросили Авву Епифания Епископа Кипрского: достаточно ли одного праведника для умилостивления Бога? Он отвечал: достаточно; ибо Сам Бог сказал: «*аще обрящете единого мужа, творящаго суд и ищущего Веры, и милосерд буду всему*

[1] *Николай Козлов (Андрей Щедрин).* Памяти Старца. Святой Мученик Григорий Распутин (Новый).

народу» (Иер. 5.1)[1] — это о Мученике человеке Божием пророке Григории.

«Распутин всегда производил на Них впечатление Старца богомольного. Они видели в нем единственного человека в России, Им преданного [...] Они совершенно искренно, я в этом убежден, верили в его святость»[2].

«Влияние Распутина было громадное: он был как Член Семьи... Распутин, Царь и Царица — это все вместе»[3].

«Он — святой Мученик» — веровала Государыня-Императрица. По Ее Августейшей воле, спустя месяц после изуверского убийства праведника, в январе 1917, было издано под Ее же редакцией, краткое Житие Григория Ефимовича, под названием «Новый Мученик». Там проводилась мысль, что он был святым человеком Божиим, одухотворенным опытным в Иисусовой молитве странником, и по своему жизненному подвигу и кончине должен почитаться именно как Мученик. «К брошюре приложены фотографические снимки, сделанные с Распутина при извлечении его из воды. При этом поясняется, что судорожно-сведенные руки Распутина надо понимать так, что одной рукой он молится, а другой благословляет. Оригиналы этих снимков, как святыню, хранили [...] Царица Александра Феодоровна и бывший министр внутренних дел Протопопов. Брошю-

---

[1] Луг Духовный. М. 2004. С. 500.

[2] Дворцовый комендант ген. В.Н.Воейков. Падение Царского режима. Т.3 . С. 63.

[3] *Протопопов А.Д.* Падение Царского режима. Т.4. С. 6.

ра эта усиленно распространялась среди воинских частей, отправлявшихся в действующую армию»[1].

Следует особо напомнить о месте захоронения святого Мученика Григория — в алтарной части строящегося в Царском Селе на земле А. Вырубовой храма Преподобного Серафима Саровского, на закладке коего за месяц до убийства молился и сам Григорий Ефимович: «Закладка Аниной церкви, — писала Императрица Государю в письме от 5 ноября 1916 — прошла хорошо, наш Друг был там, а также славный епископ Исидор, епископ Мелхиседек и наш Батюшка [прот. Александр Васильев]». По некоторым сведениям со временем здесь предполагалось учреждение скита или даже небольшого монастыря. «21 марта 1917 [...] собирались закладывать монастырь по проекту архитектора Зверева»[2].

«Государыня, — писал, например, в книге «Распутин и Россия» Б. Алмазов (Прага. 1922), — по совету приближенных решила построить в память Григория Распутина монастырь его имени. Идея сооружения монастыря была одобрена и Николаем II. Государыня находила, что монастырь должен называться просто *«Распутинский»*, а Царь с этим не соглашался, предлагая назвать его «*Григориевский»,* на что Государыня резонно заметила, что Григориев много и что это не обезсмертит его имени. В разговор вмешался контр-адмирал Ни-

[1] *Черныше́в А.* В поисках могилы Григория Распутина. Возвращаясь к напечатанному // Русь. 1994. №4 (13). С. 126. *Фомин С.* Григорий Распутин. Расследование. Боже! Храни Своих! М. 2009. С. 363.

[2] *Фомин С.* На Царской страже. М. 2006. С. 345.

лов, который предложил назвать будущий монастырь «Царскосельским». Эта идея очень понравилась Государыне, Которая, не уступая, однако, в своем решении, остановилась на комбинированном названии. Получилось, таким образом, название *«Царскосельский Распутинский монастырь»*. Предполагалось соорудить и обитель на родине Распутина в Тобольской губернии, близ села Покровского»[1].

«Кем же считал Государь Г. Е. Распутина? — На этот счет имеется неопровержимое свидетельство — официальное письмо Царя-Мученика министру внутренних дел Н. А. Маклакову, написанное 30 июня 1914: «весьма чтимый Нами Старец Григорий Ефимович Распутин»... Но зададимся вопросом: «Кто был слеп — Они, Непорочные, Мужественные, Прекрасные, или мы... Вот центральный пункт всех споров о Распутине»[2].

Почему запрещают почитать Мученика Григория

Всякий раз, когда упоминают о Григории как о праведнике, как о великом молитвеннике и Царском Пророке, о его благодатных дарах от Бога, непременно звучат, подобно заклинанию «о священноначалии», слова: «Святость Преподобномученицы Елизаветы, подтвержденная нетлением

[1] *Ватала Э.* Григорий Распутин без мифов и легенд. М. 2000. С. 702–703.

[2] *Фомин С.* Боже! Храни Своих! М. 2009. С. 268.

мощей и множеством чудес, просит обратить внимание на ее мнение о Григории Распутине, а она его считала злым гением, погубившим Царскую Семью и Россию». Разговор, как правило, завершается приговором: «Итак, вы против святой Мученицы Елизаветы?»

Именем В.К. Елизаветы Феодоровны клеймят всех исповедников святости Царского Друга. После «мнения священноначалия», ее имя — самый веский аргумент. Любое слово в защиту памяти сибирского Странника вызывает бурю странных негодований и обвинений чуть ли не в расколе и сектантстве. Хотя всякий разумный человек понимает, что прославление святого не может привести к церковному расколу: «Наоборот, — отмечает историк Петр Мультатули, — привести к церковному расколу может отказ от прославления. Ибо человека прославляет не Церковь, а Сам Господь Вседержитель. Церковь лишь свидетельствует об этом прославлении перед всем миром. История Православия еще не знает ни одного примера, когда прославление святых привело бы к расколу. А вот, если бы священноначалие стало игнорировать почитание церковным народом Царской Семьи, которое в 2000 году было повсеместным. Если бы оно стало игнорировать те чудеса, которые являли Царственные Мученики, те исцеления, которые происходили от Их икон, то это игнорирование могло бы привести к опасным внутрицерковным проблемам».

Для нас Святая Царская Семья является величайшим примером для подражания, Они — высший образец верности Христу. Для современной России

Августейшие Мученики — символ Православия. Потому, нисколько не умаляя праведность Великой Княгини Елизаветы, мы, как и Царская Семья, исповедуем святость Мученика Григория. Они, Ангелоподобные — главные свидетели его христоподражательной жизни, а не Елизавета Феодоровна, не видевшая его ни разу и только питавшаяся слухами и наговорами из уст его убийц. И истинно для нас слово служки Царева отца Николая.

Так как не было большей любви к Царственным Мученикам, чем у Батюшки Николая-Нектария, который еще девятилетним отроком сораспялся с Царственномучениками, видя в духе Их Крестные Страдания.

«Я среди распинаемых в Ипатьевском подвале был самый маленький» — со слезами свидетельствовал Старец.

Потому именно он, Царский Архиерей, обладающий всей полнотой Апостольской Благодати и Власти, от лица Матери-Церкви был и остается мужественным защитником всего Царского, очищая от грязи и плевел лжи сияющие несказанным Светом Искупительного подвига имена Святых Царственных Мучеников и Их Святого Друга Григория Ефимовича Распутина.

Ответ Старца Николая на письмо в Будущее

Помню, как в 1995 году привезла на Остров опубликованные письма Великой Княгини Елизаве-

ты к отцу Герцогу Гессен-Дармштадтскому Людвигу IV накануне ее перехода в Православие. Она открывала свою душу в письме от 8/20.03.1891: «Я уповаю на Его [Господа] всемогущество, и я постоянно молюсь, чтобы я была хорошей дочерию и верной женой и всегда была бы хорошей христианкой, и чтобы в моем земном счастии я всегда думала о будущем и о моем спасении, и была готова всегда к этому (смерти)... Пожалуйста, покажите это письмо и Аликс [будущей Императрице]».

Батюшка приостановил чтение и сказал: «Бедненькая! Тут она еще не знает, что Их всех ожидает. Мечтает о простом человеческом счастии. А будет страшнее страшного! Одна война кругом. Окружат лживые «дамочки» и предатели Царя, ссоры и наговоры на Сестру-Императрицу Александру Феодоровну, обиды и одиночество, неприязнь к Царской Семье, а потом — тяжелая смерть. Милость Божия, что от человека сокрыто его будущее. Иначе, мало бы кто выдержал Крест» — Батюшка задумался и на некоторое время замолчал.

Чувствовалось, что слова о Кресте относились и к нему. Он ведь видел наше будущее, каждого из нас, знал тяжелые испытания, которые предлежат миру. Иногда вздыхал: «Как мне вас всех жаль! Как бы вам всем без гробов не належаться! Что вас ожидает! Голод... Голод духовный... Но я помолюсь и попрошу Господа, чтобы у вас был хлебушек, духовный».

Однажды приехала на Остров семья из Грузии. Пропал единственный сын. Пока мать и отец медленно поднимались по дорожке от Храма к келлии,

он смотрел на них и часто крестился, а потом тихо обратился ко мне, прежде чем подошли: «Как им скажешь, что сын на колбасу пошел?! Нет уже в живых... Господи, помяни и помоги!»

Прошло некоторое время, и Батюшка продолжил: «Вы знаете, Императрица часто бывает у меня с Елизаветой Феодоровной здесь, в келлии. Августейшие Сестры скорбят, что так оболган Григорий. Особенно Елизавета. Она оплакивает свою вину, страшно переживает за необдуманные поступки и слова, которые сейчас многие принимают за истину. Она ведь сильно враждовала с Григорием, но самого так ни разу и не видела. Даже ослушалась Императора, не раз умолявшего ее встретиться и поговорить с ним... Она же — ни в какую! Но ведь даже Сам Господь, Который ведает все, не наказывал Содом, прежде чем не *исследовал, снизойдя с Небес на землю* (Быт. 18.20). Елизавета Феодоровна просила, чтобы мы исправили ее страшный грех в отношении Григория, потому что эта неправда и ложь продолжают жить. Ее коварно обманули, использовали, а она дала себя втянуть, запуталась в ловко расставленных сетях — и погубили ни в чем неповинного человека, а вместе с ним и Россию!»

Отец Николай сказал об этом так просто и несомненно, что я замерла, не зная, как продолжить разговор. Душой я сразу услышала Батюшку, но сознание преткнулось: «Елизавета Феодоровна причастна к убийству Григория?! Не может быть!»

В ответ на промелькнувшее как молния недоумение вновь услышала ясные слова: «Да, это истинно так... При жизни она имела зазорный грех

ненависти к Григорию, который не смогла побороть, избавиться от него. Вы не страшитесь сему: ведь совершенство у Одного Бога. Она искупила этот грех своими мучениями, достойно претерпела их, не озлобилась сердцем, молилась за своих убийц, просила Господа простить их... Это ведь не просто дается во время страданий, только если Благодать сопутствует... И Елизавета Феодоровна стяжала святость... Но и святые, они ведь люди, и при жизни, бывает, причастны злу. Апостол Павел присутствовал при мучительной казни Архидиакона Стефана, стерег одежды убийц, поддерживал их своим гневным словом, а сам не побивал камнями только потому, что состоял в секте фарисеев. Но ведь потом покаялся, уверовал и оплакал грех. А Апостол Петр?!. Вот и Елизавета Феодоровна очень страдает *Там*, что принимала, пусть и косвенно, участие в кровопролитии, одобряла намерения убийц и продолжала гневаться на Григория даже по его кончине... Так силен грех пристрастного осуждения, ненависти. Он ослепляет душу... А сейчас, сами знаете, ее имя используют и прикрываются им, чтобы продолжать порочить и чернить Царскую Семью и злословить праведника, который у Бога во святых... У врага цель — низложить Царственных Мучеников. А повод — вот он! Григорий, такой, каким они его малюют! Вот и весь сказ... Малюют всякую ложь и на духовную жизнь Царя. Какой, мол, Он святой, если столько лет прельщался лжестарцем?! Вот главная цель: через очернение Григория продолжать глумиться над Царем! Такая воинственная ложь... Врагу тошно, что Царскую Семью прославили, он

не отступает. Поэтому Елизавета Феодоровна и просила меня помочь очистить имя Григория, и ее имя от этого страшного навета» — продолжал Батюшка. — Она покаялась, когда попала в шахту. Там осознала свой грех до самой глубины и совершенно очистилась пред Богом. Ведь Мученики Царственные и Григорий встречали ее душу и молились за нее на исходе... Простили ее — а это очень важно в Очах Господних. Подвиг ее жизненный велик, но и заблуждение это — тяжкий грех. Отягощал душу перед исходом из тела. Она дольше других пробыла в шахте в мучениях, пока полностию не исповедовала Господу содеянное. И все изгладилось — ведь Милосердие Божие над нами».

Позже, уже после успения Батюшки, прочла о необыкновенном видении крестовой сестры Марфо-Мариинской обители Ефросинии, бывшем 25.06.1912 и засвидетельствованном священномучеником Митрофаном (Серебрянским), духовником В.К. Елизаветы. Ефросиния увидела Матушку уже в сиянии святости, в сонме святых, хотя она была еще на земле. Преподобный Онуфрий, сопровождавший душу по блаженствам, объяснил: «Она теперь еще живет на земле, и, подражая житию святых жен Марфы и Марии, соблюдает душу и тело в чистоте, творит добрые дела, молитва ее и крест скорбей, который она безропотно несет, возносят душу ее на Небо. *У Нее тоже были грехи, но через покаяние и исправление жизни Она идет на Небо*»[1].

[1] *Неволина Е.* Золотой святыни свет. М. 2004. С. 42.

«ОНА ПОКАЯЛАСЬ»

Свидетельство Батюшки Николая о раскаянии Великой Княгини Елизаветы Феодоровны в грехе вражды, неприязни и косвенной причастности к убийству Царского Друга Григория Ефимовича Распутина

«Наложить покаяние»

Преподобный Амвросий Оптинский говорил: «Для истинного покаяния нужны не годы или дни, а одно мгновение»... Как у Разбойника Благоразумного: *«Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем»*... «Первенство Благоразумного Разбойника в приятии Благодати Церкви Невидимой всецело обусловлено единственно актом безграничного, хоть и совершившегося мгновенно, покаяния, которое одно, при всей вопиющей неправде его жизни, сделало его участником Церкви во всей ее Полноте... Приятие человека в Церковь Христову и пребывание в ней совершается не по праведности и положительной его заслуге, но по сознанию им своей греховности, совершенной беспомощности и единому упованию на Божию помощь»[1].

Слова Господа к кающемуся Разбойнику, «начертанные не тростию, а Крестом», были даны всему *кающемуся* человечеству: «*Аминь, глаголю тебе, днесь со Мною будеши в Раи*».

Так и Преподобномученица Елизавета, готовясь к смерти и видя пред собою Вечность и Судию живых и мертвых, сокрушилась сердцем и раскаялась, исповедовала Самому Господу грех вражды и косвенной причастности к убийству Пророка Божия Григория и наследовала Царство Небесное, ибо

[1] *Дурылин С. Н.* Церковь Невидимого Града. М. 2000. С. 116.

душа Ее имела множество добродетелей, милосердия и высокую любовь к ближнему...

Старец Николай свидетельствовал об Августейшей Подвижнице: *«В грехе вражды и косвенной причастности к убийству человека Божия Григория Ефимовича Распутина она покаялась... Глубоко раскаялась во время мученической кончины в Алапаевской шахте».*

А покаялись ли мы? Разве изменили неприязненное отношение к праведнику, основанное на черных измышлениях, откровенной лжи, целенаправленной, порожденной людьми, сокрушившими Царский Престол и все самое светлое в нашем земном Отечестве... Разве не продолжаем их дело?! Посмотрим вокруг себя. Повсеместно в проповедях духовенства с церковных амвонов, в газетных и журнальных статьях церковных изданий, в церковной среде многие вполне искренние люди продолжают повторять ложь о «слабовольном Царе и нервной Императрице, бывших под влиянием «павшего» старца... Где же здесь раскаяние? Где почитание и любовь к Царственным Святым? Где готовность смириться пред Истиной и отказаться от заблуждений?

Когда в послеблокадном Петербурге одна писательница посетовала, что чувствует себя виноватой, что осталась в живых, и «что оставшихся в живых, надо как-нибудь, хоть немного, наказать», Анна Ахматова ответила: *«Наложить покаяние».*

Отец Николай принял на себя покаяние за целый народ. За церковный народ особо... Он имел дар от Бога различать, где Правда, и где ложь, пото-

му и взял на себя огромный груз — *молиться и каяться*... Праведный Старец говорил: «Подлинный Григорий Ефимович не имел ничего общего с созданным лживым образом. Это была воинственная ложь. Главная мишень ненависти — Православная Россия и Царская Семья». Возрождение Самодержавия в нашей стране вызывает страшное противодействие. И здесь особенно удобен лживый миф о «Распутине» — для поношения всего православного мироустроения... «Таковы были Правители, таковы были Их близкие!» — Правду же сказать боятся, не смеют признать, что Царь и Царица — Великие Святые. Ничего подобного «страны прогресса» миру не явили, и явить не могли»[1].

Святые подвиги Августейших Страдальцев и Их Верного Друга Пророка Григория настолько высоки и Богом благословенны, что пройдет время, веруем, несомненно, и Они воссияют во всей подлинной красоте и глубине как Христианские Подвижники и Мученики, сохранившие Русский Престол. Святые, в жизни своей явившие образ служения Руси и Святой Соборной и Апостольской Церкви.

Врачующая благодать страданий

Отцы Церкви говорят, что зрение человеком своих грехов есть величайший дар Божий, выше многих добродетелей. Когда мы искренно и глубо-

[1] *Боханов А.Н.* Правда о Григории Распутине. М. 2011. С. 501.

ко *осознаем* свою вину, эту внутреннюю тьму, которая нас поборола, Благодать внезапно отверзает духовные очи и грех открывается во всей его нечистоте и отвратительности. И тогда приходит раскаяние... Грех нами видится как преступление против Отеческой Любви, человека поглощает чувство вины, сожаления о совершенном, и одновременно, страха Божия.

Это «*озарение-осознание*» и произошло с В.К. Елизаветой Феодоровной 18 июля 1918 года, когда она была живой сброшена безжалостными убийцами в глубокую шахту под Алапаевском и в течение долгого времени претерпевала немыслимые муки и страдания. Ее сердце содрогнулось от осознания страшного греха сопричастности к безжалостной травле, клевете, ненависти, а в итоге — злодейскому убийству 17/30 декабря 1916 года ни в чем не повинного человека, самого дорогого и близкого Друга Царской Семьи, Ее Родных — Старца Божия Григория Ефимовича Распутина. Это осознание сопровождалось большими душевными страданиями и телесными муками.

Божественный страх пред исходом души из тела пробудил в ее уме ясное видение всего произошедшего. Она ужаснулась от содеянного извергами-убийцами и от ее *личного* попустительства этому злу. Поняла, что была в каком-то смысле даже соучастницей, так как и принимала, и распространяла недостойные слухи о Григории... Святая мученица ясно увидела, что ее умело и ловко использовали, втянув в страшное беззаконие, которое закончилось еще страшнее — свержением

Престола, мученическими истязаниями Царской Семьи, поруганием православных святынь и Ее собственной гибелью.

Все то, в чем она так гневно и безрассудно обвиняла Венценосцев, особенно родную Сестру Императрицу Александру Феодоровну, на самом деле было *ее виной... Страшной виной.* Она вспомнила видение, бывшее незадолго до переворота ее духовнику отцу Митрофану (Серебрянскому). Глубокий смысл был в нем, но он ей не открылся: из краев черной рамки, в которой помещалось изображение Государыни Императрицы Александры Феодоровны, неожиданно потянулись побеги с распускающимися белыми лилиями, все более растущими и, наконец, закрывшими Лик Царицы.

А ведь духовник обители, ее духовник — отец Митрофан, внушал сестрам: «Осуждением можно убить человека. Откуда ты знаешь, понесет ли он ту темную силу, которая стоит за твоим осуждением. Остановись! Быть может, Бог даст ему время на покаяние, а ты умрешь раньше него, не покаявшись — в нелюбви. Осуждение — это братоненавидение. А оно есть — противоборство Богу. Грех — осуждай, а человека, в грехах погрязшего, — жалей. Редко что хуже — нашей «праведной» злобы»[1].

Теперь Великая Княгиня осознала, что корни зла проникли *именно в ее душу*, что это *она* была окружена страшными беззаконными людьми, хитро и тонко пользовавшимися ее приближенностию к Трону. Все оказалось так страшно и невы-

[1] *Неволина Е. В.* Золотой святыни свет. М. 2004. С. 135.

носимо, безысходно больно, что у нее даже не было духа умереть. Она вспомнила те страшные слова и обвинения, которые бросала в лицо Императрице и Государю. Как обвиняла Их и доверилась врагам, отвергнув самых дорогих сердцу людей, не доверяя Им и осуждая.

Она вела себя недостойно: она не отреклась от мира, а продолжала жить в нем — слушала толки, пересуды, клевету, разделяла их, была уверена только в себе и в своей «правде». Не понимала высокую духовность и святость Государя и Императрицы, не слышала Их терпеливые мольбы — *не верить* безумной лжи. Она отрицала с гневом все Их просьбы увидеться со Старцем, «Нашим Другом»... Теперь Она знала, что он действительно *Друг,* а она была в окружении *злых и подлых врагов*...

Грудь ее сдавил стон отчаяния, ничем не излечимый: она *предала* самых дорогих и близких людей. Она — также виновница и *Их* гибели. Это не *Они*, а *она* пребывала во тьме заблуждения. Ей было горько за все свои слова, написанные в полном ослеплении Государю: «Я молю Бога, чтобы Он просветил Тебя... Взгляни на вещи, как они есть»... «Может быть, если бы я сумела все это сделать иначе, Тебе открылась бы истина, и Ты более не стал бы искать помощников, которые втайне от других приносят Тебе особую веру, создавая при этом видимость того, что они не отрывают Тебя от истинно Православной Церкви». — Позволить себе такую неслыханную дерзость — обвинить Святого Государя в «неистинной Вере» (письмо от 26.03.1910) — это уже было свидетельством серьезного помрачения

души, слепотой к истине... И ведь Царь-Мученик великодушно прощал ее, не навязывал Своих убеждений, не проповедовал и не поучал, но кротко и терпеливо нес в Своем сердце эту боль: *кругом измена, и трусость, и обман...*

Елизавете Феодоровне было страшно. Теперь она видела: всякое греховное дело имеет в основе своей заблуждение. Враг исказил в ее глазах чистоту и высоту подвига христианского смирения Царственных Мучеников и Их Друга... Она пребывала в прелести, о чем терпеливо, мягко, но настойчиво и не раз говорил ей Государь.

В знаменательном письме к Государю от 18.04.1909 она пытается оправдать свои поступки: «Ты пишешь о «духе прелести», в который, увы, можно впасть». — Но себя она не считала на тот момент сокрушенной этим злым духом. Когда Святая Мученица В.К. Елизавета осознала на глубину сердца все, что произошло на самом деле со всеми, с Отчизной, она ***сокрушилась так, как это бывает при полном раскаянии пред Очами Неба.*** И тут Благодать Божия с изобилием низошла в ее сердце и попалила все греховное. Господь ***измыл*** содеянное... — *«И тогда она покаялась,* — сказал Батюшка Николай. — *Искренно и пламено покаялась. Благодать Божия дала ей время, долгое время, чтобы она могла мысленно примириться с Царицей, Государем, Григорием, попросить прощения у Царевича и Царевен... Если бы Господь не задержал ее для этого покаяния в шахте, на ее душе осталась бы печать неоплаченного долга, нераскаянного греха. Она не смогла бы принести достойное*

покаяние в полной мере и обрести мученический венец во всей его чистоте. Покаяться можно, пока есть тело. А как только приходит конец жизни, время покаяния истекает. Ты уже не можешь просить за себя. Ведь то зло, что сотворили с Божиим человеком Григорием — вопияло к Небу. И Небо промыслительно очистило ее душу для уплаты долга. И это покаяние было принято Богом. Она поняла, как неправедно поступала в отношении Царской Семьи. Сколько горя принесла своей духовной слепотой и глухотой».

Отеческое предание учит: «Покаяние в буквальном смысле означает обращение ума к предшествующему состоянию, то есть *к правильному порядку вещей*... Покаяние, то есть изменение ума, начинается с просьбы о прощении грехов у Бога. Если далее человек не повторяет то, в чем каялся, то достигает с помощию Божией Благодати Христовой *даже до третьего Неба и слышит неизреченные и непостижимые глаголы»* (Старец Иосиф Ватопедский).

Когда авву Исаака Сирина спросили о покаянии, он отвечал: «Если мы все грешны, и ни один из нас не встал выше искушений, то ***нет ни одной добродетели — высшей покаяния.*** Делание его никогда не может достигнуть совершенства. И потому покаяние не может быть ограничиваемо ни временем, ни делами — до смерти» (Слово 71).

«Ужасное 17 число, — писала Императрица, — *и за это тоже страдает Россия.* ВСЕ ДОЛЖНЫ СТРАДАТЬ ЗА ВСЕ, ЧТО СДЕЛАЛИ, НО НИКТО ЭТОГО НЕ ПОНИМАЕТ».

«Преподобномученица Елизавета и убиенный Григорий: урок XXI веку»

В заключение приведу слова иеромонаха Макария (Маркиша) из его простой и замечательной статьи:

«В шуме голосов, печатных и устных, обсуждающих личность и судьбу Г. Е. Распутина и его место в судьбах России, есть один голос, мало различимый на общем безпорядочном фоне, но очень важный для всех нас. Думаю, не ошибусь, если назову его самым серьезным голосом среди тех, кто пытается видеть в интересе к Распутину лишь очередную спекуляцию на «популярных» именах. [...]

Голос этот исходит от тех, кого молитва, чувство и рассудок с особенной силой притягивают к одной из самых замечательных фигур всего сонма Российских Новомучеников большевицкой эпохи — к Преподобномученице Великой Княгине Елизавете Феодоровне. Великая Княгиня, живя в Москве, с Распутиным никогда не встречалась, но мнение о нем имела резко отрицательное. 18 декабря 1916 года, на следующий день после убийства Распутина и еще до того, как было найдено его тело подо льдом Малой Невки, Елизавета Феодоровна отправила телеграммы соучастнику убийства Великому Князю Дмитрию Павловичу и матери убийцы княгине Юсуповой, поздравляя их с «патриотическим актом» Феликса Юсупова. Когда об этих телеграммах узнала Императрица, Она, по словам А. Вырубовой, *«потеряла самообладание и плакала безутешно»*...

Все это хорошо и давно известные факты. С течением времени, они никак не меняются: со временем, особенно после ее прославления, лишь возрастает любовь и привязанность русских православных людей к Преподобномученице Елизавете Феодоровне. Отсюда, как бы с печальной необходимостию, возникает следующая цепь умозаключений: — *Великая Княгиня была образцом христианской добродетели, любви и милосердия; — Она ненавидела Распутина и радовалась его убийству; — следовательно, Распутин был чудовищем в образе человека; — а тот, кто пытается «оправдать» Распутина, слеп или безумен, и к тому же оскверняет память Великой Княгини Елизаветы Феодоровны*

В той или иной форме, мне нередко приходилось сталкиваться с подобным образом мыслей. Хотя выводы не всегда формулируются от начала до конца, однако человек пребывает в искреннем убеждении, что всякая попытка пересмотреть «классический» образ Распутина равнозначна плевку на гроб Преподобномученицы. Неудивительно поэтому, что серьезный разговор о Распутине идет с таким колоссальным трудом.

Между тем объяснение этого парадокса — отношения Елизаветы Феодоровны к Распутину и его убийству — лежит на поверхности и совершенно естественно для православного мировоззрения. ***Великая Княгиня была неправа.*** Надо уметь сказать эту фразу самому себе и окружающим безо всяких «но...», «однако...» и «в то же время...», без тени мысли о том, что признание ее непра-

воты «неуважительно» и каким-то образом «отменяет» ее святость. Каждый, кто любит ее, кто чтит ее святую память, обязан стремиться к выяснению истины обо всех обстоятельствах ее жизни. К исправлению тех ошибок, которые она по тем или иным причинам совершила. Ведь она прошла свой жизненный путь, освещая и указывая дорогу нам с вами: потому-то она и причислена к Лику Святых.

В точности то же самое, разумеется, относится и ко множеству других ситуаций. На днях, например, к священнослужителю нашего монастыря, отвечавшему на вопросы паломников, с вызовом обратилась какая-то женщина: «А знаете ли вы, что старец такой-то сказал то-то и то-то? — и она повторила распространенное заблуждение, касающееся нынешней гражданской жизни в России, — что же, по-вашему, получается, что он еретик?!» — «Отвечу вам на примере Апостола Петра. Как вам кажется, можно поставить вашего старца рядом со святым Апостолом Петром? Не намного он дальше от Господа?» По мнению паломницы, поставить их рядом было можно. «Ну, вот, хорошо. Петр за одну ночь трижды отрекся от Спасителя — но раскаялся и остался Его учеником и первоверховным Апостолом. А вашего старца из-за одного неловко сказанного слова на весьма зыбкую тему вы уже готовы записать в еретики!»

Надо сказать, что паломница отошла прочь с явным недовольством. А почему — непонятно. Тем более, что все остальные, кто присутствовал при разговоре, паломники и прихожане, были вполне

удовлетворены ответом. Неужели она, спокойно принимая тяжкий грех святого Апостола, неспособна принять неправоту «своего старца»? Неужели одна лишь возможность того, что «ее старец» оказался в чем-то неправ, означает для нее конец разговора?

Партийность — то есть восприятие окружающих событий исходя из того, к какой группе принадлежат действующие лица — имеет вполне невинное происхождение. Она возникает из естественного стремления людей к единству, к солидарности с друзьями, к сохранению личной верности. Однако диавол, пользуясь нашим невниманием, невежеством и упрямством, с изрядной легкостию обращает партийность в порок. Пускай партийность вросла в ткань современной общественной и политической жизни (хорошо это или плохо — другой вопрос), но в православном мировоззрении ей не место.

До недавнего времени партийность отравляла церковную жизнь за границей. Прежде всего среди греков, (как ответил один зарубежный корреспондент на мой вопрос о природе очередного церковного конфликта: «*Чтобы в нем разобраться, вам надо усвоить греческое мышление*»), а за ними и в других Церквах. Об этом свидетельствуют, например, письма иеромонаха Серафима (Роуза) к протоиерею Алексию Янгу (ныне иеромонаху Амвросию): снова и снова указывает о. Серафим своему ученику на губительные партийные раздоры. А в наши дни эпидемия партийности стала распространяться в России, причем вакцины против

нее — сиречь внимания, рассуждения, смирения и любви — у нас не хватает.

Зажатые в клещах партийности, мы теряем способность видеть, слышать и мыслить. Достаточно узнать, что такое-то мнение расходится с таким-то — и оргвыводы готовы: в лучшем случае это холодное молчание, в худшем — открытая неприязнь. Иные пытаются оправдать себя превратно понятым «послушанием»... Напрасные фантазии: каждому из нас придется отвечать перед Господом за ***свою собственную*** злобу, упрямство и ненависть к ближнему.

И глядя на совершеннейший абсурд сегодняшнего дня, — «столкновение партий Елизаветы Феодоровны и Григория Распутина» — и обращаясь в молитве к Преподобномученице Елизвaете с просьбой о просвещении и вразумлении молящихся ей, нельзя не увидеть, что дело здесь гораздо шире и серьезней, чем печальное заблуждение Великой Княгини-Мученицы.

Нельзя не увидеть, что действующие лица русской трагедии XX столетия — и причисленные к Лику Святых, и непричисленные, — протягивают руку в XXI век, предлагая нам урок и помощь в борьбе с мелочной злобой, невежеством и себялюбием, в стяжании даров любви к Господу и к Его Святой Церкви, смирения, трезвости и рассуждения. Примем ли мы эту помощь? Или будем как прежде держать «партийную линию»?[1]

[1] *Иеромонах Макарий (Маркиш)* http://rusk.ru/st.php?idar=1000009.

«Святой на Святого...»
Из жития Святителя Кирилла Александрийского

Батюшка Николай говорил: «В жизни Церкви Христовой все едино, объединено Благодатию Жизнодавца. Мы все соединены Божественной энергией. И Ангелы, и Святые, и старые, и молодые. Если в чем-то сомневаешься и не можешь понять, всегда ищи ответ у Святых. В их житиях, творениях. Для того чтобы понять, духовно осознать, почему так случилось с Елизаветой Феодоровной, вспомни житие Святителя Иоанна Златоуста. Там ведь тоже беда. Неправда была. Святитель Кирилл не признавал Иоанна Златоустого и был его гонителем. Говорил и писал о нем злые и недостойные вещи». (Здесь упомянем о *недостойных* фактах и нашего времени. В ряде воспоминаний о Батюшке Николае, выпущенных по рекомендации псковской епархии, ему *приписывают* слова о том, что будто бы, когда его спрашивали о святости Г. Е. Распутина, он отвечал: «Разве вам не хватает святых в житиях Святителя Димитрия Ростовского?!» — Такое мог сказать совершенно неверующий в Бога человек, но только не наш дорогой старец-подвижник!) Но обратимся по совету Батюшки за назиданием к житию Святителя Кирилла:

«Не следует также умолчать и о том, как Святитель Христов Кирилл — этот великий угодник Божий, при столь великой своей святости, тем не менее, имел нечто зазорное в себе и противное благочестию, — дабы видеть чудесное его исправление. Он без причины гневался на Иоанна Златоустого.

(Святой Иоанн Златоуст, Патриарх Константинопольский. Занимал патриарший престол столицы с 398–404. Ревностное служение его истине и Церкви Христовой, смелые обличения всевозможных пороков и слабостей тогдашнего общества — возбудили против святого Иоанна злобу лиц, которых обличал Святитель, и они предприняли против него целый поход, возводя на святого всевозможные клеветы и стремясь вооружить против него Императора, Императрицу, а также и других лиц. Результатом этих интриг против Златоустого было его низложение и двукратная ссылка из столицы Империи. Вторая ссылка была в особенности жестокой. Святителя отправили в дикий Пифиунт, на берегу Черного моря, в Армении, но он, не доходя до этого города, истощенный трудностию пути и различными притеснениями в дороге, умер в Команах, в провинции Понте, на северо-востоке Малой Азии. Это было в 407 году. Кирилл Александрийский застал последние годы Златоуста, но лично едва ли мог знать Златоуста. Однако, так как против Златоуста враждовал дядя Кирилла, Патриарх Александрийский Феофил, то естественно, что и он имел пристрастное суждение о Златоусте, будучи вовлечен в обман распространяемыми на святого клеветами).

Святой на святого... Это не должно нас удивлять, потому что совершенство свойственно лишь Одному Богу; из людей же никто не может быть совершенным сам по себе, если только он не *примет от исполнения Христова.* (Ссылка на известное место Евангелия Иоанна Богослова: *и от*

исполнения Его (*Иисуса Христа*) *мы* все *прияхом благодать возблагодать* (Ин. 1. 16), т. е. от полноты благодатных даров во Иисусе Христе мы все в изобилии восприяли в себя действие Благодати).

Потому-то и святые, как люди, причастны человеческим слабостям. Такая слабость была и у Святого Кирилла, именно в его отношениях к Иоанну Златоусту: он гневался на святого мужа не только при жизни последнего, но даже и после кончины его, и не хотел поминать его во Святых. Такой гнев Кирилла происходил не от злобы, но от неведения. Он, с одной стороны, от своего дяди, Патриарха Феофила, с другой, от других, питавших вражду к Златоусту, слышал много несправедливых клевет против сего вселенского Светильника и, по своему незлобию, придавал веру лжи, как истине. Ибо написано: *незлобивый веру емлет всякому словеси* (Пр. 14.17). Константинопольский Патриарх Аттик, живший раньше Нестория, в своих посланиях убеждал его вписать имя святого Иоанна Златоустого в церковные диптихи, то есть — в книги с именами Святых. (Диптихами назывались деревянные, костяные или металлические дощечки, связанные друг с другом шнурами и служившие у древних греков и римлян памятными книжками. В Христианской Церкви диптихи являлись с древнего времени поминальными книжками, в которые записывались имена Епископов, Мучеников и всех вообще Святых).

Сам Аттик раньше также был одним из врагов Иоанна Златоустого, но потом, осознав невинность сего святого мужа и вместе с тем свой грех против

него, раскаялся. Вступивши на патриарший Константинопольский Престол после Арсакия, он вписал в диптихи и Златоуста и, пока был жив, увещевал Святого Кирилла письмами, в которых просил его поступить так же. Но последний не слушал его, не желая ниспровергнуть значение бывшего ранее Собора против Иоанна, который был созван Феофилом. (Разумеется, по-видимому, Собор под Дубною, недалеко от Халкидона, на котором председательствовал Феофил и на котором Святой Иоанн Златоуст был осужден и низложен).

Точно также и Святой Исидор Пелусиот. (Св. Исидор Пелусиот, знаменитый подвижник, отличавшийся строгостию своей жизни, подвизался близ египетскаго города Пелусия. Скончался около 436 года. По своим сочинениям, он был одним из великих Отцев Церкви. Сочинения его состоят из писем, большая часть которых представляет собою толкование Священного Писания. Впрочем, есть много писем, написанных с целию увещания и вразумления различных современных ему лиц, а также с целию примирения враждующих. Число всех писем преп. Исидора простиралось, как пишут, до 10000, но до нас дошло около 2090).

Он был родственник Кирилла, муж преклонных лет. Видя негодования многих на Святого Кирилла за то, что он исключает Златоуста из числа Святых, с дерзновением писал к нему, увещевая рассмотреть беспристрастно обстоятельства осуждения Иоанна Златоуста.

«Пристрастие не дальновидно, а ненависть вовсе ничего не видит, — так писал Пелусиот в одном

из своих посланий к Святому Кириллу. — Посему, если желательно тебе быть чистым от того и другого недостатка, не произноси необдуманных приговоров, но подвергай деяния справедливому суду; потому что и Бог, Который знает все прежде, нежели придет исполнение, человеколюбиво благоволил снизойти с Небес и видеть *вопль содомский* (Быт.18.20), научая нас делать все по точном исследовании. Ибо многие, бывшие с тобою на Соборе Ефесском, в посмеяние говорят, будто ты удовлетворяешь собственной вражде, а не того православно ищешь, что требовалось бы для Иисуса Христа. Феофилов он племянник, говорят о тебе, и его держится духа. Как Феофил явно излил неистовство свое на богоносного и боголюбивого Иоанна, так и этому желательно похвалиться, хотя в положении подсудимого произошла большая перемена, ибо Иоанн уже претерпел изгнание и теперь не находится в живых».

В другом послании Святой Исидор Пелусиот так писал Кириллу: «Устрашают меня примеры из Божественного Писания, и вынуждают писать, о чем должно. Ибо, если я — отец, как говоришь сам ты, то боюсь осуждения, какому подпал Илий за то, что не уцеломудрил согрешивших сыновей. (Разумеется первосвященник Илий, живший во времена пророка Самуила. Он отличался добротою, но его доброта граничила со слабостию. Это в особенности обнаруживалось в его отношениях к детям, священникам — Офнию и Финеесу, которые позволяли себе разные безчиния в скинии. Слабохарактерный Илий не обращал должного внимания

на это, несмотря на неоднократные вразумления Божии. Тогда Суд Божий не замедлил открыться над домом Илии. Наступила война с филистимлянами, и когда во время войны вынесен был в еврейское войско Ковчег Завета сыновьями Илии, то случилась катастрофа: сыновья Илии были убиты, Ковчег взять в плен, а Илия, услышав о сем, упал с сидения и умер (1 Цар. 4).

А если, как вернее знаю, я — сын пред тобою, носящий на себе образ великого оного Марка (разумеется Апостол и Евангелист Марк, положивший начало христианству в Александрии и, по преданию, бывший ее первым епископом) — то страшит меня наказание, какому подвергся Ионафан за то, что не остановил отца, искавшего волшебницы. (Ионафан — сын Саула, царя еврейского. Когда Бог отступился от Саула и во время войны с филистимлянами не дал ему откровения об исходе войны, он решился обратиться к суеверию и пошел к волшебнице, жившей в Аэндоре, небольшом городке в колене Иссахаровом. Здесь он вызывал тень Самуила и пытался узнать об ожидающей его участи. В происшедшей затем битве войска Саула потерпели поражение, и три старшие сына его были убиты на его глазах; сам же Саул упал на свой меч и закололся).

Ибо поелику мог остановить, то умер на сражении прежде согрешившего. Посему, чтобы и мне не быть осужденным и тебя не осудил Бог, прекрати распри, и того мщения за собственное оскорбление, какое следовало бы воздать смертным, не переноси в живую Церковь, — под пред-

логом благочестия не производи в ней вечного раздора». (Из-за Златоуста после его смерти происходили большие разногласия. В то время, как официальные представители Константинопольской и Александрийской Церкви не признавали его Святым, в других Церквах, например, Римской и Антиохийской, он был вписан в диптихи и сопричислен к Сонму Святых. Но и в первых двух Церквах было не мало сторонников Златоуста, которые не разделяли воззрений своих официальных представителей и считали его Святым. На этой почве происходили споры и несогласия. В Константинополе сторонники Иоанна Златоустого отделились даже от Церкви и образовали раскол иоаннитов. Раскол этот был здесь уничтожен только в 438 году).

И еще в ином месте святой так писал Кириллу: — «Ты спрашиваешь меня об обстоятельствах изгнания святого мужа Иоанна; но я не буду подробно писать о том, дабы мне не показаться человеком, обличающим и осуждающим других, ибо многочисленные несправедливости людей ко святому превзошли всякую меру. Я в кратких чертах припомню тебе жестоковыйный нрав Египта, который вблизи тебя: (Александрия, расположенная на самом берегу Средиземного моря, и как город греческого происхождения, здесь считается как бы находящеюся вне настоящего древнего Египта): он отрекся от Моисея, предался фараону, изъязвил ранами смиренных, озлобил тружеников, устроил города и не заплатил платы работникам. (Здесь указание на великие притеснения, которые

производились во времена египетских фараонов над рабами — строителями пирамид и других египетских сооружений. Истощаемые непосильной работой, они плохо кормились и не получали за свой труд никакой платы). Упражняясь в таких-то деяниях, он произвел на свет беззаконного Феофила, почитающего золото за Бога; (Предшественник Кирилла по Александрийской кафедре, дядя его партиарх Феофил, отличался корыстолюбием, как это видно из жития св. Иоанна Златоуста — ноября, 14 число).

Со своими единомышленниками он восстал на Святого Иоанна — боголюбивого и проповедовавшего о Боге мужа. Несмотря на это, дом Давидов утверждается и умножается, а Саулов, как ты видишь, изнемогает». (Выражение образное — указывающее на торжество праведного Златоуста после его смерти, признанного Святым во многих Церквах и имеющего большое число последователей и почитателей).

Таковы-то были писания Святого Исидора Пелусиота ко Святому Кириллу. Они возымели на последнего такое действие, что он, прочитавши их, стал сознавать свой грех. В особенности же он сознал его и совершенно раскаялся тогда, когда был *устрашен* следующим видением. Ему представилось, что он находится на некотором, весьма прекрасном и исполненном неизъяснимой радости месте. Здесь он увидел чудесных мужей — Авраама, Исаака и Иакова, и других Святых, как Ветхозаветных, так и Новозаветных. Вместе с тем он видел там весьма обширный и Светлый Храм, красоту

которого не в состоянии изобразить человеческий язык, и слышал в нем пение сладкозвучных голосов. Войдя в сей Храм и изумляясь его красоте и великолепию, Кирилл узрел в нем в сиянии Славы Пречистую Владычицу Богородицу, окруженную множеством Ангелов. Среди стоявших вокруг Богоматери находился на почетном месте и Святый Иоанн Златоустый, сиявший подобно Ангелу Божию чудесным светом и державший в руке книгу своих сочинений. Множество дивных мужей окружало его, подобно слугам. Все они были вооружены, как бы приготовившись к наступлению. И вот, когда Кирилл хотел припасть к стопам Богородицы, чтобы поклониться Ей, то Святой Иоанн с находившимися при нем оруженосцами немедленно устремились на него, запрещая ему приближаться к Пречистой Матери Божией и прогоняя его из чудесного Храма. Кирилл, видя негодующего против него Иоанна и себя выгоняемого из Храма, пришел в трепет. Но вдруг он услыхал Пречистую Деву Богородицу, обратившуюся к Иоанну с ходатайством, чтобы он простил Кирилла и не изгонял его из храма, так как он согрешил перед ним не по злобе, а по неведению. Но Иоанн как бы не желал простить Кирилла. Тогда Пресвятая Богородица сказала: *«Прости его для Меня, ибо он много потрудился для Моей Чести — прославил Меня среди людей и наименовал Богородицею».*

Когда Пречистая Богородица изрекала эти слова, Иоанн немедленно смиловался и отвечал Богородице: *«По Твоему, Владычица, ходатайству я прощаю его».* Затем, дружелюбно подойдя к Ки-

риллу, он обнял и облобызал его, и, таким образом, *они примирились друг с другом в видении.*

После сего видения Святой Кирилл стал часто каяться и осуждать себя за то, что до того времени напрасно держал гнев против такого угодника Божия. Потом, собрав всех египетских епископов, он совершил торжественное празднование в честь святого Иоанна Златоустого и записал последнего в церковных книгах в сонме великих Святых. Таким-то образом снято было пятно, лежавшее на святом муже Кирилле, который враждовал против Святого Иоанна, причем вражду между Своими рабами рассеяла Сама Пречистая Богородица. С того времени, пока был жив Святый Кирилл, он ублажал Святого Иоанна Златоустого похвальными речами.

Остальное время своей жизни Святой Кирилл прожил среди великих подвигов, заботясь не только о своем спасении, но и о спасении других и наставляя многих на путь праведный»[1].

Мать Милосердия и Матушка Игумения

Во время Первой мировой, когда Императрица с Дочерьми все Свое время проводила подле раненых в госпиталях и операционных, Епископ Елевферий (Богоявленский) в глубоком сердечном порыве обратился к ней: «***Вы — Мать Милосердия***». Воистину, это так. Ее внутренним устремле-

[1] Жития Святых Святителя Димитрия Ростовского. Июнь. Изд. Введенской Оптиной Пустыни. 1992. С. 169–174.

нием было утешать: «Моя обязанность быть там, где страдают» — постоянно говорила Она. И эти слова закреплены Ее каждодневными страданиями, вплоть до Ипатьевского подвала. Один из докторов Царской Семьи описывает знаменательное событие, отражающее внутренний свет и глубокое христианское милосердие Августейших Сестер во время Саровских торжеств в 1903: «Как-то случайно я шел мимо того места, где проходила дорожка к источнику [Преподобного Серафима] и увидел из-за угла, как Императрица Александра Феодоровна и Вел. Кн. Елизавета Феодоровна под руки буквально тащили к источнику бедную парализованную на обе ноги фрейлину Княжну Орбелиани, страдавшую наследственной неизлечимой болезнию поражения спинного мозга. Для чуда надо было подойти к источнику пешком, а Княжна ходить не могла, вот две Августейшие Сестры почти несли ее на руках»[1].

С самого первого дня, как Императрица Александра появилась в России, отношение двух Сестер стало объектом повышенного внимания. Они обе равно заслуживали уважение за Их большую привязанность и любовь к новой для них Родине. Но среди части придворных сразу поползли кривотолки и домыслы. Некоторые усиленно искали поводы для злословия. Их подозревали в соперничестве.

Во дни Коронации, состоявшейся в 1896, когда юная и прекрасная Царица Александра восходила на Русский Трон, за Елизаветой Феодоровной вни-

[1] В.К. Елизавета Феодоровна и Император Николай II. Документы и материалы. СПб. 2009. С. 647.

мательно наблюдали: «не помрачит ли ее взор тень зависти, поцелует ли она руку Императрицы». Все это мало-помалу отравляло Их чувства и отношения. Злоба мира способна разбивать даже самые чистые и драгоценные сосуды...

Императрица Александра не была понята в России и причина ныне очевидна — это глубокий кризис правящего класса. «Великая страна с таким правящим классом, который образовался в России к 1917, классом, оторванным от народа и от национальных задач русской истории, существовать не могла, — определяет корень зла Владыка Никон (Рклицкий). — Императрица была непопулярна потому, что нравственный идеал Ее жизни совершенно не соответствовал упованиям и стремлениям высшего общества. Восприняв Православную Веру со всем убеждением Своего возвышенного сердца, Императрица вошла в Россию, как религиозная Подвижница. Она видела Свой долг в том, чтобы быть подлинной Русской Царицей, выразив упование Своего сердца в сооруженном в Царском Селе по древнему русскому стилю Федоровском Соборе. Она пожелала быть вдохновительницей Православного Самодержца по образцу Анастасии Романовны, вдохновлявшей Царя Иоанна и других Московских Цариц, Венчанных на Царство в златокаменной Москве. Между тем в России к этому времени уже почти не было Православного Самодержавия. Давно не было в стране православного мировоззрения, православного образованного класса и стремления русского правящего класса были противополож-

ны тем идеалам, которыми было наполнено сердце Императрицы, непоколебимо убежденной в правоте Своих верований. [...]

В чем заключается призвание Русской Царицы, и каково должно быть Ее отношение к Царю и обществу? Царица коронуется на Царство вместе с Царем для того, чтобы быть Ему Помощницей во всей Его жизни и, прежде всего, Помощницей в исполнении Своего призвания и Своего долга. Императрица несла этот подвиг свято и нерушимо, оставаясь верноподданной Своего Царя. [...]

Лучи Ее подвига настолько ярки, Ее стальная несокрушимая воля, Ее святые верования, Ее неописуемое самоотвержение настолько сильны, что для будущих поколений Государыня Александра Феодоровна будет сиять во всей Своей неописуемой духовной красоте, как религиозная Подвижница, пришедшая в Россию из чужой страны, но принявшая русскую душу и русскую веру и спасшая идеал русской жизни, ибо Сам Император Николай II говорил, что если бы с Ним не было Императрицы, то Он не смог бы вынести всего того, что Ему пришлось вынести на Своем крестном пути»[1].

Августейшие Сестры ныне причислены к лику Святых, Их горячо любят и молятся Им от всего сердца. И на Небесах Они неразлучны. Мы любим и молимся Им: *Святые Августейшие Сестры-Мученицы Александра и Елисавета, молите Бога о нас.*

[1] *Фомин С.* Скорбный Ангел. М. 2005. С. 128.

Явления Преподобномученицы Елизаветы

Жизнь святых не открыта нам во всей глубине. Духовный мир приоткрывается лишь по особому смотрению Божию. Многие доныне изумляются и не могут поверить в то, что отец Николай был монахом, тайным епископом. Но ведь только спустя долгие годы открылось и то, что В. К. Елизавета была тайно пострижена в схиму с именем Алексия в честь Святителя Московского Алексия. Об этом поведала совем недавно схимонахиня Анна (Теплякова). Постриг совершил Владыка Трифон (Туркестанов). Одним словом, все Святые имеют сокровенную в духе жизнь. После своей кончины Великая Княгиня многим являлась на помощь. Освобожденная от ветхой плоти, она спешит на помощь и к тем, кто ее призывает в своих молитвах, и даже к тем, кто равнодушен к Вере, но о ком печется непостижимым образом Промысл Божий.

«От Алапаевска до Тюмени, — читаем в специальном докладе игумена Серафима, который приведен в работе С. Фомина *«Убиты и забыты. Алапаевские Мученики»* — ехал один в вагоне с гробами 10 дней, сохраняя свое инкогнито, и никто не знал в эшелоне, что я везу 8 гробов. Это было самое трудное, ибо я ехал без всяких документов на право проезда, а предъявлять уполномочия было нельзя, ибо тогда бы меня задержали местные большевики, которые, как черви, кишели по линии железной дороги. Когда я прибыл в Ишим, где была Ставка Главнокомандующего, то он не поверил мне, что удалось спасти тела, пока своими глазами не убе-

дился, глядя в вагоне на гробы. Он прославил Бога и был рад, ибо ему самому лично жаль было оставлять их на поругание нечестивых. Здесь он дал мне на вагон открытый лист, как на груз военного назначения, с которым мне было уже легче ехать и сохранять свое инкогнито. Предстояла еще опасность в Омске, где осматривали все вагоны. Но Бог и здесь пронес нас, ибо наш вагон, вопреки правил, прошел без осмотра. Много было и других разных опасностей в пути, но всюду за молитвы Великой Княгини Бог хранил и помог благополучно добраться до Читы, куда прибыл 16/29 августа 1919 года. Здесь тоже злоумышленниками было устроено крушение, но наш вагон спасся по милости Божией. [...] От Алапаевска до Читы ехал 47 дней. Несмотря на то, что гробы были деревянные и протекали, особого трупного запаха не было, и никто, ни один человек не узнал за это время, что везу я в вагоне, в котором ехал я сам с двумя своими послушниками, которых взял из Тюмени».

Сохранились воспоминания человека, ехавшего в том же поезде, к которому был прицеплен вагон игумена Серафима. Офицер Императорской армии А. Ю. Романовский, в 1930–1940-х гг. преподаватель математики в Лицее Святителя Николая в Харбине, записал в 1972 г.: «Во время моей поездки в теплушке к нашему товарному поезду был прицеплен еще одни вагон. На станциях, где были остановки, из него выходили за кипятком монашки. Все пассажиры были заинтригованы — кого эти монашки везут? Но в вагон сопровождавшие никого не пускали. Но потом оказалось, — по слухам

выяснилось, что в этом вагоне везли тела убитых Членов Царской Фамилии».

Стояла страшная жара. Железная крыша вагона сильно раскалялась. Инокиня Серафима [в миру княгиня М. А. Путятина], со слов игумена Серафима, записала: «Вагон его передвигался вместе с фронтом: проедет вперед верст двадцать пять, а потом откатится верст на пятнадцать и т. д. Благодаря пропуску [...] его постоянно отцепляли и прицепляли к разным поездам, в общем, содействуя его продвижению к конечной цели. Путешествие продлилось три недели, и невозможно представить себе, что пережили за это время о. Серафим и его два спутника, провожавшие свой страшный груз. Из щелей пяти гробов постоянно сочилась жидкость, распространявшая ужасный смрад. Поезд часто останавливался среди поля, тогда они собирали траву и вытирали ею гробы. Жидкость же, вытекавшая из гроба Великой Княгини, благоухала, и они бережно собирали ее как святыню в бутылочки». Много позже о. Серафим рассказывал игумении Гефсиманской обители в Иерусалиме матушке Варваре, что *во время всего пути Великая Княгиня Елизавета Феодоровна не раз являлась и направляла его.*

Далее инокиня Серафима вспоминала: «Незадолго до своей кончины он [игумен Серафим] подарил мне пузырек с прахом Великой Княгини. Содержимое пузырька представляет собою высохшую массу темно-коричневого цвета, осевшую, примерно, до половины бутылочки. Пробка, пропитавшаяся жидкостью, ссохлась и уже не закры-

вает плотно бутылочку. Горлышко обвязано тряпочкой такого же темно-коричневого цвета, а вся бутылочка обмотана другой тряпочкой, покрытой такими же пятнами. Все это издает очень приятное, остро-пряное благоухание, не похожее ни на какой запах, который мне когда-либо приходилось обонять. Несмотря на свою нежность и тонкость, это запах очень пронизывающий, так как проходит сквозь нейлоновый мешочек, в который я бутылочку с тряпочками завернула. Она стоит у меня на полке перед образами, где всегда горит лампада. От времени до времени запах немного меняется, точно в составе преобладают попеременно то те, то другие ароматические вещества. Конечно, я не позволяю себе часто прикасаться к бутылочке, а только прикладываюсь к ней в день годовщины убиения Великой Княгини как к мощам или же сдуваю с нее пыль».

Приведем здесь и описание явления святой подвижницы, бывшее игумену Серафиму (Кузнецову) в Читинском Богородицком монастыре, где в течение полугода тайно сохранялись святые мощи Алапаевских Мучеников, которые он вез во Иерусалим. «Получив разрешение атамана Семенова, мы уже без труда выяснили местонахождение отца Серафима. Я провел много часов в его келлии и даже не раз ночевал там. Те ночи в монастырских стенах дали совершенно необычные переживания мірскому жителю. Я никогда не забуду тех старых, как мір, деревянных строений напротив соснового леса и тех голубых островков снега, залитых лунным светом на монастырском кладбище, с остры-

ми тенями крестов и сосен. Отец Серафим очень подробно рассказал о том, что сам знал о судьбе Пленников, о похоронах, об эксгумации и перезахоронении их тел. Гробы, он сказал, были перевезены в монастырь русскими и японскими офицерами. Отец Серафим и два его послушника выкопали склеп под полом его келлии, поставили в ряд гробы, прикрыв их всего на одну четверть землей. Таким образом, ночуя на разостланной на полу келлии отца Серафима шинели, я лежал всего на четверть над гробами Мучеников.

Однажды ночию я проснулся и обнаружил монаха, сидящим на краю своей постели. Он выглядел худым и изможденным в своей длинной белой рубахе и невнятно шептал: «Да, да, Ваше Высочество, вы совершенно правы...» Отец Серафим явно разговаривал во сне с Великой Княгиней Елизаветой. Это была жутковатая картина в тусклом свете единственной лампады, мерцающей в углу перед иконой... Засыпая, я все еще слышал его шепот: «Да, да, Ваше Высочество, Вы совершенно правы...».

Кстати говоря, это было не единственное явление Преподобномученицы в этой обители. Пребывавший в Чите осенью 1919 г. или в самом начале 1920 г. епископ (впоследствии митрополит) Нестор Камчатский поведал об одном из таких явлений внучке священномученика митрополита Серафима (Чичагова) — монахине Пюхтицкого монастыря Серафиме (Резон, 1883‡1963). Сохранился рассказ последней об этом, записанный монахиней Сергией (Клименко, 1905‡1994): «Митрополит Нестор приехал в Читу, город на границе

с Китаем, чтобы оттуда эмигрировать. Он служил на родине последнюю Литургию в соборе, где тайно, под спудом, были погребены тела Алапаевских Мучеников. Но об этом никто, кроме настоятеля, не знал. Во время совершения Малого Входа все священнослужители выходят из Алтаря на середину храма с Евангелием, свечами, дикирием, трикирием, рипидами. Митрополит Нестор стоит посредине храма на приготовленном для него амвоне. В это время Владыка видит, как из левого придела, живая, выходит Елизавета Феодоровна. Молится пред Алтарем и, последней, подходит к нему. Он ее благословляет. Все переглядываются. Кого он благословляет? Пустое место? Никто ничего не видит. «Владыка, Малый Вход!» Но Владыка Нестор никого не слышит. Радостный, сияющий, он входит в Алтарь. В конце обедни говорит настоятелю: «Что же ты скрываешь? Елизавета Федоровна жива! Все неправда!» Тогда настоятель заплакал. «Какой там жива! Она лежит под спудом. Там восемь гробов». Но Владыка не верит: «Я видел ее живую!..»[1]

Преподобномученица Елизавета просит Старца Николая позаботиться о ее Обители

Отец Николай всегда повторял: «Святые находятся с нами рядом, только мы их не видим». Сам Старец зрел небожителей и общался во Духе, потому что он был *благодатный Старец, святой жиз-*

[1] *Фомин С.* На Царской страже. М. 2006. С. 499–503.

ни. Его мысли были добрые, и он всегда имел мир, тишину и любовь в сердце. Уже сейчас мы имеем много свидетельств и о его посмертных чудесах: явлениях, исцелениях, помощи на дорогах... Одна верующая с Кипра, Элина Папандопулас, рассказала мне о своем чудесном спасении... Она ехала на большой скорости по узкой горной дороге и слушала в записи Акафист Иисусу Сладчайшему, который читал Батюшка. Навстречу шла также на приличной скорости другая машина, но ее было не видно из-за поворота. Вдруг на пути открылось некое светлое облако, в котором явился Старец Николай: «Скорее сбрось скорость и никогда так не езди!» — сторого сказал он. Благодаря небесному заступничеству отца Николая, Элина осталась живой и невредимой...

Мы уже приводили много свидетельств тому, как праведник был удостоен при жизни явления Августейших Святых. Преподобномученица Елизавета особо присутствовала в его подвиге и не раз являлась ему. Расскажу особый случай, который поведала игумения Свято-Елизаветинского монастыря в Калининграде. Но прежде, несколько слов об этой удивительной подвижнице.

«Свято-Елизаветинский монастырь основан монахиней Елисаветой (Кольцовой) на личные средства, для этого она продала все свое имущество и вложила деньги в начало строительства храма, — свидетельствуют епархиальные источники. — Первый храм построили в 1996–2003 годы и в торжественной обстановке он был освящен во имя Святой Преподобномученицы Елисаветы Феодоровны.

На отлично ухоженной территории монастыря располагается приходская церковь во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали». В храме хранится рака с частицами мощей святых Преподобномученицы Елизаветы и Инокини Варвары. Рядом с храмом построена деревянная часовня во имя Преподобного Афанасия Афонского и музей Святой Елизаветы и Святых Царственных Мучеников. Над часовней построили монастырскую звонницу в виде открытой беседки. Церковь во имя Великой Княгини Елизаветы Феодоровны находится в сестринском корпусе и является домовым храмом. В центре двора, вымощенного плитами, возведен прекрасный, белоснежный, мраморный памятник Княгине. Возле памятника цветут красные розы. На территории двора есть святой колодец. В монастырском доме расположена трапезная и гостиница для паломников. Свято-Елизаветинскому монастырю Калининграда принадлежит подворье во имя святого Преподобного Александра Свирского, приобретенное в 2001 году и расположенное в поселке Приозерье Славского района Калининградской области. Главной достопримечательностью подворья является организованная здесь — Страусиная ферма, где разводят замечательных редких птиц — страусов».

«Поселок Приозерье стал широко известным после того, как в 2004 году неподалеку началось строительство Свято-Елизаветинского женского монастыря. Его настоятельница, матушка Елизавета, сильно удивила районные власти, когда купила заброшенный дом и сообщила, что будет строить

здесь женскую обитель. Затея показалась чиновникам абсурдной. «Деньги-то у вас на все ваши планы имеются?» — спросили матушку. На что она отвечала: «Нет, но с Божией помощию справимся». Она верила, что обитель будет построена, ведь у нее уже был опыт сооружения с нуля монастыря в Калининграде. Вопреки скептикам в короткие сроки было сделано невозможное: возведен полноценный монастырь с множеством построек, среди которых два храма (не считая четырех надвратных). В одном, освященном в честь Преподобного Александра Свирского, идут службы, в другом — Спиридона Тримифунтского — заканчиваются отделочные работы. Иконостас в нем будет, по замыслу матушки, из золота и янтаря. А *поклонный двадцатипятиметровой высоты Крест* виден издалека. Он занесен в Книгу рекордов Гиннесса как самый высокий в России. При монастыре живут 26 послушниц и монахинь и еще много всякого монастырского люда. Построен и вот-вот будет освящен Дом Милосердия для престарелых. Некоторые старушки нашли прибежище за монастырскими стенами уже сегодня».

Вот эта дивная матушка-труженица и рассказала, как Батюшка Николай принимал самое горячее *небесное* участие в строительстве обители в память Святой Елизаветы-Мученицы. Одно время они оказались совершенно без средств, а наступала суровая зима. Ни дров, ни угля, и приобрести не на что. Матушка обратилась с упованием к Покровительнице Обители: «Елизавета Феодоровна, сама помоги, ты же видишь, что сестры мерзнут»... Через некоторое

время в обители появился человек. Он чувствовал себя несколько неловко и не знал, как начать разговор. Потом, все же собрался с духом: «Не сочтите меня за... мечтателя или прельщенного, но мне явился удивительный Старец. Он назвался отцом Николаем с Острова и сказал, что ваш монастырь на зиму остается без отопления, а помощи ждать неоткуда... Еще Батюшка сказал, что они с Елизаветой Феодоровной очень просят меня помочь вам... Вот я и приехал с помощию»... Через некоторое время игумения посетила Остров Батюшки Николая, чтобы поблагодарить его и помолиться у мощей чудотворца. Она выделила от обители милостыню на обогрев и отопление келлии со словами: «Это Батюшке на дрова... Мы так благодарны ему, что он заботится об обители Августейшей Мученицы».

Этот случай не единственный. По просьбе самой Преподобной Елизаветы, отец Николай буквально спас от разрухи и духовного голода мужской монастырь Новомучеников Российских близ Алапаевска на месте злодейского убиения богоборцами В.К. Елизаветы Феодоровны, инокини Варвары и Членов Дома Романовых. «Строительство монастыря тесно связано с именем великого Старца и прозорливца нашего времени отца Николая (Гурьянова) с Острова Талабск, — пишет игумен Моисей (Пилатс). — Милостию Божией, мы имели счастие общения с ним с 1993 года. Много раз испытали благодатную силу его добрых слов. Краткие фразы, сказанные им, скрывали в себе глубину духовной мудрости и помогали разрешению многих проблем.

Большим утешением для нас было узнать слова Батюшки, сказанные о нашем монастыре: «***Это мой монастырек... Монастырь процветет, если мы этого будем достойны и сохраним в сердце знамение Креста***».

«Был потоп водный, будет потоп духовный!»

В Болгарском монастыре на Афоне, в Зографе, — вспоминал митрополит Вениамин (Федченков) о трагических событиях, произошедших в связи с почитанием Имени Божия на Святой Горе в 1912, жил в то время престарелый (ему было 120 лет) слепой старец Амвросий. Его там даже называли «*последний святой нашего времени*». Когда был разгром на Афоне, [насильственное выдворение исповедников Священного Имени Иисусова регулярными войсками при помощи штыков и оружия и использовании пожарных шлангов с сильным напором ледяной воды] — несколько монахов бросились к нему за советом, спросить: как быть? А он лежал, почти предсмертный и слепой, на постели. Не успели они спросить, как он (был прозорливый!) им говорит: [...] «Разве вы не знаете слов Апостола Павла: *Хочу лучше пять слов сказать умом моим, нежели тьму слов на незнакомом мне языке* (1Кор. 14.19). Он разумел молитву Иисусову. [*Господи Иисусе Христе, помилуй мя.*] А монашествующие, видя, что он уже прозрел их мысли, в страхе говорят ему: «Страшное время!» — «Да! Страшное время идет! — отвечает старец. — ***Был потоп вод-***

ный, будет потоп духовный! Протестантизм зальет весь мир!» — «Как же тогда спасаться? — спрашивают они. — «Как спасаться?!» — переспрашивает старец. — Приходит время, когда Господь не будет спрашивать ни о посте, ни о длинных молитвах, ни о подвигах; а только, *чтобы сохранили Православие!»* — «А как же это?» — «***Православие сохранить — нужно сохранить Веру в силу Креста и в силу Имени Христова»***[1].

«Крест и молитва Иисусова спасут вас в это страшное время, — говорил нам Старец Батюшка Николай, — только храните Веру Православную неповрежденной, как нам оставили ее святые отцы. Идет Лютерс. Скоро и в наших храмах будут сидеть и музыку слушать».

«Аще не Господь...»

Благословенный Старец очень любил монашество. Сам он был пострижен Митрополитом Вениамином Петроградским в иночество, когда ему было только восемь лет. В этом — богоизбранность с младенчества. Он посвятил всю свою жизнь Христу и многих своих чад привел к ангельскому образу, зная от Бога призвание человека к монашеству даже тогда, когда сам человек еще не помышлял об этом. Старец говорил о постриге: «Самому человеку просить монашества не нужно, но если предложат — надо принять. Это дело Божие. Небесный зов». На уход в монастырь благословлял лишь тех,

[1] Начала. 1998. № 1–4. С. 122–123.

в ком видел глубину сердечного, истинного *покаяния и смирения.* Глубинное изменение сердца, когда Слово Божие изымает душу из этого мира в жизнь Духа. Батюшка говорил: «Монах — это тот, кто может оставаться один на один с Богом. Кто жаждет глубины молитвы. Ему никто не нужен. Не надо просить у Бога никаких дарований, но только *покаяния. Покаяние никогда не кончается. До самого исхода души. Это самое высокое и сильное Таинство*».

Святая жизнь отца была для многих спасением. Приходили к нему, открывали сердце и просили о помощи. Людей, проводивших жизнь в страданиях и пребывавших в различных трудностях, утешал: «Твой монастырь — твоя больная мать», или: «Смотри за детьми — это и есть твой монастырек». И очень часто жалел человека: «Скорби и болезни — ваша обитель». И действительно, знаю многих, кто по слову отца ведет целомудренную тихую жизнь в миру и пред Богом они будут облечены в схимнические ризы... За скорби и кроткое терпение Креста.

Батюшка не идеализировал действительность. Он часто сокрушался, что в человечестве все больше теряется чувство вины перед Богом. Грех творится, а совесть не обличает. Одному молодому архимандриту внушал: «Мы, священство, понесем большой ответ пред Господом за все, что происходит в мире. Ведь с нас берут пример. Мы ведь монахи, и вся жизнь должна быть покаянием». Он полагал, что истинных монастырей сейчас очень мало, потому что мало наставников, духовных водителей.

Старцев... А обитель стоит на Духе, а не на камнях. «Сейчас все силы уходят на строительство и на создание внешнего благолепия. Очень увлечены внешним. На первом месте — материя, а дух — пренебрегается, — размышлял Старец. — Надо иначе выбрать направление: не строить больше церковных зданий, стен, а укреплять Веру в людях. Зажигать огонечки Христовой Любви, возле которых и соберутся ищущие спасения души странники. И это будет по Благодати. Ведь даже если храм разрушен, Благодать сохраняется, даже земля у храма пропитана молитвами и благоухает. Поэтому все усилия нужно направлять на раскрытие внутреннего мира. Внутреннего ока души, чтобы оно видело Божественный Свет. И начинать надо с себя. Нужна решительность и произволение. К таким сердцам Бог милостив и помогает. Он настолько Милостив, что, если бы уверовали в это, никогда бы не грешили. Милосердие Его к нам безконечно... Надо познавать духовное. Учительствуют же сейчас все больше неопытные, которые и себя-то не знают, что внутри есть. Понахватались поверхностного и требуют, чтобы люди «жили их умом». Это все от неверия, нашего маловерия. Нужна вера! Живая вера».

Когда к нему приходили и просили благословения продать квартиру, дом — и уйти в монастырь, не благословлял: «Не нужно, родные. Вам самим домик еще пригодится». — И как же благодарили отца Николая впоследствии, когда разбивались надежды спастись в монастыре. А те, кто не прислушались к совету, горько сожалели, поскольку не смогли вынести искушений во вновь строящихся

обителях и оказывались в прямом смысле слова — на улице, в миру.

Проведя последние сорок лет подвижнической жизни на Острове, полностию отдавая себя все эти годы людям, Старец Николай духом бывал, где его благословлял Господь. Те, кто стяжал Благодать, удостаиваются такой жизни в неведомом для нас мире. Господь принимал молитвы Старца. Часто он мне говорил: «Сегодня надо бы отслужить молебен на месте Царских Страданий». — «Хорошо, отче. Но... как?!» — «Я сейчас буду там и помолюсь!» — Таков был незабвенный отец. Центром его духовной жизни был Бог, и он имел благодатную свободу передвижения в Духе. Жизнь рядом с Батюшкой утвердила меня, что Христос проповедуется ощутимее и яснее всего не словом, а силою Благодати, которая пребывает на подвижнике. Лучи этой Благодати позволяли ему видеть все, что происходило на святых Царских местах. Он часто скорбно вздыхал: «У Царской Голгофы (Ганина Яма) так и нет до сих пор монастыря. Нет там никакой монашеской жизни. Одни монашеские одежды. А как жаль!»

Конечно, крепкий монастырь созидается подле духоносных отцов. «Общее положение современного монашества печально, — говорил Батюшка. — Есть там и игумены, и архимандриты, и епископы, а вот *отцов, батюшек — нет!* Есть просто «старший брат». — И как бы ни было свято место, если нет старцев, то монашеская жизнь будет ущербной, безжизненной, потому что некому обучить азам монашеской культуры, внутренней сокровенной жизни, горячей беседе с Богом. Истинное мона-

шеское устроение может преподать только сердце, ощутившее прикосновение Духа, непосредственно познавшее духовную брань. Одним словом, необходим опыт. К уединенной монашеской жизни монах может придти только через наставника. И только тогда, если он действительно сам ищет Бога».

Батюшка говорил, что при поступлении в обитель необходима серьезная настроенность и решение навсегда порвать все связи с миром. Все должно остаться за стенами, все мирское. Расслабляющее, дурманящее, дерзкое. И игумен должен помочь в этом, настроить душу на смиренную песнь отцов. «*Духовничество — это дар Божий,* — говорил Батюшка. — И не всякий иеромонах может быть духовником. Только искусный в брани и любящий Бога, чтобы он мог нести скорбь и заботы отца». Также говорил, что неполезно братии рассказывать друг другу свою прошлую жизнь, чтобы не было искушений. Считал, что в монастырь лучше уходить в юном возрасте, потому что душа еще мягкая, как воск. Ее легче «подправить и направить» к богоугодной жизни, она легче принимает советы, больше доверяет духовному отцу.

Монастырь с внешней стороны и с внутренней — это совершенно разные состояния. Зачастую внешнее все «оформлено», сияет, но изнутри — прискорбное безблагодатное житие. Почему?! Отчего корабль сел на мель, а волны разбили крепление?! — Оттого, что избраны капитаном неверные духовные маяки — земное, преходящее... Все перетягивает внешняя деятельность, псевдовера. Открыть как можно больше обителей — а опытные

игумены недоумевают: кто в них будет *молиться*?! Да, *строить стены* пока есть кому, а наполнить их внутренним содержанием, духовной красотой?! Ныне незазорным считается возводить христианские храмы на любые средства, даже на деньги еретиков и отступников от Христа, неверующих людей. А сколько простоит такой храм?! А принимает ли Господь такую жертву?! Что в душах? — До этого нет дела. Главное — скорее построить. Но отец Николай *утверждал*, что совсем не главное «больше и скорее»: «Некоторые храмы восстановлены, — говорил он. — А благодати там... не чувствуется. Старинные намоленные иконы куда-то исчезли. Кругом сверкающая новизна, а люди почему-то все реже посещают такие церкви. Что-то главное, родные, уходит из жизни. Вы не чувствуете?! Как будто холод какой-то в сердцах. Мгла... А ведь это Небесный Цветник — Храм Божий». Что бы сказал дорогой Батюшка сейчас, когда бы услышал ***невозможное*** *— модульные храмы шаговой доступности?!* Увы! Увы! Увы, нам!

Тихая Вечность

Батюшка вспоминал, как они с отцами молились у Святой Царской Голгофы под Екатеринбургом. Отцы и несколько верующих тайком приходили к месту Святой Шахты, чтобы поклониться, отслужить Литургию. Поплакать... Сами Августейшие Страдальцы выходили и поднимались к ним из пропитанной кровию земли, чтобы благословить. Все

деревья, кустарники, каждая травинка, сама земля и камни впитали в себя дух Царственных Мук. Святыню нельзя осквернить пытками, как невозможно затмить солнце. Там все пропитано Благодатию. «Это место не примет гордого сердца. Царское место смиренное и тихое, — говорил Батюшка. — Величественное своей Неземной Простотой. Это Их Келлия на земле. А на Небесах — Они в Царской Славе. Государь не любил ничего, что делалось напоказ. Это было противно Его кроткому духу, — говорил Старец. — Царь — как вся наша Тихая Русь. Он близок нашему сердцу, когда мы искренни и нелукавы, небоязненны»... Около святых мест душа испытывает мир и покой, даже если там руины и развалины. Здесь все иное, находишь себя, утерянного. Душа понимает, что Истина — не на земле, а в Тихой Вечности.

Известно, что каждое святое место имеет свой ярко выраженный дух, свой особенный настрой. Каждая монашеская обитель несет на себе своего рода печать. И формируется все с самого начала, с основания монастырской жизни. Отец Николай не одобрял устройство монастырей на новых местах. Чаще советовал возобновлять обители на местах древних подвигов отцов. Разумеется, если это не касалось какого-то особого Чуда или Явления. Душа человека довольно глубоко и сильно перенимает настрой местности, как бы слышит голос, исходящий от всего, что ее окружает. Помню, один оптинский иеромонах долго и настойчиво просил разрешения построить скит в глухих и непроходимых лесах под Архангельском. Батюшка же угова-

ривал: «Сынок! Строй там, где отцы до тебя уже все посеяли — и молитву, и огородик, и фундамент — Божий храм. Пусть он разрушен — но ведь Ангел там стоит и молится».

Отец Николай говорил, что «духовное веяние», исходящее от места Страданий Августейших Мучеников — под Екатеринбургом, у Царской Голгофской Святой Шахты, в самом городе на месте Ипатиевского Узилища и под Алапаевском, настолько сильно, что пронизывает собою все. Всю русскую жизнь, нашу действительность. Поэтому считал необыкновенно важным все происходящее подле святынь: с каким мировоззрением, идеями, целями приступали к устроению этих «нервных узлов» духовной жизни. Считал, что Царский Монастырь должен был устраиваться путем серьезного молитвенного отбора братии через проверку «духовного слуха» к Подвигу Августейших Страдальцев. Полагал, что все должны были настроить сердце именно на покаянное осознание Царевой Жертвы. К сожалению, говорил он, изначально подход к монастырской жизни был выбран неверный, болезненный, при полном отсутствии преемственности духовного опыта от прежних поколений монашества. «Там много мирского и фальшивого, показного, внешнего» — сокрушался он. — И страшно, что назвали Царскую Обитель — монастырь на *Ганиной яме*. Это место самых мучительных Страданий — Место Света и высокой Святости, а не тьмы».

Конечно, Батюшка сердечно сопереживал и желал быть полезным в этом благом начинании. Говорил, что это нелегкий труд, но основная забо-

та — все же не бревна воздвизать, а души умягчать и приводить ко Христу и к осознанию Царского Служения: «Мир с его манерами вошел во все обители, и наводит там свои порядки. Всюду суета, искажение иноческих святоотеческих обычаев. *И все же никто как Бог! Сокрушенных сердцем и желающих иноческого и постнического жития Господь всегда услышит и подаст все необходимое — и место для спасения, и отцев в научение, и сладость молитвы. Только бы сердце желало подвига во Имя Иисусово! Чистота сердца нужна, чистота сердца»* — повторял он.

Также говорил: «Делателей блаженного безмолвия сейчас мало найдешь, они сокрыты, убежали от нас!» Считал, что Господь давал нам благоприятную возможность исправить себя: «К сожалению, пока мы ее не оправдали» — сказал в 2002 году незадолго до кончины. «Я молился Богу и Царственным Святым, чтобы Они открыли Путь вновь пришедшим в Церковь. Страшно было услышать, что ***большинству Царь до сих пор не нужен. Они не желают и не жалеют Царя***. Видел огромные долины, наполненные душами нераскаянных людей. Они стояли молча, не шелохнувшись. И ничего не просили. И за них некому было просить». При этих словах заплакал, сокрушенный болию за нашу нераскаянность. Поэтому отец Николай так горячо отзывался на любое доброе начинание в отношении Царственных Подвижников и святого Григория, с которым так несправедливо и жестоко поступили.

В Алапаевске, несмотря на то, что именно *там* были зверски умучены Августейшая Матушка Ели-

завета с сестрой Варварой и Члены Царствующей Династии Романовых, монастырь в Их память так и не был построен. У самой Шахты в 1995 году по решению Священного Синода был основан мужской монастырь Новомучеников Российских. Батюшка отмечал: «Видите, власти до сих пор всего *Царского* — даже названия — боятся! Почему бы не учредить Обитель *именно* в память Христовой Августейшей Подвижницы Елизаветы и Великих Князей Царского Дома Романовых?! Ведь именно *Они, Романовы,* были там заживо сброшены в Шахту!»

Он просил освятить в этой обители хотя бы один [sic!] Престол в память Царской Семьи и Царя-Мученика, но его пожелание не было принято...

«Это мой монастырек»

Много дивного довелось мне услышать от отца Николая. Это просто сокровище духа. Опасаюсь, что время уходит, и мы уходим, и многое из жития смиренного угодника может остаться неведомым для большинства. Я уже упоминала, Старец говорил, что не раз ему являлась Великая Княгиня Елизавета Феодоровна и просила о помощи в устройстве Обители на месте Шахты в Алапаевске: «Батюшка! Помогите молитвой и словом. Там ведь сейчас неразумные юные души. Спросить не у кого. Они очень нуждаются в духовном окормлении и поддержке». ***По существу, Старец Николай был строителем монастыря близ Алапаевской Святой Шахты.*** С 1993 по 2002 год,

в течение девяти лет, монастырь укреплялся и рос под благодатию его молитв: «***Ибо это была Небесная Воля самой Преподобномученицы Елизаветы***» — говорил он. — ***Я трудился, вдохновленный ее благословением».*** И пока созидались монастырские стены, он просил меня постоянно бывать в Алапаевске, привозить оттуда весточки. Благословил бывать там обязательно с Чудотворным образом Цесаревича Алексия и иконой Благоверного Царя Иоанна Грозного, Мученика Григория и Василия Блаженного. Обходить с молитвой строящиеся Обители на Царских местах.

Святые отцы говорят: «Молчание созидает, а многословие расточает». *Молитвенное молчание Старца создало Елизаветинскую Обитель.* Я помню это место совсем не устроенным, заброшенным. Сиротливо зияли недостроенные стены братского корпуса неподалеку от Старо-Синячихинской дороги. Местные жители называли его Межной, потому что здесь размежевывались дороги, ведущие к Верхотурью. Строиться было не на что. Деревянный Поклонный Крест, установленный подле Шахты при Владыке Мелхиседеке, собирал на молитву немногих. Маленькая часовня в память Преподобномучениц Елизаветы и Варвары могла вместить не более 10–15 человек. Вся монастырская жизнь в основном проходила в Екатерининской церкви Алапаевска, куда в 1918 году привезли мученические тела Елизаветы Феодоровны и инокини Варвары, поднятые из Шахты. Немногочисленная братия не имела постоянного места для проживания. Они все, включая старшего иеромонаха, жили

по квартирам. Помню, что певчие, послушники, которым едва минуло по 15–18 лет, часто ночевали в самом Екатерининском храме, на клиросе. Видя все это в духе, Старец очень переживал. «Бедные! — говорил, — им надо набраться духовных сил, надышаться настоящим христианским воздухом, укрепиться! Обрести монашеский стержень». — И отец протянул свою крепкую руку — через молитву. Это самое сильное и действенное врачевство.

Насельники монастыря советовались со Старцем по самым, казалось, незначительным вопросам и получали пользу от его опыта и рассуждения. Обращались не только с проблемами, но часто передавали Старцу исповеди. Ведь молодым и неопытным иеромонахам было трудно наставлять и исповедовать братию и народ. Не хватало опыта и Евангельской Милости и всепрощения. Обитель долго формировалась, послушники приходили и уходили. Необходим был именно духовный святоотеческий опыт... Постриги совершались с благословения Батюшки Николая, схиепископа Нектария. Некоторым, если просили, нарекал имена. Одним словом, духовное руководство отца было как маяк, к которому устремлялись неленостные души. Архиепископ Викентий также прислушивался к тому, что советовал делать смиренный отец, чтобы в монастыре возродилась монашеская жизнь. Многолетний монашеский опыт самого Старца облегчал настоятелю иеромонаху Моисею нести крест на первых шагах его трудов по устройству обители. Старец шаг за шагом отучал насельников от мирских привычек, упреждал самого настоятеля от

неверных поступков и начинаний. Одновременно Батюшка создавал небольшую женскую общинку, которая сейчас превратилась в настоящую обитель при Напольной школе. Ныне там музей, в котором находится много святынь. Одна из первых — бюст Царя-Мученика Николая, переданный из Никольского Храма в Москве в дар монастырю настоятелем отцом Виктором Шишкиным и клиром.

Часто Батюшка утешал унывавшую братию: «Вы ушли из мира, зачем возвращаться в него? Мир нуждается в ваших молитвах и доброделании, незлобивости и целомудрии духа. Просите Елизавету и Цесаревича Алексия, они вас управят». Также наставлял: «Чаще говорите друг другу «*прости*»! Бойтесь неосторожным словом огорчить брата, помните, что в каждом — образ Божий». Помню, как однажды на Рождество попросил приготовить для каждого насельника какой-нибудь «духовный гостинчик» от него — книгу, иконку... Мы все упаковали в пакетики и вложили в каждый открытку с духовным наставлением. Потом братия говорили, что получили от Старца необходимое слово. Кто-то уже собирался уходить, а открыл послание и прочел: «Потерпи, все пройдет. Ты же так мечтал о пустыни сердца!» Или такое утешение: «Монах, сохранивший чистоту сердца, всегда радостен, как ребенок». И еще: «Крестное знамение попаляет не только духов, но и телесную немощь». «Духовный отец дан не для дружбы, а для твоего спасения». Невозможно описать все труды Батюшки по устроению *Елизаветинской* обители. Он ее именно так называл.

За святые молитвы подвижника она быстро восстановилась и после сильного пожара, случившегося в 2001 году на День Новомучеников. Когда произошло возгорание, Батюшка благословил, чтобы срочно звонили настоятелю и передали его слова: «Возьмите Святые Дары и обнесите Обитель с молитвой и слезами. И Бог сохранит! Огонь остановится!» — Братия вняли совету, и огонь остановился после Крестного Хода со Святыми Тайнами вокруг монастыря. «Тело и Кровь Христовы — это Жизнь» — сказал Батюшка. После пожара было нелегко поднять утерянное. Молодому и неопытному иеромонаху-настоятелю грозило серьезное прещение, вплоть до отстранения от руководства монастырем. Отец Николай обратился к Святейшему Патриарху Алексию и просил не наказывать. За молитвы отца, выгоревшей обители стали помогать из Москвы. Ее довольно быстро подняли. Батюшка озаботился всем — одеждой для братии, насосами для колодцев, машинами, облачением Алтаря, начиная от Престола и Жертвенника и кончая стихарями для иподиаконов и алтарников. Были сшиты ризы буквально всех цветов. Изготовили Плащаницу Царицы Небесной. Когда привезли милостыню в сильно пострадавший монастырь и распаковали в еще не совсем очищенном от пожара храме, многие братия не могли сдержать слез: «Батюшка наш настоящий отец! Не только Святой Алтарь, но и нас одел, обул, накормил». Все в растерянности стояли посреди храма, наполненного жертвой заботливого пастыря: пасхальные ризы, выносной Крест, фонарь, даже скатерти на столы в

трапезную и посуда... Старец часто повторял: «Богородица любит певчих» — вот и певчим вымолил для утешения электропианино. Скажу одно, такая поддержка сохранила монастырь во время сильного испытания. Настоятеля не наказали, оставили в обители. Братия не разбежались, несмотря на очень тяжелые условия жизни: спали на обледенелых топчанах, промерзших после обильного полива из пожарных шлангов. Никто не ушел. Согревала нелицемерная любовь отца Николая и заботы неравнодушных людей, которые на Руси никогда не переведутся. А Батюшка как никто знал, что такое промерзнуть до самых костей. Он говорил претерпевшим серьезные искушения инокам: «Помните, что в ином мире радуются о вас Ангелы. Инок в роду может вымолить семь поколений. Чаще пойте сердцем: *Христос Воскресе!* Умейте благодарить и славословить Господа за все — и спасетесь. При конце жизни все получите венцы... Даже очень слабые увенчаются, если останутся в монастыре».

Святая Шахта

Монастырь Новомучеников расположен у самой Святой Шахты, в которую были сброшены живыми Страдальцы. Сейчас подле нее высится удивительный Крест, по форме повторивший Распятие, установленное В.К. Елизаветой Феодоровной на месте убиения Супруга В.К. Сергея Александровича Романова в Московском Кремле. То, что это место сохранилось в таком виде, как сей-

час — великая заслуга Старца. Расскажу подробно. В 2001 году неожиданно возник проект застройки самой Шахты. Прямо над ней предполагалось поставить огромный храм. Идея исходила от самого правящего Архиерея Викентия Екатеринбургского и Верхотурского. Решение было принято и настоятелю предписывалось приступить к рассмотрению нескольких проектов, предложенных видными уральскими предпринимателями, которые планировали устроить при монастыре большой паломнический центр. Конечно, новость огорчила всех, особенно монастырских. В обители уже существовала дивная традиция. В Дни Памяти Святых и в тяжелых жизненных обстоятельствах обходить трижды Шахту с пением *Херувимской* и просить Небесного Покрова. Сама земля Святой Шахты часто благоухала, источала небесный аромат, и мы ощущали его. Давний хранитель этого места, живший напротив Шахты, иеромонах Пантелеимон, чадо Старца Николая, плакал: «Как же так! Матушка Елизавета здесь многим является. Некоторые делятся сокровенным, рассказывают». Потерять молитвенное живое место, так просто и ясно соединяющее с Небом, было тяжело. Теперь предстояло расстаться с естественной духовной красотой, запечатленной в самой природе. В обители забушевали страсти, как на корабле, стремительно летящем к неведомым берегам. Казалось странным, что желание иноков и верующих оставить все, как есть, не воспринималось в епархии. Прибегли к отцу Николаю. Мы верили, что Господь может исполнить любое прошение его сердца. Он тоже встревожился и сказал:

«Матушка Елизавета не желает перемен и того, чтобы Святое место закрыли. Идите к Владыке и скажите ему от меня: «Ни в коем случае нельзя закрывать Шахту. Воли Божией нет! Святыня скроет себя». — Поступили по слову отца. Разговор с Владыкой был трудным, но увенчался миром и согласием. Архиерей смирился пред Небом и услышал подвижника. — *Святыня осталась нетронутой.* Она и по сей день свидетельствует о вечной красоте духовного мира, о том, что мир земной — только тень иного бытия, слабое отражение сотворенного для человека Рая. Около Святыни легко дышится. Летом Шахта покрыта зеленеющим ковром, сквозь который пробивается Богородичный цвет — голубые и сиреневые лепестки тянутся к Небу. Деревья окрест устремляются вершинами в синеющую летящую высь и покрывают усталого путника как шатром листвою. Ночию звезды спускаются по одной в глубину Шахты и мерцают, мерцают, посылая свой свет одиноким странникам. И, кажется, что звездная Шахта — это встреча времени с Вечностию. Можно поплакать, покаяться, слиться душой в молитве с неизреченным... Напитать сердце благодатию. Однажды Господь, по молитвам отца Николая, сподобил нас, несколько человек, дивного видения Матушки Елизаветы. Когда стало очевидным, что Святую Шахту трогать и застраивать не будут, мы пошли поблагодарить Господа ко Кресту. Долго стояли близ... Обошли с Херувимской. Была уже глубокая летняя ночь. И вдуг увидели сияние — подобие мягкого лунного света. Из Шахты тихо поднялась ввысь фигура Матушки в белом мо-

нашеском одеянии. В ризах... Она поднялась высоко-высоко и покрыла, как колокол, Святое место и нас. Отец Николай потом сказал: «Божественная энергия, в которой мы все находимся, может являть себя, если ты кроток и тих сердцем и не мыслишь зла. Если о ком-то горячо молишься, этот человек близко, и ты можешь его не только увидеть, но и ощутить».

Совет Святых

Старец Николай был святым, которого слышало Небо. Это чувствовал каждый, кто любил его. Поведаю еще один чудесный случай по молитвам Батюшки и по нашей вере в его святость. Шел 2001 год. Мы сидели в келлии и размышляли над прочитанными пророчествами Старца Аристоклия Афонского о последних временах мира: «Сейчас мы переживаем предантихристово время. Начался Суд Божий над живыми, и не останется ни одной страны на земле, ни одного человека, которого это не коснется. Началось с России, а потом дальше... А Россия будет спасена. [...] Но сперва Бог отнимет всех вождей, чтобы только на Него взирали русские люди. Все бросят Россию, откажутся от нее другие державы, предоставив ее себе самой. Это чтобы на помощь Господню уповали русские люди. Услышите, что в других странах начнутся безпорядки и подобное тому, что и в России, и о войнах услышите, и будут войны — вот, уже время близко. Не бойтесь ничего, Господь будет являть Свою чу-

десную милость. Конец будет через Китай. Какой-то необычный взрыв будет, и явится чудо Божие. И будет жизнь совсем другая на земле, но не на очень долго. Крест Христов засияет над всем миром, потому что возвеличится наша Родина и будет как маяк во тьме для всех».

Грядущее зло через китайского дракона тревожило ум. Мы вспомнили иные пророчества святых о желтой расе, которая как гигантская лавина обрушится на мир ненавистью и поглотит всех. Переживания вылились как всегда в мольбу к дорогому Батюшке Николаю: «Отче! Что же делать, чтобы остановить китайское нашествие?» — Тихий ответ отца: *«Всем, всему миру надо умолять Царственных Мучеников, чтобы Они заступились за нас. Они ждут наших молитв. Вспомните, где Они пострадали, где Их косточки были пережжены в пепел».*

Ответ Старца всколыхнул сознание: Урал — земля древних жертвенных культов, рядом с землями дракона. И вновь прозвучали тихие слова отца: *«Кровь Царственных Жертв вопиет к Небу и встанет Несокрушимой Стеной для зла. Через нее не пройдут... Они растворились в нашей земельке».*

Сердце сжималось от горечи и боли, что Царственные Мощи уничтожены изуверами: «Были бы Мощи, и мы бы обнесли Их вдоль нашей земли, чтобы остановить Китай... Но Мощей Царских нет!» — Батюшка сокрушенно покачал головой и перекрестился: «Что делать?! Мои драгоценные! Они Великие Святые, Их страшно ненавидел сам

сатана за то, что Они сокрушили его силу. Как Их мучили и уничтожали, и нас-то как за Царя мучили, и будут мучить!» — И вновь тихо, в глубину сердца, добавил: «Но сохранены мощи преподобномучницы Елизаветы». — «Батюшка! А если попросить у Зарубежной Церкви десницу Елизаветы Феодоровны и обнести ее крестным ходом?! Она бы стала щитом!» — Батюшка одобрительно кивнул и заметил: *«Но сначала надо спросить у Нее, как Она сама думает, без этого нельзя»*.

Прошло некоторое время. Уже к вечеру, перед сном, Батюшка подозвал меня к себе и сказал: *«Я поговорил с Елизаветой Феодоровной. Она не против, благословила...* Можете просить у Зарубежной Церкви Ее мощи для молитвы и укрепления в Россию».

Совет святых... Близкое соприкосновение Небесного и земного, души святой в Церкви Торжествующей и души праведника, пребывающего во плоти на земле. Так Небо слышит молитву святых и прошения грешных...

Вечером того же дня мы позвонили человеку, для которого слово Старца свято и непреложно. Алексей Алексеевич Сенин, воин «Русского Вестника», по благословению Батюшки Николая составил прошение и отправил на имя Преосвященнейшего Владыки Лавра... По благословению Свыше включился земной механизм — письма, переговоры, все на ряду. Прошло время... Отца Николая Господь в 2002 году призвал в Свои Небесные Селения, а в 2004 — в Россию привезли благословенную десницу преподобномученицы Елизаветы, пред которой

с благоговением и любовью молились верующие... Не по нашей воле, а по нашей горячей молитве ко Господу и по вере в Его святых.

«Человек непрерывно рождается, до самой смерти своей»

Последний Акафист, который мы пропели с незабвенным Батюшкой перед его уходом в Вечность в пятницу вечером 23 августа 2002 года — был *Акафист Преподобномученице Елизавете.* Он уже не вставал с постели. Благословив пространство перед собой, тихо произнес кому-то невидимому: «Уже скоро... Иду...» Потом обратился ко мне: «Матушка, ты не видишь? Там стоят Императрица и Елизавета Феодоровна, мамушка моя стоит... Возьми у них благословение».

«Се лежит Сей на восстание и падение многим... и в знамение прекаемое» (Лк. 2,34)

Смиренный схиепископ Нектарий Батюшка Николай при жизни подъял великий труд служения Истине не только по благословению Царственных Святых, но по велению своей пастырской совести и по откровению от Духа Божия. *Он всемерно исправил «ошибки» Елизаветы Феодоровны:* по его молитвам и слову написаны Житие, Акафисты, Служба с Каноном, Иконы Мученика Григория. Воздвигнут храм с Престолом в мученическую па-

мять Царского Друга Григория. На месте захоронения в Царском Селе установлен Поклонный Крест. По его слову проводятся научные и богословские конференции и чтения, опубликованы серьезные и глубокие исследовния, возвращающие нам подлинный образ Святого — это труды С. В. Фомина, О. А. Платонова, Л. Е. Болотина, Т. Мироновой, публикации в газете «Русский Вестник».

По благословению отца Николая была расписана Царская Арка на Острове на кладбищенских вратах. Церковь хранит память Царского Друга... И все это принято Небом, Царственными Святыми, сугубо самой Елизаветой Феодоровной, ибо теперь грех Ее изглажен не только личным сокрушением пред мученической кончиной, но и очищены сердца и сознание многих людей, для которых Ее грех стал соблазном.

И горько, что на Острове, по приказу Псковского Архиерея Евсевия (Савина) и при деятельном участии игумена Паисия (Гидраша) фреска Мученика Григория уничтожена и записана поверх образом Преподобномученицы Елизаветы. Она очень страдает от этой неправды и печалится. Как и Батюшка... Как и Августейшие Святые. Слово Божие говорит, что всему тому подобает быть. Злые споры прекратятся, а вместе с тем и злой пример злых дел, но Правда Божия о Старце Григории просияла навеки — ***Свят!***

Однако, как только не порочат ныне дорогого Батюшку Николая за его почитание Мученика Григория, как только не клевещут на него и его последователей — верных чад! В наше время оба пра-

ведника стали *оклеветанными* старцами. Но чтобы там не было — истина непреложна.

Святой жизни Старец Николай утверждал, что Мученик Григорий молился за Царя, Его Святую Семью и за всю Россию. Потому и клеветали на него, так как в то время он был реальным препятствием на пути к революции. Однажды я, протянув Батюшке икону Умученного Григория Ефимовича с Цесаревичем на руках, спросила:

— Батюшка, отчего так скорбит Цесаревич?

— А как же не скорбеть? — ответил он. — Какие поношения, оскорбления Он видит на Царя, Царицу и на Старца Григория! Алексий знает его святость как никто другой, ведь сколько раз праведный Григорий его спасал от смерти, сколько раз... Помолится, перекрестит его, благословит. Ведь Григорий это чудо творил! Старец Григорий по милости Божией исцелял! А о нем такие глупости говорят!

— Так значит, отче, прославят его?

— А вы посмотрите, что у вас в руках?

— Икона Мученика Григория с Цесаревичем Алексием...

— Вот уже и прославили... Смотрите, иконочка ему есть, акафист написан, молитвы. Мы уже молимся ему, и многие молились, молятся, и будут молиться русскому праведнику»...

Святый Пророче и Мучениче Григорие
и вси Святии Царственные Мученики,
молите Бога о нас, грешных

ОСТРОВ ЦВЕТОВ СВЯТОМУ, ПО ЗЕМЛЕ ХОДИВШЕМУ

«История Церкви —
это история Ее Святости»
Патриарх Пимен (Извеков)

Старец Николай — истинный духовник

В одном из сбрников монаха Симеона Афонского находим высказывания отцов о том, каковым должен быть истинный духовник и что его отличает от лжедуховника: «Истинный духовник приводит людей ко Христу; неистинные духовники привязывают людей к самим себе.

Истинный духовник полон Христом; неистинные духовники полны цитат и многознания.

Истинный духовник открывает людям, как возлюбить Христа всем сердцем и всею душою; неистинные духовники учат, как устроиться в этом мире.

Истинный духовник незаметен и прост, но все вокруг мирны и спокойны; неистинные духовники руководят и приказывают, но рядом с ними — разброд и шатание.

Истинный духовник учит жить Царством Небесным; неистинные духовники учат жить царством земным.

Старец — не тот, кто на земле, но тот, чье сердце в Царстве Небесном.

Как подобное притягивается подобным, так и Бог определяет каждой душе своего духовника.

Сердце выбирает сердце — таковы сокровенные духовные отношения на пути Спасения»[1].

Батюшка Николай, тайный схиепископ Нектарий, был ***истинным духовником***. Препо-

[1] *Монах Симеон Афонский*. Сайт Святая Гора Афон.

добный Максим Исповедник сказал: «Все в мире есть тайна Божия и символ. Символ Слова... Весь мир есть Откровение — некая книга неписанного Откровения... Весь мир есть одеяние Слова». Все внешнее изначально является носителем тайны внутреннего. Господь наш Иисус Христос открывает тайны Царствия Божия только Своим ученикам, Верою прозревшим: «*Вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах*» (Мк. 4.11).

Батюшка Николай был носителем великой Тайны Евангелия. Самим Господом это было ему дано за его святое Смирение. Сердце отца не имело тьмы, и он ясно зрел духовный мир и постигал смысл происходящего. Способность *видеть Истину* и соделала его духоносным. Он был духовным отцом, *истинным Старцем,* смиренно взывающим к Отцу Небесному: «*Господи! Умножь в них Веру!*»

«Вера необходима нам здесь, на земле — говорил Батюшка. — Но на Небесах все иное... Там будет уже не Вера, а *Пребывание в Боге... Созерцание Его... Растворение в Нем*».

Иногда говорил: «Задержался я тут, у вас... Что это сегодня опять было со мной? — Душа опять была не здесь... Видел Царицу Александру, мамушку мою Екатерину Стефановну. Она вас ждет, хочет пирогами угостить. Вы ведь давно с нею знакомы...» — Маму Батюшки при жизни я не застала, она упокоилась в 1970, но он часто повторял: «Вы с ней — родные».

Бывало, вернувшись из Царства Света, он водил руками по стене и спрашивал: «А куда же поде-

вались цветы? Они такие дивные. Чувствуете, как благоухают? Господи! Во мне уже нет ничего телесного, когда же Домой?!»

Постоянное соприкосновение отца Николая с Горним миром утончило и так обострило его восприятие, что *Времени* для него не существовало. Оно у него было *иное*... В Страстную Пятницу, утром, сказала: «Сегодня вынос Плащаницы» — а Батюшка ответил: «А мы ***Там*** уже Пасху пропели». — Душа моя почувствовала *Тот несказанный благодатный радостный* мир, исходящий от духа святого Старца. Не зная, что и как сказать, лишь спросила: «Батюшка! А мы доживем до *Пасхи?»* — Лик его был милостивый и безмерно любвеобильный — он тихо сказал: *«У нас в России всегда Пасха... Крестная Пасха... Со слезами — и радости, и горя... Но ведь и горя-то большого нет! Ведь мы с Господом! Русь всегда с Богом живет! Радуйтеся и веселитеся!»*

Старец по-иному воспринимал чувствами предметы внешнего мира. Он больше жил в невидимом для нас мире духовном, который и является *реальным и истинным.* Просто он видел духовным зрением реальную вечную жизнь. Из нее возвращался на время в земную — и снова уходил.

Часто говорил: «Это я *Дома* исполню... Буду *Дома, Там* помолюсь»... Иногда, сидя на своем стульчике подле икон, кланялся, как бы прощаясь, и говорил: «Простите, мне пора *Домой, побегу...* У меня ***Там*** много дел. Благословите, пойду». — Матушка Иоанна непременно удивлялась: «Куда это Вы, Батюшка, пойдете? — Из дома *домой?!»* — «Да, *Домой...*

Я ведь здесь на Острове в гостях... Мое все Там... ***Знаете, ведь у меня и Там — целый Остров»****... Незримый Град... Царский Китеж.*

Домом *на духовном языке Батюшки была* ***его Небесная Обитель****: в доме Отца Моего обителей много* (Ин.14.2). *Дом как здание Храма в Евангелии обозначает* ***тело*** *человеческое: Разве не знаете, что тела ваши суть храм живущаго в вас Святаго Духа* (1 Кор. 6.19).

Господь даровал нам видеть ясные знаки праведности Старца и его сопричасности Свету. Он часто служил в Небесном Иерусалиме. Так прямо и говорил: «Роднуша, напишите мне ваши имена для поминовения в Небесном Иерусалиме. Сегодня я буду предстоять. Соберите все записочки — заупокойные и заздравные, подготовьте и подайте мне». — Я складывала по отдельности все поминания. Батюшка просил обязательно пересчитать, сколько их всего, и сверху отметить общее количество записок: допустим, 389 за упокой и 520 заздравных.

Иногда, ночию, явно слышали духовное пение во внутренней келлии Батюшки. По его молитвам Господь даровал на краткий миг слышать пение Небесной Литургии. Грубый слух улавливал лишь отдельные слова: «*Славим... Славно бо прославися... Аминь... Аллилуиа*». Это было дивное Ангельское пение — звучание ни женских, ни мужских голосов... Все земное растворялось. Не было ни попечений, ни мыслей, ни забот. Душа вдыхала крупицы Небесного. И необычно: исчезала *своя воля — не было мысли личной, своей — ты был лишь послушной частицей Величавой Тишины и Света.*

Батюшка не позволял говорить при жизни о его Небесном служении. Однажды сказал: «Не теряйте эту Божественную тихость Горнего. Все земное — прах пред Ним. Ум держи в Боге и ничего не бойся, кроме греха. Живи просто. Где просто, там Ангелов со ста. Ничего не страшись, только Веру имей. Господь такой Милостивый, Он всех ждет в Своем Свете... Только надо исповедовать Христа Распятого. Мы все должны стать святыми».

Часто тихо пел молитвы, лежа на своей кроватке... Однажды слышу, Батюшка что-то как бы жует, проглатывая. Я удивилась, потому что никакой еды не приносили. Через короткое время позвал и говорит: «Сейчас я причастился, давай поблагодарим Господа. Меня Государь Николай Александрович приобщил!»

Так, когда его в 2001 году просили помолиться об отце архимандрите Иоанне (Крестьянкине), тяжело болевшем и находившемся в Псково-Печерском монастыре, он ответил: «А мне сказано, что он уже *Дома*»... Мы ответили, что Старец Иоанн жив, на что Батюшка тихо молвил: «Как жаль, что я не могу вам всего объяснить, а вы сейчас не можете понять: мне сказано *схимником оттуда*, что отец Иоанн уже *Дома*»... В течение года Батюшка об этом говорил трижды. В 2002 отец Николай упокоился, а архимандрит Иоанн еще прожил до 2005 года.

Нам невероятно трудно постичь горний мир, но во всем происходившем было очевидно одно: Батюшка Николай утверждал, что Старец Иоанн духом пребывал на Небесах — и они *Там — в Горнем*

Мире — виделись, телами оба находясь на земле. Для них телесная жизнь была действительно «*сониem*» — «тень и сон» иного бытия.

Другой раз, в январе 2001, отец Николай долго и пристально всматривался в фотографию Батюшки Кирилла (Павлова). Потом перекрестился и тихо-тихо сказал: «Какая у него мысль о Церкви чистая и глубокая. Какая чистота и глубина. Только вот здоровия нет. Совсем нет. А оно ему необходимо — он нужен Церкви». Потом Старец перекрестился фотографией Батюшки Кирилла, приложился к ней и несколько раз с любовию осенил крестом его изображение, обронив: «У него ведь не лицо, а *лик*... Помоги тебе Господи, дорогой Батюшка. Духовно лобызаю и приветствую тебя... Как и ты, скорблю за Церковь».

Здесь уместно вспомнить: к отцу Кириллу обратился один лаврский иеросхимонах, который постоянно менял место своего служения и звал Старца в пустыню, спасаться от Москвы-Вавилона с его отступничеством... Он тихо молвил, навсегда: «*Отец! Я принадлежу Церкви!*»

Чем выше подвижник стоит на духовной лестнице, тем труднее писать о нем, о его жизни. Мы, душевные, не можем видеть духовное. Лишь отблески, отсветы. Жизнь святого не подвластна описанию рассудка. Действительно, это великая тайна и сокровенное пребывание в Боге.

«Настоящее несчастие — жить без Бога» — говорил Старец.

Батюшка жил в Боге — потому имел право и говорил о Нем как о Том, Кого знал и видел. Он вы-

шел из плена этого мира и возвысился над ним. Не имел мнимых забот и ценностей. *Он Был свободен. Благодатно свободен!*

Задумываюсь над важным для меня вопросом — что же было главным в его духовничестве? — И явно звучит в сердце — ***необыкновенная свобода во Христе и мирность, тихость духа. Видение мира в сиянии Пресвятой Троицы.***

Святой Старец говорил: «Бог непрестанно пребывает в сотворенном Им мире, творя Свою Благую Волю. Но свободу человека Он не нарушает». Как истинный учитель, духовник — Батюшка никогда не нарушал свободы своих духовных чад.

Все, чем он дышал и чему учил, было преисполнено Евангельской кротости, зримой в его делах, отношении к людям, где не было мелочей. Учил во всем доверяться Богу и увидеть, что смута — в нас самих. И доколе мы не изживем ее, смуту, озлобленность в сердцах и умах — Господь не пошлет нам Царя.

«А без Царя Россия всегда будет несчастна» — печалился Батюшка. Но он просил не стремиться «вырвать» Власть из рук Божиих, не «назначать» самим Грядущего Царя: «Бога грешно учить!» — повторял он. — «Все будет так, как Господу угодно. Миром правит Бог!»

Самым страшным и губительным для Церкви считал озлобленность духовенства: «Такие священники сами гибнут и людей за собою тянут».

Однажды заметил: «Мы в Храме Божием каждый день молимся, поем: *«Слава в Вышних Богу и на земли мир»* — а сами злобимся друг на друга и ругаемся. Как это горько!»

«Пока есть силы, всемерно старайтесь трудиться для Церкви. Посмотрите, она переживает такие огромные трудности. Временами такое творится, что сохрани Бог! — Но не бросайте Церковь. Живите чисто и всегда творите Правду и Истину — это наша обязанность. Христианская... А я ведь вижу, что многим хочется убежать от беззаконий. Но так ничего не изменишь, и совесть еще больше будет болеть, когда уйдешь из Церкви. Главное — служите Литургию и молитесь за всех. Это совсем не мелочь и сильнее всяких обличений и протестов. Храните Церковь и все Царское и ничего не бойтесь».

Как-то сказал: «Сейчас, чтобы быть истинным служителем Церкви, надо быть готовым на Крест и муки. Помоги, Господи, и нынешним архиереям, и батюшкам».

Однажды вдруг сказал: «Ведь я здесь на Острове не по своей воле... Мамушка моя очень хотела вернуться в Россию поближе к родной земельке — Чудским Заходам. А я долго Господа молил — есть ли Его Воля на это. И сказано мне было, что Царица Небесная благословляет и Святитель Николай. Они и направили меня сюда, а не люди. Служил все время в Смоленском приделе. Так мне было открыто. Под Покровом Божией Матери. А Святителя Николая умолял всегда не оставить нас, быть помощником и заступником. Они и хранят нашу Церковь... Так вот Их и просим».

Как-то его навестил один Владыка в составе делегации, прибывшей на юбилей к местному псковскому архиерею, который задал Батюшке, по его выражению, «небывалый вопрос»: «Отец

Николай! Говорят, вам много денег несут, и у вас тут все стены долларами обклеены?» — «Он очень меня огорчил, — сказал Батюшка. — Зачем они со мною так?! Вы скажите им, — я копейки из Церкви не брал. За деньги мне не придется держать ответ перед Господом на Страшном Суде, потому что я никогда не имел к ним никакого пристрастия и никогда не копил их. Я даже эти их доллары не понимаю!»

Батюшка очень жалел людей и сострадал нам, знал и видел душу каждого человека. Видел наши мысли и дела как зернышко в прозрачном стакане. Никогда не боялся никакого вопроса ни от кого и очень не любил лукавство, неискренность и позу.

Однажды приехал к нему человек за благословением на православную патриотическую деятельность. Прямо у порога упал на колени и с пафосом воскликнул: «Батюшка! Благословите на борьбу с бесами!» — Старец прервал его речь: «Ты думаешь, что языком можно все двери открыть?!»

Все видели, как скромно жил Батюшка. Он никому в этом не подражал — это был *его* чин и уклад. Скромность и простота возвышали его до святительского подвига славного чудесами народного печальника Спиридона Тримифунтского, которого стража не пускала на Вселенский Собор, поскольку «видом внешним» он не походил на архиерея, владыку. У него было только самое необходимое, но и в нем он не нуждался.

Однажды сказал: «Я как птичка. — Потом добавил: да нет! Уже меньше птички мне надо — ничего земного не хочу и не желаю».

Некий человек, впервые посетив его, очень удивился простотой обстановки и искренно предложил: «Батюшка! У вас здесь все старое! Давайте сделаем ремонт и все поменяем!» — Старец, улыбаясь, ответил: «Я сам — старый Царский Архиерей, вот и все у меня — старое».

Долгое время показывал часы-будильник с «царской музыкой»: — *«Коль славен наш Господь»*. Заводил ключом механизм и слушал, крестясь, гимн. Потом, с детской простотой спрашивал, смотря прямо в глаза: «Вам это по душе? Нравится такая наша музыка?» — И бережно прятал часы в шкаф.

«В меру жития бывает восприятие Истины» — сказал великий наставник монашества — Исаак Сирин. В «меру жития» каждый видит окружающий мир и людей. Как бы все ни любили Батюшку отца Николая и ни желали поделиться воспоминаниями о нем, — в основном, описываем внешний мир, сквозь который просвечивается *наше* устроение души. Это похоже на то, как читаем одну книгу жизни, а понимаем ее по-разному... Чем ближе подвижник к Богу, тем труднее говорить о нем. Но главное в каждом человеке — его душа, внутренний мир, преисполненный тайн и глубин, которые не свойственны плоти и недоступны чувственному взгляду. Он не отражен и в автобиографии Старца — разве можно вместить в скупые графы жизнь святого? Это все равно, что описывать его ризы.

Но если Господь позволит прикоснуться к святыне — обретаешь Небо — необъятное, непостижимое, постоянно скрывающееся за облаками не только от понимания, но и от твоего взора. И чем

ближе мы к Богу, тем чище око души; тогда в одном духе видим мир и людей.

Очами Света...

«Все в мире внутренне соединено, — говорил Батюшка. — Ибо *мир пребывает в Боге*». Господь оживотворяет нас изнутри и приоткрывает глубину человеческого и ангельского бытия. Там, в этой необозримой глубине и сокрыта душа, ее сердце, зерно будущей вечной жизни, ее внутренний свет. Эта «*светоносность*» сроднила отца Николая с преподобным Сергием Радонежским и Серафимом Саровским, проповедовавшими Христа не только словом, а силой Благодати, обитавшей в них.

Спасение в Вере Искупления...

Батюшка Николай часто говорил: «Самое трудное для человека — научиться смирению. Смирение — это главное. Без него не спастись, никому... Потому Господь говорит нам о смирении более, чем о других призваниях духа человеческого. Смирение растворяет в нашей греховной природе самую губительную страсть — гордыню, которая разлучает душу со Христом, а ведь цель нашей жизни — соединиться с Ним навеки»...

Когда я спросила Батюшку, *каким* был Государь Николай, что более всего отличало Его душу, он ответил: «Смирение! *Это был смиреннейший и кротчайший Святой Царь...* Своим смирением *Он* спас Россию от гибели, а Церковь — от полного духовного уничтожения... Через Него действовал

Христос... И мы все теперь можем умолять Господа и спасаться, пока есть время...»

Великий пустынник, опытный подвижник древности авва Иоанн Колов как-то спросил монахов: «Кто продал Иосифа?» — Один ответил: «Его братья». — На что Старец возразил: «Не братья, а его собственное смирение. Иосиф мог объявить, что он их брат, и воспротивиться продаже, но он об этом промолчал. Итак, «продало» его смирение, но это смирение потом сделало его властителем Египта»...

«Египет» — на духовном языке это образ тьмы, безпросветного рабства ложным идолам, в чем бы они ни выражались: в камне, дереве или безбожных идеях и религиях, оскорбляющих Истину. Когда пришел на землю Владыка Христос — все идолы пали. Он сокрушил зло с корнем и вырвал его из сердца человека. Потому у древних отцов была заповедь: *Храни сердце!* Эту заповедь соблюдал сам и внушал ее нам Старец Николай, потому что сердце человека — это храм Божий. И если в нем не пребывает Христос, то там гнездится враг. Потому самое главное — это сокрушить зло в собственном сердце, чтобы оно действительно стало достойным, дабы в нем воссиял Христос.

За то, чтобы человеческое сердце вмещало Бога, пострадали Святые Царственные Мученики, о том, чтобы в наши сердца вселился Бог, молился Небесный Ангел Старец Николай, сказавший:

«Смирением Господь наш Иисус Христос спас человечество...

Смирение Царственных Мучеников сохранило Церковь и Землю Русскую»...

Мы свидетельствуем, что смирение Старца Николая наполнило Церковь тысячами спасающихся душ, исхитив их из египетского плена... *Спасение же заключается в возвращении общения с Богом...*

Смирение Господа для нас непостижимо, как и Его Божественная природа, мы можем лишь благоговеть пред Ним. Господь явил помраченному человечеству главное, что мы предали забвению: *сыновнее смиренное послушание, послушание человека Богу.* Святитель Игнатий пишет, что грехопадением праотцев весь род человеческий потерял *общение с Богом,* и с тех пор, погибель — удел всех людей, и добрых, и злых. Нисходили во ад не только грешники, но и праведники Ветхого Завета... «Такова сила добрых дел человеческих. Такова цена добродетелей естества нашего падшего! Чтобы восстановить общение человека с Богом, иначе, *для спасения необходимо было искупление.* Искупление рода человеческого было совершено ни Ангелом, ни Архангелом, ни каким-нибудь из высших ограниченных и сотворенных существ, — совершено было Самим Безпредельным Богом»[1].

«Особенностию Искупительной Жертвы Иисуса Христа является то, — пишет церковный историк и богослов Н.Д.Успенский, — что она была принесена не за отдельных людей и не за избранные народы, но за все человечество «*из всякого колена и языка, и народа и племени*» (Откр. 5.9). — И спасительное действие этой Жертвы превосходит все и всякие грехи. «*Кровь Иисуса Христа,* — говорит

[1] *Святитель Игнатий Брянчанинов.* Собрание писем. М. 2002. С. 69.

Апостол Иоанн Богослов, — *очищает нас от всякого греха* (1 Ин. 1.7).

Искупление рода человеческого через Крестную Смерть Господа Иисуса Христа лежит в основе православного учения о спасении. Поэтому оно изложено и в Символе Веры... Православная Вера исповедует в Символе Веры «*Единаго Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия... нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечшася, Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате и страдавша и погребенна*». Этими словами Православная Церковь учит, что спасение людей совершено Сыном Божиим, Иисусом Христом, Который Сам о Себе сказал: «*Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих*» (Мф. 20. 28), и что это спасение было совершено чрез уничижение Сына Божия, добровольно принявшего человеческую природу и с нею пострадавшего и умершего на Кресте...

Эту тайну спасения человечества изъясняет Апостол Павел в Послании к Колоссянам: «*благоугодно было Отцу, чтобы в Нем, во Христе, обитала всякая полнота, и чтобы посредством Его примирить с Собою все, умиротворив чрез Него, Кровию Креста Его, и земное, и небесное. И вас, бывших некогда отчужденными и врагами, по расположению к злым делам, ныне примирил в Теле Плоти Его, смертию Его, чтобы представить вас святыми и непорочными и неповинными пред Собою*» (Кол. 1. 19–22).

Батюшка Николай говорил, что ныне настало время испытания *глубины* и *искренности* нашей Веры... Именно сейчас, когда внешнее все сияет и блестит... Именно сейчас важнее всего обратить внимание на *храм сердца*... Что кроется за видимым благолепием? — Это необходимо понять и увидеть... Почему все чаще в наших монастырях и церквах стоит специальная охрана? В чем причина? — Значит, *мы* такие верующие, что от *нас* необходимо защищать святыни и монашествующих?! Что-то с нами случилось, если мы больше надеемся на внешнюю силу, чем на силу святыни. Выходит, духовная наша жизнь мало изменилась в корне, глубине, а может, и что-то иное происходит со всеми нами...

«Помочь человеку честно разобраться в происходящем, увидеть себя таким, каков он есть на самом деле, заглянуть в свое окаянство, смотреть на свою собственную болезнь сердца и признать, что мы все имеем в душах глубокие изъяны — это основное попечение Церкви и духовников» — говорил Батюшка.

Христианин не может быть наивным мечтателем, подобно страусу, прячущему голову под крыло и убеждающему себя, что в мире его души все тихо и спокойно... Чем раньше человек увидит угрожающую ему опасность — тем легче избежать печальных последствий ее.

Святое смирение

Батюшка Николай нес в себе самое главное, что отличает русское старчество — нежное и светлое

чувство отеческой любви. Всю жизнь он искал не святости, а смирения, и достиг его. А где Любовь и Смирение — там и святость. Старец Порфирий Кавсокаливит говорил: «Святое смирение — дар Божий душе. Его дает Бог, когда найдет ее чистой, предуготованной. Тогда удовлетворенно Он взирает и привлекает душу к Себе». А игумен Никон (Воробьев) часто напоминал: «Мерою духовного роста человека является его *смирение*. Спаситель призывает всех научиться от Него смирению; не посту, не молитве, даже не Любви к ближнему, а ***смирению.*** Только через смирение человек делается *един дух с Господом* (1 Кор. 6.17)».

По прошествии времени поняла, что мы видим в святых в основном их внешние добродетели, а внутренняя сила, их сокровенная красота остаются от нас сокрытыми. То немногое, что обычно знаем, становится известным лишь потому, что они не смогли этого скрыть. Отцы говорили: «Только Бог знает духовную меру святых. Даже сами святые ее не знали, так как исследовали только свои грехи, а не добродетели»[1].

«Ведь истинный подвиг очень незаметный» — говорил Батюшка. Но он не сокрыт от тех, кто видит мир *очами сердца,* кто сам живет смиренно и незаметно.

«В облике отца Николая всегда был Свет... Свет от Света. Это святой, подобный Серафиму Саровскому. Он освятил нашу жизнь, жизнь Церкви» — таким увидел отца Николая искренне любящий его Старец Кирилл (Павлов). Ему от Бога дана благодать видеть сердца. В конце 2004 года у него

[1] Русский Старец Тихон Святогорец. М. 2001. С. 36..

случился инсульт с парализацией, даже речи. Какое-то время отец Кирилл находился между жизнию и смертию, и как свидетельствовали его близкие, в это время произошло чудо. Батюшке явился Господь и сказал, что он еще должен оставаться на земле. Что еще открыл Господь Старцу — это его тайна, тайна великая, сокровенная. Но для нас очевидно: это таинственное блаженство даровал Господь праведнику, ибо сердце его бьется и живет только молитвой Иисусовой. И сбываются на нем слова Апостола: «*Уже не я живу, но живет во мне Христос*» (Гал. 2.20).

Десница Старца

На Светлой Седмице 2011 года посчастливилось быть в Переделкино у отца Кирилла и только увидеть его один миг. Но этот миг укрепил сердце. Добрые люди, находящиеся при отце, позволили побыть несколько минут в келлии. По лицу Батюшки было видно, что он находится в глубокой молитве, можно было различить беззвучное едва уловимое движение губ: «*Господи, Иисусе Христе*»... Он очень напомнил мне Батюшку Николая в последние дни его жизни. *Уже совсем нездешний, но одновременно несказанно родной и близкий отец.*

От величественных рук исходили свет и покой. Увидела невероятную схожесть, подобие рукам отца Николая — то же смирение и тихость духа. Когда прикладывалась к благословенной руке, в сердце вошла теплота, и оно затрепетало благодар-

ностию к Богу за все, что Он нам посылает. И подумалось: отче Кирилл страдает за всех нас, обнимая таинственно с любовию в своем внутреннем созерцании всю монашескую братию, всех сестер... Всю Церковь. Такие разные и внешне отчужденные, с усталыми лицами и душами, мы все подле отца Кирилла стали *как дети.* Ушло разномыслие, неприязнь, смягчились сердца. Лицо Батюшки сияло внутренним светом, и каждый думал о Вечности и о своей грешной душе. Часы Пасхи пели *едиными усты и единым сердцем.*

Мы все воодушевлялись древними патериками и пытались следовать советам древних отцов. Но отец Николай и отец Кирилл являют нам в наше время воистину равноангельное житие, настоящее монашество, ибо вся их жизнь на земле — непрестанная молитва и труд.

Отец Кирилл истинное чадо Преподобного Сергия. Он изменил и освятил нас всех. Не сказав ни слова... Старец не читал нравоучений, не говорил проповедей. *Когда пели Пасху, было видно, как он поет ее вместе с братией только душой*, ведь губы сковала болезнь.

Это и есть Любовь и Святость.

У его одра, как и подле Батюшки, утвердилась в мысли: нет бед и горестей на земле, которые бы не разрешались во Христе. Только надо довериться Ему полностию, и Он все управит. Если бы мы все отдавали свое сердце Богу, то мир бы изменился.

Сердце наполнилось *милостию и тишиной.* Сомнения, горечь и боль последних лет ушли прочь, не оставив следа.

Десница Старца... От нее исходит Божественная Благодать. Образ незабвенного отца Николая ожил, полон огненной силы. И ожили его слова: «Благословение отца — это таинство и великая сила. Ангелы со светильниками будут освещать твой путь... Родные мои, драгоценные, не отчаивайтесь. Христос нас всех любит, только веруйте в Него несомненно, и спасетесь. Пусть Христос заполнит все ваше сердце и жизнь... Исповедь и Причастие».

Воистину, рядом с отцами душа находится в Раю. За их молитвы Благодать покрывает нас, грешных. Отец Николай всегда напоминал: если мы живем в Таинствах Православной Церкви, то мы уже в Раю, ибо через Таинства приобщаемся Жизни Вечной еще здесь, на земле: «*Веруяй в Сына имать живот вечный*» (Ин. 3.36).

Молитвенный покров над Россией

Вот уже семь лет полностию недвижимый, ныне уже в истинных мощах, отец Кирилл остается среди нас, умоляя Спасителя сохранить Церковь в Святоотеческом Православии.

Его многострадальное тело воистину превратилось в мощи. Быть на земле — невероятные муки. Но он не просит Господа облегчить *его* страдания. Он умоляет исцелить человечество от страшных язв. Мы не знаем почему, но Бог, по Своему великому Промыслу, соединяет его страдания и спасение тысяч душ. Это нельзя не увидеть сердцем... Жизнь Старца на волоске, и вот уже столько лет, ради лю-

дей, Господь не дает этому тонкому волоску оборваться.

Сейчас Старец Кирилл созерцает Небо и видит Ангелов и Святых.

Помню, как Батюшка Николай неоднократно уходил *Домой, на Небо, ибо давно был готов к Вечности, а потом возвращался, со словами: «Ваши слезы вернули меня».* Он знал, что нужен здесь, на земле, как нужен нам сейчас Батюшка Кирилл, ибо их смиренные молитвы отдаляют пришествие великого Дня Гнева Господня (От. 6.7), когда Ангелы изольют на землю последние Чаши.

Как пригвожденный ко Кресту, распростертый на больничной койке, он умоляет Бога пощадить мир и не наказывать за страшные отступления, особенно в церковной жизни. Господи! Слезы благодарности к Тебе текут при виде наших отцов. Таких пастырей, наверное, больше не будет.

Трогательны и верны сердечные слова отца Павла (Груздева) об истинном русском монашестве, не имеющем ничего общего с теплохладным боязливым духовенством наших дней: «*Люди они были не те, честнее самой честности. Одним словом, настоящие православные люди... Родные мои! А служили-то они как! Огонь сам с Неба сходил*»[1].

Как-то греческий старец Порфирий сказал: «Есть Старцы, которые, когда поднимут свои руки на молитве, могут простереть молитвенный покров над всей Грецией».

Милостив Господь, есть такие Старцы и на Руси...

[1] Дайте нам от елея вашего. Саратов. 2009. С. 293.

«Церковь предвечна и нетварна»
(Старец Порфирий Кавсокаливит)

Необыкновенная сила духа, любовь и жертвенность сопричисляют уже сейчас отца Кирилла к сонму русских исповедников, как и Батюшку Николая, и отца Павла (Груздева). «Чтобы сейчас быть служителем Церкви, нужно быть жертвой» — неустанно внушал Митрополит Иосиф (Чернов) священникам.

Скорбь отцов о неправо учащих о Боге, о введении догматических и вероисповедных реформ — календарной и богослужебного языка. Слезы об отверженных, хладнокровно навязывающих Христовой Церкви «единство духовных ценностей» с раввинами и латинянами, стремящихся к полноте власти над душами и забывающих, что ***все призваны служить Богу и ближнему, а не властвовать.***

Я помню взор отца Николая, также молившегося с *горькой* любовию о вразумлении тех, кто бросил Имя Христово на поругание миру и вывел Церковь на подиум. И его слова, запечатленные в сердце: «*Берегите Церковь! Это самое дорогое, что у нас есть на земле. Любите Ее, как я любил, и не оставляйте врагу на попрание!*»

Произнося слово ЦЕРКОВЬ, отец Николай имел в виду не только Московскую патриархию, как это неверно ныне толкуют, ограничивая Евангельскую Весть и стремясь оправдать и загладить все «острые углы» нововведений и отступлений в церковной жизни патриархии, исходящие от ее священноначалия. Батюшка так узко не мыслил, как люди,

стремящиеся поделить всех на юрисдикции и ветви и дерзостно определяющих, в какой церкви есть Благодать, а где ее нет.

Он говорил обо всей Нетварной Церкви Божией. Живой, воинствующей, Православной Церкви нашей, находящейся в каждом уголке земли. А также и о Торжествующей, Совершенной.

Никогда страха ради иудейска он не произносил: «Нет, Патриарх ***все*** правильно делает»[1].

И ни один истинный старец так не скажет ни о ком, ибо только Господь без греха и нет под Небом человека, который бы ***все*** делал правильно. Это духовная истина.

Напротив, когда привезла Батюшке доклад Патриарха Алексия II на епархиальном собрании от 15.12.2001, ставший «цитатником» для страдающих сектоманией и поиском «врагов церкви и инакомыслящих» и прочла слова о почитании Святого Благоверного Грозного Царя Иоанна и Мученика Григория Нового, спросил, волнуясь: «Это кто так говорит?» — Ответила: «Патриарх». — «Патриарх?! Прости его, Господи и помилуй!» — с сокрушением молвил Батюшка. — «Как же так?! Ведь Патриарху такие слова даже думать нельзя, а не только произносить... Прости его, Господи... Что-то такое кривенькое у них. Так нельзя!»

Несмотря на глубокое уважение, которое Старец испытывал к Святейшему Алексию, он не принял его неправды в отношении Истины, гонимых святых и тех, кто их почитает.

[1] *Прот. Валериан Кречетов.* Мария и Марфа. Т. 1. 2006. С. 560.

В ответ на переживания, что же теперь делать, просто сказал: «Молиться... Просить Господа, чтобы Он простил их, чтобы покаялись за этот страшный грех, и продолжать *свои* труды. Ничего не бойтесь. Как молились, так и будем молиться Царским Святым и Григорию». И добавил: «*Неправда поможет открыть Правду*».

В тот день я осмелилась задать давно мучавший меня вопрос: «Отче! Почему ни Патриарх, ни один архиерей не спросят Вас о самом важном для Церкви? Духовно... Не только о Григории и Царе Иоанне. Ведь так много трудностей?»

Батюшка оживился, будто бы крылия расправил, даже радуясь вопросу: «Так оно и есть. Не советуются... А я ведь мог бы им подсказать... *Я ведь давно в Церкви живу*».

Преподобноисповедник схиархиепископ Антоний (Абашидзе), с которым Батюшка был духовно близок и часто молился в Китаевой пустыни под Киевом и в Лавре в тридцатые, дал заповедь при наречении во епископы Владыке Вениамину (Федченкову): «***Не бойся говорить правду пред кем бы то ни было, хотя бы это был и сам Патриарх, или другие высокие в мире люди***»[1]. Отец Николай всегда жил по этой заповеди и был примером для нас.

Таким был Старец... Истинная свобода духа, присущая православной душе. Всегда был честен и прямодушен, но никого не принуждал, не оказывал давления. Если человек сам захочет — поймет, придет, *и вечерю с ним сотворим*... Уважал сво-

[1] Православие.Ru. 18.08.2011.

боду ближнего и молитвенно ждал, что изменимся. Псковскому архиерею Евсевию подарил житие Старца Лаврентия Черниговского и Мученика Григория Нового, со словами: «Почитайте, Владыко, Вам это нужно».

Он хранил старчество таким, как оно было у древнего монашества. *Благодатным, а не дисциплинарным...*

Для отца Николая было дорого и свято только то, чем жили отцы, сохранившие ДУХ ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ, русский дух, ведающий только Господа. И ему было не нужно христианство без Христа! «Христианство» общечеловеческих нравственных ценностей.

Святой на Небе и на земле

Освященная душа Батюшки отошла от нас совсем недавно. Теперь он в Царствии Небесном. Если десять лет назад мы с печалию склонялись у его одра, ныне с радостию склоняемся пред его небесным ликом на иконах, источающих благодатно•е миро и исцеление: и веруем, в Боге смерти нет, ибо *«Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых»* (Мф. 22. 32). Мы чувствуем его молитву, а ведь «молитва — это таинственная сила, которая передается душе другого».

Однажды у Креста на Острове один священник с глубоким чувством понимания, ***кем*** для всех был отец Николай, сказал: «Если бы Батюшка не укрывал нас своими молитвами пред Небом, не известно, что было бы с Церковию». Истинны эти слова.

Что было бы с нашей землей, если бы не Жертва Святых за грехи человечества?!

Как Царственная Птица благословенный Старец пролетел высоко над мятежным миром, не растеряв внутреннюю тишину и сокровенность, по слову Божественного Симеона: «Убежим от мира, убежим обмана жизни и ее мнимого веселия, и прибегнем ко Единому Душеспасителю Христу. Его, везде присутствующего, постараемся найти и, найдя Его, ухватимся за Него, припав к Его ногам, и обнимем их в теплоте душевной... Постараемся еще при жизни увидеть Его и созерцать, потому что если удостоимся увидеть Его здесь ощутительно, то мы не умрем, смерть не овладеет нами. Не будем ждать будущего, чтобы Его увидеть, но будем подвизаться теперь, чтобы созерцать Его»[1].

Батюшка созерцал Христа и не увидел смерти. Потому всегда повторял: *«Надо целовать стопы Спасителю...»*

При первой встрече спросила Батюшку*: «Как спастись?»*

Он указал рукой на икону Спасителя: «Иисус Христос»...

«Не бойся богатого грозы, а бойся бедного слезы»

Когда в житии «*Небесный Ангел*» впервые опубликовали епископскую фотографию и свиде-

[1] *Архиепископ Василий (Кривошеин)*. Преподобный Симеон Новый Богослов. 1996. С. 226.

тельство самого Батюшки, что он Архиерей, к отцу Кириллу в Переделкино обратилась настоятельница скита подворья Пюхтицкого монастыря: «Правда ли, что отец Николай был епископом?» Он ответил: «Батюшка, действительно, схиепископ. А Вас, почему это волнует?» Даже духоносному Старцу не понять, отчего такие волнения? Да, отец Николай был Епископом. Разве это грех?! Много было тайных епископов в Мученической Церкви, потому и сохранилась апостольская преемственность. Таков образ спасения Церкви во времена гонений. Тайной долгие годы оставалось священство и архиерейство Владыки Стефана (Никитина), Иоанна (Вендланда), священника Глеба Каледы, Сергия Дурылина и иных отцев. И не у всех были ставленнические грамоты. Надо только с любовию всмотреться в истинную жизнь Матери-Церкви и перестать мыслить советскими «штампами» и всего бояться. Ведь Господь взывает: «*Что вы так боязливы, маловерные?*» (Мф. 8.26)

И главное, Батюшка был глубоко убежден, что епископская власть дана в Церкви не только для того, чтобы управлять, наказывать, а чтобы прощать — ***миловать, печалиться о пастве.***

Отец Кирилл с любовию принимал и иконы, и акафисты праведнику Старцу Николаю — Нектарию и не призывал ждать «пятьдесят лет, по прошествии коих архиереи решат, святой он или нет». Именно такую неправду внушают пастве боязливые священники, ныне открыто насаждающие и свое «евангелие», и свои «догматы», и свои «каноны». Увы, для нестойких христиан, не твердых

в Вере и также боязливых, такие служители — соблазн, сбивающий с правого пути: «Не ранее чем через 50 лет после кончины, по заявлению местного клира и епископа конгрегация обряда производит троекратное исследование о жизни усопшего. После чего голосуют и объявляют блаженным» — так утверждает *римское каноническое право.* Но мы, слава Богу, не католики! Не надо навязывать чуждые Православию традиции!

До сих пор продолжают гневаться «радетели», в основном духовенство: «Архиерей? И Патриарх, и мы не знали. И как это он, будучи Архиереем, служил как простой протоиерей? Это все равно, что генералу опуститься до солдата»...

Но тогда совсем не понять как Господь, Царь Царей, умывал ноги Своим ученикам, простым галилейским рыбарям и одновременно Апостолам.

Митрополит Питирим (Нечаев) вспоминает о сотруднике издательского отдела МП: «Н. П. Иванов был личностию чрезвычайно интересной. Умер в девяностые, и тогда выяснилось, что он был подпольным священником — за это, в свое время, и сидел. Тайну эту он хранил всю жизнь. Причащался всегда как мирянин, был иподиаконом у Патриарха [Алексия I], а потом — у Митрополита Ювеналия»[1].

И ведь Патриарх тоже не знал!

Подумалось мне, может, *плач Матери-Церкви* исцелит от неправедного гнева этих боязливых и гневливых, никому не доверяющих законников? Но если и приведенные ниже слова не умягчат сердца и не откроют ум, как можно быть *тайным*

[1] Русь уходящая. М. 2007. С. 309.

схиепископом и не кричать об этом — то такие немощи врачуются только молитвой...

«Я — Архиерей!
Но таковым меня соделала Мать-Церковь»
(Старец Николай)

Вот как о радости, о сердечной молитве, наполнявшей находившихся в *гулаге* исповедников, поведал старец-архимандрит Павел (Груздев): «Кто в войну не сидел, тот и лагеря не отведал. Словно в первые христианские века, когда Богослужение совершалось зачастую под открытым небом, православные молились в лесу, в горах, в пустыне и у моря».

«В уральской тайге служили Литургию заключенные Вятских исправительно-трудовых лагерей. (Там отбывал срок и отец Николай — *авт.)* Были там два епископа, несколько архимандритов, игумены, иеромонахи и просто монахи. А сколько в лагере было верующих женщин, которых всех окрестили «монашками», смешав в одну кучу и безграмотных крестьянок, и игумений различных монастырей. По словам отца Павла, «*была там целая епархия!*»

Когда удавалось договориться с начальником второй части, ведавшей пропусками, «*лагерная епархия*» выходила в лес и начинала Богослужение на лесной поляне. Для причастной Чаши готовили сок из разных ягод: черники, земляники, ежевики, брусники — что Бог пошлет; Престолом был пень,

полотенце служило как саккос, из консервной банки делали кадило. И архиерей, облаченный в арестантское тряпье: *«Разделиша ризы Моя себе и об одежде Моей меташа жребий»* — предстоял лесному Престолу как Господню, ему помогали все молящиеся.

«*Тело Христово пришмите, Источника Бессмертного вкусите*» — пел хор на лесной поляне... Как молились все, как плакали — не от горя, а от радости молитвенной...

При последнем Богослужении [...] молния ударила в пень, служивший Престолом, чтобы не осквернили его потом. Он исчез, и на его месте появилась воронка, полная чистой, прозрачной воды. Охранник, видевший все своими глазами, побелел от страха, и говорит: *«Ну, вы все здесь святые!»*[1]

Даже охраннику было ясно, что перед ним — *Святая Церковь Христова*, а вот некоторым священнослужителям — непонятно.

Именно в Вятских лагерях, рассказывал мне Батюшка, случилось с ним настоящее чудо. Его ***убили*** уголовники: притиснули к глухой стене и толкнули на него груженую вагонетку. «И душа моя уже вышла из тела и пошла ко Господу. И такая радость объяла меня... Потом батюшки взяли мое тело, отнесли в сторонку и стали служить на мне Литургию. Я столиком был — Престолом. И вот вижу, Царица Небесная идет ко Спасителю и просит: «Оставь его на земле, он нужен Церкви». Потому, прикровенно, в стихотворении «Автобиография. В тридцатые

[1] Дайте нам от елея вашего. Саратов. 2009. С. 293.

годы XX века» Старец написал: *«Прошу, Святая Дево! В несении Креста,* ***для Славы Божией Церкви,*** *спаси, спаси меня!»*

«Попейте чайку!»

Батюшка был немногословен. *«Святые молчат»* — как-то обронил Старец. Но дух, обитавший в его сердце, приводил к Богу. Часто без слов...

«Православное кино наше имеет своим началом фильм режиссера *В. Дьяконова «Храм».* (Сценарист А. Никифоров,1988 — *авт.*) — читаем в замечательной статье В. П. Виноградова «Экклезия?», раскрывающей причины нашей духовной трагедии. — В сущности, не весь этот фильм, а только маленький эпизод [...], который длился на экране всего-то секунд тридцать [и] который приковал к себе зрителя, потому что показал человека, на ком почила Благодать. [...] У стола, на котором стоит самовар, сидит протоиерей отец Николай Гурьянов. Он смотрит на зрителя своим ясным, чистым детским взглядом. И, вдруг, говорит ласково, тихо, неторопливо и убедительно: ***«Благодарите Отца Небесного! У нас ведь все-все есть в изобилии: и хлеб, и сахар, и труд, и отдых. За все, слава Богу!»***

Больше он не знал, что сказать, сидя перед непонятной ему камерой и осветительными приборами, направленными на него. Несколько секунд он продолжает просто смотреть своим открытым взглядом, лишенным всякого лукавства, на стоящих

перед ним людей: режиссера, оператора, осветителей. [...] И вот снова неожиданно он берет стоящую перед ним чашку чая и, протягивая ее, возможно, беседующему с ним, произносит: *«Попейте чайку!»* Еще несколько секунд его любящий взгляд оставался на экране, и все...

И именно этот эпизод и был тем началом российского православного кино, которое дало міру такие шедевры, как *«Полк, смирно!»,* где все творческие силы отдавались раскрытию внутреннего мира православной души. [...] «*Попейте чайку!*» — проникало в каждое сердце. А почему? Что за знания такие доходили до самого сердца? А не в словах дело! Все дело в Любви, исходящей от говорившего эти слова. С экрана на зрителей смотрел человек, который любил не всех, а каждого из них. Вот и весь секрет истинного православного кинематографа. Он не в каком-то там возрождении непонятно чего, он не в отсутствии ведущих и дикторского текста, он в... Любви, исходящей с экрана, хотя бы всего только на 30 секунд.

Да, еще 25 лет тому назад можно было даже на экране увидеть саму Любовь, о которой непрестанно говорил Господь Христос. Ныне же видим лишь стремительное ее охлаждение.

[...] Хочется предложить совет [...] снимающим ныне множество фильмов. [...] Прибегнем к сравнению: Святитель Николай Сербский [...] обратился в свое время к сербам с настоятельной сердечной просьбой: «*Серб, веди себя мудро, как отцы твои. Не позволяй каждому, чтобы пастырем был».*

Точно так и режиссер православного фильма: не позволяй каждому влезать в твой кадр! В художественном кино, чтобы этого не было, есть «кастинг». Наш «кастинг» — найти протоиерея Николая Гурьянова, который даже тридцатью секундами пребывания в кадре, освятит весь фильм, как ученик Христов, любящий каждого зрителя, покажет собою суть Православия»[1].

«Благодатию спасаемся, а не законом»
(Старец Николай)

Истинность духовного наблюдения Вадима Петровича о великой силе Благодати, исходившей только от лика Батюшки, подтверждается многими свидетельствами: «А к Вере Господь привел через Батюшку Николая (Гурьянова), Царствие Ему Небесное... По этому поводу написал такую частушку:

Я прихрамывал да язву имел,
От отчаяния в подушку ревел,
То бросало меня в жар, то в лед,
Углублялся то в леса, то в народ.
А спасение с надеждой пришло,
Словно в темечко кто хряпнул веслом,
Человек святой мне глянул в глаза,
С той поры я православная овца...

[1] *Вадим Виноградов.* Экклезиа? (Оазис прелести). http://metanthonymemorial.org №162.

Почему частушку? Потому что встреча с Богом была очень радостной, улыбка Благодати не сходила с лица, наверное, что-то с неделю, а может и больше... Кстати, с Батюшкой я лично не встречался, а просто посмотрел документальный фильм о нем! Пути Господни неисповедимы, хотя я сейчас понимаю, что это была «обычная», предваряющая БЛАГОДАТЬ. Храни Бог!»[1]

«Достаточно ему посмотреть на меня — и мне уже все понятно»

Еще подобное слово от сердца: Архиепископ Павел Рязанский и Касимовский (Пономарев), в 1988–1992 наместник Псково-Печерского монастыря и имевший радость общения со Старцем, в одной из радиопередач поведал такую историю — рассказывал с его слов Николай Борисов, ктитор Храма Царственных Мучеников на территории бывшей Никольской богадельни в Рязани. Там были обретены два Чудотворных образа — Мироточивый Царя-Мученика и Кровоточивый Царской Семьи: «К нему обратился младенец с вопросом: «Владыка, а чем отличается священник от священника-старца? И Владыка ответил: «Я как Архиерей могу час убеждать, говорить и сомневаться, убедил я или нет, нашел я нужные слова для собеседника или нет. *А вот Старец Николай — ему только достаточно посмотреть на меня, и мне уже все понятно,*

[1] Форум диакона Андрея Кураева. Дмитрий Гусев. Лицедейство и Церковь. 19.01.2007. 17:11:55.

и даже не посмотреть, а пройти мимо. Вот кто такой Старец! И я такого Старца знаю — отец Николай Гурьянов... Ему подобных нет!»

«Плод ваш есть святость,
а конец — жизнь вечная» (Рим. 6.22)

Недавно почившие Старцы уже почитаются в народе как святые, хотя еще не канонизированы. Например, переживший революцию, Гражданскую и Вторую Мировую войны, коллективизацию и репрессии подвижник с Острова отец Николай Гурьянов. К Старцу приезжали не только со всей России, но и со всех концов земного шара. Побывавшие у него люди буквально начинали новую жизнь.

На крыше дома Батюшки всегда сидели нежно воркующие голуби, а на фотоснимках часто обнаруживались Ангелы и светящиеся Крестики. 24 августа 2002 Старец Николай завершил свою земную жизнь, но и сейчас помогает людям, молящим его о помощи»[1].

Таких свидетельств множество. Это нескончаемая Книга народной благодарности. И если кто побывает на могилке Батюшки, сразу поймет, что к нему обращаются как ко *святому*. Уже во время погребения было очевидно, что это были не похороны, а *прославление, причтение к лику святых Исповедника Христова.*

[1] *Алексей Худяков.* http:/goldenmiddle.ru.

Небесный защитник Сербии

Почитание святых сразу по кончине — устоявшаяся традиция Вселенской Церкви. «В Сербской Православной Церкви зафиксированы первые случаи изображения почившего Патриарха Сербского Павла в образе святого и внесения его имени в месяцеслов» — сообщает сербское издание «Вести». Почивший Патриарх Павел (†15.11.2009) на фреске в сербском храме в Австралии был осенью 2010 изображен с нимбом, а в церкви Вмч. Димитрия в Косовской Митровице его имя внесли в список поминаемых в храме *Святых*.

Процесс канонизации Патриарха Павла пока еще не инициирован, но, как говорят специалисты, изображения его святым не противоречит традиции. Иконописные изображения преподобного Иустина (Поповича) и Святителя Николая Жичского (Велимировича) появились задолго до их официальной канонизации.

«Не существует ни одного канона, регулирующего процедуру и время, по которому какого-либо человека начинали считать святым. *В Православной Церкви одно из важнейших условий — это что его народ считает святым и оказывает ему уважение, как и другим святым. Не обязательно, чтобы имя его вносилось в списки Святых.* Например, никогда не было официальной канонизации Св. Сербского Короля Милутина» — прокомментировали ситуацию на Белградском Богословском факультете»[1].

[1] Седмица.Ru.

Замечательно, что сразу по кончине, была составлена, отпечатана и в день похорон роздана народу *Молитва Святому Патриарху Сербскому Павлу.*

Максимка

24 июня 2000 приехала к отцу Николаю Гурьянову на Остров. Я очень скорбела о том, что сын и невестка, уже пять лет как женатые, не имели детей. Попасть к Старцу было невозможно, но передать записочку удалось. Каково же было мое удивление, когда ровно через девять месяцев невестка родила мальчика. Тогда я поняла, что по молитвам Старца Николая. Через год я опять поехала к Старцу, чтобы поблагодарить за внука и попросить помолиться о его Крещении: родители категорически отказывались крестить младенца. В тот день Псковское озеро так штормило, что были отменены все рейсовые катера. Взмолилась тогда Святителю Николаю: «Отче Николае! Помоги!» И он помог. Нашелся смельчак, который переправил меня на моторке на Остров. И вот опять заветная калиточка у домика Старца. Вышла келейница, взяла записочки. Наконец, вынесли ответ с благословением отца Николая: «Срочно окрестить мальчика». Я недоумевала, как же выполнить благословение? И произошло еще одно чудо. Вскоре после поездки сын говорит: «Мама, мы завтра идем крестить Максимку». По молитвам отца Николая наш малыш принял Таинство Крещения»[1].

[1] *Ирина Трохова.* СПб. Форум Акушерство.Ru. 27.08/2008.

«Он — Святой»

Случай скорого исцеления от фотографии мощей праведного Старца Николая, подобный чудесам, происходящим от фотографий с мощей Блаженного Иоанна Шанхайского.

«Хочу свидетельствовать о чудесном исцелении по молитвам новопреставленного [...] Старца Николая (Гурьянова) — обращалась к верующим 3 сентября 2002, по прошествии всего десяти дней по упокоении Батюшки тяжело больная женщина из Петербурга. — Нет слов человеческих, чтобы выразить печаль в связи с его кончиной и нет слов, чтобы выразить радость, что сейчас он стал, по истине, живее всех живых. Вот уже больше недели обострилась старая рана на ноге (следствие обширного ожога на голени). Была воспалена, мучит сильный зуд. Но ничего не бывает без Божиего попущения. [...], я у Господа просила лишь терпения. Мои православные сестра Ирина и брат Димитрий в эти печальные дни были на Острове и привезли [...] фотографии, где Батюшка лежит во гробе с Евангелием, Крестом. [...] Я и раньше слышала о нем, смотрела видеокассеты, но я — инвалид-колясочница и побывать у него не было возможности, да и исцеляться не хотела. Учусь радоваться болезням и скорбям, ведь Господь знает больше меня, что для меня полезно. И вот, когда я просматривала фотографии дорогого нашего Батюшки, меня посетила мысль: *«А ведь он — Святой. Он сейчас предстоит пред Господом, молится о всех нас»*.

Я перекрестилась, поцеловала на фотографии Евангелие, Крест, десницу отца Николая и попро-

сила, чтобы он умолил Бога исцелить мою ногу, чтобы я могла засвидетельствовать, что Старец Николай — Святой. [...] После, трижды крестообразно провела по больной ноге фотографией, со словами: «Во Имя Отца, Аминь! И Сына, Аминь! И Святаго Духа! Аминь!» — Так сделала ночию, затем днем и следующим утром. Нога моя теперь совершенно здорова. Свидетели тому супруг раб Божий Виктор и сестра во Христе Тамара. *Слава Тебе, Господи! И дай, Господи, поскорее канонизировать Батюшку, чтобы вся Россия, весь мир мог молиться ему в Храмах, иметь его Иконы.*

Раба Божия Надежда. СПб. 3.09.2002»[1].

Батюшкин коврик спас

Приведем свидетельство священника Михаила Женочкина, недавно почившего настоятеля Гдовского Свято-Державного Дмитриевского Собора.

«Пока храм строился, с 1988 батюшка (о. Михаил — *авт.)* проводил Богослужения в тесной избе. А вскоре кто-то, тайно проникнув в молитвенный дом, облил его керосином и поджег. Пожарники успели вовремя. О. Михаил вспоминал: «Удивительно, что огонь прекратился возле диванчика, накрытого ковриком отца Николая. — Как-то, в очередной мой приезд на Остров, Батюшка подарил мне коврик, сказав: «Может быть, где-нибудь пригодится». Вот и пригодился...»

[1] http://www.stseraphimmichigan.org/big/raz/raz159–5html.

Остров Цветов

Часто память об усопших людях со временем угасает, хотя бы и великими были их заслуги пред человечеством. Имена начинают забывать, подвиги стираются из памяти, а тропинки к могилкам неумолимо зарастают. Но только не на Остров к отцу Николаю! У Креста всегда море людей, море птиц и море цветов. Он ведь так любил все живое, а цветы — «*остатки рая на земле*», потому и украшают Крест и могилку кринами сельными. Особенно в памятные дни. Приносят в дар благоуханные лилии и белые розы. Как цветы для Матронушки, а в Дивеево украшают канавку, а в Печерах на Успение дорожку для Царицы Небесной. Красота земной природы напоминает о красоте небесной, о райском вертограде, и цветы — это образ евангельской добродетели. У каждого цвета есть своя символика. Лилии и белые розы — это чистота и целомудрие, красные — мученичество.

И все дышит одним — упованием на вечную жизнь в Царствии Христа по молитвам святого Старца.

Усердие и благоговение Батюшки пред Божией Материю возвращается ему сторицей: Она украшает его ныне как Свой возлюбленный Духовный Небесный Цвет. Еще при жизни, вся келлия была буквально усыпана цветами. Она их не вмещала. Повсюду стояли корзины и букеты дивных растений, а самые огромные размещали даже в саду. «Я их люблю — и они меня любят» — говорил Батюшка. И ныне на могилке всегда живые цветы. Удивительно, они подолгу не вянут, даже если стоят без воды, даже в зимнюю стужу. У Креста, пред ико-

ной Царицы Небесной и небольшим портретом Батюшки в любую погоду облако из лилий.

Начиная со дня погребения, цветы стали уносить как его благословение, для исцеления, как у Блаженной Матронушки. Такая вера в заступничество отца!

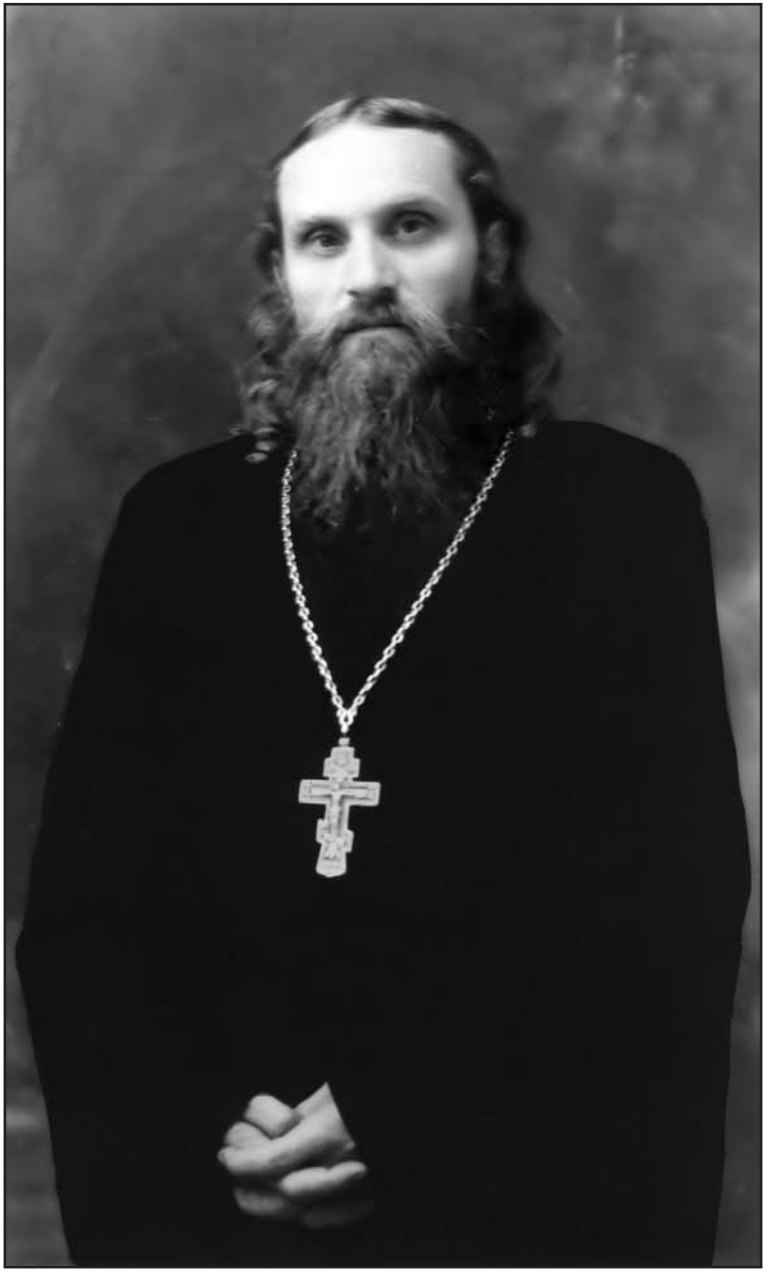
С каждым годом все больше приезжают к его мощам. Тихо горит неугасимая лампада, из которой люди сами помазываются *«маслицем Батюшки Николая»*. Особенно дети... Все, как было при земной жизни. И тихо слышен в сердце голос отца: *«Подходите... Я помажу вас моим иерусалимским маслицем... Из Горнего Иерусалима»*.

Люди веруют, что по святости жизни подвижника Господь наделил маслице особой силой нести исцеление. Только этого откровения, этого знания достаточно, чтобы убедиться в великой святости смиренного Старца. Ведь в духовном мире нет случайностей: к пустому источнику не идут. Все на свете имеет свою причину. И ныне, по прошествии десяти лет, очевидно, что Благодатию Божией у мощей отца Николая исцеляется множество людей от тяжелых духовных и телесных болезней.

Это свидетельство почитания святости подвижника народом. Многие исцеления удивительны для врачей, так как болезни были неизлечимы. Но молитва к праведному Николаю Островному и помазывание иерусалимским маслицем побеждают недуг и смерть.

Молитвами Старца Николая
да будет вся наша жизнь
Благодарением Господу

ЧТО ГОВОРИЛ СТАРЕЦ НИКОЛАЙ О ПОСЛЕДНИХ ВРЕМЕНАХ

«Если мы с Господом, антихрист не может причинить нам зла»

Батюшка не говорил пустых слов о последних временах, а только повторял: «В Слове Божием, особенно в «Откровении Иоанна Богослова», об этом все сказано, а нам не нужно ничего придумывать своего. Скажу только одно: если мы с Господом — антихрист не может причинить нам никакого зла».

Отец Николай очень переживал, что Церковь стала участвовать в суждениях о новых документах. Он говорил: «Нам не нужны эти цифры и номера... Церковь существовала, и будет существовать без них. Но плохо, что нас втянули в эти споры и препирания. Это неправильно, неверно».

Но более всего Батюшка не принимал тот дух запугивания и устрашения, который этому сопутствовал: «Зачем устрашать людей этой бездной зла и все время говорить о зле?! — огорчался он. — Нагнетание тревоги и страха ни к чему хорошему не приведет. Люди не выдержат этого давления. Тревога уже перешла в неизлечимый страх. Людьми овладел ужас — и они стали рабами слухов. Паники, страха и ужаса. Так человек теряет свободу... Теряет Веру, мужество, Надежду... Про Любовь уже говорить не приходится... Все с ужасом ждут антихриста и все их мысли посвящены ему и его смрадным делам. Как это не верно! Человек боится всего — физической смерти, уничтожения, гоне-

ний, потери близких, голода. Многие и сейчас уже лишились от этих страхов рассудка, а что потом?! Ведь мы созданы Богом как Его образ и подобие — и так страшимся антихриста, совершенно забыв, что мы Божии!» «Нечистые духи представляют собой силу лишь по отношению к земле, — напоминает нам Святой Николай Сербский. — Небо взирает на них, как на заведомо побежденных собственным злом»[1].

Еще замечал праведный Старец: «А что вы все говорите — «Время такое!» — Время Божие, длится Седьмой День Господень. А вот люди, да... Люди стали другими. Как-то Божие все ни во что».

«Все эти переживания о документах вызваны двумя причинами — духовное невежество и страх согрешить, — говорил Батюшка. — Потому нельзя сказать однозначно ни «да», ни «нет»!

Также говорил: «На все времена нужны смирение, кротость, благодарность Богу и особенно родителям. Это все украшает человека и сохранит вас в последние времена. Соединяет с Вечностию, дает Благодать».

«Всегда помните Крест Христов — и спасетесь!»

На вопросы об антихристе отвечал: «Так зачем нам все время говорить об антихристе, если мы Христа ожидаем и к Нему обращаемся непрестанно: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных*... И Бог нас слышит и милует».

«Когда явится антихрист — мы не знаем. Но знаем из Слова Божия, что печать его будут *явно*

[1] *Святитель Николай Сербский.* Моления на Озере. М. 2004. С. 175.

ставить на руку и на лоб его слуги — демоны. — При этих словах Батюшка встал, вошел во внутреннюю келлию и вернулся с Геннадиевской Библией в руках. Восьмой том. — Если тебя будут спрашивать про печать антихриста, то покажи вот эти иконы из Апокалипсиса... Я сейчас положу здесь закладочки... Со словами: «Мы сами ничего не знаем, а Слово Божие говорит об этом так» — и покажи святые иконы».

Закладки Старец сделал на страницах: 468–469 и 476–477. — «Вот так и будут ставить печати» — сказал.

На вопрос: «Батюшка! *Инн* — это печать антихриста?» — ответил: «Нет! Нет! Это — не печать антихриста... Но эти цифры не нужны Церкви. Мы все время жили без этого». Митрополиту Филарету Минскому попросил передать через А. А. Сенина (главного редактора газеты «Русский Вестник») слова: «Помоги Вам Господи, Владыка, спасти Церковь от номеров».

Спросили Старца: «Как же узнать, что вот она — печать антихриста, чтобы не погибнуть?» Он ответил: «Своих, ***верных,*** Господь сохранит... Если будете жить по Евангелию, со страхом Божиим, благочестиво, будете молиться Богу, Он и откроет, что это печать. Только мудрить и от себя толковать не нужно. Надо верить Господу, что без Его Святой Воли ничего не бывает».

Он часто говорил: «Господь всегда нам открывает, что грядет... Только надо веровать и молиться. А настоящих христиан, священников, Старцев — можно узнать по их делам... Это верно!»

«Для нас Евангелие должно быть основой всей жизни».

«Если не знаете, как поступить, — доверьтесь Промыслу Божию, и Господь управляет все так, как Ему угодно. Только не противьтесь. Ведь вот какие мы счастливые, что можем с Господом говорить, Царицу Небесную попросить. А это — великое счастие, правда?!»

Когда снова спросили по поводу *инн*, сказал: «А что это такое — *инн*? Мы не знаем... Оно что, заставляет убивать, пить, курить, бездельничать?! Ты Веру храни во всем, душу свою безсмертную береги от греха — и спасешься. Ведь православный христианин должен *что*? — Любвеобильно относиться ко всему, что его окружает, и на работе трудиться честно и с совестию... Он так и делает, и никакие номера ему не нужны и не могут изменить его».

О продуктах со штрих-кодами: «Эти продукты не могут причинить нам вреда. Прочитайте молитву *«Отче наш»* — перекрестите все с Верою, можно освятить святой водой — и не будет никакого горя... Грешно ведь пищу Божию хулить и гнушаться ею».

Матушка Иоанна сказала в ответ: «А вот есть такой старец — Иосиф — он все продукты и вещи со штрих-кодами в пропасть бросает! Вот, настоящий старец!» — Батюшка перекрестился на образа и сказал: «А я Бога благодарю, что Он меня не оставляет и посылает милостыньку через людей — хлеб, булочку, вот эту баночку с консервами!» — При этих словах, привстал со стула, достал из пакета банку с печению трески, на которой были штрихи, осенил

крестным знамением, и попросил меня: «Матушка! Давай помолимся и покушаем, что Бог послал».

Он никогда не сдирал и не царапал эти штрихи — он их просто не замечал и не обращал ни малейшего внимания на них... И никогда не говорил о «кодах» и «кодировках». Считал это неполезным.

«На последние времена надо «копить» Веру, а не продукты».

«Печать человек будет принимать явно и *добровольно*... Сохрани Бог всех от нее! Отрекаться будут сознательно. Все будут знать, что это знак сатанинский. Такая мука будет, что от века не видано! Только не нужно бояться. Отрекайтесь от печати. Надо будет идти на Крест... А потом — Царство Небесное со Христом. Какая радость! Страдания для верующих, не взявших печать, будут коротенькие... Но сладостно умереть со Христом и за Христа!»

«Господь в те времена сотворит много Милости для людей. Многое станет человеку просто не нужно. Верующие будут довольствоваться малым, и Господь Своих будет питать — чудесно питать. И капелька воды насытит. Только надо Веру истинную хранить... Целовать Стопы Спасителю... Не губить себя и всю землю, весь Божий мир своими грехами».

«Надо свято хранить Евангелие, особенно в сердце. Оно — мера всей жизни нашей. Будьте искренни, нелживы. Живите чистенько. Трудитесь всегда с молитвой — каждый на своем месте, послушании... И не нужно все время говорить и думать об антихристе. Ведь где мысли твои — там и душа твоя. Это очень вредит человеку».

«Ведь, вот, какой ты антихрист будешь, если ты в Храме Богу служишь, молишься? — сказал Батюшка иеромонаху, который все время спрашивал его о печати антихриста. — Доверься Богу и мысли всегда о Нем. Его, Спасителя, держи в уме, сердце и на устах — и не нужно все время говорить об антихристе. Особенно нам, священнослужителям. Ведь мы всегда со Христом! С Господом! И не нужно омрачаться и бояться!»

Приехали с новостию: «Афонские старцы сказали, что в октябре этого года (2001) — конец... Такое начнется... Война, мясорубка, всех перемолотят, надо уезжать из городов и прятаться!» — Отец Николай возмутился духом: «Сами перепугались... (Батюшка сказал жестче: «обосрались», что свидетельствует о его крайнем неприятии таких панических раговоров) — и бедных людей мучают, запугивают, вместо того, чтобы молиться, трудиться и на Бога уповать». — Ему возразили взволнованно: «Батюшка! Но это — пророчества афонских старцев!» — Он строго ответил: «Это все лганье, а не пророчества!» — и не стал больше говорить и ушел в келлию.

Приведу здесь слова, которые говорил об антихристе Святогорец Старец Эмилиан (игумен монастыря Симонопетра до 2000 г.):

На одной из последних общих бесед сказал, «чтобы мы не волновались. Чтобы мы заботились о том, чтобы иметь живые отношения со Христом. А антихристу не стоит уделять слишком много внимания, потому что в противном случае он займет центральное место в нашей жизни... Антихрист станет в нашей жизни главным, а не Христос».

Один из самых известных подвижников среди афонских Старцев Порфирий Кавсокаливит (1906‡1991) добавил к сказанному: «Слава Тебе Боже, что я нашел хоть одного духовника, который согласен со мной. Детка, знаешь, что наделали [другие] духовники здесь, в миру? Они этими электронными паспортами, числом 666 взбудоражили людей, создали целую кучу проблем, как семейных, так и психологических. Мирские люди не могут уснуть. Чтобы уснуть, они принимают психотропные препараты и снотворное.

Скажи мне, что это такое? Христос, дитя мое, не хочет, чтобы все было так... А хочешь, я скажу тебе еще кое-что важное? — Для нас, христиан, живущих Христом, не существует антихриста! Когда мы имеем в себе Христа, разве может в душу прийти антихрист? Может ли войти какая противоположная сущность в нашу душу? А знаешь, детка, почему мы сейчас так безпокоимся об этих электронных паспортах и антихристе? — Да потому что мы не имеем в себе Христа! Когда мы пустим внутрь себя Христа, тогда все вокруг становится Раем! Христос — это все! Так всегда и говори людям, детка. Потому мы и не боимся противного. Понимаешь?!»[1]

«Если мы имеем в себе Христа, антихрист не может причинить нам никакого зла»

«Однажды я спросил Старца у него в келлии: «Старче! В последнее время много говорят о числе 666, о явлении антихриста, которое приближает-

[1] Что говорил Старец Эмилиан об антихристе? Сайт: Святая Гора Афон. http://www.isihazm.ru/?id=1794.

ся... Более того, некоторые утверждают, что антихрист уже пришел, рассуждают об электронной насечке на правую руку или на лоб, о столкновении Христа и антихриста и о поражении последнего, о Втором Пришествии Господнем. А что Вы скажете? — Геронда ответил: «Что скажу? Я не говорю, что видел Божию Матерь, что будет война и тому подобные вещи. Точно вот что скажу: я знаю, что придет антихрист, что будет Второе Пришествие Христово, но когда — не знаю... Завтра? Через тысячу лет? — этого я не знаю. Однако меня это не тревожит... Потому что знаю, что в час смерти наступит для каждого из нас Второе Пришествие Господне. И этот час для каждого уже очень близок...»

«Геронда! Если в наши дни явится антихрист, даст ли нам Бог выдержать страдания?» — «Если мы исповедуемся, Христос даст нам эти силы... Пусть вас не тревожат вопросы о последних временах, антихристе и его знамениях, потому что знайте, если мы имеем в себе Христа, антихрист не может причинить нам никакого зла, даже самого незначительного вреда».

«Вот, смотри, — продолжал Старец, — приведу тебе пример: вот, приходит антихрист и ставит мне ***насильно*** печать лазером — 666... Ты спросишь, помилуйте, Старче, разве это не знак антихриста? — Знаешь что? Да если бы он написал на мне лазерными лучами и тысячу раз по 666, запечатлел это нестираемо, я не расстроюсь... Почему, хочешь знать? — А почему, скажи мне, первых мучеников бросали к диким зверям, но они осеняли себя крестным знамением — и львы становились агнцами?

Почему потом их бросали в морскую пучину — они осеняли себя крестным знамением, и море становилось твердию, и они ходили по нему как по суше. Почему их бросали в огонь — они осеняли себя крестным знамением, и огонь становился прохладой. Благословенное мое чадо, что мы сейчас из себя представляем? Разве мы верим во Христа? Что значит наше крестное знамение? Но послушай, зачем тогда пришел Христос? Разве Христос сошел на землю не для того, чтобы укрепить нашу немощь? Вот все это и скажи своему Старцу. И это ты сам говори людям, чтобы они не боялись антихриста.

Люди забыли, что мы — чада Христовы, мы — чада Церкви!»[1]

Грузинский подвижник Старец Гавриил (Ургебадзе, 1929‡1995), монах-юродивый, босоногий, в рваной одежде, в камилавке и с диадимой на голове, учил: «В последние времена людей спасут Любовь, Смирение, Доброта. Доброта откроет врата Рая, Смирение введет туда, а Любовь покажет Бога»[2].

Царственной Птицей, взывающей к Богу, был незабвенный Батюшка Николай, хранитель Духа Царской Руси: «Святая Русь не умирала. Она сокрылась тихонечко. До времени. Хранима Господом в силе Православия и Любви» — пророчествовал Божий человек... Для него Русь — живые люди, которых он искренно любил, желая, чтобы все спаслись и наследовали Царствие.

[1] Что говорил Старец Эмилиан об антихристе? Сайт: Святая Гора Афон. http://www.isihazm.ru/?id=1795.

[2] Диадима Старца. Воспоминания о грузинском подвижнике отце Гавриле. М. 2005. С. 109.

В молитве к Богу, чтобы Он простил души тяжко и доныне согрешающих против Царской Святыни, чтобы покаялись за отречение от Венценосных Страдальцев за Русь и очистились. Ведь наш мир приближается к завершению бытия...

«Приблизилось Царство Небесное» (Мф. 3.2)

Батюшка просил помнить слова Блаженного Иустина (Поповича): «Для чего мне дано тело? — Чтобы оно было Храмом Господу... А душа? — чтобы была священнослужителем, молитвенницей в этом Храме».

«Все, что мы делаем, Господь видит. Если будем постоянно думать о Нем, обращаться простыми словами, Он слышит и помогает.

Ему ведь не нужно от нас ничего, только сердце.

Надо жить сердцем... Никто из людей не знает, когда будет конец миру сему, но все знаем, что пойдем в Вечность.

Чтобы наследовать Царство Небесное, живите при Свете совести, по Евангелию, и спасетесь.

Наши мысли и слова имеют великую силу на окружающий мир, животных, растительность. Молитесь со слезами за всех больных, слабых грешников, за тех, о ком некому помолиться. За цветы, камни, растения. Пташек не обижайте, давайте им милостыньку. Просите Бога, чтобы воздух остался на планете и чистая вода, и неотступно взывайте к Сладчайшему Спасителю мира: *Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного.*

Евангельски прощайте всем».

КИТЕЖАНАМ:

«НЕ ТЕРЯЙТЕ ВЕРУ...

НЕ БОЙТЕСЬ ЖИТЬ»

ЦАРИЦА-МУЧЕНИЦА АЛЕКСАНДРА

Гравюра Николая Кофанова
«Сокровенный Град Китеж»

Русская кротость

Верование народа наиболее четко отражено в былинах. Наш любимый святой — Илия Муромец, крестьянский сын, беззлобен, как дитя, исполняя родительский завет: *«Не убей в чистом поле христианина, не помысли злом на татарина»*... О воинской славе и набегах не мечтает. Он только великий *защитник* родной земли.

Но есть Богатырь сильнее его — Микула Селянинович, которого «любит мать сыра-земля». Сила его необычайна, а единственное оружие в его руках — соха и молитва в сердце! Пахарь, не проливший ни капли крови...

Таков русский народный идеал Богопокорности и смирения, мира и тишины, признание образа Божия в чужих... Жажда ясного мира святыни, воля и устремление к святости вместо вражды и распри.

«Святая Русь» — под этим понятием мы разумеем Веру спасительную Православную.

Мы знаем подлинную Единую Церковь в ее полноте — Видимую и Невидимую. Земная Церковь всегда в движении, становлении, во внутреннем сокровенном устремлении ко Христу, касании мирам иным. Все ее несовершенства восполняются Благодатию Церкви Невидимой.

И пока будет жить на земле хотя бы один праведник, воздыхающий к Богу о спасении всех, Церковь Земная жива.

Праведный Старец Николай, смиренный епископ в схиме Нектарий, печальник нашего времени о Руси Святой и о Страждущей Церкви ее, подобно Преподобному Сергию, утверждал:

«Россия самая Святая...
Святая Русь не умирала...
Она только сокрылась до времени,
в силе Православия и Любви»

Сокровенная Русь

Ныне часто слышишь, что помышлять о возрождении России неразумно, потому что поздно... Утверждают, что былую силу Русского Государства не воскресить. Самодержавие, живая душа Руси, повергнуто. Все минуло и пропало, а нам суждено оставаться заложниками сложившейся системы. Тоскующая и горькая нота присуща всем, ведь трагический ход жизни предсказывали Сами Августейшие Мученики, и Старец Григорий: царство тьмы стремится поглотить жизнь на земле. Пусть все это так... *Почти* так... Но на это «*почти*», это несокрушимое русское: «*Никто как Бог! Бог поможет!*» — уповаем. В этом наша крепкая Вера во Христа, в Его Воскресение. Ибо довлеет нам молитва Царственных Святых... Русь все та же, что и была, она жива и бьется ее Материнское сердце, способное простить и вместить горечь и боль даже матерей, давших миру иуд... Сияет ее Лик, сияет Небесной Славой и силой. Русь не сломить! Никому... Она хранима Самим Господом. А целию бытия

русского православного государства остается, как и прежде, *вхождение всем миром, всем вместе, в Царство Небесное. Спасать свои души...* Служить приуготовлению к Царству Божию.

«Вспоминаю прошлое. Надо смотреть на все спокойнее, — укрепляет нас уже из Царства Света, Радости и Тишины Страдалица-Императрица Александра Феодоровна. — Что можно сделать? Если Он (Господь) посылает нам такие испытания, то очевидно Он считает нас достаточно подготовленными для них. Это своего рода экзамен — надо показать, что мы не напрасно через них прошли. Во всем есть свое хорошее и полезное, каковы бы ни были наши страдания — пусть будет так, Он пошлет нам силы и терпение и не оставит нас. Он милостив. Только надо безропотно преклониться перед Его Волей и ждать — Там, на другой стороне, Он готовит для всех, кто Его любит, несказанную радость. Вы молоды, как и Ваши дети, — как много их у меня, помимо моих собственных, — Вы увидите и настанет ясное и безоблачное небо, Но гроза еще не прошла, и поэтому так душно, но я знаю, что потом будет лучше. Надо только иметь немного терпения, разве это так уж трудно? Я благодарю Бога за каждый день, который проходит спокойно».

«Когда так тяжело на сердце, Вам безумно грустно — не унывайте, Маленький, помните, что есть душа, которая Вас лучше понимает, чем Вы сами знаете, и которая крепко, крепко ежедневно Бога за Вас молит. Вы не одни — ***не бойтесь жить,*** Господь услышит наши молитвы и Вам поможет, утешит и подкрепит. ***Не теряйте Вашу Веру, чис-***

тую, детскую, останьтесь таким же маленьким, когда и Вы большим будете. Тяжело и трудно жить, но впереди есть Свет и радость, тишина и награда за все страдания и мучения. Идите прямо Вашей дорогой, не глядите направо и налево, и если камня не увидите и упадете, не страшитесь и не падайте духом. Поднимайтесь и снова идите вперед. Больно бывает, тяжело на душе, но горе нас очищает. Помните жизнь и страдания Спасителя, и Ваша жизнь покажется Вам не так черна, как думали. Цель одна у нас, туда мы все стремимся, да поможем мы друг другу дорогу найти. Христос с Вами, не страшитесь. «Начало конца», — Вы говорили, — да, Маленький, но не совсем, душа будет всегда близко, не забудет Вас Ваш новый друг и всегда и везде будет за Вами следить и Вас молитвами охранять от всякого зла. Останьтесь рыцарем, таким, каким Вы хотели быть»[1].

Вот почему Н.С.Лесков столь принципиален, когда поднимает вопрос о религиозном воспитании в статье «Чудеса и знамения»: ***«Мы хотим, мы просим, но мы в праве и требовать, чтобы нам в наших детях сберегли Веру, которую мы посевали в них с колыбелей, как посевали ее в нас отцы наши. Мы в этом случае не можем уступить никому, ничего, ни на один волос».***

Потому и отец Николай неустанно просил, чтобы мы хранили Веру Православную. *Это наш*

[1] Письма от Гусударыни Императрицы Александры Феодоровны Ю.Ф.Ден и С.В.Маркову. Царское Село. Март 1917. Государыня Императрица была Шефом Крымского Конного Ее Величества полка, в котором служил корнет С.В.Марков.

Град-Китеж... ***Сокровенная Русь.*** Ныне видим, что существуют «две» страны. Одна — попавшая в круговорот разлагающего духа времени, которая, постепенно сживаясь с грехом и злом, утрачивает волю к Добру. И иная — незаметная, являющая примеры величайших побед и чудес пассивного (и не только пассивного) героизма. «На территории с бесовски свистящим названием СССР», существовала *Потаенная* Россия. Ее можно назвать *Святой*, потому что она шла к святости через лагеря и тюрьмы или мученическое исповедничество, длившееся иногда всю жизнь.

Эта Сокровенная Россия, очень простая и тихая, укрывается от людского шума и суеты, она сродни Граду Китежу, о котором сложено красивое сказание. Когда воины хана Батыя окружили этот праведный город, он, спасаясь от разорения и осквернения, ушел на дно озера Светлояр. Изумленные полчища врагов на месте Светлого Града увидели только пучину вод, в которой был виден лишь Крест уходящего вглубь Храма и слышался звон колоколов.

С тех пор Град Китеж невидим, и чем чернее ночь и страшнее буря, тем звонче трезвон колоколов. Град Китеж станет снова зрим ко времени Страшного Суда[1].

«*Китеж — такая молитва.* Церковь во всей ее полноте — это Святая Троица, Сын Божий, Богоматерь, весь Сонм Небесных Сил и Святых. Это все умершие о Христе и о Христе живущие, и если слабеет молитва земная, то ее слабость и немощь вос-

[1] *Перепелкина Л.Д.* Град Китеж или самая умышленная страна. Б.м.и.

полняет молитва небесная — и благодатное единство и сила Церкви остаются неизменными».

Мой Китеж — Белая Россия...
Он не погиб, он только замер...
Ведь так хранит Господня Сила,
Кто Веру уберег, как Знамя.
Кто защитил отцов Иконы,
Кто ризы вышил жемчугами,
Кто ясен, прост, кто предан Трону,
Кто не смирился пред врагами.
Мой Китеж, Китеж затонувший!..
Кровавый век, как день минувший.
Мгновенна времени река.
И звон печален колокольный —
Нет русских войск в Первопрестольной,
Окрест — потешные войска!
И нас, в нечаяньи лежащих,
Нас, грешников, но не пропащих,
Воздвигнет кто утреневать
И славословить, Боже Правый,
Твою Небесную Державу,
Кто будет Русский Крест спасать?
О, Русский Крест!.. И блеск во взоре!..
О, честь, хранимая в веках!
Взнеслась и ты в багровых зорях
Голубкой Белой в облака,
Забитой пала в Бело-море,
С Хоругвями ушла в Белград...
Мой Китеж!.. — Кличу плен да горе.
Но Китеж спасся, говорят![1]

[1] *Скатова Людмила.* Крест Цветущий. СПб. 2005. С. 23.

Китежский Летописец

Был сей Святой Благоверный и Великий Князь Георгий Всеволодович Сын Святому Благоверному и Великому Князю Всеволоду, Псковскому Чудотворцу, что во святом крещении наречен был Гавриилом. Сей Святой Благоверный и Великий Князь Всеволод Сын был Великому Князю Мстиславу, Внук же Святому и Равноапостольному Великому Князю Владимиру Киевскому, Самодержцу Русской Земли. Святой же Благоверный и Великий Князь Георгий Всеволодович — Правнук Святому Благоверному и Великому Князю Владимиру.

А Святой Благоверный Князь Всеволод сначала княжил в Великом Новгороде. Но в свое время возроптали новгородцы на него и решили сами промеж себя: Князь наш, некрещеный, владеет нами, крещеными. И сотворили совет, и пришли к Нему, и изгнали вон. Он же пришел в Киев к дяде Своему Ярополку и сказал ему все, за что изгнан был новгородцами. А тот, узнав об этом, дал Ему во владение Вышгород. И здесь уже умоляли его псковичи княжить у них, и Он пришел к ним в город Псков. И по некотором времени восприял благодать святого крещения, и наречен был во святом крещении Гавриил. И пребывал в великом пощении и воздержании, а спустя один год в вечный покой отошел, 6671 (1163) года, месяца февраля в одиннадцатый день. И погребен был Сыном Своим Благоверным и Великим Князем Георгием. И были чудеса многие от святых мощей Его во славу и хвалу Христу, Богу нашему, и всем Святым. Аминь.

Сей Святой Благоверный Князь Георгий Всеволодович по преставлении Отца Своего Благоверного Князя Всеволода, нареченного во святом крещении Гавриилом, остался на месте Его по мольбе псковичей. Было же это в 6671 (1163) году. Изволил Святой Благоверный и Великий Князь Георгий Всеволодович ехать к Благоверному Князю Михаилу Черниговскому. И когда пришел к Благоверному Князю Михаилу Благоверный и Великий Князь Георгий, то поклонился Благоверному Князю Михаилу и сказал Ему: «Здрав будь, о Благоверный и Великий Князь Михаил, на многие лета, сияя благочестием и верою Христовою, во всем уподобился Прадедам нашим и Прабабке нашей, Благоверной Великой Княгине, Христолюбивой Ольге, Которая обрела самое дорогое и великое сокровище — Христа и Веру Его святых пророков и апостолов и святых отцов, и Благоверному Христолюбивому Царю и Равноапостольному Прадеду нашему Царю Константину». И сказал Ему Благоверный Князь Михаил: «Здрав будь и Ты, о Благоверный и Великий Князь Георгий Всеволодович, пришел ко Мне с благим советом и независтливым оком. Ведь что приобрел из-за зависти к Дедам нашим Святополк, который возжелал власти и убил братьев своих, Благоверных и Великих Князей! Бориса повелел копьем пронзить, Глеба же ножем заклать, в годы княженья Их. Ведь обманул он Их льстиво по наущению сатаны, будто Мать Их при смерти. Они же, как незлобивые агнцы, уподобились Благому Пастырю Своему Христу, не стали супротив брата, врага своего. Господь же прославил Святых

Угодников Своих, Благоверных Князей и Великих Чудотворцев Бориса и Глеба».

И Князь Георгий с Князем Михаилом дали друг другу целование, и праздновали духовно, и веселилися; и сказал Благоверный и Великий Князь Георгий Благоверному Князю Михаилу: «Дай мне грамоту, на Руси нашей по укрепленным местам Церкви Божии строить и города». И сказал Ему Благоверный и Великий Князь Михаил: *«Как хочешь, так и созидай Церкви Божии во славу и хвалу Пресвятому Имени Божию. За такое доброе Твое намерение награду примешь в День Пришествия Христова»*.

И пировали они много дней. И когда решил Благоверный Князь Георгий вернуться в Свой удел, тогда Благоверный Князь Михаил повелел грамоту написать и Свою руку приложил к грамоте. И когда Благоверный Князь Георгий поехал во свое Отечество и Град, тогда Благоверный Князь Михаил с великою честью отпускал Его и провожал. И когда были уже оба Князя в пути и поклонились друг другу на прощание, то Благоверный Князь Михаил дал грамоту. Благоверный же Князь Георгий взял грамоту у Благоверного Князя Михаила и поклонился Ему, а тогда и тот в ответ Ему.

И поехал Князь Георгий по городам, и когда приехал в Новгород, повелел строить Церковь во имя Успения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии в год 6672 (1164). Из Новгорода поехал во Псков, город Свой, где преставился Отец Его Благоверный Князь Всеволод, а во святом крещении Гавриил, Новгородский и Псковский Чудотворец. И поехал из Пскова-гра-

да к Москве, и повелел строить Церковь во имя Успения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии в год 6672 (1164). И поехал из Москвы в Переславль-Залесский, а из Переславля-града в Ростов-град. В то самое время был в городе Ростове Великий Князь Андрей Боголюбский. И повелел Благоверный Князь Георгий в городе том Ростове Церковь строить во имя Успения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии в год 6672 (1164), месяца мая в двадцать третий день. Во дни Великого Князя Георгия начали рвы копать под основание Церкви и обрели погребенные мощи Святителя Христова Леонтия, епископа ростовского, Чудотворца, который обратил в Ростове-граде людей в Веру Христову и крестил их от мала и до велика. И возрадовался радостью великою Благоверный Князь Георгий, и прославил Бога, давшего Ему такое многоценное сокровище, и отпел молебен. И повелел ехать Андрею, Князю Боголюбскому, в город Муром и строить в городе Муроме Церковь во имя Успения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии.

Сам же Благоверный и Великий Князь поехал из города Ростова и приехал в город Ярославль, что на берегу Волги-реки стоит. И сел в струг, и поехал вниз по Волге, и пристал к берегу у Малого Китежа, что на берегу Волги стоит, и отстроил его, и начали молить все люди города того Благоверного Князя Георгия, чтобы образ чудотворный иконы Пресвятой Богородицы Феодоровской перенес в город к ним. Он же прошение исполнил. Начали петь молебен Пресвятой Богородице. И когда кончили и

хотели образ тот нести в город, то образ не сошел с места того, нисколько не сдвинулся. Благоверный же Князь Георгий, увидав произволение Пресвятой Богородицы, избравшей здесь место себе, повелел построить на том месте монастырь во имя Пресвятой Богородицы Феодоровской.

Сам же Благоверный Князь Георгий поехал с места того сухим путем, а не по воде. И переехал реку Узолу, и вторую реку, именем Санду, и третью реку переехал, именем Саногту, и четвертую переехал, именем Керженец, и приехал к озеру, именем Светлояру. И увидел место то, необычайно прекрасное и многолюдное; и по умолению его жителей повелел Благоверный Князь Георгий Всеволодович строить на берегу озера того Светлояра Город, именем Большой Китеж, ибо место то было необычайно красиво, а на другом берегу озера того была дубовая роща.

И советом и повелением Благоверного и Великого Князя Георгия Всеволодовича начали рвы копать для укрепления места этого. И начали строить церковь во имя Воздвижения Честного Креста Господня, а вторую церковь — во имя Успения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, и третью церковь — во имя Благовещения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии. В тех же церквах повелел Князь Георгий приделы сделать и в честь других праздников Господних и Богородичных. Так же и образы всех святых написать повелел.

И Город тот, Большой Китеж, на сто сажен в длину и ширину был, и была эта первая мера мала. И повелел Благоверный Князь Георгий еще сто са-

жен прибавить в длину, и стала мера Граду тому в длину — двести сажен, а в ширину — сто сажен. А начали Город тот каменный строить в год 6673 (1165), месяца мая в первый день, на память святого Пророка Иеремии и иже с ним. И строился Город тот три года, и построили его в год 6676 (1167), месяца сентября в тридцатый день, на память святого священномученика Григория, епископа Великой Армении.

И поехал в Малый Китеж, что на берегу Волги стоит, Благоверный Князь Георгий Всеволодович. И по построении городов тех, Малого и Большого, повелел он измерить в поприщах, сколь много они расстояния меж собою имеют. И по повелению Благоверного Князя Георгия намерили сто поприщ. И Благоверный Князь Георгий Всеволодович, узнав сие, воздал славу Богу и Пресвятой Богородице и повелел также и книгу *Летописец* написать. А сам Благоверный и Великий Князь Георгий повелел всю службу отслужить. И молебен пропев Пресвятой Богородице Феодоровской, по совершении службы той, отплыл в струге своем в путь свой в прежде упомянутый город свой Псков. Народ провожал Его с великой честию; и, попрощавшись с Ним, отпустили.

Благоверный же Князь Георгий Всеволодович, приехав в город свой, прежде названный Псков, много дней пребывал в молитве, и в посте, и в бдении, и раздал много милостыни нищим, и вдовицам, и сиротам. А по построении городов тех прожил семьдесят пять лет.

Было же в год 6747 (1239). Попущением Божиим, грехов ради наших, пришел на Русь войной не-

честивый и безбожный царь Батый. И разорял он города, и огнем пожигал их, и церкви Божии тоже разорял, и огнем пожигал. Людей же мечу предавал, а малых детей ножом закалывал, младых дев блудом осквернял. И был плач великий.

Благоверный же Князь Георгий Всеволодович, слышав обо всем этом, плакал горько. И, помолившись ко Господу и Пресвятой Божией Матери, собрал свое воинство, и пошел против нечестивого царя Батыя с воинами своими. И когда вступили в сражение оба воинства, была сеча великая и кровопролитие. В ту пору у Благоверного Князя Георгия было мало воинов, и побежал Благоверный Князь Георгий от нечестивого царя Батыя вниз по Волге в Малый Китеж. И долго сражался Благоверный Князь Георгий с нечестивым царем Батыем, не пуская его в Город Свой.

Когда же наступила ночь, тогда Благоверный Князь Георгий вышел тайно из этого Города в Большой Град Китеж. Наутро же, когда проснулся тот нечестивый царь, то приступил приступом с воинами своими к Городу и захватил его. И всех людей в Городе этом побил и порубил. И, не найдя Благоверного Князя в Городе том, начал мучить одного из жителей, а тот, не вытерпев мук, открыл ему путь. Тот же нечестивый погнался вослед Князю. И когда пришел к Городу, напал на него со множеством своих воинов и взял тот Город Большой Китеж, что на берегу озера Светлояра, и убил Благоверного Князя Георгия, месяца февраля в четвертый день. И ушел из Города того нечестивый тот царь Батый. И после него взяли мощи Благоверного Князя Георгия

Всеволодовича. И после того разорения запустели Города те, Малый Китеж, что на берегу Волги стоит, и Большой, что на берегу озера Светлояра.

И Невидим будет Большой Китеж вплоть до Пришествия Христова, что и в прежние времена бывало, как свидетельствуют жития святых отцов, патерик Монасийский, и патерик Скитский, и патерик Азбучный, и патерик Иерусалимский, и патерик Святой Горы, а эти святые книги, в которых писаны жития святых отцов, согласны в том, что Сокровенная Обитель не едина, но есть много Монастырей, и в тех Монастырях многое множество святых отцов, точно звезд небесных, просиявших житием своим. Как песка морского невозможно исчесть, так и невозможно все описать. Именно о них, провидя Духом Святым, Блаженный Пророк Давид-Царь, удивляясь, вопиет Духом Святым, в Богодухновенной Книге своей Псалтыри говорит: «Праведник, как пальма, цветет и, как кедр ливанский, возвышается; насажденные в Доме Господнем, они цветут во дворах Бога нашего». И еще тот же Пророк Царь Давид: «Возвышенны для меня помышления Твои, Боже, как велико число их; стану ли исчислять их, но они многочисленнее песка». О них, провидя Духом Святым, Блаженный Апостол Павел в своем послании говорит, провидя; такое слово к нам обращает: «Скитались в овчинных и козьих кожах, терпя лишения, скорби, озлобления, те, которых не был достоин весь мир». То же слово изрек и святой Иоанн Златоуст, в поучении своем говорит в неделю третью Поста. То же слово обращает к нам, провидя, святой Анастасий с горы

Синайской. Это же слово апостольское обращает к нам, провидя, и преподобный отец наш Илларион Великий, о святых он пишет: «И так же в последние времена будет: *Грады и Монастыри Сокровенные будут, потому что антихрист царствовать начнет в мире.* Тогда побегут в горы, и в вертепы, и в пропасти земные». И человеколюбивый Бог не оставит тогда хотящего спастись. Усердием, и умилением, и слезами все получает человек у Бога. Самого Спасителя Божественные Уста возвестили в Пресвятом Евангелии, что *«все имущему и хотящему спастись дастся»*.

И по убиении Святого и Благоверного и Великого Князя Георгия Всеволодовича, и по погребении честных мощей Его, в год шестой пришел тот царь Батый воевать в Русское Царство. Пошел же против Батыя-царя Благоверный Князь Михаил Черниговский с боярином своим Феодором. И когда сразились оба воинства, было кровопролитие великое. И убил тот нечестивый царь Батый Благоверного и Великого Князя Михаила Черниговского с боярином Феодором в год 6750 (1241), месяца сентября в двадцатый день. И после убиения Благоверного Князя Михаила Черниговского через два года убил Благоверного Князя Меркурия Смоленского тот нечестивый царь Батый в год 6755 (1246), месяца ноября в двадцать четвертый день. И было запустение Московского Царства, и прочих монастырей, и того Града Большого Китежа в год 6756 (1248)»[1].

[1] *Китежский Летописец.* Перевод Понырко Н.В. СПб. 1997. www.svetloyar.eu/publishing/letopisez_russ.htm.

Сказание о Невидимом Граде Китеже

Тихо плещется озеро. Оно, как горсть живого, светлого серебра, брошено между желтеющих полей и темного леса и тихо играет на солнце, и зыблется серебряной, мелкой рябью. В одну сторону от него золотыми узкими полосами расходятся поля и пропадают где-то далеко на горизонте; за полями большое торговое село, через которое идет дорога на реку Ветлугу, а там уж и до Волги недалеко.

Три холма подступили к самой воде с другой стороны. А они заросли лесом. Густой лес, тихий, чистый — и прохладно в нем, и пахнет смолой: жирными наливными янтарными каплями сочится она по розовым стволам сосен. Земляника выглядывает, как рассыпанные алые драгоценные камешки, в густой траве из-под папоротника. А там, на опушке, на пригреве, где солнце не уходит целый день, там она краснеет, как алый разостланный атлас сплошными коврами. С озера тянет прохладой и тишиной. Оно глубокое и чистое, как слеза: никто не мутит его чистую холодную глубь — в озере не купаются, на лодке по озеру не ездят, рыбы не ловят. Верят старые люди и передают свою веру молодым: если в озере купаться — оно зарастет травой и осокой, обмелеет, усохнет. Прежде, в старые годы, ни зверь, ни человек вовсе не погружались в озерную глубь — и еще чище, еще светлей сияло и играло озеро, и глубина была в нем неизмеримая. Стали кое-кто — мало ли всякого непокорного, неразумного люду на свете? — стали купаться в озере — и берега, — не все берега, а краешком, — зазеленели

осокой, заболотились, затинились: точно не пускает озеро никого притронуться к его чистым водам и ограждается от неразумных людей болотом да колючей осокой, как забором. «А если начать рыбу ловить в озере, — учат старые люди, — всю Волгу рыбы лишишь. В озере том проток есть — подземный, глубокий, а людям невидимый, — в самую Волгу. По протоку рыба из Волги в озеро приходит погостить: нагостится, нагуляется, наплодится на воле, без всякой опаски, — и опять в Волгу уйдет. В озере рыбе ход вольный: никто ни вершей не ставит, ни удочкой не ловит, ни сетями не берет. А если рыбу озерного покоя лишить — ей отдыху вовсе не будет: всю выловят, до последней рыбешки, от стерляди востроносой до последнего пескарика. Только в озере, в Светлояре, и воля рыбная есть; опричь него везде — рыбе неволя». — Так говорят старые люди. А если спросить старых людей: — А купаться-то отчего же нельзя в Светлояре? — ответят так: — Вода чистая, ровно как в купели, где младенцев крестят: ну, с нашими-то телами, с грехами-то нашими безчисленными, как в чистоту такую войти? Сами не просветлеем, а чистоту нарушим: грехом замутим. Вот водицы испить из Светлояра-озера — хорошо и можно: и пей на здоровье; стань на коленки, наклонись над озером, зачерпни горсткой, лицо себе водой омочи — лоб и очи, и уста. Чиста вода светлоярская! Горе с лица человеческого смывает, скорбь прогоняет, а из очей слезная вода водой светлоярской безследно смывается.

Да когда к озеру придешь, обойди его трижды — оно невелико: всего верста в окружности, помолись,

перекрестись, посмотрись в него: чище чистого, светлее светлого играет оно — и солнце радуется в небе на него, и лес древний засматривается в его тихие глуби, и рожь желтая, что подошла к самым бережкам, ему песенки поет тихие, нежные, длинные, и кланяется ему ниже пояса... Птица крыла в озере не замочит, зверь воды не испьет. Облака с неба белые засматриваются, а ночью звезды лучами в его водах играют.

II

Жил в Старой Руси, еще до татарского нашествия — Князь Георгий, по отцу Всеволодович, а по родине, из славного вольного Пскова, — и был Он жития тихого, радостного, святого, а собой прекрасен: ростом высок, телом статен, русоволос, с очами серыми, ясными и светлыми, поступью быстр и величав, а душою — был поистине Князь Благоверный: великая тишина и радость были в душе Князя Георгия.

Была у Него верная дружина — в Князе души не чаяли, князево добро помнили и своим добром Ему платили, были у Князя отроки прекрасные, верные прислужники, тихие и ликом светлые, был у Князя друг верный и славный — Князь Михаил Черниговский. Вот поехал Князь Георгий по всей Земле Русской, по просторам ее и раздольям, по дремучим чащобам, по лесам непроездным, по полям пологим, по селам и городам. Ехал Князь и на вороном коне с серебряной уздечкой; ехал Князь и в санях,

с полостью медвежьей, на высоких полозьях, ехал Князь и в дубовом белом струге (ладье) многовесельном, с белым камчатым парусом, ехал Князь по озерам и рекам, ехал и в летний зной, и в осеннюю безпутицу, и в ростепель весеннюю, в зимнюю студь-непогоду. И на каждом привале, на каждом отдыхе, на полянке ли, на пригорочке ли, на берегу ли речном — везде Князь ставил Крест деревянный, а где подольше с дружиной стоял постоем или место Князю было по душе, там закладывал Князь Георгий церковь Божию. И в Ростовской земле, и в Новгородском краю многоозерном, и в малом и бедном княжестве Московском — всюду поставил Князь церкви Божии и молебны отпел, чтобы прошло Имя Христово по всей Русской Земле от края до края, и чтоб Сам Христос в сердца людские сошел, всех Своей правдой обрадовал. И доехал Князь Георгий долгим и трудным путем-дорогой до города Ярославля, сел с дружиною и отроками в новый струг и сплыл вниз по Волге. Широка Волга и светла — и краса кругом непочатая: леса и дубравы в воды засматриваются, от птичьего пения по зорям сон отходит: поют птицы непуганые, не стрелянные, вольные. Простор кругом: людей за редкость встретить можно, а зверя в лесах — видимо-невидимо.

Князь Георгий Божиему миру, приволью речному и лесному дивуется. Вся тварь Бога хвалит: кто — песней, кто — тихой красотой да светом мирным. Поутру, от сна встав, долго молился Князь на Восток; встанет на корме струга и молится. А птицы Ему в небе откликаются, да леса шумят над водами.

И приехал Князь к городу Малому Китежу. Стоит город на самом берегу Волги, церквами Божиими красуется, а дома все сосновые, в лапу рублены, крепко-накрепко. Жители в городе ласковы: Князю рады, дары несут: мед чистый, янтарный, из дремучего леса взятый, от пчелок, от Божиих работниц, — и меха соболиные, лисьи, бобровые, горностаевые. А в церквах к молебнам звонят. Отслужил Князь Георгий молебен Владычице, поклонился за ласку, за привет горожанам, потрапезовал, отдохнул с дружиною — и в путь. А путь Князю дальний, неведомый, непроходимый: лесами темными и частыми. Едет дружина княжая конь за конем, впереди идут пешие люди — топорами путь прорубают, сучья да еловые лапы рубят. Зверь непуганый в лесу: на людей смотрит, впервые их видит: диву дается. Волки стороной дружину обходят, лисы из нор подсматривают, горностай белобрюхий с ветки глядит. Гущина в лесу непроходная.

Свет мелькнул, простор глянул — к реке выехали: река светлая и глубокая, Керженец. Переехал Князь реку вброд, помолился на другом берегу, велел Крест срубить, и далее поехал. И много Ему рек и речек на пути встречалось, а такой красивой да быстрой не видывал. И опять лес пошел, еще гуще прежнего, еще темней старого: сосны — человеку не обхватить, а лапы у елей — шире медвежьих. И глянуло озеро из-за чащи лесной — точно кто серебро обронил там светлое. Обрадовался Князь озеру Светлояру. Слез с коня, на колени стал, нагнулся, зачерпнул не серебряной чарой — княжеской рукой воды испить. Вода светла, вода чиста, вода

холодна. И увидел Князь, что место то необычайно прекрасно и чудно: воды серебряные, лес многошумный, холмы кругом высокие, и пала дружина княжая, отроки и бояре на колени, и молят Князя: «Быть здесь, Княже, Граду Великому, а Тебе, Господине, Град тот строить». И по просьбе их повелел Князь Георгий Всеволодович строить на берегу озера Светлояра Город именем Большой Китеж: ибо место то было красы неописуемой. Начали рвы копать и лес рубить, и пни корчевать, начали класть церковь во имя Воздвижения Честнаго и Животворящаго Креста, а вторую церковь — во имя Успения Пресвятыя Богородицы, а третью — во имя Благовещения, а в этих трех церквах повелев Князь приделы делать иным праздникам Господним и Богородичным, и образа всех святых написать, чтобы был тот Град Большой Китеж всех градов славней и праведней, и верою сильней.

Три года Большой Китеж строили. Работа спорилась. Днем люди строят: лес пилят, бревна рубят, стены кладут, кровли кроют, колокола льют, а ночью Ангелы ту же работу делают: плотничают, столярничают, образа пишут, колокола льют. Утром люди встанут, на работу придут, дивуются: работа далеко ушла, и, помощь незримых работников видя, еще прилежней работают. Люди и Ангелы трудились, а Христос с Небес за трудом надзирал и труды благословлял. И вышел Город Китеж Большой — град из градов: храмы Божии золотыми Крестами в синее небо смотрят, колокольный звон над Городом, как облако густое, плывет, в храмах службы идут чинные, благоговейные, верные, — палаты княжеские,

как жар, златоверхой кровлей горят, стены белые город хранят — стены с башнями неприступными, с зубцами, ходами и переходами. А выше всех храмов, башен и палат — с собора Воздвиженского Крест золотой над всем городом воздвигается. Издалека Крест виден: из-за лесу, из-за озера: по Кресту и путь в город узнают, и кто на Крест путь держит, тот в лесах не заблудится, на звериную потайную тропку не свернет. Увидел Благоверный Князь Георгий созданный Им Китеж — Большой Град, пал на землю, и со слезами Бога возблагодарил и прославил. И освятили Город, и водой святой окропили, а воду из озера брали в чанах серебряных, из Светлояра. Чуден засиял и прекрасен Град Китеж!

Помолился Князь Георгий в китежских церквах, и велел дружине излюбленной в путь собираться, в дальний родимый Псков. А путей в Китеж был всего один путь — в глухом лесу, и только китежанам одним ведом: тем, кто в Малом Китеже жил, и тем, кто в Большом. Врагу не найти пути к Граду Большому Китежу: про него и зверь лесной не знает.

III

Семьдесят пять лет красовался Великий Китеж в лесах заволжских, и слава о нем разнеслась далеко по Русской Земле. Не богатством, не воинской силой, не торговой казной славился Большой Китеж, а красой своей несказанной, церквами Божиими златоверхими, звоном Успенским радостным, а

больше всего — чистою жизнию мудрой и праведной, китежской. Беззлобно жили китежане и неленностно молились Христу Господу и Его Пречистой Матери. И стал Князь Георгий глубокий старец: ко сту годов приблизилось Его праведное житие. А ликом Князь еще посветлел, и краса не отнялась от Него: был Он старец благообразный и мудрый.

Настало на Руси тяжкое время. «Попущением Божиим, — так в древних летописях повествуется, — ради грехов наших, пришел на Русь воевать нечестивый и безбожный царь Батый и разорил грады, и огнем пожег, людей же предал мечу, а младенцев ножом заколол, молодых в плен увел, и плач был великий». Застонала Русская Земля. Широчайшей волной разлилось татарское пленение по всей Земле Русской. Плачем исходила Русь, а горя столько, что и слез не хватит его оплакать. Помощи нет ниоткуда. Князья между собой враждуют, соединиться вместе и ударить дружно на татар не хотят. Там, где поле ржаное было, теперь степь пустая; где город был, там пожарище черное, где село — там пепел серый. Дошел Батый безбожный до Волги. Благоверный Князь Георгий Всеволодович, старец древний, собрал Свою дружину, малую числом да сердцем храбрую, сел на коня, как в молодые годы, развернул Свой Стяг со Спасовым Ликом Пречистым, и вступил в бой с татарами. Сеча была великая и кровопролитная. Потекли кровяные ручьи по земле, усеялась земля мертвыми телами; шума лесного не слышно от звона мечей; не ветер свистит — стрелы в воздухе жужжат и свистят, воздух рассекают. Храбро бьется дружина княжая. Но где

осилить! Сила татарская час от часу растет, новые полки прибывают; видит Князь Георгий: не одолеть врага. А нужно Ему города оборонять, нужно рать Свою сохранить. И бежал Князь с ратью Своей к городу Малому Китежу. Там затворился Он за стенами на малое время; новых воинов в рать набрал, от крови вражеской очистил острые мечи; коней покормил, отдохнуть дал. А орда батыева к Малому Китежу валит, тучей стелется. Собрал Князь Георгий Свою рать и ночью, тайно, с опаской великой, выступил из Малого Китежа. Там задумал Князь уйти в Большой Китеж с ратью, — благо путь туда татарам неведом, — там, в Большом Китеже, силы набрать, накопить, — и ударить татарам в тыл нежданным и страшным ударом, и прогнать их за Волгу. И пошел Князь Георгий неведомой потайной тропой в Стольный Китеж, и вошел за крепкие стены, и затворил чугунные врата. А Сам у Бога молит: «Господи, подай силу на врага, не допусти его до Пресветлого Китежа. Сохрани Русскую Землю». Той порой подступил Батый к Малому Китежу. Храбро бились малокитежане: день бились, и ночь бились, и утро бились... но сила силу ломит; великая сила — малую крушит. Одолел нечестивый Батый: взломал городские ворота, ворвался в Город. Храмы осквернил, младенцев о камни разбил, — всех жителей истребил, но не просто, а с мукой великой. Знал Батый, что от Малого Китежа в Большой Китеж есть путь единственный, потайной, в лесах и болотах. А без пути туда ходу нет: всю орду в болотах погубить можно, в лесу заблудиться: лес на тысячи верст идет. Слышал Батый, что прекрасен Град

Большой Китеж и велик, и всем богат: и золотом, и серебром, и многоценными камнями, и мехами, и конями, и медом. И порешил: «Быть Большому Китежу под Батыем! Иначе я — не хан великий, а раб русский!» Собрал Батый всех жителей Малого Китежа и говорит им: — Кто жив хочет быть, пусть тайный путь мне откроет к Большому Китежу: того казной награжу, а кто пути не укажет — тому смерть лютая! Но молчит народ малокитежский, не хочет открыть пути в Стольный Град. Лучше муку принять и жизни лишиться, чем изменником быть и Светлый Китеж предать. И повелел Батый казнить всех казнию лютой. Всех показнил, все муку приняли, все венцом небесным увенчались, с мучениками да праведниками. Остался один в живых — Гришка Городня.

— Поведешь ли в Большой Китеж? — спрашивают его татары.

— Не поведу, — отвечает.

— Ну, и тебе быть мертву, — отвечают.

И схватили его татары, и начали огнем палить. Ступки голые палят ему смоляным жарким огнем. Терпит Гришка.

— Поведешь аль нет?

— Не поведу.

Бьют его батогами воловьими.

— Поведешь аль нет?

— Не поведу.

Точат татары острый нож, точат, приговаривают:

— Точим нож на Гришкин глаз.

Приступили они ко Гришке, хотят глаза выколоть.

— Поведешь аль нет?

Всю муку выдержал Гришка, а этой убоялся:

— Поведу, — отвечает.

И повел, несчастный, орду поганую на Светлый Китеж.

Ведет тропой потаенной, непроходной. Впереди идет Гришка, путь указывает, а с ним два татарина: с глаз его не спускают. Как завидят Гришку предателя звери лесные, — с пути сворачивают, обходят мимо. Смолкли птицы лесные: не до песен. Ветер по лесу идет, воет, деревья валит, ветки ломает — Гришке под ноги мечет: путь буреломом застилает, деревьями упавшими преграждает. Из болота вода повыступила. Реки разлились: сколько татар при переправах утонуло! Лес шумит, а Гришке чудится:

— Нет на тебе креста, окаянный! Кого предаешь? Кому на гибель поганых ведешь? Смотри, Бог видит. Бог путь твой зрит.

Лицо у Гришки, словно снег. Пал на колени пред татарами.

— Убейте меня, мурзы; лучше смерть мне во сто крат.

— Не убьем, — отвечают, и самому на себя рук наложить не дают: с глаз Гришку не спускают.

И вывел их Гришка к Большому Китежу.

IV

Вышли татары из леса и видят: стоит город красы несказуемой на том берегу озера, а перед ним озеро плещет, волнуется, стонет, словно, как дитя, плачет. Рад Батый нечестивый:

— Мой будет Град. Мое будет злато.

А купола церковные золотом на солнце горят. И говорят татары Гришке:

— Заутра в город нас введешь, а там тебе и казнь будет: тебя, предателя, не помилуем.

Татары коней в Светлояре поят и купают, возмутили его чистые воды. Стали станом на берегу озера. Батыев шатер раскинули. Ждут утра. Костры зажгли, конину жарят, кумыс пьют. А в Городе в Большом Китеже печаль великая и плач неукротимый. Увидали силу татарскую — и знают, что не одолеть ее, а каким путем она к Китежу подошла — разгадать не могут.

Собрал Князь Георгий в последний раз Свою дружину и молвил: — Братья мои возлюбленные! Ляжем за Град Большой Китеж: защитит Господь Свой Град — Ему слава, а мы венцы на Небесах примем со мучениками и со страстотерпцами.

— Ляжем, Княже, — отвечала рать.

Исповедались все, причастились, простились друг с другом, и с церквами Божиими, и с Городом Пресветлым, и с Землею Сырою Матерью, и с Небом Высоким, — и вышли на бой. Прежняя сеча жестока была; а эта еще жесточе. И множество татар полегло, а русских вся рать до одного человека легла костьми. И преставился Благоверный Князь Георгий, приняв венец мученический. Злобен был нечестивый Батый, Гришку-предателя приказал он стрелами всего исстрелять и умучить, а жителей китежских всех до одного человека перебить. Злобен был Батый на то, что лучших воинов его перебил Князь Георгий с дружиною, и порешил он истребить с лица земли Большой Китеж. И подступил он

к стенам китежским. И взмолились тогда китежане, от мала до велика, все, сколько их было, епископы и священники, монахи, миряне, взрослые и дети, взмолились все Богу со слезами и плачем:

— Господи, Царю Небесный! Если уж решено в Совете Твоем Предивном и Премудром, чтоб одолел окаянный и безбожный, если судил Ты Князю преставиться и воинам лечь всем на поле брани, то так и буди. Но пощади Святыни Твои, не дай врагу поругаться над храмами Твоими, славящими Имя Твое Святое. Соблюди Град сей и укрой его Покровом Твоим. Сделай его невидимым, сохрани его до Века Будущего. Да вечно сияет Светлый Китеж, да вечно славится в нем Имя Твое и празднуется Тебе во храмах Твоих! Господи, Господи! Ты все можешь. Приими нас в Обитель Твою, в Пресветлом Твоем Китеже сохрани нас и от врага Твоего укрой незримо и неприступно!

И пали все на землю, и молились долго, а в церквах и соборах службы шли молебные. И каялись все во грехах своих, и лобызали друг друга, и были все, как братья и други, любовию связуемые. И услышал их Господь. И стали они все невидимы в единый миг, и стал Большой Светлый Град Китеж невидим со всеми соборами, церквами, палатами и стенами своими; просветлел, просиял, как солнце — и доселе незримо сияет Пресветлый Китеж над озером Светлояром.

И в ужасе бежали татары от Незримых Стен Китежских. Там, где были белые стены, теперь холм простой, зеленый, весь в можжевельнике, там, где высились соборы златоверхие, там зашумели сосны с зелеными макушками, где были колокольни вы-

сокие, там ели стоят темные и недвижные... Стоят сосны и ели на месте Города и в озере отражаются... И напал на татар такой страх, что бежали они, себя не помня, через леса и болота, и много их погибло в болотах и трясинах, и в реках глубоких, и в дебрях и чащобах лесных. И доныне показывают в заволжских лесах Батыеву тропу, по которой пришел нечестивый царь к Светлому Китежу: вся лесом она заросла непроходным и темным.

V

А Светлый Китеж стоит на тех же холмах, где стоял, над озером Светлояром. Так же блещут золотом Осьмиконечные Кресты его храмов — Воздвиженского, Успенского, Благовещенского, также гудит и плывет, как светлое облако, над городом сладостный звон Успенский, так же во храмах идут святые службы Божии, так же крепки и непреоборимы его Белые Стены и Святые Ворота, так же жив Китежский праведный люд, так же цветут там сады, и птицы поют на белых яблонях, и шумят белые тонкие березки...

Также сияет Пресветлый Китеж — только нам он невидим и незрим, по грехам нашим. Мы не видим, что холмы те лесистые — не лесом поросли, а застроены храмами златоверхими, палатами расписными, звонницами высокими. Мы не видим, что люд Китежский, бояре и отроки, простые люди и духовные, идут в храмы Божии; а самые храмы и церкви — нам только соснами кажутся розово-

ствольными да елями темными. Мы слышим, как сосны шумят над озером, и березки нежно шелестят листочками, а это — не сосны шумят и не березы шелестят: это в церквах Пресветлого Китежа благовестят, это звонкий и сладостный перезвон идет колокольный... И только раз в году можно видеть Невидимый Китеж. Только и тогда он видим лишь праведному человеку. Тот на заре приходи к озеру Светлояру, пади на колени, молись и смотри в его светлые пречистые воды. Жди солнца. Ударят солнечные первые лучи и отразятся в чистых Светлояровых водах Белые Стены Китежа и Храмы Златоверхие, и палаты многоцветные. И звон будет слышен к заутреням — китежский сладостный. Крестись же скорее на Китежский Крест. Вон он сияет в глуби водной. Молись на Храмы Пресветлого Града Китежа. Внимай великому звону. Нет больше счастия, как услышать этот звон. Кто его слышал, тот не забудет и вечно не перестанет желать еще и еще услышать тихий этот звон и благовест дальний. Но кто его слышит? Тот, у кого сердце чисто, и кто любит всякое создание Божие. И сказывают старые люди, учат молодых:

«Был человек, кто не только китежский звон слушал и на Кресты Китежские молился, но в самый Пресветлый Китеж был взят и там поселился. А был он душой чистый, прекрасный; сердцем праведный. И встосковались по нем отец с матерью, плачут, утешиться не могут, и думают: умер их сын. И прислал он им *письмецо-грамотку из Невидимого Града Китежа,* описал тамошнее житие, а грамотка та сохранилась. Вот она:

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Аминь.

Родителям моим, батюшке моему и матушке моей. Здравы будите. Пишу вам, родители мои, за тем, что вы за упокой хотите меня поминать.

Я жив. Когда придет смерть, я вам тогда весточку пришлю, а ныне этого не делайте. Живу я с отцами святыми, в месте покойном. И тишина, и покой, и веселие, и радость духовная, а не телесная. Живут здесь, как лилии полевые цветут, и словно финики и кипарисы растут, и как жемчуг, не стареются, и как звезды небесные. И от уст всегда восходит к Отцу Небесному непрестанная молитва, как благоуханное кадило. И лишь только ночь придет, тогда молитва от уст праведных делается видима: как столбы пламенные с искрами огненными, и исходит свет великий, как от месяца и звезд, и проходит этот свет повсюду, как молния. И в то время можно книги писать и читать без свечного огня. И потому все это, что праведные возлюбили Бога всем сердцем своим и всею душою и помышлением, — за то и Бог возлюбил их, и все подает, что они просят от него. Возлюбил их Бог и скрыл, как зеницу ока, и покрыл их невидимым Покровом Своим до конца века, и дал им покой; и веселие, и радость, и житие небесное».

И стоит доселе Пресветлый Китеж Невидим и не увидать его никому, кроме чистых сердцем и обильных любовию. Им — Пресветлый Град, нам — лесные холмы и дремучий лес»[1].

[1] Печатается по изд. *Дурылин С. Н.* Сказание о Невидимом Граде-Китеже. М. «Проталинка». 1916. С. 32.

Китеж Царев Град Невидимый

По одному из существующих преданий, Большой Китеж укрыла сыра мать-земля. Его церкви, соборы, святые ворота и монастыри сокрыты отныне в земле. Там же, где они и стояли до Батыева разорения. Под большим холмом находится Собор в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Здесь долго и прилежно молятся, как перед главной китежской святыней. Китежские врата совсем недалеко от поверхности земли, всего четверти на две: когда пахари в прежние времена пахали в этом месте, случалось, что их соха задевала за Кресты.

По другому преданию, Китеж Град укрылся в светлых водах озера Светлояра. Там, в чистой глубине, сияют его Кресты, и оттуда доносится его благословенный звон. Благоговение не позволяет плавать по Святому озеру на лодке, грехом считается купаться в его священных водах. Грех рыбачить: если рыбу из Светлояра выловить, то и в Волге ее не будет.

А иные веруют, что Град Китеж не ушел в землю и не скрылся под водой. Стоит он на тех же холмах, где и прежде стоял. Так же блещут золотом Восьмиконечные Кресты его храмов, так же гудит успенский звон, так же крепки его стены и святые врата. Так же жив праведный люд и священнический и монашеский чин. Только мы, по грехам нашим, не видим этого. Для нас незрим этот Святой Град. Лишь прошедшие путь подвига и Веры видят своими духовными очами незримые

нам величественные Соборы и смиренные иноческие келлии...

Хранится в народе Божием иное предание, что Батый, услыхав о богатствах, что хранились во Граде Китеже, послал часть войска на Святой Город. Отряд был небольшой — Батый не ожидал сопротивления. Войска шли на Китеж через лес, а по пути прорубали просеку. Вел татар предатель Гришка Кутерьма. Его взяли в соседнем городе, Малом Китеже (нынешний Городец). Не выдержал он пыток и согласился указать путь к Святому Граду. Помилуй Боже, не Сусанин он был... Привел татар к Китежу. В тот страшный день неподалеку от Города несли дозор три богатыря китежских. Они первыми и увидели врага лютого. Перед битвой один из воинов повелел сыну своему, чтобы добрался до Китежа и упредил горожан. Мальчик кинулся к городским вратам, но злая стрела татарина настигла родимого. Со стрелой в спине добежал до врат святых и успел лишь выдохнуть: «Враг у стен!» — И пал замертво, осенив себя крестным знамением... Богатыри же неустрашимые и духом крепкие оттесняли воинство лютое Батыево. И не выжил из них никто. А на месте, где погибли три богатыря, появился святой ключ Кибелек — он бьет до сего дня. Осадили Град люты вороги. Китежане все, от мала до велика, вышли на стены, с оружием. Молились с вечера и всю ночь напролет. Татары же ожидали утра, чтобы начать сечу. Когда Батый готовился захватить Китеж, город вдруг исчез на глазах врага. Не дался на поругание Батыеву войску. И свершилось чудо велие: зазвонили, вдруг, загудели колокола

малиновые. Задрожала и задвигалась земля русская, и на глазах у злых татар Китеж доблестный стал погружаться в воды озера Светлояр... Одним виделось, что ушел Град Святый под воду, другим — что сокрылся под землей. А иные — что взят был Ангелами на Небо. Только стал он с того дня Невидим и недосягаем для зла...

Китеж Царев Град Невидимый... Сокровенный...

Бросились люты вороги бежать, кто куда. Но настиг их Божий гнев праведный. Кого зверь настиг, кто в лесу пропал, потонул в болотах вязких и топях непроходимых, пораженный силою таинственною. А Град же тот Непобедимый и Намоленный сокрылся до Второго Пришествия до Христова... Временами, со дна озера и из-под холмов доносятся звон колоколов, песнопения Богослужения, выходят или выезжают на белых конях монахи-иноки, старички-молитвеннички... Покупают хлеб у крестьян, разговаривают с ними по-доброму и, благословив на христианское житие-бытие, уходят вновь во свой Светлый Град. Люди праведные, сердцем чистые, Бога любящие, слышат звон тот малиновый, зрят Кресты монастырские, и восхищены бывают в Китеж Град на моления, приобщаяся к Вере Истинной, Бога Право Славящей. А вода та вся из озера чудодейственная, благодатная и целебная.

«Церковь Незримая — вот сердцевина Руси, ее крепкое место, ее неприступный врагу Белостенный Град Китеж. Тот, кто прибег к его стенам, не знает страха — а если узнает, так изгонится страх звоном китежским... Церковь Незримая — креп-

кий Град Руси — есть вместе истинная крепость России, которая не сдается никакому врагу»[1].

«Тайну Цареву добро есть хранити»

Нижегородский исследователь Василий Комлев в замечательно интересной работе ***«Тайный Государь и Великий Раскол. Недоказанная гипотеза и отвергнутая правда»*** сообщает ряд интересных свидетельств, которые нам видятся значимыми в вопросе о Русском Престолонаследии. Важность материала, который исследует автор, проявилась и в тайне Царственного Мистика Александра Благословенного, сокрывшегося от мира в смиренном Старце Феодоре Кузьмиче. Так же и в Праведном Симеоне Верхотурском. Великий и Богом Избранный Царь-Мученик Николай Александрович Романов, если бы не противились Воле Господней и поставили Его в Патриархи Русской Церкви, мог бы излечить раны Русского Раскола и привести наше земное Отечество к Божественной Правде...

Но обратимся к статье нижегородского исследователя. В частности, он пишет: «В предлагаемом мною на суд общественности в ином взгляде на нашу нижегородскую историю, на историю Руси XVII–XVIII веков и в ином раскрытии возникновения в то время мощного движения сторонников Старой Веры (старообрядчества), а также в иной попытке расшифровки легенды о Невидимом Гра-

[1] *Дурылин С.* Русь Прикровенная. М. 2000. 314.

де Великом Китеже ***я ничего не пытаюсь доказать.*** Я просто пересказываю нашу российскую историю трехсотлетней давности такой, какой она *мне* открылась, и какой я ее понял. Мои выводы идут вразрез общепринятому взгляду на нашу историю и к тому же в некоторых местах совсем не доказуемы с точки зрения профессиональных историков. [...] Потому ***на полную историчность своего исследования я не претендую***. [Просим с вниманием отнестись к этой ***гипотезе*** автора]. Так что споры и доказательства оставляю другим — и на потом.

Тайну Града Китежа и его чудесного исчезновения перед «антихристовыми» полчищами в водах озера Светлояр разгадать пытались очень многие исследователи, но их беда, что они не пытались эту красивейшую легенду, будоражившую воображение писателей, поэтов, художников и музыкантов жестко привязать к истории староверчества, из глубины которого она и вышла на свет Божий. Все чувствовали в ней некую ***мучительно-притягательную Тайну***, но она ни перед кем так и не открылась. Все искали Невидимый Град Китеж на земле или в водах озера Светлояр, а надо было искать его в духе Великого Раскола, разразившегося над Молодой Русью три века назад. При внимательном и непредвзятом прочтении исторических событий конца XVII начала XVIII веков трудно не согласиться с приводимыми мною доводами и крупицами найденных доказательств. Нашему мышлению всегда с трудом дается все «новое», опровергающее привычное «старое».

Вначале была у меня какая-то неудовлетворенность за своих древних предков, что из-за каких-то «незначительных» правок церковных книг и «незначительных» обрядовых изменений, они, сменив нажитое место, 250 лет вели достаточно суровую жизнь в бедных, неурожайных лесах Керженского Заволжья. И удалось мне все же найти, вычислить то недостающее звено в нашей Российской Истории, которое было очень тщательно скрыто, запечатано и ***заговорено*** вот уже на протяжении трехсот лет.

Мне пришлось провести собственное расследование, схожее с работой реставратора, решавшего задачу восстановления казалось бы безвозвратно потерянной картины по едва уловимым следам. Откуда мне перед началом работы было знать, что данное исследование, как в религиоведении, так и в культурологии, называется мифологической реконструкцией. И вот покрывало прошлого приподнялось при решении этой таинственной задачи. И были получены ответы на многие волнующие меня вопросы, и стало понятно, почему тогда, триста лет назад, в открытый Раскол ушло от 1/4 до 1/3 ***всех слоев*** населения Руси. Разделилась не только Церковь, но, в известном смысле, сама Святая Русь, сам народ, сама русская душа[1].

Некоторые исследователи Раскола иногда задаются недоуменным вопросом: «Почему все-таки старообрядчество, жесточайше гонимое государством и официальной церковью, со временем хоть и раздробилось на множество согласий, но все-таки

[1] *Бушуев С. В.* История Государства Российского XVII–XVIII вв. С. 152.

не сжалось до размеров малой секты? А не то, что сжалось, но и смогло воспитать в своем кругу огромную плеяду великих людей земли русской и оставивших в истории Отечества неизгладимый след». Вообще-то, во времена Великого Раскола такого понятия, как старообрядчество, не существовало, оно появилось уже позже, в XVIII веке, а до этого были лишь ***староверы,*** да раскольники. И хоть само название «старообрядец» несет в себе более отрицательную и уменьшительную смысловую нагрузку, чем «старовер», будем придерживаться общепринятого в настоящее время слова.

Недостающим же звеном одной из тайн мощи старообрядчества, как религиозного течения Староотеческой Руси, оказался Первенец Второго Царя Рода Романовых Алексея Михайловича и Его Супруги Марии Ильиничны из рода Милославских и названный в честь Деда — Михаил (Михайло). Если вести отсчет от дня свадьбы, состоявшейся 16 января 1648 года, то Он должен родиться осенью этого же года. Это косвенно подтверждают исторические источники. Они свидетельствуют, что во время бунта летом этого года беременная молодая Царица участвует в угощении вином бунтовщиков, а впоследствии находящийся в ссылке в Троице-Сергиевом монастыре бывший воспитатель и родственник Царя боярин Борис Иванович Морозов ***прощается по поводу рождения Первенца*** и 29 октября 1648 года присутствует в Москве на крестильном обеде[1].

[1] *Андреев И.* Страсти по д'Артаньяну. Знание-Сила. 8/91. С. 83–84.

Известный же истории «первенец» Дмитрий рождается в 1649 году, и прожил всего два года. Но нет, сколько не листай, в учебниках русской истории Михаила, Сына Царя Алексея Михайловича! Но есть случайное упоминание о Царевиче Михаиле в приведенном документе Даниилом Мордовцевым в его романе «Великий Раскол». Есть косвенные упоминания о нем в оставленных нам Летописях Сильвестра Медведева и в литературных трудах царского чиновника и русского писателя Мельникова-Печерского. И есть удивительная легенда о Граде Китеже и погибшем вместе с ним, ставши всеми невидимым, Великом Князе Георгии Всеволодовиче, убежденно утверждаемая только старообрядцами, как историческая реальность. Известно, что крестильный обед по поводу рождения Царского Первенца был 29 октября, то есть, согласно православным законам того времени — на восьмой день после рождения. А этим днем у нас получается 22 октября *(4 ноября) — День празднования Явления Иконы Казанской Богоматери.* Когда-то я этот день считал вероятным днем рождения забытого Царского Сына Михаила, теперь же я уверен в этом полностию. (В ноябре 2000 года наткнулся на «Русской линии» на сообщение в Интернете: — Первенец Царя Алексея Михайловича родился именно 22 октября (4 ноября) 1648 года и был назван Димитрием. Тогда кто же родился в 1649 году? А был ли, Димитрий?)

Что интересно, Икона Казанской Пресвятой Богоматери — главная Святыня Нижегородского Ополчения. Ее прислал нижегородцам Патриарх

Гермоген перед решающим походом нижегородцев во главе с Мининым и Пожарским за освобождение Москвы от иноземцев. И для верующего человека того времени было совершенно ясно, что Законный Государь, Данный от Бога, не рождается в простой день. В Его рождении всегда присутствует знак, понятный всем.

А ведь давно надо задуматься над очевидным для русского человека вопросом: почему же у Русского Царя Алексея Михайловича, у которого, как известно, было 6 сыновей: Димитрий (1649‡1651), Алексий (1654‡1670), Феодор (1661‡1682), Симеон (1665‡1669), Иоанн (1666‡1696) и Петр (1672‡1725)[1] не было сына с именем Михаил? Алексей есть — как бы в свою честь. И в честь прадеда Патриарха Филарета (в миру — Феодора) есть, а Михаила, в честь Деда — нет. Не по обычаю русскому получается, ой, не по обычаю христианскому, чтоб покойного Деда, Основателя Царской Династии Романовых, можно так обидеть на глазах всей Руси, не назвав ни одного (!) внука в Его честь. Нет, не обидели Деда! Был среди его внуков Михаил! [...]

Начало же этой печальной и трагической тайной истории идет со вторичной женитьбы ***22 января 1672*** года Царя Алексея Михайловича на молодой двадцатилетней Наталье Кирилловне из рода Нарышкиных, будущей матери Петра I. [...]

Церковные реформы, начатые Патриархом Никоном и согласованные с молодым Царем Алексеем Михайловичем, пошли по греческому пути. Совсем

[1] *Бушуев С. В.* История Государства Российского XVII–XVIII вв. С. 124.

по другому их предполагали проводить близкие к Царю до начала реформ члены кружка ревнителей древлего благочестия. [...]

Москва в то время была не только красивейшим городом мира, но и очень богатым городом, что привлекало множество просителей, купцов и авантюристов, особенно из Греции. Греки занимались всевозможным мошенничеством, продавали стекляшки, выдавая их за драгоценные камни. Иерархи торговали разрешениями на развод, духовными званиями... и, по выражению Крижанича, готовы были *«продать нам тысячу раз Христа, коего Иуда продал лишь один раз»*.

Но если отношение к грекам порой было полупрезрительное, то дело с греческими книгами и обрядами обстояло не так просто. С греческих первоисточников когда-то были сделаны переводы Священных Книг, греческие обряды вошли в обиход Русской Церкви. Пытаясь наладить работу с греческими подлинниками, Федор Ртищев пригласил из Константинополя в Москву архимандрита Бенедикта, считавшегося доктором Богословия. Но он оказался жуликом, подделавшим бумаги, которые удостоверяли его личность.

К тому же исправление многих церковных книг Патриарх Никон поручил людям с не совсем чистой репутацией, типа митрополита Газского сирийца Паисия Лигарида и жида Арсения-грека. Арсений-грек видится же вообще человеком авантюрного склада, который, по собственному же признанию в следственном деле, легко переходил из веры в веру, начиная с иудейской. На допросе

показал, что в Италии он был католиком, в Турции магометанином, в Польше — униатом. Тогда же этого ренегата сослали в Соловки.

А в лесах, еще со времен Царствования Михаила Федоровича, среди простых верующих насаждал изуверское спасение некий «великий и премудрый Вавила», о котором позже в одном из раскольнических сочинений говорилось: *«Быть родом иноземец, веры люторския, глаголати и писати учился довольновременно в славней парижстей академии, искусен быть в риторике, логике, философии и богословии; знал языки латинский, греческий, еврейский и славянский».*

Неведомы пути, которые привели этого француза в самое большое по размерам в то время Государство в мире, воспитанника парижской Сорбонны, современника кардинала Ришелье, в леса под Вязники. Но именно там Вавила, «вериги тяжелые на себя положив», довел до крайности взгляды своего учителя Капитона и проповедовал впоследствии массовое самосожжение — деяние, несовместимое с догматами даже самых изуверских религий[1].

Сколько чистых душ развратил он своим «учением» и направил в огонь? Счет на тысячи... У образованной же русской церковной элиты были и другие основания относиться с подозрением к греческому благочестию и греческому правоверию. *«А нынешние книги, что посылал покупать Никон патриарх в Грецию, с которых ныне зде переводят, словут греческие, а там печатают те книги под властию богоотступного папы римского в*

[1] *Жуков Д. А.* Аввакум. 1971. С. 6.

трех градех: в Риме, в Париже и в Венеции, греческим языком, но не по древнему благочестию. Того ради и зде нынешние переведенные со старыми несогласны, Государь, и велия смута» — писал Царю Алексею Михайловичу диакон Федор (Иванов)[1].

Но новизна (т.е. послабления в строгость Устава) при активной поддержке части светской власти и знати торжествует. Служба по полному Уставу, да при единогласном пении шла не менее 6 часов. Так что сторонников церковной реформы было предостаточно. Как похож враг в действиях на умы элиты: «*Во всех православных странах одно и то же, только в Москве не так. Значит, здесь ошибки, и здесь их надо исправлять*» — радостно вопили они. Протопоп Аввакум дает верное определение затеянной церковной реформе: «*...никонианская вера и устав не по Богу, но по человеку*»[2], что, вкрапливая в новый церковный устав греческие удобства и новшества, перекраивая сохраняемую и завещанную Отцами Церкви службу, христианин, идя по жизни, теряет в Духе и Вере, а главное — в своем посмертном существовании: «*Душе моя, душе моя, восстани, что спиши! Конец приближается, и хощеши молвати. Воспряни убо, да пощадит тя Христос Бог, иже везде сый и вся исполняяй. Душе, я же зде — временно, а я же тамо — вечно!*»[3]

---

[1] *Карташев А. В.* История Русской Православной Церкви. Т. 2. С. 161.

[2] Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. 1988. С 117.

[3] Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. 1988. С. 50

В десятках тысяч церквей миллионы прихожан сотни лет слышали слова молитв, привычных, с детства заученных на память. И вдруг эти слова, порядок слов и традиция меняются! Психика с трудом приспосабливается к подобным переменам. Добавление или выпадение некоторых слов в молитве воспринималось как нечто очень досадное и тревожное, как фальшивая нота в знакомом напеве.

Много позже, будучи в заточении, Никон уже по-другому смотрел на результаты своих деяний: *«Мню, яко ни один архиерей, или пресвитер, останется достоин, яко мы вемы».* По мнению Никона, после оставления им патриаршества не только архиереи и все духовенство на Руси стало более чем сомнительно, но и сами храмы Божии теперь уже не настоящие храмы. И что тут больше, его гордыни или [чего-то иного] — нам неведомо.

Одной из самых известных противниц реформ была сродница Царя — боярыня Морозова, посаженная в тюрьму вместе с сестрой княгиней Урусовой за свое твердое нежелание поступиться в Вере. До нас дошел уникальный документ, датированный летом 1672 года — разговор патриарха Питирима с Царем Алексеем Михайловичем, в котором упоминается и в какой-то степени характеризуется ***Царевич Михаил***: *«Советую я Тебе, Великий Государь, боярыню ту Морозову вдовицу — кабы Ты изволил опять дом ей отдать и на потребу ей дворов бы сотницу крестьян дал. А княгиню (Урусову) тоже бы князю отдал, так бы дело-то приличнее было. Женское их дело; что они много смыслят! А об них многие знатные особы всего московско-*

го государства соболезнуют, и это Тебе, Царскому Величеству, не на корысть живет, а Тебе же в убыток. ***Да и Сынок Твой Родной, Царевич Михаил****, соболезнуя оным сестрам, частенько-таки, сказывают, к ним заезжает посмотреть сквозь решетку на их мученичество и слушает их с умилением: удивляет де Меня ваше страдание; одно только смущает Меня: не знаю — за истину ли вы терпите»*[1].

А ведь тогда, согласно всем историческим данным, у Царя в живых были только два сына — одиннадцатилетний Феодор и шестилетний Иоанн. Никак они не подходят для лица из приведенного документа. Но этот документ никак не может быть фальшивкой! Мы прекрасно знаем, что историк Соловьев, предоставивший документальные материалы своему другу-писателю Мордовцеву, писавшему роман «Великий Раскол», никогда не пользовался неоригинальными документами. Отрывок этого документа Соловьев в своей «Истории» уже приводит в урезанном виде. Чувствуется, что профессор Богословия Субботин Н.И. в то время многое знал и у него, видимо, был тайный приказ Императора Александра II, — не допустить проявления истины. В этом свете я вижу его яростную полемику со своим коллегой и блестящим исследователем старообрядчества Каптеревым Н.Ф.

В то далекое время политических партий не существовало, бились друг с другом по родовой принадлежности. Воевали тайно и явно: себе на власть

[1] *Мордовцев Д.Л.* Великий Раскол. Увещание Морозовой. гл. 11.

и живот, а другим во вред и даже на смерть... Вместе с молодой женой [Алексея Михайловича] к кормму и власти государственной пришел ее «худородный» и «голодный» род Нарышкиных. Этот род [...] стал занимать в государстве те позиции, которые были уделом и доходом, родовой гордостью Милославских, и которым такие потери были совсем не по нраву. У рода Милославских, потерявших право прямого общения с Царем Алексеем Михайловичем, в борьбе с родом Нарышкиных достаточно весомой и серьезной защитой и опорой в их интересах был Наследник Русского Престола и любимейший Царский Сын — Царевич Михаил. Но не долго Он им мог помогать. Очарованный молодой женой, Царь Алексей Михайлович практически не вникал в происходящее вокруг Него. Не вынеся неправды, злости и зависти круживших около государственной кормушки, сам вытесненный от всех государственных и хозяйственных дел, Царевич Михаил тайно, в метельную ночь бежал из столицы, от греха подальше.

По моим рассчетам, это событие произошло весной 1673 года, обязательно перед самым вскрытием рек. Благословение (что было для того времени обязательным условием) на побег им было получено, скорее всего, от находившегося в заточении протопопа Аввакума. Вместе с благословением Царевич Михаил получил и план побега. Несгибаемый противник церковных реформ, слепо проводимых под копирку и диктовку «просвещенной заграницы», близко знавший всю Царскую Семью, прочувствовал состояние Царевича, Будущего Прави-

теля Руси, восхотевшего в уединении разобраться в сути церковного противостояния, раздирающего страну. Понимая всю опасность, какой может подвергнуться молодой Наследник, тайно, без разрешения Родителя покинувший дом, протопоп Аввакум, может быть, надеялся, что «Тишайший» Царь серьезнее задумается о своей ответственности перед Русью, пересмотрит свое отношение к проводимым церковным реформам и прислушается к доводам их противников. Позже Аввакум уверенно напишет, обращаясь к Царю: *«Сын Твой после Тебя распустит же о Христе всех страждущих и верных по старым книгам в Господа нашего Исуса Христа. На 6 Соборе бысть же сие, — Константин Брадатый проклявше мучителя, отца своего еретика, и всем верным и страждущим во Христе живот даровал. Тако глаголет Дух Святый мною грешным, рабом Своим: и здесь тоже будет после Тебя!.. Люблю я Тебя, право, сие сказал, а иной Тебе так не скажет, но вси лижут Тебя, — да уже слизали и душу Твою!.. Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори Своим природным языком; не уничижай ево и в церкви, и в дому, и в пословицах»*[1].

Вначале, чтоб сбить погоню со следа, путь побега Царевича Михаила шел к восставшим соловецким монахам, активно не принимавшим церковных реформ, но потом направление побега было изменено. Возможно, именно поэтому летом 1673 года стрельцы отказываются атаковать Соловецкий монастырь, а воевода Иевлев запросил у Государя от-

[1] Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. 1988. С. 83–84.

странения его от командования. Назначенные же к новому воеводе Мещеринову опытные русские воеводы под разными предлогами отказываются от службы, и власть посылает вместо них иностранных наемников[1].

А известный в те времена диакон Игнатий Соловецкий утверждает, что рать, осаждавшая обитель, состояла из «немцев и поляков, истинных латынцев». Хорошо, что здесь нет позора русского воина.

Вот что пишет *Нижегородский Летописец:* — «23 апреля 1673 года в Нижнем Новгороде и в нижегородском уезде появилась на небе громадная черная туча, разразившаяся сильным градом, в иных местах выпало много снега, который покрывал землю в течение четырех суток. Ночами, таясь случайного глаза, по готовому вот-вот вскрыться руслу Волги, санный поезд с беглецами направился к устью реки Керженец мимо Городца, Нижнего Новгорода, мимо Макарьевского монастыря со спящей охраной, чтоб по петляющей лесной реке добраться до укрывающихся с 1657 года в лесной глухомани, близ озера Светлояр, от мира и греха знатных, родовитых, очень образованных по тем временам монахов-отшельников — инока Ефрема Потемкина и игумена Сергея Салтыкова, основателей двух раскольничьих обителей (современные урочища Смольяны и Шарпан)»[2].

Позже туда переселился священник Дионисий из города Шуи. Богатые родственники по мере на-

[1] *Буганов В. И., Богданов А. П.* Бунтари и правдоискатели в Русской Православной Церкви. 1991. С. 343.

[2] *Смирнов Д.* Нижегородская Старина. 1995. С. 196.

добности посылали им обозы со снедию, обменивались письмами, которые часто были зашифрованы. Среди них и был спрятан от царских соглядатаев и доносчиков Царевич Михаил. Предполагалось на время, а получилось на века.

Разгневанный и оскорбленный Царь-Отец (для тех времен позор небывалый, чтобы Сын ослушался Отца), вместо прощения вскоре лишает беглеца как бы прав на Престолонаследие, что уже было нарушением Клятвы 1613 года: *«1 сентября 1674 года (тогдашний Новый год) Государь объявил Старшего Сына Своего, тринадцатилетнего Царевича Феодора: на Красной площади, на действе показывали Государя Царевича всему Московскому государству и иноземцам. В тот же день смотрели Царевича в Архангельском соборе иноземцы: сыновья гетмана Самойловича и посланник литовский. Государь послал к ним боярина Хитрово объявить Царевича и сказать: «Вы видели сами Государя Царевича пресветлые очи, и какого Он возраста: так пишите об этом в свои государства нарочно»*[1].

В некоторых источниках, дабы объяснить появление этого странного объявления Старшего Сына «специальным действием», дату скоропостижной, неожиданной смерти Царевича Алексея (называемого, поэтому, в некоторых современных исторических материалах — Наследником), с 1670 года переносят на 1674. Кто бы задался вопросом и ответил, а зачем надо Царю отдельным Указом назначать и объявлять Старшего Сына, когда жизнь его и его семьи, по сути, была известна всякому живу-

[1] *Соловьев С. М.* История России. Т.12.

щему в те времена? По русским обычаям того времени отец есть полный хозяин над своим сыном, и никто бы слова не сказал, если он сам не просто накажет его за проступок, но и казнит его. Потому не прощенный Отцом Цесаревич Михаил не мог сам вернуться в столицу.

Возможно, Царь поверил, что Сын спрятался в восставшем Соловецком монастыре и, может еще и потому Он, не жалея сил и средств, не видя собственного позора, пытался так упорно взять этот далекий северный монастырь солдатской силой. Есть ли еще в русской истории церкви такая позорная страница — штурм православного монастыря по приказу Русского Царя, обороняемого русскими же монахами, стоящими насмерть за *Старообрядческую Веру*, за чистоту русского Православия с 1667 по 1676 годы! (Понадобилось 300 лет и больших архивных исследований, доказавших правоту противников церковных нововведений, что не Русская Церковь накопила в себе догматические ошибки, а греческое православие потеряло свою первоначальную чистоту и, на основании этих исследований, в 1971 году официальная Церковь тихо признала законность «старых обрядов»). Профессор духовной академии Н.Ф.Каптерев писал еще в конце прошлого века: *«На вопрос: кто же, в таком случае, и когда испортил наши древние церковные чины и обряды, которые потом Никону пришлось исправлять, мною был дан такой ответ. Древние наши чины и обряды никогда никем у нас не искажались и не портились, а существовали в том самом виде, как мы, вместе с христианством, приняли их от греков, только у*

греков некоторые из них позднее изменились, а мы остались при старых, неизменных, почему впоследствии и явилась рознь между московскими чинами и обрядами и позднейшими греческими»[1].

Силой были навязаны изменения в «Символе Веры». [...]

Проникнувшие враги русского Православия в доверие к «Тишайшему» Царю сделали все, чтобы уменьшить мистическую силу православного обряда, засорить неприметными «вирусами» будущего материализма саму Православную Веру. Знавшие несказуемые всякому тайны Священного Писания, были последовательно уничтожены, вследствие чего Вера оказалась в какой-то мере урезанной, и не потому ли впоследствии русская знать пошла с таким удовольствием в тайные общества, в масонство. В XVIII веке Пушкин уже уверенно утверждал, что у русских потому нет своей философии, что у них не было своего сакрального языка. Ошибался, выходит, великий поэт. Церковно-славянская грамота была глубоко сакральной, как и вся церковная символика. И потому итогом внесения изменений в Православную Веру в XVII веке, в конце концов, [стал переворот 17 года и зверское уничтожение] Царской Семьи 17 июля 1918 года.

Вообще, не могу понять, как могут осуждать иные современные церковники патриотов-староверов, насмерть стоявших в той Православной Вере, какой она была 700 лет в Истории Руси, именовавшейся уже тогда Святой Русью, да так и ос-

[1] *Буганов В. И., Богданов А. П.* Бунтари и правдоискатели в Русской Православной Церкви. 1991. С. 508.

тавшейся там, за церковными реформами греческих авантюристов [...].

В ночь с 20 на 21 января 1676 года воевода Мещеринов, воспользовавшись планом монаха-изменника Феоктиста, захватывает спящий Соловецкий монастырь. «*Что ты величаешься и высишься*, — спокойно говорил перед казнью архимандрит Никанор воеводе, — *я не боюсь тебя, ибо как духовник и самодержца твоего душу в руке своей имею*». Расправа над непокорными соловецкими образованнейшими монахами, цветом русского монашества и русского православного духа, была жесточайшей — живьем на крюки под ребра подвешивали, живьем в лед вмораживали. Мало кто спасся. «*...Мучение же святых страстотерпец, новых исповедников соловецких, иже пострадаша в лето 7184, месяца геньваря в 20 день, в суботу мясопустную, коликъства же их 300 и множае, инии же глаголют пятьсот*». А с субботы на воскресенье, в 4 часа ночи 30 января 1676 года в муках [...] скончался 47-летний Царь [...] Алексей Михайлович. Тайной покрыто, кого на самом деле благословляет на Царство перед своей смертью «Тишайший» Государь, но в некоторых источниках проскальзывает, что только энергичность и темперамент молодой Царевны Софьи, «организовавшей» присягу бояр своему Младшему Брату Феодору, не позволили «нарышкинско-матвеевской» партии провозгласить на Царство четырехлетнего Петра.

И тогда Царем на Руси стал пятнадцатилетний Феодор, а правителем государства назначается пока боярин Матвеев. Что на Руси было принято не все-

ми покорно, особенно теми, кто понимал, что по закону и совести, по Клятве 1613 года, должен править полный здравия Старший Царский Сын Михаил Алексеевич — Бог дает Руси Будущего Царя в Старшем Сыне живущего. Те, кто активно не принял законность правления Царя Феодора, стекаются к месту отшельничества Михаила — в керженские леса близ озера Светлояр. Неподалеку построили свои скиты спасшиеся от жестокой расправы соловецкие беглецы: старцы Арсений, Софонтий, Онуфрий. К осени 1676 года основан Анфисой Колычевой, родственницей святого Филиппа Митрополита, на берегу Керженца богатый Оленевский скит, куда съезжается недовольная знать, образуя подобие Царского Двора. Не единицы, тысячи, десятки тысяч потянулись в Керженское Заволжье. Переезжали целыми селами. А туда, к отверженному Государю, шла не худшая часть Руси.

Началось строительство «Невидимого Града Китежа». Мостилась гать, рубилась «батыева» тропа в сторону Городца — Малого Китежа. Ведь, в самом деле, началось строительство Духовного Государства. [...] Количество переселившихся тогда на Керженец дворянских и крестьянских семей, в десятки раз превышало по своей численности живущих в самом городе Нижнем Новгороде. Я нашел данные, что в самом Нижнем Новгороде числилось до 10 тысяч жителей, а во времена «питиримова зорения» в 1719 году на Керженце официально насчитали 48 тысяч.

Никто не знает, что пережил отверженный Наследник Русского Престола Михаил Алексее-

вич, когда до Него в зимнюю ночь пришла двойная горькая весть — смерть Отца и как бы по Его воле восшествие на Престол Брата Феодора. Никак Он не думал, что Его жизнь повернет именно в эту сторону. Всю Его жизнь Его готовили на Русский Престол, и Он ответственно готовился к мудрому правлению, а тут теряется вмиг весь смысл жизни, прошлой и жизни будущей. Пережив это тяжкое известие, Он не захотел возвращаться в отвергнувшую Его Москву. Решил остаться жить в лесу простым человеком. Взрослый, двадцатисемилетний мужчина, будучи холостым, после смерти родителей, по русскому обычаю, Он уже мог сам решать свой семейный вопрос, не спрашивая уже ничьего разрешения. В Москву пишется письмо, что Он желает жениться, пусть ему сосватают невесту. Стать Его женой согласилась племянница боярыни Морозовой — Анастасия Урусова. Протопоп Аввакум пришлет Ему свое благословение: *«Моли Бога о мне и всем заповеждь. И Настасья, хотящая быти ц(арица), пускай молится о мне. [...] Материн большо у нея ум-от. Я ея маленьку помню, у тетушки той в одном месте обедывали.* ***Бог ея благословит за великова и честнова жениха!»*** *Благословляет он и невесту с сестрой:*

«...Слушайте-тко, Евдокея и Настасьюшка, ***где вы не будете****, а живите так, как мать и тетка жили»*[1].

Фраза «где вы не будете» явно говорит о месте тайном. Вообще самым популярным выражением

[1] Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. 1988. С. 171.

в письмах между староверами тогда было: — ***«Тайну Цареву добро есть хранити»***.

Повод для своего исторического забвения дал сам Михаил, совершив самую тяжелую и непоправимую ошибку в своей жизни. Наблюдая успешное начало правления своего Младшего Брата и поверив в Его будущее успешное Царствование и Его долгую жизнь, Михаил пишет Ему секретное письмо, в котором Ему сообщает-подбадривает, что у Него нет в желаньях мешать Его Царствованию, тем более лишать Его Престола силой, пусть смело правит, не оглядываясь на Него. Неопытный Феодор жестоко обошелся с этим письмом. Не сжег его сразу после прочтения, как полагалось по правилам, а делится содержанием этого письма со своим ближайшим окружением, которое с 1679 года составляли Иван Языков и Алексей Лихачев, тайные сторонники Матвеева, понимая ли, что написанное Ему Братом, приравнивалось к официальному отречению Михаила от Престола. Беда всех добрых людей — им трудно просто подумать, что низость, рвущаяся к власти, воспользуется любым предлогом, любой зацепкой, любой ситуацией, дающей ей хоть какой шанс для достижения своих честолюбивых замыслов. Именно письмо Михаила Царствующему Брату спускает с поводьев вожделения тех, кто Его еще побаивался.

В то время боярин Матвеев был в ссылке с сыном в Пустозерске, куда он попал по подозрению в отравлении Царя Алексея Михайловича и в попытке дворцового переворота в пользу рода Нарышкиных. И думаю, что в доносе, по которому увле-

кавшийся черной магией Матвеев был отправлен в ссылку, есть доля правды: «*Он показывал, что остаток лекарств после Государя выпивал; но близкие люди, ходившие за Государем, объявили, что не выпивал... А один лекарь донес, что лечил у Матвеева его карлика, который жаловался ему, лекарю, что болен от господских побоев, что раз он заснул за печью в палате, в которой Матвеев с одним доктором читали «черную книгу», и во время чтения в палату пришло множество злых духов, и они указали боярину, что у них в покое есть третий человек; тогда боярин вскочил и, найдя его за печью, сорвал с него шубу, ударил его оземь, топтал ногами и выкинул за двери замертво... Доктор, доносивший об этом, прибавил от себя, что и сам он видел, как Матвеев читал «черную книгу» и что грек-переводчик по этой книге учил самого Матвеева и сына его Андрея*»[1].

И вот этот многоопытный Матвеев начал через верных ему бояр плести новую интригу. По настоянию Московского патриарха Иоакима, ставленника Матвеева, Царем Феодором было повелено пустозерских страдальцев: «За великия на царский дом хулы сжечь их». Это было исполнено в Пустозерске в страстную пятницу 1 апреля 1681 года, эта же дата указывается и в «Винограде Российском». В заранее приготовленном срубе заживо сжигается вместе с выдающимися проповедниками старообрядчества: Лазарем, Феодором и Епифанием протопоп Аввакум — тайный духовник опального Михаила. И тем самым, как бы давая понять тому,

[1] *Сиповский В. Д.* Родная Старина. 1993. С. 334.

что Он уже для властвующих в Москве — никто. В этом же, 1681 году, в середине лета неожиданно, на третий день после родов, умирает молодая Царица Агафья Петровна из польского рода Грушецких, и, спустя неделю, — новорожденный Царевич Илия.

Используя малоопытность Царя Феодора, было начато в январе 1682 года, казалось бы, прогрессивное, но так необходимое для рвущегося к полной государственной власти незнатного Матвеева безпощадное уничтожение *«богоненавистного, враждотворного и братоненавистного местничества»*. Конечным результатом в уничтожении местничества, медленным вирусом разрушавшего родовую ответственность и родовую взаимовыручку русской аристократии, явилось постепенное превращение, разложение нас в «иванов, непомнящих родства». Составной частью русской жизни было знание не только своих родовых корней из глубины веков, но и знание всех близких и далеких родственников. Когда сходились на улице два незнакомых человека, обязательно начинали перебирать всех своих родственников, пока где-нибудь вдалеке обязательно их родня не перекрещивалась. [...] Вся Русь представлялась большой семьей во главе с Государем — [«живой Иконой Христа» — *авт.*] на земле (Русь земная — микрокосм России Небесной). Если же простой народ держал всю свою родню в своей не перенасыщенной «знаниями» памяти, то ***русская знать вела с испокон веков свои родовые корни и связи в так называемых разрядных книгах, которые и были все сожжены.*** [...] (Теперь мы видим, интересы каких Сил явственно

просматриваются за этим Указом). За медленным разрушением русских аристократических родов последовало постепенное разрушение и превращение русского ***на-рода (род накладывается на род)*** просто в сб-род (изгнанные из рода). [...]

Местничество мешало войти во власть высшую не сколь талантливым и честным, а сколь талантливым авантюристам без понятия чувства Родины, во времени будущем (выродкам)... Тайной стороной на удивление жестокого Указа борьбы с местничеством просматривается, прочитывается для будущего забвения и строгосмертельное запрещение упоминания имени Михаила Алексеевича Романова. Мои исследования говорят, что не простой был этот Указ, а Указ-заклятье. И сила этого черного заклятья, подготовленного чернокнижником Матвеевым, была обрядово утверждена. (Патриарх Никон в 1660 году так же проклял Царя [Алексея Михайловича] со всем Семейством, и обрядово утвердил свое проклятие. Он отслужил особый молебен, при этом, одну Царскую грамоту положил под крест и образ Пресвятые Богородицы на аналое посреди церкви, а по окончании молебна начал возглашать клятвенные слова, выбирая их из известного 108 псалма. [Он использовал бытовавший в Греческой Церкви чин проклятия псалмами — *псалмокатара.*][1]

О злоупотреблении в то время магией и оккультизмом и веру в их практические результаты говорит хотя бы Царский Указ 1682 года об образовании в Москве Славянско-греко-латинской академии, где говорится, что если в академии окажутся учителя,

[1] *Жуков Д. А.* Аввакум. 1971. С. 43

владеющие магией, то вместе с учениками они «*яко чародеи без всякого милосердия сожгутся*».

Если посмотреть на историю во времени, то можно заметить, что в Царском Роду Романовых уже не было правителя с именем Михаил. И только Павел I осмелился сломать негласную традицию и назвать одного из Своих Сыновей этим именем, по указанию Святого Старца.

Подписав Указ [...] Царь Феодор подписал смертный приговор самому себе. Он становится ненужной фигурой в раскладе «нарышкинско-матвеевской» партии и умрет в 13 часов дня 27 апреля 1682 года. [...] Смерть молодого 21-летнего Царя была столь неожиданной, что Он даже не успел сделать распоряжения о своем преемнике. [...]

Опять, как в 1676 году, в обход следующего по возрасту шестнадцатилетнего Царевича Иоанна, «нарышкинско-матвеевской» партией, в которую входил и полуграмотный патриарх Иоаким, вновь на Трон провозглашается девятилетний Петр. Опять правителем Матвеев. Все вроде предусмотрел многоопытный Матвеев, коварно расчищая ***себе*** путь к вершине власти, кроме малого пустяка — мнения простого люда. Согласимся, что очень подозрительно выглядит смерть еще молодого Царя Алексея Михайловича почти одновременно со взятием Соловецкого монастыря. Возможно, что узнав о том, что окружение все эти годы обманывало Его о местонахождении Сына (а оно, скорее всего, знало, где скрывается Наследник), Государь бы пересмотрел Свое отношение как к Сыну, — Он обязательно простил бы Михаила, — так и к сво-

ему окружению, что для «нарышкинско-матвеевской» партии было смерти подобно. Возмущенные стрельцы подняли свое жестокое восстание 15 мая и успокоились 29, провозгласив Царицей Софью. Потом они отпишут Ей, кто и за какие грехи ими были наказаны: «*А боярина Артемона Матвеева, и Данилы дохтура, и Ивана Тутменша, и сына ево Данилова побили за то, что они на наше Царское Пресветлое Величество злое отравное зелие, меж себя стакався, составили. И с пытки он, Данило жид, в том винился*»[1].

Позднее, историки петровской эпохи раскрутят миф, живущий до сих пор — о пораженных странной болезненностию Царях Романовых-Милославских Феодоре и Иоанне. Дабы оправдать чистоту и законность Престолонаследия Петра Романова-Нарышкина, ***пятнадцатого*** отпрыска своего Родителя. Да, Феодор и Иоанн были больны, но больны ли по рождению?.. Увлекались на Руси ядами, увлекались не меньше, чем в «просвещенной» Франции.

Весенняя распутица не дала старообрядцам слишком быстро донести весть о дворцовом перевороте в Керженское Заволжье, чтоб предпринять согласованные с Михаилом действия (и это Матвеевым было предусмотрено). В запоздалом письме Михаила Младшей и любившей Его Сестре Царевне Софье было два предложения: передать власть Ему, как единственно Законному Наследнику и, если она откажет ему в этом, то пусть разрешит спор о Вере на Лобном месте, на Красной площади, где по тайному замыслу защитников древлего бла-

[1] Россия при Царевне Софии и Петре I. 1990.

гочестия вступить в спор должен был Сам Михаил Алексеевич, чтобы [после того, как Он предстанет пред народом в своем уме-разуме] ***возвести уже Его миром, безкровно,*** на Законное Царство.

Летописец и сторонник Софьи монах Сильвестр Медведев запишет в духе своего времени о послах Михаила: «Таже подаша Ей, Государыне, ***писанную Великим Государем*** челобитную, глупства своего и лживословия полну, самую воровскую, безимянную и беззаручную»[1] — никак нельзя под страхом смерти иметь какой-либо документ с ***именем Михаила Алексеевича***. Здесь Он, не подписываясь, попросту подстраховывает своих посланцев от возможных неприятностей. Недруги, не обращая внимания, кем послана грамота, могли сослаться на тайную (устную) часть последнего Указа Царя Феодора и казнить послов. Но неприятности сторонников Законного Государя так их и не обошли. Их план, так тщательно продуманный, не был принят уже не принимавшей Своего Брата, [...] и Соборную Клятву Преемственности Верховной Власти, Царевной Софьей и родом Милославских ни по какому вопросу: «...Что от их такова мятежа не унимаете?! Аще ли тако нам в порабощении быти — то к тому уже (с их) Благочестивым Царем и нам зде жити невозможно!»[2] Исторический, предательский выбор был сделан.

Историки, не зная глубинных течений «раскольничьего» движения, этот момент в русской

[1] Россия при Царевне Софии и Петре I. 1990.

[2] Россия при Царевне Софии и Петре I. 1990.

истории замечают вскользь: что-то раскольники летом 1682 года шумели вместе с князем Хованским — главой московских стрельцов, да их быстро успокоили. Предали на свою голову стрельцы заговорщиков, купились на гроши и безплатные угощения. Главному послу Великого Государя Михаила и духовному главе старообрядцев, протопопу Суздальскому *«Никите, 11 июля месяце отрубили голову на Красной Площади»*, князей Хованских, открыто вставших на сторону Великого Государя Михаила, казнили в сентябре. А ведь верят по наивности многие сейчас, что князь Хованский заговор со старообрядцами организовал для себя. Только человек без веры и без знания того, какого духа тогда были староверы, в то страшное время, могут верить в то, что они могли открыто пойти против Клятвы Русского Народа 1613 года.

Велик, видать, был страх церковной верхушки и московской знати, уже меняющей русское платие и примеривающей немецкое (вспомним, что русская знать через сто лет вообще разучится говорить по-русски), перед Великим Государем Михаилом Алексеевичем, сторонником русского пути развития Российского Государства. Не нужен им был трезвый, волевой, самостоятельный, грамотный и богобоязненный Государь! Не укладывалось в их головах, что, сколько Его не уговаривали сторонники, не хотел Он через кровь занимать Свое законное место. По бедности душевной они принимали Его духовность за несостоятельность. Великий Князь Михаил Алексеевич, верящий в приход времен апокалиптических, был глубоко убежден, [что

недопустимо творить грех]. Не понять Его было волкам, готовым за власть и кормушку перегрызть друг другу глотки. Да, испытательное было время...

В правление же Царевны Софьи был оставлен в силе Указ о не упоминании, ни при каких условиях, имени Старшего Царского Сына Михаила Алексеевича, заживо вычеркивающий Его из списков живущих. Многократно были усилены гонения на Его сторонников — старообрядцев. Пришедший через дворцовый переворот к власти Петр, при всей широте своих взглядов по поводу свободы совести, применяет только к «раскольникам» поповского согласия свои железные меры. Палач и дыба ждали всякого неосторожного об упоминании имени Опального Сына Царского: боярам головы рубили и языки резали, а что говорить про простой люд, у которого хребет всегда был в натянутом состоянии. И все тогда молчали, боясь за себя, за своих детей, а сейчас вообще забыли. Вырезали и у истории язык правды...

Предполагаю, что до 1707 года [Император] Петр I дотерпел независимую жизнь Своего Старшего Брата (в этом году умирает влиятельная Сестра Михаила — Марфа), [подле] которого собрались десятки, сотни тысяч активно не признающих Петра за Законного Государя и потому неподвластных ему людишек, так необходимых для государственных переустройств. Убирается лояльно относившийся к старообрядчеству и враждебный Петру нижегородский митрополит Исайя. На его место назначается митрополит казанский Сильвестр (некоторые источники указывают дату этой

перестановки на год позже). В керженские леса на розыски Старшего Брата раздраженный Петр посылает военный отряд во главе с игуменом Переславского Никольского монастыря Питиримом, который родился и вырос там, в семье и среде раскольничей.

Как бы в ответ на решение [Императора] Петра восстает раскольничий казацкий Дон во главе с Кондратием Булавиным. Началась Крестьянская война, продлившаяся до 1710 года. Булавинское восстание не остановило [Государя] Петра, и Его ратники с предателем Питиримом вышли зимой 1707 года к предполагаемому месту жительства Государя Михаила Алексеевича. Никто из живущих на Керженце, кроме посвященных старцев и связных, не знал Его в лицо. Не знали, что Он ведет жизнь со своей семьей как простолюдин, а не среди знатных и богатых во всем обезпеченных скитах. Искали Михаила Алексеевича «огненным боем», т. е. через пытки, убийства и разорение. Нарушая тайный уговор, глубоко встревоженный, Михаил Алексеевич сам пришел к отцу Софонтию с братией с одной мыслию — как можно скорее что-то сделать во избежание новых невинных, но из-за Него погибающих жертв. [Для Себя Он избрал — самосожжение.] А Ему, должно быть, были известны и знакомы многие из живущих на Керженце. Старцы отговаривали Его от этого шага, убеждали, что между жизнию Государя и жизнию простолюдина большая разница. Не стоит Ему так переживать за преждевременную смерть простых людей. Невинно убиенные, они через муки свои

войдут в Царство Христово. Прекрасно знали старцы и крутой нрав [Императора] Петра и все понимали — живыми Государь Михаил Алексеевич с Семьей никак Ему не нужны, не сулит свободная сдача свободной жизни. Потому-то и решился отверженный Великий Государь Михаил Алексеевич пойти на крайнюю меру — самосожжение. [...] Недалеко от озера Светлояр, близ села Владимирское, на берегу лесной речушки Кибелек бьет сейчас из-под земли родничок — ***«святой колодчик с могил сожженных»*** — именно на том месте, где, по-моему, и произошло самосожжение Великого Государя Михаила Алексеевича с Сыновьями.

Предвидел ли протопоп Аввакум, написав Михаилу в одном из писем: — «А в огне том здесь небольшое время потерпеть, аки оком мгнуть, так душа и выступит! Разве тебе не разумно? Боишися пещи той? Дерзай, плюнь на нея, небось! До пещи той страх-от, а егда в нея вошел, тогда и забыл вся...»[1].

Этот фрагмент письма Аввакума почти дословно приведен в третьей части романа Мельникова-Печерского «В лесах» в легенде о старце Варлааме и его трех учениках, ушедших на самосожжение перед солдатами, но не повиновавшихся воле правителя. Кстати, старец Варлаам — единственное «зашифрованное» лицо на Керженце.

Мельников-Печерский указывает на место самосожжения в своем исследовании. Близ скитов Улангера и Фундрикова в Поломском лесу, что не-

[1] Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. 1988. С. 132.

далеко от озера Светлояр, на небольшой поляне стоял старый и просохший скит, возле которого 4 февраля (ст. ст.) 1708 года и произошла встреча Великого Государя Михаила Алексеевича с тремя Старшими Сыновьями и ратниками [Императора] Петра. Перед тем, как факелом поджечь обложенный сеном скит и заложить за собой на засов крепкую дверь, Михаил Алексеевич, как Великий Государь, взял со всех ратников великую клятву — пусть пожалеют жену и трех Младших Сыновей и доложат Царю Петру, что Он сгорел со всей Семьей у них на глазах. Как показывает наша история, ратники, пораженные таким исходом их похода, все до одного дававшие эту клятву, ее сдержали. А Петр-Младший им поверил, т.к. считал Своего Брата за религиозного фанатика, отказавшегося [...] от Царства, от Власти, от богатства.

В романе Мельникова-Печерского «В лесах» утверждается, что на месте самосожжения старца Варлаама с тремя учениками долго стояли четыре Креста, а угольки от пепелища, признаваемые за святые, разобраны местными жителями. Я был на этом месте. Кресты стоят до сих пор, рядом святой колодчик, заботливо и тихо ухоженный местными жителями.

Такая необычная мученическая смерть Великого Государя Михаила Алексеевича не могла не потрясти Православную Русь. Она [утвердила] миллионы простых русских людей в приверженности Вере Старообрядческой. [...] А по Руси крестьянские бунты прокатились повсеместно [...]. Но в Нижнем, в городе старообрядческом, бунта не было. Стар-

цы постарались предотвратить его, дабы не навлечь гнев Петра I на нижегородскую землю, тайно скрывшую в недрах своих Царский Корень Рода Романовых. Давайте согласимся, что под знаменем староверия тогда встала духовная элита Земли Русской. А соглашатели и «бытоулучшатели» на западный манер, а также бытовые конформисты рьяно приняли церковную реформу. Предупреждая возможное клятвопреступление кого-либо из ратников, знавших об оставшихся в живых Трех Сыновьях Великого Государя Михаила Алексеевича, тайными руководителями старообрядцев были предприняты переселенческие мероприятия: ушел в пределы турецких владений большой отряд Игната Некрасова с семьями, снялись многие раскольники с керженских мест и ушли жить на Урал, на железный Верх-Исетский завод, на дачи Демидовских заводов... Ищи теперь, [где хочешь, Наследников Престола Русского по корню Царя Алексея Михайловича]...

Как я понял, у Михаила Алексеевича было 6 сыновей. Именно так и можно расшифровать фразу из одной легенды о Граде Китеже, в центре которого возвышались 6 глав церквей. Именно в этом ключе я вижу герб Нижегородского края, учрежденный в 1781 году: в серебряном поле [шествует] ***червленый олень с рогами о шести отростках***. Где-то незадолго до учреждения герба Нижегородского ездил зачем-то к своему дальнему родственнику князю Таврическому керженский старец Игнатий Потемкин с древними бумагами. С этими бумагами была ознакомлена Сама Екатерина Вели-

кая. Она же и придумала, самолично, новые дополнения и изменения в герб Нижегородский. А мы знаем, что цвет червленый — есть цвет Царский. С богатыми дарами вернулся из столицы раскольничий инок в леса заволжские и построил обитель, прозванную впоследствии Игнатово. А ведь было в планах всесильного фаворита примирение государственной церкви с раскольниками, да странная смерть нагнала его на 52 году жизни.

Нельзя называть, согласно тайному царско-церковному Указу-заклятью, Михаила Алексеевича своим именем (крепко в то время верили в силу заклятий и проклятий), а поминать в поминальных молитвах как-то надо. Назвали его ***князем Болховским,*** как и корень его, взяв за основу в этой фамилии первые три буквы, которые при обратном чтении образуют слово «*лоб*», а лоб, как известно, главная часть головы. Лобное место — место высших особ. (Лопухинский «синодик», где ***впереди Царских Имен*** стояли Царские Сродники Князья Болховские, — царский чиновник Мельников свидетельствовал как факт в 1853 году). А в уездном городке Болховске Орловской губернии в лето 1708 года вдруг приехавшая бригада строителей «с севера» к концу года выстроила богатую каменную церковь. Только теперь можно понять, в чью память она была так удивительно быстро поставлена.

Отцу Софонтию и его братии многие старообрядцы не простили благословения Великого Государя Михаила Алексеевича на самосожжение. Произошел раскол и в среде самих раскольников: 16 июня 1708 года, в Тихонов день, разделились

они на два согласия: согласившихся с самосожжением — *Софонтиево,* и резко его осуждающих — *Онуфриево*. Был в этот год Собор на Керженце сторонников Старой Веры. Перед вынужденной смертью оставил старцам Михаил Алексеевич свою недогматическую переписку с протопопом Аввакумом, дошедшую до нас, но со множеством «странных» затирок некоторых слов и предложений, а также и свою ***Царскую Икону Казанской Богоматери***, прозванную впоследствии ***Шарпанской***. По старообрядческим легендам, Шарпанская икона из покоев Царя Алексея Михайловича была ***подарена Царем*** старцу Арсению. Она привела его на Керженец чудесным образом из Соловков. Богатая библиотека Михаила Алексеевича, скорее всего, растворилась вместе с Его вероятными потомками.

Керженские старцы понимали, что со временем, Имя Великого Государя Михаила Алексеевича при его жесточайшем государственно-церковном преследовании должно будет забыться, как оно и случилось, в самом деле. Возможно, что в сохранении этой тайны были уже заинтересованы сами старообрядцы. Ни один прозорливый старец, ни одна прозорливая старица не приняли тогда проводимых церковных реформ. Но пошли гулять по миру рожденные в земле нижегородской, из среды старообрядческой, легенды, были и сказания, где в иносказательной форме был спрятан Последний Великий Государь Староотеческой Руси. Самой известной и знаменитой стала легенда о Великом Граде Китеже и его основателе — Великом Князе

Георгии Всеволодовиче. Где историческая действительность одного времени плавно переплеталась с исторической действительностью другого, но уже в зашифрованном виде; где за монголо-татарским нашествием и ханом Батыем подразумевалось тлетворное нашествие на Русь западного влияния. [...]

Обратимся к историческому документу, вышедшему из старообрядческой среды и известному как «*Китежский Летописец*», в котором повествуется о жизни Великого Князя Георгия Всеволодовича. Историки предполагают время составления «Китежского Летописца» в 80–90-е годы XVIII столетия, хотя авторы Летописца указывают конкретную дату его написания*: «Сию убо мы книгу летописец написали в лето 6753-го...»*, т. е., приняв во внимание только последние три цифры, мы получим достоверную дату — в 1753 году.

И хотя в Летописце звучит заклятьем строгое предупреждение: «И всему нашему уложению ни прибавити, ни убавити, ниже всяко переменити, ни едину точку или запятую», все же один список начинается: «В лето 6646 сентября в 5 день», а другой: «В лето 6676 месяца июня в 12 день.

...И город тот Большой Китеж в длину был 200 саженей, а в ширину на 100 саженей, а город тот начали строить каменный в лето 6673 месяца мая в 1 день на память святого пророка Иеремии и строили тот город 3 лета».

Историки, которым точно известна дата рождения исторического Великого Князя Юрия (Георгия) Всеволодовича (1188 год или 6696), несовпадение известных исторических дат с датами «Китежского

Летописца» приписывали невежеству старообрядцев. Совсем не обращая внимания на странное совпадение трех последних цифр допетровского летоисчисления, как начало строительства Града Китежа в 673 году и его окончание в 676 с исторической действительностью другого летоисчисления, если убрать первую цифру. Начало одного Летописца и начало другого указывают (приблизительно) как бы на начало и конец Царствования Царя Алексея Михайловича. В 673 году молодой Царевич Михаил покидает Москву, чтоб поселиться на время недалеко от озера Светлояр. А в 676 году Его лишают законного Престолонаследия, и Он остается жить на Керженце навсегда, куда стекаются к невидимому Государю тысячи Его приверженцев. Провидение ли, но летом 1999 года, в самый почитаемый на Светлояре праздник, на Владимирскую, 6 июля, на самом высоком берегу легендарного озера была заложена часовня в честь Казанской Иконы Божией Матери на месте разрушенной во времена большевицкого разорения. Благословлена закладка ее самим митрополитом Нижегородским и Арзамасским Николаем и открытие которой должно было состояться на Казанскую, 4 ноября 2000 года. Но, увы.. Освящена она была лишь через год, на Владимирскую.

Странен по легенде и сухой, труднопроходимый таежный путь Великого Князя Георгия Всеволодовича к ***озеру Светлояр***, странно и Его желание строить каменный город в безлюдной и экономически невыгодной местности, и эта странность должна привлечь исследователей старообрядче-

ской Летописи. Странно и то, что многие абсолютно уверены, что само озеро было создано провалившимся Градом Китежем. Тогда, где Китеж и откуда Светлояр? — Только из легенды, которую [открыли] староверы. [...]

Странна и смерть Великого Князя Георгия Всеволодовича 4 февраля, не давшегося в руки врага, исчезнувшего вместе с Городом Великим Китежем... Над суммой всех этих странностей и стоило бы задуматься. [...] Всем историкам безспорно известна по разным летописям жизнь Великого Князя Юрия (Георгия) Всеволодовича, погибшего в смертельном неравном бою с монголо-татарскими войсками на реке Сити в понедельник 1 марта 1238 года (4 марта 1238 года, согласно Тверской летописи, погиб плененный на Сити Василько Константинович Ростовский) в сотнях верстах от таежной реки Керженец, где по твердому убеждению староверов погиб легендарный Великий Князь Георгий Всеволодович. Внимательный историк и любой церковный человек должен задаться вопросом: — «А был ли Великий Князь Георгий Всеволодович в Святцах в XVII веке?» Известно, что открытие мощей Князя Георгия Всеволодовича произошло в 1645 году и что Благоверный Князь тогда еще не был канонизирован. Помешала смерть Царя Михаила Феодоровича, хотя некоторые источники указывают на это время, как на время его канонизации. По моему предположению, начало было положено, когда выходцем из Нижнего Новгорода, образованнейшим монахом Тихоном была составлена в XVIII веке авторитетная в церковной среде Латухинская

Степенная Книга, где днем поминовения Святого Благоверного Князя Георгия Всеволодовича, ***вопреки летописным данным***, является 4(17) февраля. Так кого же на самом деле мы поминаем 17 февраля в церквах ежегодно? ***Я думаю, что все-таки за железной исторической маской Китежского Великого Князя Георгия Всеволодовича скрывается Великий Государь Михаил Алексеевич!*** Предавший Великого Князя Георгия Всеволодовича и показавший путь батыевым полчищам к Граду Великому Китежу Гришка Кутерма перекликается в корне своей фамилии с предателем Питиримом. В разговорной речи общее «тер» и «тир» звучит одинаково. Случайны ли все эти странности и совпадения?

В середине прошлого столетия Царское Правительство обратило серьезное внимание на проблему раскольничьего движения в России. Нижегородский чиновник особых поручений по вопросам раскола при министре внутренних дел П.И.Мельников в своих «Письмах о расколе» замечает:

«Раскол и раскольники представляют одно из любопытнейших явлений в исторической жизни русского народа. Но это явление, хотя и существует более двух столетий, остается доселе надлежащим образом неисследованным. Ни администрация, ни общество обстоятельно не знают, что такое Раскол. Этого мало: девять десятых самих раскольников вполне не сознают, что такое Раскол». Вскоре Мельников становится первым авторитетом по Расколу при Царском Правительстве, но его 3-х томные изыскания по

Расколу по каким-то причинам ***становятся секретными.*** *Карьера его, провинциального чиновника, резко пошла в гору. В начале 60-х годов он уже переезжает жить в столичный Петербург. Думаю, что чиновник Мельников нашел Великого Государя Михаила Алексеевича, нашел ответ на вопрос, почему раскольников «10 миллионов в России, не одна сотня тысяч в Пруссии, Австрии, Дунайских княжествах, Турции, Малой Азии, Египте и, может быть, даже в Японии», и потому-то, может быть, он и сопровождал в 1861 году Цесаревича Николая Александровича (‡ 1865) в Его поездке по Волге.*

Начав свою чиновническую деятельность как ревностный гонитель старообрядцев, со временем П. И. Мельников резко меняет свои взгляды на противоположные, становясь все более их защитником. В письме в министерство внутренних дел, посланном в 1866 году, Мельников пишет:

«...среда раскольническая, несмотря на религиозные ее заблуждения, имеет в себе немало хороших сторон... образованное старообрядчество внесет в нашу жизнь «новые» элементы, или, лучше сказать, «старые», забытые нами от наплыва западных понятий и обычаев, не сродных ни русской земле, ни русской душе... элементы, подорванные Петром I...»

Думается мне, что русская знать была ознакомлена в какой-то части с секретными работами нижегородского чиновника Мельникова, о чем свидетельствует хотя бы либретто композитора Мусоргского «*Хованщина*» и работа его ученика Корсакова, как бы в продолжение тайной темы, под названи-

ем «*Китеж*». Известнейший составитель русского толкового словаря В.И.Даль, проживший в Нижнем Новгороде с 1849 по 1859 годы и составивший здесь большую часть своего словаря, почему-то не захотел вставлять объяснение в нем слову «Китеж». Похоже, что он знал истинное его значение и потому пропустил его в своей работе — лучше промолчать, чем налгать. Но нам уже известно, что и репринтные издания сейчас могут искажаться.

И резкая внутренняя метаморфоза чиновника Мельникова, я думаю, произошла именно оттого, что он понял истинную духовную причину народной массовости Русского Раскола и который, по большому счету, был не только религиозно-династическим, но и ***духовно-русским движением***. А то невероятное терпение, те невероятные гонения, ту невероятную приверженность к вере старотеческой миллионы простых крестьян выдержали не только благодаря проповедям активных сторонников древлего благочестия, но и потому, ***что был в их сознании миропонимания авторитет непререкаемый — отверженный, гонимый и принявший смерть мученическую Законный для них Великий Государь Михаил Алексеевич***. Забытый в миру, Он как бы незримо всегда находился в среде старообрядческой, давая им силы выдерживать все гонения церкви и государства. Вот отрывок из письма, отправленного из Стародубья на Керженец в июле 1830 года: «*Истинные свидетели от наших христиан под клятвою уверяют, что в Персидской земле много обретается наших древлеблагочестивых христиан... имеют*

даже Царя своего, Благовернаго и Христолюбиваго. Егда Никон патриарх возвея на церковь всемрачную бурю и ересей море великое и пространное на Российское Царство испустити, Царь же Алексей Михайлович и весь синклит и вся вои во след онаго отца [...] пошли, тогда убо ***Старейший Царевич****, Царя Алексия Михайловича сынок, не восхотел отступити от истинно древней православной веры и крепко утвердился в староцерковном благочестии. И воздвиже на него Царь гнев свой, и томлен бысть Царевич во единой от царских палат, яко в темнице, обаче ни поколебати, ни ослабити Его, ни к своим волем преклонити не возмогоша.* ***И бежа тот Старейший Царевич****, с благочестивыми стрельцами и казаками, за море, в Персидские страны. И устроил тамо Благоверное Царство... И до дней наших Царский Благочестивый Корень тамо не изсяче».* Замечательно, что изданная в 1831 году книжка В. Берха «Царствование Царя Алексея Михайловича», в которой говорится о самозванцах-царевичах Алексее и Симеоне (!) Алексеевичах, разошлась в значительном числе экземпляров между старообрядцами. В любом скиту или монастыре старообрядском можно найти эту книгу[1].

Здесь есть вопрос, на который можно ответить, что легенда о Тайном Царе старообрядцев крепко жила среди них. Судьба свела меня с редакцией газеты из Сыктывкара «Вера-Эском», где родственница одного сотрудника, ныне покойная, пыталась

[1] *Мельников-Печерский А.* Исторические очерки поповщины.

найти следы Тайного Царя Михаила. Она знала через предания, что Он был в нашей истории. В своем известном романе П. И. Мельников — Андрей Печерский «В лесах», великолепно описавший жизнь и быт «раскольничьего» Керженского Заволжья, вкрапливает легенды, предания и были, касающиеся в какой-то мере жизни и смерти Михаила Алексеевича. По понятным для тех времен причинам, когда писался роман, говорить открыто о Нем было нельзя: *«Каковы ж были те рассказы и те предания — прейдем молчанием... Всего писанного на Керженце и всего там говоренного ни в книге списать, ни словом рассказать никоему человеку нельзя...»* — писал он.

Можно задаться вопросом, а что бы было, если бы Михаил не сбежал из Москвы на Керженец? Я думаю, что после того, как его Отец, Царь Алексей Михайлович, несмотря на мощное противодействие всей родни Милославских, все-таки женится на родственнице одержимого властью Матвеева, шансов на долгую дворцовую жизнь у Царевича Михаила не было, что показывает судьба Феодора, Софьи и Иоанна Романовых-Милославских. В акте побега Михаила мне видится воля провидения, спасающая не только Ему жизнь, но и поворачивая тем самым вектор общественного и народного внимания не в подражание отпадающей в западничество московской верхушки, а в подражание второму законному, а впоследствии и первому «незаконному» в государстве человеку.

Всем историкам хорошо известно, что старообрядцы упрямо и в открытую не признавали Пет-

ра Алексеевича за своего Законного Государя. Но кого же они представляли для себя Законным, в истории почему-то осталось незамеченным. Похоже, что столичная Москва, молча, тоже не признавала законность Петра-Младшего. Может быть, это и было одной из главных причин, побудившей [Императора] Петра I строить для Себя новую столицу. Ведь изначально Санкт-Петербург строился как простой город, и только где-то с 1710 начался строиться как новая столица. Но и здесь [Царь] Петр выбирает, по совету святителя Митрофания Воронежского, основной Иконой столицы Имени Апостола Петра — *Икону Казанской Богоматери*. И не потому ли Петр, когда частенько бывал за границей, то назывался ***Михайловым*** (а не Алексеевым, как должен бы по правилам того времени). Этим Он подчеркивал, что Власть Его Законна и Преемственна от Законного Старшего Брата, якобы добровольно отказавшегося от Престола. [...] Нижегородский архив, не по этой ли первой Тайне Царского Рода Романовых, не содержит в своих недрах практически ничего, касающегося истории старообрядческого движения своего края»[1].

Склонимся и мы перед Преемственностию и Законностию Рода Романовых-Рюриковичей, ибо знаем, что это — дело Божие — и что на Русском Престоле всегда пребывает Благословенный Самим Господом Царь... Мы веруем, что Господь избирает и поставляет Своего Помазанника на Русский Пре-

[1] *Комлев Василий*. Тайный Государь и Великий Раскол. Недоказанная гипотеза и отвергнутая правда. 1995–2001. http://rus-sky.com/history/library/komlev.htm.

стол и через Него премудро руководит и народом, и Церковию. Ибо сердце Царево в руце Божией. И знаем мы слова, некогда сказанные с силою и верой святым Императором Александром Благословенным: «По Милости Божией, не переведут Дом Романовых... У него корень глубоко укоренился»[1]. А нам — *«Тайну Цареву добро есть хранити»*...

Живая Рана Русской Православной Церкви

Начало Раскола Русской Православной Церкви совпадает по времени с английской революцией. ***Нужно признать совершенно объективно, что истинные причины Раскола до сего времени совершенно не выяснены.*** Поводом к Расколу послужило исправление Богослужебных книг ввиду вкравшихся в них ошибок, но действительные причины [рассеяния] единого в течение веков, монолитного православного стада темны, неизведанны и неизвестны. Можно с большим вероятием предполагать, что Раскол — результат интриги масонов, которые для этой цели использовали иезуитов, католиков и протестантов. Одно несомненно, что углублению Раскола содействовали киевские ученые, зараженные католицизмом и протестантизмом, передовые русские люди, обработанные масонами, и иностранцы-масоны, приобретшие к этому времени большое влияние на жизнь Московско-

[1] Слова Св. Благоверного Александра Благословенного в кн.: *Фомин С. В.* Последний Царский Святой. СПб. 2003. С. 636.

го Государства. Патриарх Никон был использован темной силой для разложения православного стада и гонения против своих же братьев православных, которые не могли примириться с тем, что чужие и непрошенные «реформаторы» порушают нашу Правую Веру и гонят Святую Старину. Восторжествовал масонский принцип «разделяй и властвуй». Единое православное стадо рассеялось. «Раскольников» стали уничтожать огнем и мечом. Насилие вызвало противодействие и страстное горение пострадать и умереть за правду от своих гонителей и мучителей. В атмосфере *взаимного непонимания и ослепления* Единая Православная Церковь разделилась на две непримиримые враждующие стороны, между которыми, к удовольствию и радости третьего, закипела борьба. Раскол Православной Церкви дал католикам и протестантам силы для борьбы с Православием и пропаганды своих учений. Идеи английской революции и участники этой революции, масоны, свившие себе прочное гнездо в сердце России, матушке-Москве, содействовали углублению Раскола и еще более стремительному развалу Православной Церкви»[1].

[1] *Иванов В. Ф.* Тайные общества. Кн. 2. 1935. По благословению архимандрита Гурия (Егорова). http://rus-sky.com/history/library/komlev.htm.

«ОН НАС ЗОВЕТ, БЕЗСМЕРТНЫЙ ЦАРСКИЙ КИТЕЖ»

Гравюра Николая Кофанова
«И Невидим будет Большой Китеж»

Повесть и взыскание о Граде Сокровенном Китеже

Если какой человек обещается истинно идти в него, а не ложно, и от усердия своего поститься начнет, и многие слезы прольет, и пойдет в него, и обещается лучше голодной смертию умереть, а его не покинуть, и иные многие скорби претерпеть и даже смертию умереть, знай, что спасет Бог такового, что каждый шаг его будет известен и записан будет Ангелом. Ибо на путь спасения пошел, как свидетельствуют о том книги, такие, как Патерик Скитский. Был некто отец, и обратил он одну блудницу от блуда. Блудница же пошла с ним в монастырь. И пришла ко вратам монастыря того, и умерла. И была спасена. И другая, также отошла в пустыню с отцом, и умерла. И приняли Ангелы душу ее, и возвели по лестнице на Небо.

Также и с тем человеком. Если случится и умереть ему, — по Божественному Писанию рассудится. Ибо бегущий тот духовно подобен спасающемуся от блудницы вавилонской, темной и полной скверны мира сего, о чем Святой Иоанн Богослов написал в «Откровении», книге своей. О последнем времени говорит он как о жене, сидящей на звере семиглавом, нагой и бесстыдной. В руках же своих она держит чашу, полную всякой скверны и смрада исполненную, и подает ее в мире живущим и любящим это, — в первую очередь патриархам, царям, и князьям, и

воеводам, и всяким властителям богатым, и всем людям в мире сем суетном, любящим сладость его.

Тому же, кто хочет и желает спастись, подобает бежать мира и сладости его. Как сказал тот же Иоанн, провидя Духом Святым: «Жена побежит в пустыню, и змей будет гнаться по следу ее, тот, что совращает с правого пути хотящего жить смиренно и духовно». И тот проклятый змей учит широким и пространным путем ходить, стезею злобы, и сбивает с правого пути, и совращает, и велит жить растленной жизнию, и устрашает по правому пути ходящих.

Но того, кто хочет, и ищет, и желает спасения, того человека наиболее вразумляет Благодать Божия, и помогает ему, и учит, и ведет его на совершенное духовное смиренное житие. Ибо никто никогда и нигде не оставлен был Господом. Когда бы ни призвал, услышан был Им. И когда ни попросит, не будет ли прият Им? И чего не взыщет, не обрящет ли у Него? Ибо всех приемлет Господь, к Нему приходящих, с радостию и всех призывает. Ведь обычно даже Силы на Небесах не видят Лице Божие. А когда грешник на земле покается, тогда ясно зрят Лице Христово, Силы все Небесные, и открывается Слава Божества Его, и видят Лице Его. Ибо единой ради души грешной кающейся радость бывает на Небесах всем Силам Небесным и всем Святым Его. А силы — это Ангелы и Архангелы, Херувимы и Серафимы, Начала, и Власти, и Господствия. А Святые — это вот кто: Пророки, и Апостолы, и Святители, и Преподобные, и Праведники, Мученики, и Мученицы, и другие Святые.

Ради единого грешника покаяния бывает радость всем Силам Небесным и всем Святым Его.

А не хотящего, не тщащегося, не желающего получить спасение себе, не понуждает Господь нуждою и неволею. Но по усердию и по произволению сердца все творит Господь человеку. Когда кто нелицемерным умом и верою непоколебимою даст обет и не будет помышлять ни о чем суетном в себе, тогда, если даже и возвратится вспять, не поведав ни отцу, ни матери, ни сестрам, ни братиям, то и такому открывает Господь путь и направляет его в таковое благое и тихое пристанище молитвами преподобных отцов наших, что трудятся день и ночь непрестанно. Молитва их уст, как кадило благоуханное. Молятся они и о хотящих спастись искренним сердцем, а не ложным обетом. И если кто хочет спастись и молится, кто обратится к ним, такового приемлют с радостию как наставляемого Богом.

И хотящему идти в таковое место святое никакого помысла не иметь лукавого и развращенного, смущающего ум и уводящего на сторону мысли того человека, хотящего идти. Крепко блюдись мыслей злых, стремящихся отлучить от места того. И не помышляй о том, да о сем. Такого человека направит Господь на путь спасения. Или извещение придет ему из Града того или из Монастыря того, что сокрыты оба, Град и Монастырь. Есть ведь и летописец-книга о Монастыре том. К первому слову возвращусь.

Если же пойдет, и сомневаться начнет, и славить везде, то таковому закроет Господь Град. И покажется он ему лесом или пустым местом. И ничего таковой не получит, но только труд его всуе будет.

И соблазн, и укор, и поношение ему будет за это от Бога. Казнь приимет здесь и в будущем веке, осуждение и тьму кромешную за то, что над таковым Святым Местом надругался, над чудом, явившимся под конец века нашего: стал Невидим Град подобно тому, как и в прежние времена было много монастырей, сделавшихся невидимыми, об этом было писано в житиях святых отцов, там подробнее прочтешь.

И сей Град Большой Китеж Невидим стал и оберегаем рукою Божиею, — так под конец века нашего многомятежного и слез достойного покрыл Господь тот Град Дланию Своею. И стал он Невидим по молению и прошению тех, кто достойно и праведно к нему припадает, кто не узрит скорби и печали от зверя-антихриста. Только о нас печалуют день и ночь, об отступлении нашем, всего нашего Государства Московского, ведь антихрист царствует в нем и все его заповеди скверные и нечистые.

О запустении Града того рассказывают отцы, а они слышали от прежних отцов, живших после разорения Града и сто лет спустя после нечестивого и безбожного царя Батыя. Ибо тот разорил всю ту землю заузольскую и села и деревни огнем пожег. И лесом поросла вся та страна заузольская. И с того времени невидим стал Град тот и Монастырь.

Сию Книгу-Летописец мы написали в год 6759 (1251), и утвердили собором, и предали Святой Божией Церкви на укрепление всем православным христианам, хотящим прочитать или послушать, а не похулить сего Божественного Писания. Если же какой человек надругается или насмеется над сим,

нами утвержденным, Писанием, да знает таковой, что он не нас похулил, но Бога и Пречистую Его Матерь, Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию. В ком же славится, и величается, и поминается Великое Имя Ее, Матери Божией, тех и Она соблюдает, и хранит, и покрывает Дланию Своею, молитву за них Сыну Своему принося: «Не оставь в презрении Моего, о Сын Любезный, прошения. Ты, Кто Кровию Своею омыл весь мир, помилуй и сих и сохрани, и соблюди призывающих Имя Мое с верою несомненною и чистым сердцем». И потому Господь покрыл их Своею Рукою, о чем мы и написали, и утвердили, и известили.

И к сему нашему постановлению ни прибавить, ни убавить и никак не изменить, ни единую точку или запятую. Если же кто прибавит или как-нибудь изменит, да будет, по святых отцов преданию, проклят, по преданию известивших о сем и утвердивших. Если же кому это неверным мнится, то прочти прежних святых жития и уведай, что было много в прежние времена сего. *Слава в Троице Славимому Богу и Пречистой Его Богоматери, Соблюдающей и Хранящей место оно, и Всем Святым. Аминь»*[1].

«Не мечем Землю нашу мы унаследовали, но Десницею и Мышцею Божией»

Отечество... Великая и Святая Русь... Живая и Сильная, несущая Крест... Мать-Церковь... За

[1] *Китежский Летописец.* Перевод Понырко. СПб. 1997 www.svetloyar.ru/publishing/letopisez_russ.htm.

«*Жертвенность, как за грехи, корят и ругают Ее*»... Но как прекрасна и Сильна Ты, Земля и Церковь Русская, дарованная нам Богом. В сердце звучат слова из Службы Русским Святым: «*Не мечем Землю нашу мы унаследовали, но совсем другою Силою — Десницею и Мышцею Божией*»... И предки наши Святые создавали ее «*слезами, молитвами, постами и кровию*». «Если другие страны *создавали* свои Монархии, у нас — *Монархия создала* Россию как Великую Православную Державу — говорил Батюшка Николай. — Это была одна патриархальная семья, где Отец был Царь-Батюшка».

Происхождение России — Монархическое, у нас Цари имеют поставление от Самого Бога... А призвание России — *Имперское*, также как у Рима и Константинополя. Отрицать это безсмысленно... Кому бы то ни было. Это наша Священная История. Это можно или признавать, либо порицать.

Для России Царское Священство — несомненно. Наш Государственный Царский гимн — «*Боже! Царя храни!*» — это прежде всего *Молитва Русского Народа, обращенная к Богу, а затем — призыв к Самому Царю* — что означает, что Царь и Бог для нас неразделимы... И другие слова Молитвы — «*Царь Православный*» — означают только одно — на нашей Земле Царем может быть только Царь Православный, любящий Бога.

Святой Царь-Искупитель Николай был не просто Русским, но воплощением *Всей* Руси, преображенным Исповеданием Веры и увенчавшимся Мученичеством... Все Русские Цари и Царицы — суть изображение Руси, ее Иконы, ныне пребывающие

на Небе и взирающие на Русскую Землю, над которой Они царствовали.

Потому Невидимая Хазария вела и ведет войну в трех направлениях: против *Веры — Царя — и Отечества*... Русский Старец Батюшка Николай охранял именно эти священные рубежи. В его святом сердце и жизни сияли слова: *«За Веру, Царя и Отечество!»* — Это основная проповедь и духовное завещание Батюшки. «Россия во всех смыслах стоит на коленях у Креста... А я — от жалости к Царю — с коленей не вставал... Молился у Его Креста» — свидетельствовал подвижник. Сколько бы ни прошло времени, мы все предстоим перед днем Гефсиманских Страданий Царя-Мученика Николая — *Второе марта 1917 года*... Это — духовный рубеж русской души... Ответ Царя — «прямой и благородный» — *«Кругом измена, и трусость, и обман»* — испытание совести для всех.

Батюшка Николай *не изменил*, не предал Помазанника Божия. Он никогда *не трусил* и исповедовал Богоустановленность Царской Власти и Искупительную Жертву Царя... Он никогда *не обманывал*, он всегда говорил *правду* о Царях.

Отец Николай был избран Самим Богом, чтобы именно от Русской Церкви сказать преданному даже духовенством Царю: «Прости нас и помилуй, и моли Бога о нас».

Батюшка Николай, смиренный схиепископ эпохи гонений на Церковь Нектарий, был верным сыном Николаевской Руси, *Царским Архиереем.*

«Объединение России — великое дело — говорил Ф. А. Келлер, воин-мученик, не нарушивший присягу

и не предавший Царя, — и каждый человек понимает, что собрать и объединить рассыпавшихся можно только к одному определенному месту или Лицу. Вы же об этом *Лице*, которым может быть только Прирожденный, Законный Государь, умалчиваете... *Я же могу повести Армию только с Богом в сердце и с Царем в душе.* Только Вера в Бога и мощь Царя могут спасти нас, только Старая Армия и всенародное раскаяние могут спасти Россию, а не «демократическая» армия и «свободный» народ... Мы видим, к чему привела нас эта свобода: к позору и невиданному унижению». Слова доблестного воина Монархии полностию подтвердились в наше время. Когда *русскими* силами стремятся вершить *нерусские* дела.

Многие мечтали поднять Императорский Стяг над Русской Державой. Батюшка Николай подъял этот Духовный Стяг Святой Руси в наших сердцах и сознании и собрал нас у Иконы Царя-Искупителя Руси: «*Радуйся, Царю Николае, Иконо Руси Святой!*»

«Царское Самодержавие, по понятию Русского Народа, было всегда, прежде всего, — умиротворением, т.е. постепенным ограничением взаимного истребления и ненависти друг к другу путем собирания, так как Самодержавие неразрывно связано с Православием... А Православие является печалованием о розни и вражде, и имеет своею высокой целию не подчинение и разделение, а собирание всех людей для восстановления всеобщего родства по Заповедям Господним».

Батюшка говорил: «За Великую Искупительную Жертву Царя и Его Святой Семьи, Господь помиловал Россию. В России будет Царь! — Царь грядет!

Господь хранил и хранит Россию всегда. Она не умирала, а спряталась тихонечко, до времени... Царица Небесная — наша Заступница... И сонмы Святых, пострадавших за Христа и Царя, молятся за нас».

У благодатного Старца хранилась дивная святыня — Слезоточивый Образ Благоверного Грозного Царя-Великомученика Иоанна... Когда Батюшка взял его в руки, из правого глаза Государя истекла слеза. Обращаясь в молитвах к Грозному Царю, Старец часто называл Его «***Михаил***», пророчествуя тем самым, что последний Русский Царь, Который Грядет, будет подобен духом Опричному Самодержцу, написавшему в Своем Завещании: «***Образец учинен***» — а вам, потомкам, хранить Русь в последние страшные времена существования мира. *Буди сие, буди!*

Попасть в Священный Град Китеж может не каждый

Содержание

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЕ КРЕСТОМ
«Они пошли, и поставили у гроба стражу, и приложили к камню печать» 7
«Невозможно христианам иметь Церковь, но не иметь Царя» 13
Как снова предают Царя 14
Запечатленные Крестом 30
«Моя обязанность быть там, где страдают» 35
«Всуе храниши Гроб кустодие» 36

ЦАРЬ ПРАВДЫ
«А я не дерзну осудить никого из Царей: Они — Помазанники Божии» 43
Сербский Святитель Николай, любящий и почитающий Русского Царя 53
Почитатель Царственных Мучеников Архиепископ Мелхиседек (Лебедев) 59
«Дом Особого Назначения» 65
Подпольщики 70
«Мелхиседек» — Царь Правды 73
Ход на Ганину яму 77
«Не считайте Меня мертвым» 85
Уральская Летопись 88
На пути ко спасению 98
«Святая Русь процветет аки Крин Небесный» 101
«Русью мир спасется. Царь на Крест пошел за Русь» 109
Цена Царевой Жертвы 112
Сретение пророка 115
«Если бы не муки Царя, России бы не было!» 120
Кустодия при гробе Григория 122
«Как было явлено, так и пишите — в скуфейке схимника. Это дело Божие» 128
Когда душа вне Веры... 133
Первый Новомученик 148

ОЗАРЕНИЯ БОЖЕСТВЕННОЙ БЛАГОДАТИ
СТАРЦА НИКОЛАЯ
«Какие мы счастливые,что правы и славные — православные!» 155
Святая простота Батюшки Николая открывала истину 159
«Посредством святой простоты человек познает
тайны Божии» 164
Духовный опыт Старца Николая 167
Пред Вечной Тайной Божества 170
Молитва валаамца 178
О страхе Божием и недугах Церкви земной 180
«Батюшка! Помолитесь о России!» 192
Явление Августейших Святых 200
Богом Прославленный Царь 207
Освященный Благодатию ум Старца Николая видел далеко ... 215

НЕЗАБВЕННЫЙ ГРИГОРИЙ — ЭТО ВСЯ РУСЬ...
Горькие плоды неверия 221
«Пройдет немного времени и все убедятся, как были
неправы гонения на меня» 225
Дыхание народа Божия 227
«В защиту оболганного Божиего человека» 233
Горящий Верой факел 238
«Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых,
и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» 241

ЦАРСКОЕ ПОКАЯНИЕ
Благословение Царя-Мученика 253
Славу мирскую презревшие 258
Великая Матушка —Царственная Инокиня Анастасия 259
Чудо исцеления по молитвам Григория 271
«Сам Господь Царя милует и спасает» 273
Святой Праведный Старец Феодор Козьмич
Сибирский Странник 278
«Покаянием преклоняется Небо» 285
Царское покаяние 290

«ПРАВДУ ЗДЕСЬ ЗАГНАЛИ В УГОЛ,
А РОССИИ — НУЖНА ПРАВДА!»
«Прославлять Царя боятся» 305
«Царя не хотят, воры... А без Царя России не встать!» 310
Мученик Григорий Новый. Кто почитал его Святым 318
«Если меня убьют, это будет обозначать
конец Царствования Николая II» 325
Идущий за Господом 329
«Он научил нас и народ, что различие сословий ничтожно» 333

Ушли в прошлое незабвенными, но злостно оклеветанными . . 341
«Слепые Света видеть не могут» 345
Святая против Святого.... 353
Истинно Русская Царица. 358
Между монастырем и миром. 369
«Люди, что звери дикие... Готовы напасть... и проглотить» 374
«Горе, что себя не видят и милосердие Божие забывают.
Свои грехи забыты, а чужие — на глазах». 376
«Я нахожу в Григории то, чего не могу найти ни в одном из
наших священнослужителей» 378

«ОДНОГО НЕ ПОНИМАЮТ: МЕНЯ УБЬЮТ,
И РОССИИ КОНЕЦ... ВМЕСТЕ С НЕЙ ПОХОРОНЯТ»
«Пуля, убившая Распутина, попала в самое сердце
Царствующей Династии». 383
«Нет! Не могу благословить! Разве это можно?!» 384
«Никому не дано право заниматься убийством!» 386
«Все эти слепцы, с их ненавистию к Григорию». 391
«Совесть должна многим не давать покоя». 396
Две телеграммы — две пули 399
В Царском... Без Григория 404
«Земля утомилась от наших грехов» 406
Дар свидетельства об Истине. 411
Один путь — Правды. 415
Голос Царственных Святых. 417
Почему запрещают почитать Мученика Григория. 420
Ответ Старца Николая на письмо в Будущее. 422

«ОНА ПОКАЯЛАСЬ»
«Наложить покаяние» 429
Врачующая благодать страданий 431
«Преподобномученица Елизавета и убиенный Григорий:
урок XXI веку» 437
«Святой на Святого...» Из жития Святителя Кирилла
Александрийского. 442
Мать Милосердия и Матушка Игумения 451
Явления Преподобномученицы Елизаветы 455
Преподобномученица Елизавета просит Старца Николая
позаботиться о ее Обители 460
«Был потоп водный, будет потоп духовный!» 465
«Аще не Господь...» 466
Тихая Вечность 471
«Это мой монастырек» 475
Святая Шахта 480
Совет Святых 483

«Человек непрерывно рождается, до самой смерти своей»..... 486
«Се лежит Сей на восстание и падение многим...
и в знамение пререкаемое»..... 486

ОСТРОВ ЦВЕТОВ СВЯТОМУ, ПО ЗЕМЛЕ ХОДИВШЕМУ
Старец Николай — истинный духовник..... 491
Спасение в Вере Искупления..... 501
Святое смирение..... 505
Десница Старца..... 507
Молитвенный покров над Россией..... 509
«Церковь предвечна и нетварна»..... 511
Святой на Небе и на земле..... 514
«Не бойся богатого грозы, а бойся бедного слезы»..... 515
«Я — Архиерей! Но таковым меня соделала Мать-Церковь»... 518
«Попейте чайку!»..... 520
«Благодатию спасаемся, а не законом»..... 522
«Достаточно ему посмотреть на меня —
и мне уже все понятно»..... 523
«Плод ваш есть святость, а конец — жизнь вечная»..... 524
Небесный защитник Сербии..... 525
Максимка..... 526
«Он — Святой»..... 527
Батюшкин коврик спас..... 528
Остров Цветов..... 529

ЧТО ГОВОРИЛ СТАРЕЦ НИКОЛАЙ
О ПОСЛЕДНИХ ВРЕМЕНАХ
«Если мы с Господом, антихрист не может причинить
нам зла»..... 533

КИТЕЖАНАМ: «НЕ ТЕРЯЙТЕ ВЕРУ... НЕ БОЙТЕСЬ ЖИТЬ»
Русская кротость..... 545
Сокровенная Русь..... 546
Китежский Летописец..... 551
Сказание о Невидимом Граде Китеже..... 560
Китеж Царев Град Невидимый..... 576
«Тайну Цареву добро есть хранити»..... 579
Живая Рана Русской Православной Церкви..... 623

«ОН НАС ЗОВЕТ, БЕЗСМЕРТНЫЙ ЦАРСКИЙ КИТЕЖ»
Повесть и взыскание о Граде Сокровенном Китеже..... 627
«Не мечем Землю нашу мы унаследовали,
но Десницею и Мышцею Божией»..... 631

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ДУХОВНОГО ОТЦА,
НЕЗАБВЕННОГО СТАРЦА НИКОЛАЯ (ГУРЬЯНОВА)
СМИРЕННОГО ЕПИСКОПА В СХИМЕ НЕКТАРИЯ
24.05.1909 ‡ 24.08.2002

Автор — *Схимонахиня Николая* (в миру Татиана Ивановна Гроян), духовная дочь и келейница (с 1990 года) Старца Николая (Гурьянова). Выпускница филологического факультета МГУ, член Союза Писателей. Переводчик русской классической литературы на португальский язык. Подготовила в трех изданиях рукописи отца Николая *«Слово Жизни»* (1993) и *«Страшный Суд Божий. Видение Григория, ученика Святого и Богоносного отца нашего Василия Цареградского»* (1994). Автор книг: *«Царю Небесному и земному верный. Митрополит Макарий Московский. Апостол Алтайский (Парвицкий-Невский)»* (1996); *«Преподобный Лаврентий Черниговский»* (1998); *«Мученик за Христа и за Царя человек Божий Григорий. Молитвенник за Святую Русь и Ея Пресветлого Отрока»* (2000); *«Небесный Ангел. Светлой памяти Старца Николая (Гурьянова)»* (2002); *«Царский Архиерей. Слово Истины. Духовному отцу слово Любви»* (2004); *«Жемчужины Духа. Святые Слова о спасении Старца Николая (Гурьянова)»* (2007); *«Старец Николай (Гурьянов) о Богоустановленности Царской Самодержавной Власти»* (2007); *«Царственная Птица взывает к Богу»* (2009); *«Царь Грядет»* (2011). Автор сценариев фильмов о Батюшке Николае: *«Небесный Ангел»* (2003), *«Человек Божий»* (2003); *«Слово Истины»* (2004); *«Радость Успения»* (2005); *«Кресту Твоему»* (2007); *«Не теряйте Пасхальную Радость»* (2009); *«Бог хранит все»* (2010); *«Взыскуя Града Небесного»* (2011).

Подписано в печать .04.2012. Формат 84×108/32.
Гарнитура Lasurski. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Печл. 20,0. Тираж 2000 экз. Заказ № .

Редакция газеты «Русский Вестник»
105062, г. Москва, а/я. 111.
Тел./факс 953-70-10

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ДУХОВНОГО ОТЦА
НЕЗАБВЕННОГО СТАРЦА НИКОЛАЯ (ГУРЬЯНОВА)
СМИРЕННОГО ЕПИСКОПА В СХИМЕ НЕКТАРИЯ
ИСПОВЕДНИКА ХРИСТОВА

24.05.1909 ✝ 24.08.2002

Истинный смысл Христианства открывается в подвижниках. Святые – высочайшая вершина ведения Бога.

Народная душа всегда искала на земле Истинную Благодатную Церковь, живущую в полноту Веры и Любви, сохранившую преемственность и праведность. Эта жажда Совершенной Видимой Церкви открывала путь ко Граду Невидимому, Невещественному, в который можно попасть лишь молитвой и крепкой Правой Верой.

В пору же упадка веры в Видимую Церковь, в годы отчаяния, святые отцы своим опытом вновь выводят нас на тропу, ведущую в Царский Град.

Эта книга посвящается всем идущим путем внутреннего сокровенного делания в Незримый Китеж, в Церковь Невидимую. Путь этот открыт всем, но это тесный и смиренный путь самоотвержения и кротости, и не каждому дано его преодолеть. Был человек, посланный в предсудные времена нам Богом, путевождь и ходатай на этом пути. Имя ему – Николай, смиренный схиепископ Нектарий, наш незабвенный Батюшка Николай (Гурьянов).

